

ГЛАГОЛЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il vedal

ALFIERI.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва.
Октября 2 дня, 1833.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ.*

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ

ПУТЕШЕСТВІЙ

СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVI ВѢКА.

(Фердинанда Дени).

Еслибъ мы жили въ XVI вѣкѣ, то надлежало бы еще доказывать, «какимъ образомъ путешествованія въ отдаленныя земли ознакомили людей съ важными предметами, кои не должны бытъ презираемы учеными людьми, хотя объ нихъ и не упоминается въ книгахъ древнихъ:» такъ начинаеть Теве одно изъ своихъ предисловій. Въ нынѣшнія времена разсуждаеть о пользѣ путешествій, конечно, значило бы говорить общія мѣста; но не смотря на то, показавъ ихъ пользу самую существенную и

характеръ самый важный, значить еще наложишь на себя прудъ совершенно новый.

Теперь очень хорошо знаютъ, что безъ путешествій не было бы испорціи, а безъ познанія открытыя ими системы не было бы столь обширной философіи. Равнымъ образомъ нынѣ согласны и въ томъ, что поэзія заимствовала новыя цѣпы отъ различныхъ извѣстій, кои были посредствомъ ихъ собраны. Но что знаютъ вообще объ оплличительномъ духѣ самыхъ путешественниковъ? Что сдѣлано для того, что бы разположить ихъ умственно по классамъ и обхватишь хотя въ общихъ чертахъ испорцію ихъ нравственнаго вліянія? Ссылаясь на нихъ, обыкновенно смѣшивающъ вѣка и людей: если нуженъ какой-нибудь фактъ, по его находятъ и выдающъ почто такимъ, какъ пересказывающъ его какой-нибудь скипалець XVI столѣтія, или какой-нибудь ученый XIX вѣка, человекъ, исполненный религіознаго усердія и путешествовавшій единственно для того, чтобы прежде смерти приложиться къ древу Святаго Креста, или разочарованный энтузіастъ, у котораго не было другой религіи, кромѣ знанія, другаго бога, кромѣ славы. Всѣ эти люди, не имѣвшіе ничего общаго между собою, кромѣ презрѣнія опасностей для удовольствованія своей религіозной или ученой потребности, всѣ эти люди, говорю я, находили

одинаковъй пріемъ у шѣхъ, кои искали полько однихъ фактовъ: и сіи факты, понимаемые невѣрно, за недоспапкомъ умѣнія посвяпипсья въ сокровенный энпузіазмъ какого-нибудь пламеннаго миссіонера, въ удалый, опважный духъ рыцаря, писавшаго свои записки на канунѣ бипшвы, или въ сухое и холодное шерпѣніе ученаго наблюдапеля подробноспей, заспапляли философвъ-домосѣдовъ и поэповъ-мечпапелей, въ шипши своихъ кабинешовъ, выводипсь самыя преврапнныя заключенія или предавашься самымъ безсмысленнымъ воспоргамъ, такъ чпо даже было невозможно разубѣдипсь ихъ въ сихъ заблужденіяхъ, происходившихъ опъ совершеннаго невѣденія духа времени и человѣка. Не видипе ли вы, какъ, н. п., Монпеске, сей великій геній, започенный, по выраженію Балманша, въ своемъ вѣкѣ, долженъ былъ впаспъ въ самыя жалкія заблужденія, или по шому чпо пупешествія, на кошорыя онъ ссылался, слипкомъ опспавали опъ его идей опноспельно философіи, или по шому чпо самъ онъ не понималъ ихъ испиннаго харакшера? Знанія Руссо, въ семъ опношеніи, были пакъ ничпожны, чпо его всеувлекающее краснорѣчіе никакъ не могло ихъ пополнишь. Самъ Вольперъ, кошорый, какъ крипикъ, обладалъ конечно пронипапельносшію болѣе глубокою и ученоспію болѣе разнообразною, чѣмъ Руссо, самъ онъ полько опчаспи

предвидѣль, какъ можно пользоваться пупешеспвенниками и какую недовѣрчивоспѣь должно имѣспѣь къ нимѣь,

Когда поэзія XVIII вѣка бралась изображать чуждыя спраны, по она оцвѣсплялась полько самымѣь блѣднымѣь мерцаніемѣь поэзіи пупешеспвенниковѣь: и однакожѣь до того времени бывали люди, кои съ прогашедьною искренноспію рассказывали о дивныхѣь явленіяхѣь природы; бывали огненныя души, коихѣь жарѣь не могѣь не сообщатспѣься, лишь бы полько ихѣь поняли, лишь бы полько захопѣьли вмѣеспѣь съ ними посвятспѣьтся въ таинспѣьва жизни людей другаго образованія! Но къ ихѣь повѣсппованіямѣь осппавались холодными или не умѣьли раздѣлящѣь ихѣь энтузіазма, Сіи безобразные сборники, кои называюспѣься Исторіями Путешествій и копорые Лагарпѣь думалѣь усовершенспповатѣь рипорическою нивелировкой спшія двадцатспи пупешеспвенниковѣь, полько чпо разслабляли внуспренній духѣь ихѣь; и онѣь счаспливые еще, чпо хваспливый крипикѣь не передѣлалѣь ихѣь совершенно, сообразуясь съ пребованіями своего вѣка, копорый, объявляя войну предразсудкамѣь, принималѣь самыя важнѣьйшія изѣь нихѣь, предразсудокѣь презрѣнія къ сильнымѣь, могучимѣь вѣкамѣь, чрезѣь копорые едва успѣьло перейспи человѣчеспво.

Но сіе заблужденіе было ли наконецѣь исправ-

лено? Понимають ли въ XIX вѣкѣ краснорѣчіе и поэзію путешесствій, сообразно временамъ и народамъ, къ коимъ онѣ принадлежатъ, чувствуютъ ли ихъ философическое вліяніе? Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно отвѣчать утвердительно, въ другихъ пока еще нѣтъ. Нынѣ оказываютъ недовѣрчивость къ сомнительнымъ источникамъ, лучше понимаютъ великія задачи, предлагаемыя современными путешесственниками въ слѣдствіе прудовъ ихъ предшесственниковъ; но одни перяются въ географической учености, другіе не совсѣмъ смѣло берутся за дѣло, и во всякомъ случаѣ нравственная хронологія путешесствій почти все еще оспается въ небреженіи. Между тѣмъ здѣсь, какъ и въ исторіи, хронологія есть единственнѣйшій свѣпильникъ, препятствующій заблуждашся уму человѣческому; ибо открываетъ ему собственныя его успѣхи.

Поэзія путешесствій понимаются еще меньше, чѣмъ ихъ философія: эпо вопль, заброшенный въ пустынь, на берегахъ океана, посреди развалинъ; вопль, въ копорый никто еще не хотѣлъ вслушаться! Между тѣмъ эпо поэзія самая воспорженная, самая высокая, тѣмъ болѣе истинная, что часно раждаются въ душахъ самыхъ проспыхъ, есть самое искреннее выраженіе уединеннаго благоговѣнія, слово невольна вырывающееся при видѣ неожиданнаго зрѣлища, по-

эзія природы, независимой опъ челоуѣка, всегда свободная и часпо возвышающаяся даже надъ шѣмъ, чшо возбуждаепъ ея одушевленіе.

Сіа поэзія пупешеспвій еспъ добыча, завоевываемая поспояннымъ, разнообразнымъ чпеніемъ; и чшобъ испышашъ всѣ оцущенія, кошорыя можепъ она возбуждапъ, чшашапелю предлежшпъ шрудъ споль же почши шяжелый, какъ и шрудъ самаго пупешеспвенника. Онъ долженъ перейши много песковъ, прежде чѣмъ встрѣшшпъ свѣжій источникъ живой воды или зеленѣющійся оазисъ посреди пусыни. Вопъ почему шакъ мало понимающпъ сію поэзію и шакъ мало ей удивляющпся; эпш произходшпъ опъ шого, чшо почши никогда не знающп, гдѣ искашъ ее; опъ шого, чшо сіа великая Одиссея, споль разнообразная въ своихъ выраженіяхъ, разлиша въ шысячѣ швореній, почши неизвѣспныхъ, коихъ однѣ заглавія сосшавили бы цѣлую книгу.

Не смошря на шо, какъ мы послѣ докажемъ, поэшическія и философическія идеи пупешеспвенниковъ (а онѣ никакъ не могутъ бышъ опдѣльны однѣ опъ другихъ), имѣли сильное вліяніе на шворенія, появившіся въ концѣ XVIII сполѣшія, особенно на современныя испорическія сочиненія относительно къ религіознымъ идеямъ; и благодаря имъ, еспешспвенная испорія

человѣка, основывавшаяся доселѣ на пошлыхъ факсахъ, наконецъ придетъ въ соспояніе объяснишь для насъ различныя поколѣнія рода человѣческаго, изъ поколѣній различныя склонности, а изъ склонностей всѣ великія событія, споспѣшествовавшія успѣхамъ человѣчества.

Гердеръ, сей великій поэтъ-философъ а), угадав-

а) Оспывая полную справедливость глубокомысленнымъ и умѣнительнымъ идеямъ, прелестному и поэтическому стилю Гердера, не лзя не пожалѣть, что его сочиненія писаны назадъ пому сорокъ лѣтъ. Касапельно нѣкопорыхъ факповъ онъ не много ученѣ Монпеске; но не знаетъ еще множества другихъ, коихъ и не могъ никакъ знать по естественному порядку вещей, но копорые однако дали бы совершенно другой видъ нѣкопорымъ часпямъ его системы. Подобныя творенія, даже если носятъ на себѣ печать самаго высокаго генія, какъ н. п. Духъ Законовъ, не могутъ быть читаемы слупя полвѣка, если только читатели будутъ слѣдовать движенію, возбуждаемому усовершенствованіемъ знаній и новыми опкрытіями. Когда самыя оспроумнѣвшія умствования основаны на факсахъ, коихъ лживость явно изобличается, то всякая довѣрчивость должна исчезнуть. Съ другой стороны, не лзя не чувствовашь, что Нѣмецкій авторъ владѣлъ какъ будто нѣкопорымъ родомъ предвидѣнія того, что нѣкогда будетъ. Сіи желанія исполнялись: большая часть неизвѣстныхъ для него пукиповъ совершенно объяснилась; но просвѣщенный читатель не можетъ довольствовашься авторитетами, на копорыхъ онъ основывался. Очень бы желателью было, чтобы переводчикъ, передавшій съ такимъ талантомъ красоту Гердера на Французскій языкъ, дополнилъ замѣчаніями то, чего недоспавало въ подлинникѣ; подобныя прибавленія, съ умѣнемъ сдѣланныя, привели бы твореніе сіе въ болъшую гармонию съ современными идеями. Впрочемъ и въ шомъ видѣ, въ какомъ

шій, сколько умомъ, сколько или еще болѣе чувствомъ, великіе законы челоѳчества, Гердеръ имѣлъ довольно воображенія и учености для того,

вышло изъ-подъ пера автора, оно было феноменомъ для своего времени. Тогда Индія была едва извѣстна; не было ни твореній Кольбрука, Варда и Дюбуа, для познанія ея учреждений, ни твореній Даніеля, Сольвнуса и Бюрнуфа, для изученія наружныхъ ея формъ. Великій прудъ Египетской Коммиссіи долженъ былъ явиться не прежде, какъ по испеченіи двадцати лѣтъ. Сальтъ еще не совершилъ путешествія въ Абиссинію; Удней, Клаппертонъ, Ленгъ, Моллянь, не опыскивали съ опасностью жизни своей славнаго города въ центрѣ Африки, открываго наконецъ неустрашимымъ Калби. Маркарпней, де-Гинь, Барровъ, Клапропъ, Ремюза, еще не посвящали насъ въ таинства Китайской Имперіи. Гумбольдтъ еще не заставилъ узнать, съ самой поэтической и вмѣстѣ съ самой философической точки зрѣнія, двухъ великихъ Американскихъ имперій, конхъ древности недавно открыты для насъ огромнымъ твореніемъ Лорда Кингсборуга. Сниксъ и Марціусъ еще не высказывали всѣхъ сокровищъ своихъ знаній; Прициъ де Ньюидъ (Neuwied), Г. де Сенп-Илеръ и сколько другихъ, должны были явиться не прежде нашего времени. До Вардена, Геккевельдера, Шелькрафта и записокъ Нью-Йоркскаго Общества, что было извѣстно намъ вѣрнаго и удовлетворительнаго о народахъ сѣверной Америки? Что могли сказать о новой Голландіи до Кунингама, Оклея и того Капитана Спурта, который недавно открылъ великіе припоки воды, подозрѣваемые Оклеемъ? Наконецъ, сколько съ нѣкотораго времени, Пероны, Фрейсинеты, Дюрвили, Лессоны, Дюперре, Крузенштерны, Блоссевилли, путешественники ученые и философы, сообщили новый характеръ знаніямъ, зависящимъ отъ путешествій. Какіе успѣхи, даже въ способѣ, конимъ рисовальщики, находившіеся при сихъ экспедиціяхъ, представляли предметы, поражающіе ихъ взоры! Посмотри-

чтобы искусно пользоваться путешественниками: ему не доставало только людей. Г. Коншъ, въ своемъ *Разсужденіи о Законодательствѣ*, далеко отставилъ за собою ученость Монпеске. ГГ. Балланшъ, Шлоссеръ, Шапобрианъ, Кювье, Гееренъ, Ремюза, помощію своихъ знаній и генія, открыли въ путешественникахъ характеры различныхъ мѣстъ и различныхъ временъ: почему могутъ отвѣчать на всѣ голоса, ихъ вопрошающіе, и изученіемъ минувшаго почти заставляющъ понимать будущее.

Но должно сказать, что есть еще и теперь, даже между людьми достойными, между учеными и поэтами, такіе, кои неопредѣленному слову *путешествія* придаютъ слишкомъ ограниченную идею; копорые охотно смѣшали бы между собою факты, переданные Ралейгомъ и Гумбольдомъ, Гобгоузомъ, Гайшономъ и еслибы самая обыкновенная ученость не отпугивала ихъ; и копорые въ исторіи или въ философіи съ равной

рише на Кориса, Бруке, Ругендаса: здѣсь вы можете изучать истинную фізіономію людей и истинный видъ пейзажей; здѣсь уже васъ не обманутъ, какъ обманывали льтъ за прищипъ передъ симъ Годжесъ и его подражатели, кои всегда отпугивались Греками, на зло самимъ себѣ. А: сія бездна частыхъ публикацій и періодическихъ листковъ, гдѣ обнародываются открытія, кои, еслибъ ожидать ихъ напечатанія въ отдѣльномъ сочиненіи, никогда не вышли бы въ свѣтъ! Какое побужденіе для XIX вѣка! Какое движеніе въ пользу знанія и философіи!

гошовноспью примупъ докуменпъ, принесенный раскаиикомъ повѣспвующимъ о спранѣ населенной безголовыми людьми, о ппицѣ Рокъ съ крыльями во спо фушовъ и о городѣ Эльдорадо, съ какой опираюпся на свидѣпельспво гениальнаго человѣка, измѣрившаго Шимборазо и своимъ обширнымъ взглядомъ объявшаго чудеса дѣйспвительныя, гораздо разнообразнѣйшія, гораздо величеспвеннѣйшія и въ штысячу разъ болѣе заключающія въ себѣ поэзіи, чѣмъ вымыслы пораждаемые лживымъ воображеніемъ.

Попытаемся же теперь изобразить хошя въ общихъ черпахъ ученую испорію пушеспествій, соображаясь съ эпохами, людьми и мѣспами. Поэзія предспавилпся намъ сама собою: ибо она плаваепъ надъ совокупноспью сихъ безчисленныхъ расказовъ, внимаемыхъ людьми опсюду, со времянъ Моисея до нашихъ.

Обозрѣвая философическимъ взглядомъ совокупноспь извѣспій, до насъ дошедшихъ, мы сначала поражаемъ рѣдкостью пушеспествій у древнихъ, даже у племенъ Эллинскаго произхожденія, коимъ принадлежатъ начала всѣхъ ученыхъ шрудовъ, усвоенныхъ нашими идеями. Исключая Павзанія, копорый явился не прежде, какъ чрезъ два столѣтія послѣ Р. Х., и въ копоромъ пушеспественникъ смѣшиваепся съ поэпомъ и испорикомъ, не было пушеспествій дѣйспви-

тельно заслуживающихъ сіе названіе, какъ полько между хрисціанами и вообще народами болѣе или менѣе приближавшимися къ хрисціанскимъ идеямъ, каковы націи музульманскія.

Равнымъ образомъ должно сдѣлать исключеніе въ пользу Кипайцевъ, копорые доказали въ своей *Піанъ-И-Тіанъ* или *Исторіи Чужестранныхъ Народовъ* а), что издавна совершали большія путешествія; ибо цитируютъ имена многихъ навсегда исчезнувшихъ народовъ, между коими сспрансывали назадъ пому двѣ пысячи лѣтъ!

Не смолря на шо, если мы будемъ искашь первыхъ письменныхъ свидѣтельствъ географическихъ понятій и первыхъ преданій о путешестввенникахъ, шо найдемъ ихъ у всѣхъ древнихъ народовъ. Санскрипская липерашура предспавляетъ боговъ Индійскаго Олимпа, посѣщающихъ спраны орошаемья Гангесомъ; и сія совершенно небесная поэзія опкрываетъ намъ первобытныя чудеса земнаго шара. Одинъ изъ факшовъ самыхъ

а) Сія коллекція, соспавляющая 72 тома in 8°, Кипайскими буквами, и копорую можно полагать въ 10 томахъ in 4° нашими, можетъ бытъ со временемъ будеть переведена на Французскій языкъ, и вѣроятно тогда границы древней географіи значительно распрспранятся, *Піанъ-И-Тіанъ* соспавляетъ часть *Ку-Қин-Ту-Шу*, липерашурной энциклопедіи въ 6,000 томахъ.

древнѣйшихъ представляють памятники Египетской живописи, недавно открытые Шамполиономъ младшимъ, гдѣ между людьми дикими изображены люди нашего племени, влекомые въ рабство, и опцы ихъ, кои нѣкогда должны были горделиво воссѣдать на Пирамидахъ, нагѣ, обремененные цѣпями, подобно плѣмъ Индійцамъ, кои, назадъ тому при вѣка, были предспавлены Изабеллѣ и Фердинанду. Явно, что Египтяне путешествовали. Это доказываетъ какъ сей фактъ, такъ и другія открытія, по видимому не столько важныя, но плѣмъ не менѣе убѣдительныя а). Кпо скажешъ намъ, куда дѣвались сіи рассказы о русоволосыхъ дикаряхъ, коихъ въ по время находили среди суровой, оледенѣлой земли, объ этихъ людяхъ безъ одьянія, безъ крова, кои, нынѣ будучи власпителями міра, читають свое происхожденіе на гробахъ ихъ, кои нѣкогда называли себя спакже повелителями земли! Спранный результатъ путешествій, преимспвенно слѣдовавшихъ другъ за другомъ! Любопытство человека такъ живо, жажда знанія такъ сильна въ немъ, что, дабы пріобрѣсть хотя слабыя права на историческое происхожденіе, онъ перерываетъ болѣе обломковъ, нежели сколько

а) Теперь можно видѣть въ Парижскомъ Музеѣ Японскія вазы, возобновленные Египтянами и привезенныя младшимъ Шамполиономъ.

древность нагромодила камней, дабы завѣщаешь въкамъ свою славу!

Но самое важнѣйшее путешествованіе изъ всѣхъ, скрытыхъ отъ насъ во мракъ временъ, есть безъ сомнѣнія путешествованіе, совершенное плѣмъ богодухновеннымъ мужемъ, копорый, вырвавшись изъ Мемфиса, извелъ въ пустыню цѣлую націю, бесѣдовалъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, далъ народу своему религію какъ законодатель, и наконецъ, упомянутый великимъ дѣломъ, приговорившимъ новыя судьбы міру, испросилъ себѣ дозволеніе опочить смертнымъ сномъ на вершинѣ горы невѣдомой. *Платонизисіе* есть письменный памятникъ сего великаго путешествія; и, чудное дѣло! ежели мы перейдемъ отъ него къ испоріку, копорый съ самымъ неупомимымъ пернѣніемъ разыскивалъ въ наши дни происхожденіе народовъ, по сія священная книги и въ испорическомъ отношеніи приобръщаешь плуже важность, какую придаешь ей религіозныя вѣрованія. Шлоссерь нашелъ въ ней первыя начала всѣхъ хронологій.

Греки, кои такъ удачно передали намъ черпы различныхъ народовъ, Греки представляють самыя поэпическія и самыя занимательныя извѣстія о древнихъ временахъ: и превосходнѣйшій изъ географовъ, Малте-Брюнь, въ *Илиадѣ* и *Одиссеѣ* искалъ свѣта, дабы озарить по

няпія древнихъ о первобытномъ шаинспвенномъ мірѣ, гдѣ пребываніе людей почпи смѣшивалось съ жилищемъ боговъ.

Плашонъ ли выдумалъ Ашланпиду? Или эпо было древнее извѣспіе, сохраненное преданіемъ? Мадера, съ своими разодранными скалами и зеленѣющими холмами; Генерифъ съ своимъ поднебеснымъ пикомъ, увѣнчаннымъ снѣгами, съ своими прекрасными долинами и плодоносными пригорками, съ своимъ исчезнувшимъ народомъ: не эпо ли Ашланпида? Или можетъ бытъ не должно ли, вмѣспѣ съ Дюпе, искашь сей шаинспвенной спраны въ земляхъ, кои называющся спеперь Новымъ Свѣспомъ и понынѣ представляющъ удивленнымъ взорамъ развалины, сполько же можетъ бытъ древнія, какъ и развалины Египша? Мы не безъ намѣренія сдѣмали здѣсь эпошъ вопросъ; мы заговорили о самомъ чудномъ и самомъ древнемъ преданіи, въ шу мину, какъ оспавляемъ шаинспвенныя воспомнанія о миеологическихъ пупешеспвіяхъ, дабы прислупипь къ пупешеспвіямъ письменнымъ, философически смѣшивающимся съ испоріей.

Сначала я воздамъ должную дань удивленія проспошѣ Греческихъ писашелей, ихъ благородспву даже въ самыхъ заблужденіяхъ; въ нихъ еспь какая-шо поэпическая и вмѣспѣ важная философія, зависящая опъ климаша, мѣспѣ и природы, ихъ

окужающей; но ихъ личность исчезаетъ предъ величіемъ событій, о коихъ они повѣспвуютъ; это не скипальцы, гонящіеся за приключеніями, ищущіе только эффектовъ; изображеніе внѣшняго чловѣка и его твореній замѣняетъ у нихъ движенія и воспорги души. Геродотъ, Спратонъ, Діодоръ Сицилійскій, Павзаній, эпи свѣпила древности, съ сановитостію, до излишества оффиціальною, водятъ васъ по народамъ, коими были окружены; ихъ презрѣніе къ варварскимъ племенамъ выказывается слишкомъ рѣзко; имъ нужны были только обычаи, рѣдко мысли; они столько **учены**, что не могли быть простодушными; **слишкомъ** важны, что трудно было съ ними въ сочувствіи. Прияпно видѣть Неарха, усспремляющагося къ Инду: но какая философическая идея была слѣдствіемъ споль отважнаго путешествія, въ продолженіе коего цивилизація внутрренней Азіи, уже и тогда древняя, предспавила взорамъ чужеспранцевъ общеспвенную жизнь, совершенно для нихъ новую? Невольно покушаешь думать, что надо пройти много степеней гражданспвенности, прежде чѣмъ нравспвенная личность народовъ совершенно откроется путешеспвенникамъ.

Павзаній, торговый и хронологически находился уже очень далеко отъ источника исторіи, первый между древними заслуживаетъ названіе пу-

пешеспвенника въ собспвенномъ смыслѣ. Но какъ сухо въ немъ поэпическое чувспво среди одной изъ самыхъ поэпическихъ спранъ земли! Чпо касается до философіи, шо , какъ было уже замѣчено , онъ раздумывается иногда весьма важно, какое выбрашь изъ двухъ преданій, кои оба равно кажущся нелѣпыми; шрудно шакже забѣль, чпо у него цѣльмя при главы посвящающся описанію какого-нибудь сундука. Со всѣмъ шѣмъ, когда чпшаешь его, шо въ умѣ остаешся впечатлѣніе благородное, важное, опчаспи монопонное, и, бѣзъ сомнѣнія, происходящее опъ шой прекрасной природы, копорая всегда находилась предъ его взорами и копорая шакъ шѣсно связывается съ архипекшурую, созданною по ея образцу, совершенно для внѣшней жизни.

Но возврашпесь нѣсколькими годами назадъ и посмопрпте между Римлянами на Тацпша, пушеспвенника съ душою моцною, съ умомъ пронцапельнымъ: онъ былъ у Германцевъ а). Изображая ихъ обычаи, онъ являешся въ равной мѣрѣ поэпомъ и испорикомъ: онъ говорпшь нѣскольکو словъ Риму, копорый въ шо

а) Я знаю, чпо пушеспвіе сіе не еспъ спрого доказанная испнна; но какъ опъ 89 до 93 года нашей эры неизвѣспно, чпо дѣлалось съ Тацппомъ, шо лучшіе біографы допускаюшь вѣроятность пушеспвія его, въ сіе время, къ пародамъ, кои онъ описывалъ.

время составляешь цѣлый міръ, и угнѣшенная нація предспаешь съ своимъ испиннымъ характеромъ пвердаго, мужеспвеннаго величія! Человѣкъ, рукою споль вѣрною изобразившій ужасныя преспупленія своихъ соопечеспвенниковъ, опдыхаешь среди суровыхъ добродѣпелей дикаго народа. Но между пѣмъ личность сего народа не вполне ему опкрыта: и хопя досель ссылаются на его свидѣпельства, но въ XIX вѣкѣ древнихъ Германцевъ знаютъ гораздо лучше, чѣмъ знаютъ ихъ Тацитъ. Онъ соспавилъ себѣ въ крупныхъ черпахъ идеаль жизни дикой; и сей идеаль запечатлѣнъ шакою испиною, чпо ко всѣмъ младенчеспвующимъ народомъ, различнымъ по происхожденію и характеру, можно приложить сіи общія черпы, въ коихъ изображены первобытныя добродѣшли, но кошорыя, не выражая оригинальнаго шипа извѣспной націи, могли бытъ доспапочными для древности, а для насъ уже не доспапочны.

Спросите у Цезаря словечко среди его побѣд: онъ скажешъ вамъ съ шакою благородною проспошою, чпо вы будете глубоко пронушы. Дулеспешпвенникъ-завоевателъ совершенно изчезаешь въ расказѣ; его очерки быспры, взгляды глубоки; у него поэзіи больше въ цѣлоспи мысли, чѣмъ въ выраженіи. Однакожь мы очень мало знали бы древнихъ Галловъ, еслибъ

у насъ были только одни Комментариі Цезаря.

Позже дѣла перемѣнились. Варварскіе народы съ презрѣніемъ описывающіеся спранспвующими завоевателами, кои слѣды свои знаменуютъ разрушеніемъ. Ужасный путешественникъ былъ поппъ свирѣпый Гуннъ, который изображенъ Иорнадомъ, испорикомъ и путешеспвователемъ IV вѣка. Сей послѣдній спрашивалъ себя въ простоптѣ сердца, не опъ совокупленія ли смерпныхъ съ злыми духами произошли гнусные сподвижники Апшилы въ опдаленныхъ степяхъ сѣвера!

Между пѣмъ народы перемѣнили вѣрованіе: древняя цивилизація разрушилась; люди различнаго произхожденія, съ различною общеспвенною организаціею, смѣшались и ознакомились другъ съ другомъ; народы потеряли свою особность; спали наблюдашъ другъ друга вблизи, съ большею внимательностию. Изъ эпои смѣси произхожденія и вѣрованій, изъ эпои начала всеобщности въ родѣ человѣческомъ, долженъ возникнуть духъ наблюдательности, который будетъ проницательнѣе, могущеспвеннѣе, способнѣе судишъ о подробностяхъ, чѣмъ духъ наблюдательности древнихъ. Но сей огромный шагъ впередъ сдѣлаешся не прежде, какъ по прошеспвіи многихъ вѣковъ; ибо надо будетъ сотворитъ новый языкъ для выраженія новыхъ идей, кои спанутъ бро-

дипль въ челоуѣческомъ родѣ. Между тѣмъ, въ ожиданіи сего переворопа, города разрушающіяся попоками варваровъ, какъ жашва, ниспровергаемая сѣвернымъ вѣтромъ; и ошсюда понятно, сколько торькой испины заключаея въ Нумаціанѣ, путешешвенникѣ первыхъ вѣковъ нашей эры, копорый, по крайней мѣрѣ, на попь разъ былъ проникнутъ истиннымъ одушевленіемъ, когда въ своей безобразной поэмѣ, копорую самъ назвалъ путешешвиемъ, восклицалъ:

Cernimus exemplis oppida posse mori a).

Нѣкоторые современники Рупилія Нумаціана были наблюдательнѣе его: но ихъ должно искапы въ пустыняхъ опшелвниковъ; припомъ же опцы Ойвайдскіе пакъ презирали землю, что не слишкомъ охотно говорили ни о ея чудесахъ, ни о ея бѣдствіяхъ. Впрочемъ Свяшый Василій описывалъ, какъ поэшъ; а Блаженный Августинъ очевидно былъ путешешвенникъ, имѣвшій наиболѣе философіи, въ первые вѣка нашего лѣпосчисленія.

Но между тѣмъ, какъ на западѣ успанавливалась новая вѣра, спранное событіе совершается во глубинѣ Воспока: жрецы Буддизма оспавляющъ Кипай и идущъ въ Индію собрашъ свои священныя книги. Сіе путешешвіе опи-

а) Нумаціанъ былъ опъявленный врагъ хрїстіанъ. Его поэма содержишь въ себѣ крапкое описаніе нѣкоторой части Испалии.

сано ими на Кипайскомъ языкѣ: но мы еще не знаемъ, какія чудеса должны повѣдать намъ сіи жрецы-пупешеспвенники. Говорятъ, что Абель Ремоза намѣревался ихъ опкрышь намъ; и можно заранѣе бышь увѣренными, что сіе приобръшеніе, завоеванное у липературы едва извъспной, показалобъ намъ съ новой почки зрѣнія одно изъ величайшихъ вѣроисповѣданій, раздѣляющихъ между собой міръ нравспвенный.

Пупешеспвія V и VI сподѣшій сущь печальныя памяшники первыхъ вѣковъ Хриспанской цивилизаціи, когда религіозныя прѣданія смѣшались съ самыми грубѣйшими баснями. Такъ когда Св. Арнулфъ, Галльскій Епископъ, возвратился изъ Іерусалима и поручилъ одному Шопландскому Аббату соспавишь испорію своего пущеспсвія, шо не знаешь, чему болѣе удивляешься, легковѣрности ли прелата или просподушню раскащика!

Что касается до пупешеспвенниковъ воспочныхъ, шо кромѣ того, что они лучше знакомятъ насъ съ Воспокомъ, въ среднихъ вѣкахъ еспь періодъ, когда должно справляться съ ними, дабы узнать самый Западъ въ философическомъ опношеніи. Такъ Арабскій пупешеспвенникъ, Эбд - Аллахъ Якуши, описаваетъ въ XII вѣкѣ нравы Россіи: и когда говоритъ о жершвоприношеніи молодой дѣвушки на гробъ вождя, шо какъ будшо переносишь насъ во времена вар-

варства давно минушаго, или въ одну изъ спранъ Полинезіи, кои доннынъ пакъ печально возобновляюпъ для насъ нравы время первобытныхъ а).

Но шолчокъ уже данъ былъ Европѣ. Въ эпоху кресповыхъ походовъ путешествія спановяпся общемо попребноспію. Винценпъ де Бове издаепъ свое *Историческое Зерцало* (*Speculum Historiale*), хроники различныхъ путешестповапелей, коихъ проспота не должна быпъ искажаема. Креспоносцы говоряпъ объ иныхъ вещахъ съ такимъ добродушіемъ, чпо часпо возбуждаюпъ и смѣхъ и слезы. Чипайше Сира де Жуанвила.

Свяшпый Людовикъ и Папа посылаюпъ добрыхъ монаховъ въ Тапарію, обрапипъ къ хреспіанспву Великаго Хана. И вопъ Рубруквисъ, Платно-Карпини, Асцелинъ, складываюпъ сказки въ родѣ *Тысячи Одной Ноги* и выдаюпъ на ряду съ самыми справедливыми повѣсппованіями о завоеваніяхъ Кублая-Хана! Но они не имѣли никакого намѣренія обманывапъ; и мы, раздѣляя ихъ эншюзіазмъ, охотно бродимъ съ ними среди Тапаръ, кои доселѣ еще не измѣнились.

Марко Поло, коего соопечеспвенники называли *messer Million* и копораго смѣшную

а) Персіанинъ Абдуль Ризакъ еще любопышнѣе въ своихъ извѣспіяхъ.

сторону довольно удачно изображаетъ сіе шушпливое прозвище, ибо ему нравились только сшранныя описанія ложныхъ богашспвѣ, Марко Поло былъ великій выдумщикъ небывалыхъ вещей, великій разскащикъ чудесъ неслыханныхъ: но въ его опважностпи есть какая-то поэзія; онѣ владѣетъ какимъ-то инспинкпомъ философической наблюдашельностпи, копорая еще и шеперь заспавляетъ ссылашся на его показанія, когда нужно опкрѣпитъ истину. Нѣкопорые географы провозгласили его Гумбольдпомъ среднихъ вѣковъ: и дѣйспвишешно, должно признашся, что его знанія были чудомъ для его времени.

Чтожь касается до длинныхъ рѣчей, коими съ избыткомъ наполнено его путешешствіе, то онѣ слишкомъ далеки отъ шѣхъ оригинальныхъ формъ, кои должны показывать цивилизацію совершенно опличную отъ нашей: его Ташары говорятъ, какъ древніе Римляне; чувспвуемъ, что или память худо служила путешешственику, или самъ онѣ слагалъ сіи рѣчи, ослабляя шѣмъ оригинальный колоритъ своихъ картинъ а).

Но какими чудесами не одолжена Европа симъ опважнымъ людямъ, кои первые проникли въ невѣдомыя глубины Воспока? Огнеспрѣль-

а) Касашельно Марко Поло и нѣкопорыхъ предшешествовавшихъ ему путешешственикахъ, можно справляшся съ важнымъ сочиненіемъ Графа Бальдедли Бони; копорое мало еще извѣстно въ Европѣ,

ный порохъ, книгопечатаніе, компасъ, извѣстные въ сихъ опдаменныхъ спранахъ съ сполькихъ вѣковъ, показались въ Европѣ, по возвращеніи Рубруквиса, Пляно-Карпини и Марко-Поло. И кто насъ увѣришь, чшобъ это не были шайны, принесенныя ими и неопредѣленно разсказанныя смѣпливымъ людямъ, коихъ геній развернулся сими слухами и кошорые, безъ нихъ, можешъ бышь, ни чегобъ не придумали, ни чегобъ не сдѣмали!

Конечно, весьма любопытный и вмѣстѣ весьма философическій спрудъ составило бы изслѣдованіе о сихъ путешеспвенникахъ, разскащикахъ чудесъ, никогда ими не виданныхъ, но собранныхъ изъ преданій Воспока, кои они, сами обманутые, выдавали за несомнѣнныя. Во всемъ прочемъ они были весьма искренны; и попому очень любопытно и достошно самыхъ важныхъ размышлений, у Мандевилля, Дайшона, Берспрандона де Ля-Брокьеръ, Одрика браша ордена Миноровъ, Брохарда, Гюэня и сполькихъ другихъ, едва извѣстныхъ однимъ ученымъ, находишь многіе факпы, сначала упорно опвергаемые, но попомъ признанныя за несомнѣнныя, между шѣмъ какъ шѣ, кои пуспили ихъ въ оборощъ, оспались добычею неизвѣстности.

Никогда не должно забывашъ, чшпая нѣкопрыхъ путешеспвенниковъ XII, XIII, XIV, XV и XVI спольшій, чшпэ это были люди, движимые

преимущественно самыми воспорженными религіозными идеями. Науки и даже испорія ничего не значили для шѣхъ, кои презирали всѣ опасности съ шою шолько цѣлю, чшобы поклониться гробу Спасителя, и какъ замѣчаютъ одинъ разсудительный писатель, по возвращеніи своемъ въ Европу, шолько шо одно и рассказывали, да и спрашиваемы были шолько объ одномъ эпомѣ.

(окончаніе слѣдуетъ.)

II.

ЧЕЛОВѢКЪ НЕ СОВСѢМЪ ОБЫКНОВЕННЫЙ.

П О В Ъ С Т Ъ .

(посвящается н... а... м...вой).

По нѣкопорымъ дѣламъ моимъ, вынужденъ я былъ провести довольно долгое время въ скучной Т*** Губерніи. Не далеко отъ губернскаго города жилъ въ деревнѣ Г. Н***, къ копорому передъ отъѣздомъ моимъ изъ П*** далъ мнѣ письмо одинъ ближній родспвенникъ и однофамилецъ мой. Давая оное, онъ сказалъ мнѣ, чшо болѣе чешырехъ лѣтъ уже не видался съ своимъ пріашемъ; но будучи нѣкогда въ коропкихъ съ нимъ связяхъ въ Конспаншинополѣ, гдѣ находился въ должноти секретаря посоль-

спва, онъ надѣется, что Юлію пріятно будетъ услышать объ немъ. »Не знаю, что сдѣлалось съ нимъ теперь, прибавилъ онъ: тогда же эпо былъ молодой человѣкъ, съ головою пылкою, мечпательною, съ душою благородною, высокою. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышалъ объ немъ, и теперь только узналъ, что онъ недавно поселился въ деревнѣ своей близъ Т***.« Разсѣянность моя такъ велика, что пріѣхавъ въ Т*** я совсѣмъ было позабылъ о данномъ мнѣ письмѣ, какъ однажды, перебирая свои бумаги, увидѣлъ оное. Тушь только, обвиняя свою забывчивость, поспѣшилъ спрашивать всѣхъ жителей объ Юліи. Но къ удивленію моему одни пожимали плечами, говоря, что они ничего объ немъ не знаютъ; другіе открывали ротъ и голосомъ обиженнаго самолюбія объявляли: »Мы незнакомы съ этимъ человѣкомъ; онъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, сидитъ запершись въ своей деревнѣ, самъ ни къ кому и къ себѣ никого; какъ будто лучше насъ, чудака эпошъ!«—»Боже упаси, лучше насъ!« восклицали еще нѣкопорые: »эпошъ либерантъ; эпошъ безбожникъ, окруженный громадами своихъ книгъ, опринушый живыми людьми и наполнишый жилище свое какими-то мрачными карпинами и спашуями; посмошрѣли бы вы, какъ иногда, разсмашривая своихъ идоловъ, ошпанавливается онъ между ними, какъ блѣдное лице

его блѣднѣетъ еще болѣе, и какъ самъ онъ дѣлается похожимъ на окружающія его спашуи! Нѣтъ, все это не даромъ! печать тяжкаго преступления лежитъ на челѣ его, но гордо поднятомъ, но печально поникнутомъ! «—» Но ради Бога, друзья мои, какъ извѣсны вамъ эти подробности, ежели ни одинъ изъ васъ не переходилъ порогъ его жилища? «—» Такъ покрайней мѣрѣ рассказывающъ всѣ, а голосъ народа — голосъ Бога! «—»

—»Надобно мнѣ познакомиться съ этимъ человекомъ, надобно узнать его!« сказалъ я самъ себѣ; и черезъ нѣсколько часовъ легкій Баярдъ скакалъ со мною по проселочной дорогѣ, ведущей къ деревнѣ Н***. Сумракъ, соединяясь съ нависшими тучами, уже хмурилъ природу, когда я подѣхалъ къ ворошамъ ограды, окружавшей большой домъ; тупъ увидѣлъ я нѣсколько играющихъ мальчишекъ и подзававъ къ себѣ одного, спросилъ: эша ли деревня Г. Н***. На утвердительный отвѣтъ, опдалъ я имъ свою лошадь и пошелъ прямо въ домъ; но слуга, находившійся въ передней, на опрѣзъ объявилъ мнѣ, что господинъ его ни кого не принимаетъ. »Доложи, что я имѣю къ нему письмо отъ Т***« сказалъ я. Слуга исполнилъ это и съ лицомъ удивленнымъ возвращаясь ко мнѣ, пригласилъ войти въ кабинетъ. Юлій встрѣшилъ меня самымъ привѣпливымъ образомъ; долго распраши-

валь объ моемъ родственикѣ и сказалъ, что всегда его помнилъ какъ чловѣка, съ которымъ былъ знакомъ пріятельски въ лучшіе года жизни своей. Наружность его была самая выразительная: пронизательные, но печальные взоры, благородный очеркъ лица, легко искаженный какою-то сардоническою улыбкою, придавали ему что-то особенное; онъ конечно сколько же мало походилъ на другихъ обитателей этой губерніи, какъ мало походило образованность на варварство. Разговоръ въ продолженіе всего времени былъ незначителенъ, но каждое слово, сказанное этимъ чловѣкомъ, имѣло въ себѣ столько ума, каждая мысль была сколько блестяща, что часы, пробившіе два часа ночи, невыразимо изумили меня. Темная ночь не позволяла мнѣ и думать о возвращеніи въ городъ; почему получивъ приглашеніе остаться ночевать, я пошелъ въ приготовленную мнѣ комнату; но долго не могъ уснуть, ибо менѣ удивительно и менѣ радостно было бы для меня найдши оазисъ въ песчаномъ морѣ Аравіи, чѣмъ въ этой варварской глуши чловѣка сколько образованнаго и сколько занимательнаго по многимъ отношеніямъ. На другой день проводили меня въ его библиотеку, уставленную физическими машинами и огромными шкафами съ книгами; изъ этой комнаты вошелъ я въ длинную галлерею; бѣлыя гипсовыя статуи оной увѣщаны

были карпинами, у окошекъ спояли драгоценныя вазы; всяже комнаша наполнена была мраморными изваяніями, гдѣ гениальныя произведенія древности спалпливались со вдохновенными изображеніями среднихъ вѣковъ, счаспливаго времени поэпического сущеспвованія Ипаліи. Но хозяинъ мой обрапиль на себя болѣе всего мое вниманіе: завернупый въ упренній халапъ и безмолвно споявпый посреди спашуи, онъ — какъ справедливо замѣпили прежде видѣвпще его — спочно походиль самъ на древнюю греческую спашую; даже блѣдное лице его, не оппѣненное ни малѣйшею краскою, имѣло полное сходспво съ мраморомъ. Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся и привѣпливо пожалъ руку мою; я же не омпря на все желаніе пробыпъ спупъ долѣе, опасаясь быпъ докучливымъ, взялся за шляпу, и получивъ пригласеніе снова посѣспипъ его, пуспиль въ обрапный пупъ. Но не спану распроспраняпъся. Въ продолженіе нѣкопорогаго времени я не сполько познакомиль коропко съ эпимъ превосходнымъ, и посреди своего богашспва, несчаспнымъ человекомъ, но даже и спискалъ его расположеніе. Окруженпый цѣлымъ міромъ изящнаго, съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ проводиль я у него цѣлые дни, распмапривая блестяція пворенія Сальвапора Розы, печально-небесныя созданія Рубенса, райскія мечпы Рафаеля! Съ какимъ самозабвеніемъ

бродилъ между мраморными Сильфидами и Фавнами! Тупъ богиня любви, окруженная роями улыбающихся амуровъ, казалось, мѣла опть сладоспраспїя; шамъ Психея, прижимая крылашаго малюпку къ своему сердцу, усспремляла взоры на небо; любовь разливалась по всему лицу эшой красопы несравненной; но какая любовь! любовь Мицкевича въ чудныя минушы вдохновенїя, любовь Бешховена въ минушы райскаго испушленїя, любовь ангеловъ за синевою безпредѣльною! Пляшущїя Нимфы и Сапиры переносили мысль въ мїръ ребяческой поэзїи; темные лѣса, цвѣшущїя долины, прозрачные ручьи подъ ярко-голубымъ небомъ, согрѣшые Фебомъ въ лучезарной колесницѣ; и въ шемныхъ лѣсахъ юныя, прелеспныя полубогини, и на цвѣшущихъ долинахъ олицепворенные, душишые Зефиры, и въ прозрачныхъ ручьяхъ очаровашельныя Сирены— и вездѣ безпечность, нѣга, наслажденїе; все эшо являлось невольню воображенїю и умерщвляя грушпную сущеспвенность, переносило въ вѣка волшебной древности. . .

Конечно вы удивляешесь, почему я назвалъ власпелина всего эшаго несчастпнымъ. О! не судите по наружноти! какъ она обманчива! Случалось ли вамъ видѣшь гордый кедръ, широко проспїрающїй роскошныя вѣшви свои? вы любешесь имъ изъ далека; поглядите ближе: гро-

мовая спрѣла, пробившая его внутренность, уже сожгла всю жизненную силу, холодъ смерти уже обхватилъ величественное дерево!.. Тоже могу сказать я вамъ и про эпига человека; но чтобы ближе познакомить васъ съ нимъ, напому себя некопорья слова его; онъ изображаясь вамъ его лучше меня. » Чѣмъ меньше мыслимъ въ этомъ мѣрѣ, шѣмъ мы счастливѣе», говорилъ онъ; »внѣшняя жизнь можетъ быть хороша, внутренняя же пожираетъ существованіе наше... Есть много поэзіи и въ черной рясѣ, и въ блестящемъ шлемѣ, и... Но на чемъ сооружена поэзія эпига? На обманчивой мечтѣ, на какомъ-то счастливомъ призракѣ! Откиньте ихъ, и что тогда увидите? Изломанную сцену, на кошорой, вмѣсто эдема, груди извержанныхъ щепокъ и испачканныхъ шряпокъ поразятъ взоры ваши. Горести и радости, великое и малое, все дымъ и прахъ, мгновенное сіяніе молніи. Какое ему дѣло шеперь«—продолжалъ онъ, показывая на колоссальную шапку Наполеона— »что мѣрѣ, коего онъ былъ владыкою, сдѣлаешь такимъ, какимъ онъ мечталъ его видѣть въ вдохновенныя минуты своего дивнаго генія, или бѣдствія варварства, подобныя опшрашительнымъ среднимъ вѣкамъ, снова подаваясь чело- вѣчеству; шакъ или сякъ, онъ на всегда, на всю вѣчность разошлся съ эпигимъ мѣромъ! Вѣч- ность! какое спрашное слово, и что послѣ

эпаго земныя привязанности наши; чувспва опца къ дочери, чувспва высокія, свяпныя, привязанность къ женщинѣ, съ копорой мы сливаемъ бышіе наше«—(при воспоминаніи о женщинѣ лице его всякой разъ измѣнялось, и шупъ онъ едва могъ договорить) — » чѣмъ кончается все эпо? Мрачною могилою и вѣчнымъ ничтоже-спвомъ! «

Чшо могъ я сказанъ на элю человекъ, соединившему съ рѣдкимъ умомъ огромную ученость? Жан - Жакъ чувспвовалъ и сказалъ еще прежде его, чшо мышленіе еспъ бичъ человѣческаго рода; а кшо-шо прибавилъ, чшо запрещенное древо было именно древо познанія. Екклезіаспъ, эпопъ мудрѣйшій изъ мудрецовъ, прежде всѣхъ ошкрылъ: »чѣмъ болѣе знанія, шѣмъ болѣе скорби; чѣмъ болѣе человекъ просвѣщается, шѣмъ болѣе содѣлывается несчастнымъ! « Конечно я не врагъ просвѣщенію и не намѣренъ возглашать чшо - либо пропивъ онаго: знаю очень хорошо, сколько пользы дѣлаешъ оно человекъспву, но въ какомъ же добрѣ нѣшъ зла? Человекъ рожденъ раздѣляшъ жизнь свою на внушреннюю и внѣшнюю: поперя первой равняешъ его со скопомъ, поперя второй спавишъ выше человекъ; и эпо послѣднее сосполніе, будучи неспеспвеннымъ, погружаешъ въ пучину горешей. Мысль эпу пояснишъ болѣе расказъ

Юлія... ежели я полько въ соспоянні буду сохранишь его мысли и выраженія.

Надобно сперва сказаць, что, разсмапривая однажды карпины его, я былъ чрезвычайно удивленъ одною изъ нихъ. Она изображала высокую скалу близъ моря: на ней, около гуспаго чинара спояла юная, прелестная Гречанка: бѣлая какъ снѣгъ шуника обвивала спанъ ея, голубая вышитая золошомъ эпанча небрежно была накинута на плеча; черные волосы кольца ми вились по ней, черные глаза успремлены были на море съ какою-то очаровашельною задумчивостию; у ногъ ея на большомъ камнѣ сидѣлъ молодой человекъ, коего вся жизнь, казалось, заключена была въ юной Гречанкѣ, на которую онъ глядѣлъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Въ лицѣ молодого человека узналъ я Юлія; но, Боже, съ какою переменною! Полураспворенныя уста не сжались еще продолжительною, глубокою грустию; кудри волосъ, опшѣнявшихъ высокое чело, еще не осребрились зимою преждевременною; во всей физиономіи была поэзія весны съ мечтами волшебными, съ надеждами обольстительными; лице же сидѣвшаго подле меня человека выражало осеннюю природу, разбишную бурями, сокрушенную ранними непогодами.

Я просилъ его сказаць мнѣ, что это за картина; но онъ отвѣчалъ другое и всякой

разъ опклонялъ разговоръ объ эпомъ предметѣ. Молчаніе эпо еще болѣе увеличивало мое любопытство, но я понялъ очень хорошо, что вопросы ни къ чему не послужашъ, что надобно дождашься минушы, когда человекъ, подавляемый пяжками воспоминаніями, налегшими ледяною горою на его сердце, подавляемый хаосомъ идей, зашмѣвающихъ почти всякое мышленіе, находишь существо себѣ подобное и усиливается, изливъ наружу внутренній міръ свой, опогрѣвъ нѣсколько ошмылое сердце, разогнавъ убійственный хаосъ спранныхъ идей своихъ.

Я дождался эпихъ минушь почти передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Т*** Губерніи; но лицу себя увѣренностію, что нѣкошорое разположеніе его ко мнѣ было главнымъ поводомъ къ предлагаемому мною расказу.

» Окончивъ курсъ наукъ въ одномъ изъ Университетовъ Германіи, я спѣшилъ возвратиться къ домашнимъ своимъ пенашамъ; но не восклицанія радости, не веселія пиршества вспрѣтили меня на порогъ родины, нѣшь, печальная тишина и мрачное запусшніе, какъ спрашныя злоѣщатели, привѣтствовали возвратъ мой. Бѣдный отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ, ошавленный всѣми, копорые бывало какъ гарпій успремлялись къ длиннымъ споламъ его, обременяемымъ различными яспвами, пѣнили бо-

калы за здравіе радушнаго своего хозяина и при громѣ музыки носились по длиннымъ заламъ его; теперь все было пусто, презрѣнная саранча оплелѣла и дремлющее эхо одно лишь впорило болѣзненные вздохи и удушающій кашель, предвѣстія вѣчнаго разрушенія. Я вошелъ въ комнату отца. Боже! какъ спрашна печать времени! Онъ лежалъ во глубинѣ подушекъ своихъ, помупившеся глаза не узнали меня, посинѣвшія, искаженные спраданіемъ губы не улыбнулись мнѣ, чело изрытое глубокими морщинами не прояснилось при моемъ приближеніи. Съ душою еще юною, съ надеждами богатыми, выступалъ я на широкое поприще жизни: я еще не освоился съ карпинами смерти, и ужасъ, какъ внезапный морозъ на свѣжую весеннюю зелень, холодно налегъ на мое сердце. Вдругъ глаза спарика вспыхнули, приподнялись на распятіе висѣвшее надъ нимъ; глубокой, продолжительный вздохъ, сопровождаемый глухимъ спенаніемъ, вымешѣлъ изъ груди его; онъ весь вздрогнулъ какъ будто отъ дѣйствія гальванизма, и... безжизненный шрупъ лежалъ предо мною! Колѣна мои подогнулись, кровь охладѣла въ жилахъ и какой-то мяшежный хаосъ зашумѣлъ въ головѣ моей; все насоящее задернулось густымъ покровомъ, а прошедшее возродилось изъ бездонной пучины своей: домашній садъ съ липовыми бесѣдками, съ извилистыми

цвѣпниками нарисовался предо мною; опецъ мой сидѣлъ на дерновой скамѣ, около него мапъ моя, у ногъ ихъ валялся я, дипя, съ васильковыми вѣнками, съ гремушками, съ куклами; я видѣлъ нѣжные взоры ихъ покоившіяся на мнѣ, я слышалъ голосъ души ихъ, пакъ сладоспно звучащій въ ушахъ моихъ... вдругъ ударъ... еще... еще... вскакнваю... какіяшо мрачныя пѣни мелькали мимо меня, выколывали рамы, бѣгали изъ угла въ уголь, и мершвый опецъ лежалъ предо мною! Глаза мои оспановились на восковомъ лицѣ его, груспныя думы волновали меңя, и я невольнo спросиль себя: чпо пакое жизнь, чпо пакое смерпъ? Сомкнупыя успа спарика какъ будпо опвѣчали мнѣ: пайна глубокая, непоспжмая!..

Такимъ образомъ оспался я одинъ наслѣдникомъ большаго имѣнїя и, приведя оное въ надлежащій порядокъ, опсправился въ столицу, гдѣ предался всѣмъ наслажденїямъ шумнаго свѣпа. Я думалъ, чпо эпо удовлетворитъ возникавшимъ пошребноспямъ души моея... но нѣптъ, по, чпо разцвѣчало жизнь другихъ, начинало убивашъ мою! Эпи заведенные часы пошлыхъ общеспвенныхъ обрядовъ, эпо бессмысленное однообразїе, презрѣнный эгоизмъ и цѣлая семья подобныхъ уродливостей нагнали на меня пакую поску, чпо я съ воспоргомъ прїнялъ предложенїе присо-

единишься къ посольству, опправлявшемуся въ то время въ Конспанпинополь.

Одно имя эпои столицы Воспочной Римской Имперіи пробуждало въ воображеніи моемъ цѣлые вѣка, уснувшіе въ океанѣ прошедшаго, со всѣми колоссальными и мѣлочными событіями, со всѣми спранными переломами чудесныхъ переходовъ своихъ опъ язычества къ хриспіанству, опъ митрополи духовной религіи къ чувственному исламизму. А Греція, гдѣ каждый камень—обломокъ испоріи, каждый шагъ—спеза въ лабиринтъ мыщленія... какое сердце не забьется при одномъ имени священной родины Алкивіада, Платона! Тамъ фениксъ начиналъ возникашь изъ дивныхъ своихъ развалинъ: памъ человѣческое достоинство, обиженное вѣками порабощенія, спряхнуло поспыдный пепель униженія съ чела своего и гордое, величавое обнажило губипельный мечъ за сваяпыя права свои; шуда рвалась душа моя, шуда спремились всѣ помышленія...

Съ какимъ воспоргомъ, съ какою гордостію спунилъ я на землю Фракійскаго Босфора, на славную землю Nea Roma! Съ какимъ наслажденіемъ, опираясь на спранныческій посохъ свой, всмапривался въ предметы совершенно для меня новые! Крылашая мысль моя по погружалась въ пучину минувшихъ вѣковъ, по ушопала въ безбрежной, пайнспвенной будущности! Я

чипаль испорію вѣковъ, испорію людей, испорію спраспей ихъ, не въ душномъ кабинетѣ своемъ, но подъ чиспою лазурью неба, на вершинахъ Гемуса, у подножія Олимпа, во внушренности храма Юспиніанова, при оглушительномъ громѣ орудій, попрысавшихъ знаменимый прахъ вольныхъ сыновъ древней Греціи. Да, при громѣ орудій! Ибо составляя неупральное лице, подъ эгидою Русскаго имени, я почти безъ опасности могъ пробѣгать обширное поле смерти, гдѣ мечъ и огонь разливали гибель и опущеніе. Вы легко можеше себѣ представить, какъ тяжело было мнѣ оспаваться полько зришедемъ кровавой драмы, разыгрывавщей передо мною погубель или возрожденіе народа, нѣкогда великаго, какъ препещало сердце мое при взглядѣ на опчаянную борьбу идей, лелѣемыхъ въ душѣ моей съ самой ранней юности; съ какою радостію гошовъ бы я былъ бросишься въ смерпную сѣчу и положишь жизнь свою на алпаръ свяшой любви къ опчизнѣ; но плупъ также, какъ и всегда, наспоющая дорога, была мнѣ закрыта и непреклонная судьба показывала лишь ничпожное мѣсто въ рядахъ толпы, оживляемой и двигаемой избранными любимцами Провидѣнія. И мнѣ ли смѣшались съ толпою, когда кипящая мысль моя, какъ юный орель, мощно успремлялась въ выспу безконечную, когда шворящій духъ Франклина, Пенна, Вашин-

гпона, находилъ созвучіе въ юной душѣ моей!..
 Заключенный въ пѣсные предѣлы ничпожнаго
 своего назначенія, я бродилъ по развалинамъ
 Греціи, пожираемый жаждою, искалъ живопвор-
 наго испочника!.. Онъ шумѣлъ холодными волна-
 ми своими въ глазахъ моихъ и убѣгалъ опть
 новаго Таншала...

Скоро кровавыя карпины бипвъ, болѣзненные
 споны несчастнаго чаловѣчешва ушопили ме-
 ня. Пуспъ древніе Спойки и новыя Сен - Си-
 мониспы посмопрѣлибъ поближе; на эшоптъ
 раздольный пиръ бѣдспвій, посмопрѣли бы на
 груды дымящихся развалинъ, на блѣдныя лица
 машерей, опчаянно прижимающихъ дѣпей сво-
 ихъ къ изсохшимъ грудямъ, на гордое чело
 юношей, поверженныхъ въ прахъ и распощан-
 ныхъ бѣгущими всадниками, бѣгущими так-
 же въ ненасышную пастъ мучипельной смер-
 ши, на сѣдыхъ спарцевъ, проклинающихъ ми-
 нушу своего рожденія — и погда повшоряшъ
 ли они ушѣшипельный парадоксъ о злѣ, не
 сущеспвующемъ въ здѣшнемъ мѣрѣ, или вос-
 кликнушъ вслѣдъ за впорымъ Промешеемъ: бѣд-
 ное, несчастное чаловѣчешво!..

Но я не спану изображашъ вамъ опврапи-
 шельную карпину, кровью написанную: она
 шакже, какъ и все подлунное, погрузилась въ
 бездонную Лепу. Не спану изображашъ послѣду-
 ющія собышія, извѣстныя всѣмъ: вмѣшашель-

спиво Европейскихъ Державъ, оппорженіе Греціи опъ владычества Поршы и пр. и пр. Я обѣщаль вамъ говоришь о себѣ, и попому полишика и испорія могутъ оспашься въ покоѣ, ибо пропинка, по копорой я шель, никакъ не примыкала къ широкой дорогѣ судьбы, рѣшавшей участь царствъ. . .

Въ Морей оспановиль я челнокъ свой: памъ поласкаль было зефиръ опущенный парусъ мой, но не на долго. Преврапясь въ неисповую бурю, онъ умчаль бѣдную ладью мою въ пучину спрашнаго океана, въ пучину безнадежнаго опчаянія.

Въ Папрасъ познакомилься я случайно съ молодымъ Грекомъ М * * *и, принадлежавшимъ къ одной изъ знаменипѣйшихъ фамилій Пелопонеза. Молодой человекъ не имѣль надлежащаго образованія; но нѣкопорыя познанія опечеспвенной исторіи и природныя дарованія доспапючны были для воспламененія въ душѣ его самаго пылкаго папріюпизма и глубокой ненависти къ своимъ ушѣснипелямъ. Увлекаясь благородными порывами юнаго сердца, онъ уппрбляль всю свою возмощность, соединиль соопечеспвенниковъ своихъ для сверженія ига Оппоманскаго; богащспво, связи и важный послѣ, занимаемый опцемъ его, способспвовали исполненію сихъ предпріяпій. Я полюбилъ прекрас-

ныя мечпы его, полюбилъ эпю поэзію души, цвѣписшую какъ радуга, игривую какъ ласпочка поднебесная; мнѣ весело было рассказывать ему о доблестяхъ славныхъ предковъ его, о древнемъ величій его опчизны; слушая меня, онъ шо блѣднѣлъ, шо пымалъ; успа его выражали шо гордоспъ, шо негодование глубокое, шо свяпое упование на будущее. Вы узнаете послѣдній актъ его драмы: шеперь же обратимся ко мнѣ.

Однажды упромъ онъ вошелъ въ мою комнату и убѣдительно просилъ познакомиться съ домою его, говоря, что опецъ и всѣ родные неперпѣливо желаюшъ узнать меня. Я охотно принялъ его предложеніе; но приготавлиаясь слѣдовать за нимъ, почувспвовалъ въ себѣ необыкновенное волненіе, сердце сильно билось въ груди моеи и я невольно подумалъ, не предзнаменованіе ли эпю чего особеннаго... Но шѣмъ лучше! чѣмъ болѣе разнообразія, шѣмъ болѣе жизни... Занятый разгадкою неразгаданной проблемы предчувствія, я не замѣпилъ, какъ прошли мы шѣсныя, перепушанныя улицы Папраса и вошли въ садъ распилавшійся опъ самой подошвы довольно большого дома по берегу Коринесскаго залива, сливавшего густую зелень пышныхъ куспарниковъ своихъ съ синею пеленою воды Средиземнаго моря. Въ великолѣпной палаткѣ, раскинушой близъ шумящаго водопада,

нашелъ я почтенное семейство М***и, принявшее меня съ воспошною роскошью и папирархальнымъ радушіемъ. Мы помѣстились на мягкомъ опшоманѣ, закурили длинныя птрубки и, по обыкновенію перваго знакомства, заговорили объ очаровательныхъ окрестностяхъ, рисовавшихся передъ нами. » Но гдѣ же Зара? « спросилъ молодой М***и мапъ свою. — Ты знаешь, что она диня моря, отвѣчала мапъ: видишь ли, вонъ бѣлѣтся вдаль ея парусъ; видишь, какъ быспро лепишь челнокъ ея. — » Какъ! неужели? « прервалъ я: » она не боится эпой вѣроломной спихи и обманчивой пишины ея! « — Бояпъся воды, бояпъся и земли — сказалъ мнѣ кто-шо изъ нихъ — для приморскихъ жипелей эпо совершенно все равно! —

Между пѣмъ маленькій яликъ съ округленнымъ парусомъ, какъ перламутровое облачко по чистому небу, быспро скользилъ по гладкой синевѣ водъ, быспро причалилъ къ берегу, и юная Гречанка выпрыгнула на оный, какъ волшебная Нереида, оставившая на время подводные свои чѣрпоги. Черные волосы кольцами вились по лилейнымъ плечамъ ея и спыдливо оспанавливались на персяхъ, препепавшихъ, какъ двѣ горлицы; полуошкрыпья успа улыбались, слабый румянецъ ланипъ игралъ какъ послѣднее опраженіе Феба на снѣжной вершинѣ Аль-

повѣ; изъ подъ темныхъ рѣсницъ горѣли глаза, какъ будто зажженные дыханіемъ Серафимовъ. Она подбѣжала обнять брата своего, но вдругъ оspanовилась, увидя незнакомца; руки ея опустились, но небесные взоры оspanовились на мнѣ и казалось передавали ангельскую душу свою душѣ моеѣ. Я хотѣлъ прервать молчаніе, хотѣлъ говорить, но слова мои замирали, все вертѣлось вокругъ меня: море, садъ, шолпившіеся люди скрывались въ какомъ-то черномъ туманѣ; она одна, какъ путеводная звѣзда жизни моеѣ, сіяла предо мною. Но какими словами описать это очаровательное мгновеніе, когда, озаренная присутствіемъ ангела, воспорженная душа моя напоминала себѣ свяшую опчизну свою! Какими словами, когда для выраженія онѣхъ нѣтъ звуковъ на языкѣ человѣческомъ!

Молодой М***и прервалъ смущеніе мое, взявъ меня за руку и предспавивъ сеспрѣ своеѣ; легкимъ наклоненіемъ головы опвѣчала она на несвязныя слова мои. «Зара, вы любите море?» спросилъ я. — Люблю все, что не имѣетъ границъ, опвѣчала она, или на чемъ по крайней мѣрѣ не можетъ оspanовиться воображеніе мое! — Голосъ ея заспанвилъ меня запрепенашъ; онъ былъ мнѣ знакомъ: я слыхалъ его въ споржественныхъ звукахъ органа, когда внимая имъ проникалъ взорами души сводъ небесъ и былъ свидѣтелемъ тайнъ чудесныхъ, невыразимыхъ;

я слыхалъ его въ преляхъ соловья, погружавшихъ меня въ мечпанія дивныя; я слыхалъ его послѣ въ грохотъ громовъ, когда съ душою убипною, расперзанною, предаваясь мрачному опчаянію, призывалъ спрѣлы ихъ на грудь свою!.. Но довольно!.. Это первое свиданіе было для меня возрожденіемъ къ новой жизни, или лучше сказашъ предпечею тѣхъ минупъ, въ коихъ должна была поглупиться наспо-ящая...

Съ эшаго дня какъ перемѣнилось для меня все! Желанія, надежда, сомнѣніе попеременно колебали духъ мой... Какія мучипельныя и вмѣспѣ счастливыя минупы!.. Это замираніе сердца, эшопъ душевный препетъ, рыцарская опвага и дѣпская боязнь, волненіе всѣхъ спраспей — волшебнымъ образомъ наполнили пролипуую чашу жизни.. Рой обольспипельныхъ призраковъ разверпывалъ предо мною фанпаспическіе ковры свои, заѣшпивалъ пыльныя развалины, печальныя кладбища, ужасныя, окровавленные эшафопы, и превращалъ мѣръ скорбей въ жилище райское...

Какъ свѣсплы казались мнѣ взоры людей, какъ привѣспливы улыбки ихъ! Я сдружился со всею природою, дуновеніе вѣпра ласкало меня, журчаніе ручейковъ погружало въ восхиппительную задумчивость, завываніе моря, успремлившагосл

къ небесамъ и соединявшаго глухой ревъ свой съ раскатами грома, возвышало духъ мой. О, какъ сливалась богатая душа моя съ эпою дивною гармонією! Мысль о томъ, что Зара не поймешь, не раздѣлишь огня моею спраспи, не приходила мнѣ и въ голову! Эпо было невозможно! Подобная любовь еспъ элексприческое сочувствіе, высокая шайна магнепизма!

Скоро я не былъ чужимъ въ добромъ семействѣ М***и. Спарики ласкали меня какъ сына, Авинодоръ видѣлъ во мнѣ брата, Зара же... О для чего судьба не дала прощень жизни моею въ эпою счастливой неизвѣстности! Я бы укротилъ порывы думъ моихъ; забытый свѣтомъ, забылъ бы и его; любовь Зары способна была заглушить бурю спраспей, меня раздиравшихъ. Но шакова судьба моя! Съ ранней юности она для шого шолько показывала мнѣ возможность счастья въ эпомъ мѣрѣ, шпобы погрузишь глубже въ пучину бѣдспвій!.. Я помню шо мгновенное время, когда взявшись за руки вбѣгали мы съ Зарою на крушыя горы: передъ нами расплались высокіе холмы, зеленые лѣса, зеркальныя воды, все было у ногъ нашихъ и мысль не ограниченная ни чѣмъ земнымъ погружалась за топъ шайнспвенный рубежъ, гдѣ счастье безоблачно, любовь безъ слезъ, жизнь безъ мученій! Я помню, какъ бѣспрыій челнокъ

нашъ играя съ волнами уносилъ насъ далеко отъ земли: передъ нами синѣлась одна даль, сливавшая чистый небосклонъ съ прозрачною пеленою моря; часпо упомившійся въперъ оспанавливалъ бѣгъ лады и засыпалъ на лазурной поверхности водъ; Зара опиралась на маленькую мачшу нашу и, качаемая дремлющими волнами, погружалась въ задумчивость; а я, преклоня колѣна, съ воспоргомъ пилигрима, уэрвшаго свяшю Мѣкку, созерцалъ это изящное созданіе Бога, величіе коего въ то время постигалъ всею силою души моею!.. Но позабудуль шѣ очаровашельныя минушы, когда сердце мое, преисполненное избыткомъ чувствъ, спруями огненной лавы излилось въ словахъ моихъ! Небо было чисто, какъ душа ангела; солнце уже склонялось къ западу; лишь на вершинахъ горъ играли послѣдніе лучи его; природа, какъ будшо упомясь великолѣпьемъ дня, сбрасывала съ себя блестящія одежды и мало по малу предавалась нѣгъ и тишинѣ; мы сіпояли около водопада, шѣнь сумрака до половины уже обхватила его, поверхность же свѣпилась какъ кристалль. Въ этой борьбѣ свѣша со мракомъ находилъ я изображеніе самаго себя и, полный печальныхъ думъ, сказалъ: »И завпра ояпашъ взойдетъ блестящее свѣшило, ояпашъ разсѣетъ безжизненный мракъ; но для меня нѣтъ солнца спасенія, нѣтъ лучей, которые

бы свѣjali мракъ съ души моей!« Зара пожала мою руку и слезы навернулись на глазахъ ея.

—»Зара! воскликнулъ я внѣ себя: «пусти сердце пвое будешь свяпой алтарь, на который я сложу птяжелый грузъ, меня подавляющій.« Тупъ я опкрылъ ей спрашную пуспошу души своей, въ которую начинали вкрадываться безнадежносп и опчаяніе. »Я не спаръ годами, скаваль я, но судьба мало по малу оборвала уже почши всѣ лиспочки жизни моей; я могу насчишашъ много минущъ, обрушившихся на меня цѣльми сполъшійми. Ты видишь предъ собою несчаспнѣйшаго изъ людей; другимъ судьба дала друзей, славу, надежду, мнѣ же опказала во всемъ; я не имѣю сердца, кошорое бы раздѣлило груспъ мою, не имѣю славы, кошорая бы наполнила жажду души моей; мои надежды были богашы, но изчезли какъ алмазная спруя испочника въ перегорѣлыхъ пескахъ Африки. Чпо оспашся мнѣ? Цѣлый мпръ радоспей и блаженспва, ежели душа пвоя, ангель небесный, полюбишь мою сирую душу!« Зара упала мнѣ на грудь, слезы лились изъ глазъ ея. »Я пвоя, на вѣки пвоя! проговорила она: одна смерпъ разлучишь насъ!«.. Вдругъ окреспности огласились спрашнымъ крикомъ и спая вороновъ пронеслась надъ нами. Зара вырвалась изъ объашпй моихъ, поблѣднѣла какъ лилія и дрожащпмъ голосомъ сказала: »Въ эпомъ ужас-

номъ крикъ естъ чшо-шо пророческое, зловѣщательное, онъ оледенилъ сердце мое! « — » Прочь предвѣщанія! « прервалъ я, упоенный блаженствомъ невыразимымъ и снова прижалъ ее къ воздымавшейся груди своей. Смерть, для чего не прекратила ты жизнь мою въ эти райскія, чудесныя минушы! Но послушайше, какія немилосердыя испытанія, какіе оспрые кинжалы приготавливало мнѣ будущее!

Возвращаясь домой, я увидѣлъ на столѣ своемъ пакетъ, запечатанный гербовою печатью посланника при Поршѣ; эшо меня чрезвычайно удивило и я успѣшилъ узнать содержаніе онаго. Посланникъ писалъ ко мнѣ самымъ дружескимъ образомъ, чшо по случаю воззванія Грековъ, мнѣ, какъ находящемуся при Русскомъ посольствѣ, неприлично было оспаваться въ эшо время въ Морѣ, почему и приглашалъ меня возвратиться въ Констаншинополь. Оспавишь Папрасъ, оспавишь Зару, и въ какое же время? Когда воззваніе Грековъ разливалось какъ пламя, когда обезумленные Турки, какъ свирѣпыя шигры, бросались на вѣковую добычу, вырывавшуются изъ желѣзныхъ когтей ихъ. Но дѣлать было нечего: мнѣ надобно было непременно увидаться лично съ посланникомъ, чшобы узнать намѣренія Поршвы, расположеніе Русскаго кабинета, и сообразно съ шѣмъ устроитъ собственныя дѣла свои. Къ помуже я не могъ предполагать

никакой опасности для фамиліи М***и; ибо хотѣя Аѣинодоръ, присоединившійся уже въ то время къ знаменитому въ послѣдствіи Маврокордапо, объявилъ себя рѣшишельно врагомъ Опшомановъ, но оспорожный спарикъ не принималъ на себя никакихъ обязанностей, всматриваясь въ ходъ дѣлъ и ожидая опзыва Европейскихъ Державъ, къ копорымъ посланы были депушаны опъ учредившагося уже законодательнаго собранія. Зара, обольщенная надеждами на скорый возвратъ мой и мечтая, что свиданіе мое съ посланникомъ можетъ принести нѣкопорую пользу ушѣсеннымъ ея соопечесвенникамъ, не прошивилась опъѣзду моему; она казалась даже хладнокровною; но когда послѣднее просши вылетѣло изъ устъ ея, то она поблѣднѣла, какъ снѣгъ Россіи, освѣщенный печальнымъ сіаніемъ луны.

Пріѣхавъ въ Конспанпинополь, я не могъ видѣть посланника, ибо сильная горячка болѣе двухъ недѣль продержала меня между жизнью и смертію; оправаясь нѣсколько, я немедленно поспѣшилъ освѣдомишься о ходѣ дѣлъ Греческихъ, но ничего удовлетворительнаго не могъ узнать. Посланники не получали никакихъ новыхъ инспрукцій опъ ихъ кабинетовъ; и я, въ ожиданіи какихъ-либо рѣшеній, не могъ оспавить столицу Сулпана.

Однажды, преданный поскѣ невыразимой, сидѣлъ я въ своей комнатѣ; вдругъ опворяется дверь и родственникъ вашъ, познакомившій меня съ вами, вошелъ ко мнѣ въ комнату. »Знаете ли, какой палисманъ золошо! воскликнулъ онъ: оно открываетъ намъ шайнспвенную завѣсу Воспока и показываетъ завѣпный эдемъ попомковъ Пророка.«—»Что хотите вы сказать?« спросилъ я. — »То, что если вы желаете соупспивать мнѣ въ сады гарема, то купленный мною эвнухъ готовъ проводить насъ туда.« — »Какъ въ сады гарема?« опвѣчалъ я удивленный: »это любопытно, я радъ бытъ вашимъ поварирцемъ.«—Мы собрались, переодѣлись въ плашья невольниковъ и пошли къ назначенному эвнухомъ мѣсту. Долго пробираясь около высокихъ стѣнъ Серая, по берегу Босфора, наконецъ пришли мы къ маленькой, едва замѣпной калипкѣ; эвнухъ опперъ оную и пальмовая рощица приняла насъ подъ покровъ шайнспвеннаго своего сумрака. Дорожка, по кошорой мы шли, пересѣкалась множеспвомъ другихъ дорожекъ, перепупанныхъ между собою до безконечности; она все болѣе и болѣе возвышалась и вдругъ углубившись на право образовала родъ маленькой плаш-формы, на оконечности кошорой небольшая прелеспная кіоска почти скрывалась обвивавшими ее цвѣтами и виноградными лозами. Мы вошли въ оную и спупникъ нашъ про-

говоривъ, что далѣе этого мѣста не можешь провеспи насъ, просилъ дождашься пушть его возвращенія; увѣряя, что мы увидимъ все, что желали видѣшь. Оспавшись одни, мы опдѣлили нѣсколько густыхъ лозъ виноградника, чшобы разсмопрѣшь, гдѣ находились. . . И какими словами опишу вамъ восхищительную каршину, представившуюся взорамъ моимъ! Посреди долины обширный бассейнъ, коего берега усыпались милліонами цвѣшовъ, свѣпился какъ великолѣпное зеркало, вспавленное въ раму изъ драгоценныхъ каменьевъ; задумчивыя вѣшви кипариса, какъ будшо помимыя жаждою, нагибались къ криспальнымъ водамъ его; румяно пушиспый персикъ любовался опраженіемъ красовы своей; высокіе кедры приглашали пихимъ попопомъ понѣжисья подъ прохладною тѣнью густыхъ своихъ навѣсовъ. Далѣе группы кашпановыхъ и фиспашковыхъ деревъ спорожили кипучіе фаншаны, серебрянными змѣйками вылетавшіе изъ за изумрудныхъ вѣшвей, кусты розановъ развершывали почки свои, подобныя раждающимся персямъ юной красавицы, и очарованный соловей громче звенѣлъ воспорженную пѣснь свою, и бѣлыя розы, заслушиваясь дивныхъ пѣснопѣній, задумчивѣе качались на спебляхъ своихъ, какъ будшо блѣднѣя опъ ревности къ благоухающимъ подругамъ своимъ. И пѣснь соловья, и роскошныя прели жаворонка, и щепепаніе пы-

сячи другихъ пернашыхъ, и слабый ропотъ множесва фонпановъ, аккомпанировались поржесшвеннымъ шумомъ волнъ Босфора, разбивавшаго волны свои объ высокія стѣны Серальскія. Солнце склонялось къ западу; вечернія пѣни, какъ легкіе призраки, начинали пробѣгать по окрешносшямъ; вдругъ послышался слабый шумъ, копорый возрасшалъ болѣе и болѣе; наконецъ громкіе смѣхи и веселія восклицанія раздались почши возлѣ меня; и очаровашельныя дѣвы гарема, догоняя одна другую, прыгая и рѣзвясь, разсыпались по долинь, какъ ппички собранныя съ цѣлаго свѣша и выпущенныя изъ клѣпокъ своихъ попорхашъ по цвѣшнику, покрышному сѣшями. Одна, упомившись, падала на мягкую шраву и склоняя прекрасную голову свою на руку, бѣлую какъ крыло лебедя, другую просширая съ воспочною нѣгою на роскошный коверъ цвѣшовъ, влажными, коралловыми усшями впивала въ себя прохладныя зephyры; біеніе сердца, опражавшееся на юныхъ персяхъ, въздымавшихся подобно двумъ влюбленнымъ волнамъ, спановилось медленнѣе, пламень взоровъ, кипѣвшихъ огнемъ юга, пошукалъ, сильный румянецъ ланишъ догоралъ какъ послѣдній лучъ солнца. Другая, подспавляя нѣжныя руки свои подъ прозрачную спрую фонпана, съ улыбочкою наслажденія глядѣла, какъ пѣнившаяся вода, превращаясь въ маповое серебро, разсына-

лась брилліаншовыми брызгами. Она походила въ по время на карпину знаменишаго художника, изобразившаго почти шакимъ же образомъ ушро Ипаліянское. Но взоры мои невольно приковались къ прешей; она сшояла около темнаго кипариса и держалась мраморною рукою за одну изъ вѣшвей его, какъ будто не имѣя силъ обойтись безъ этой помощи; поникшая голова ея упала на плечо, лице закрывалось густыми кудрями черныхъ волосъ, колыхавшихся подобно печальнымъ вѣшвямъ плакучей ивы; можно было подумашь, что существо это не имѣло жизни, что это мраморное изваяніе, поставленное надъ холодною могилою; не знаю, опъ чего я и самъ, смотря на нее, каменѣлъ. . . Вдругъ несчастная невольница приподняла черные глаза свои къ небесной лазури, волосы рассыпались по плечамъ. . . »Зара!« воскликнулъ я— и въ одно мгновеніе былъ у ея ногъ. . . Да! это была она! сердце мое узнало ее; но глаза могли бы сомнѣваться; это былъ пошъ же цвѣшокъ, копорый еще шакъ недавно плѣнялъ васъ свѣжешью и красоюю, но уже убишый свирѣлою, спрашною бурешю! »Зара, Боже! почему ты здѣсь? что спалось съ шобою, бѣдная!« При взглядѣ на меня поблѣвшія уста ея улыгнулись. . . но шакъ улыбаются лица опчаяніе! подобная улыбка краснорѣчивѣ словъ: высказываетъ душевныя муки, пожирающія подобно

могильнымъ червямъ все внутреннее существованіе! А дымковъй цвѣтъ лица и спрашное упомденіе во всѣхъ чертахъ ясно показывали, что поблекшій цвѣпокъ не оживишся уже ни перлами росы, ни золопомъ солнца. Вдругъ ужась изобразился на всемъ лицѣ несчастной, она вся зашрепешала и, приблизясь ко мнѣ, проговорила голосомъ глубокаго опчаянія: »Бѣги отсюда, о бѣги скорѣе! здѣсь мечъ дымящійся кровію не утолилъ еще жажды своей: ты погибнешь!«—»Да погубите и ее!« пробормоталъ около меня гнусный голось испуганнаго эвнуха. Погубишь ее! Эти слова, какъ очарованная труба Аспольфа, прогремѣли въ ухахъ моихъ. » Но она моя, кто осмѣлился похищать ее у меня!« воскликнулъ я, раздираемый невыразимымъ опчаяніемъ. . . Тупъ повариць мой подбѣжалъ ко мнѣ и повпоря спрашныя слова, что неоспорожнось моя можеть погубишь невозвратно Зару, почши насильно увлекъ меня изъ сада.

Я видѣлъ, какъ Зара закрыла обѣими руками лице свое и скрылась между деревьями, подобно пѣни въ преисподнемъ царствѣ Плупона. Больше ничего не могъ я видѣшь: вокругъ меня все кружилось, въ ухахъ гудѣли тысячи колоколовъ, языкъ не могъ найши ни одного слова для выраженія. Ночь начала распилать шайншвенное покрывало свое, свѣжій вѣтерокъ охлаждалъ душ-

ную атмосферу. Пора домой, пвердилъ мнѣ мой товарищъ; но ноги мои не двигались, дрожали, подламывались подо мною, и я просилъ, умолялъ его оставить меня одного. Спутникъ мой върояпно не слишкомъ понималъ происходившее со мною. Онъ думалъ, что это припадокъ болѣзни, дурнопа, и поспѣшилъ домой за лошадьми, а я упалъ подъ гуспой чинаръ, добыча полного безумія. Пламя спрашпей, какъ огромный пожаръ, свирѣпствовало въ груди моей: одна мысль спѣсняла другую... Мнѣ казалось, что я, какъ упомленный спранникъ въ спешяхъ Аравіи, блуждаю по безпредѣльной пустынь міра, безъ опоры, безъ цѣли, съ душою сирого, одинокою; искра жизни начинала уже гаснуть, силы ослабѣвали, гибельное безвѣріе съ спрашною улыбкою приподнимало крышку гроба и приглашало опдохнуть въ холодныхъ объятіяхъ ничтожества... Но вдругъ, какъ лучъ спасенія, какъ символъ будущности, являлась чудесная дѣва Греціи и подавая мнѣ прекрасную руку свою, голосомъ, подобнымъ райской мелодіи, утѣшала грусть мою, обѣщала соединить судьбу свою съ моею и своимъ присущствіемъ смягчить шернія сей крапковременной жизни: ея ангельская улыбка, небесный взглядъ оживляли увядшее мое существованіе, розовыя уста, покоившіяся на моихъ, вливали новую жизнь, юныя перси, бившіяся на груди моей, согрѣвали оспымое

сердце... Вдругъ земля со спономъ распу-
пилась передъ нами; изъ спрашной мглы про-
паспи выходипь рука мощная, огромная, въ
одно мгновеніе обхватываетъ Зару и увлека-
етъ съ собою въ бездонную пучину; я слышу
только шумъ ея паденія, только болѣзненные
крики; они спановаяся все далѣе, далѣе, на-
онецъ совсѣмъ умолкли; пропаешь задвинулась—и
я опяшь оспался одинъ, оглушенный перуномъ
грозной, немилосердой судьбы!.. Тупъ хаосъ
идей превращался въ неукротимую бурю, ды-
ханіе дѣлалось огненнымъ, кровь, подобно рас-
шопленной лавѣ, приликала къ сердцу, я вска-
кивалъ съ своего мѣспа какъ съ раскаленныхъ
угольевъ, перебѣгалъ на другое, но и опшуда
бѣшенство, опчаяніе и яроспъ прогоняли меня..

Такъ прошла почти цѣлая ночь, ночь спраш-
ная, мучительная; и почти уже передъ свѣсомъ
пріятель мой прискакалъ ко мнѣ верхомъ съ
нѣсколькими служителями. Видъ людей былъ
мнѣ несперимъ; я вскочилъ на приведенную
для меня Турецкую лошадь, опуспилъ поводья,
и бурной конь мой какъ вихрь помчался со
мною; но призракъ Зары блѣдной, убишой,
спрепещущей, не опспавалъ опъ меня: онъ ле-
спѣлъ пакже со мною, усспремлялъ на меня пе-
чальные свои взоры, просспиралъ ко мнѣ руки,
прозрачныя какъ вечернее облачко, груспно ка-
чалъ мнѣ головою; эшо было невыносимо: я

закрывалъ глаза, но призракъ дѣлался еще явственнѣе. Бѣдная, бѣдная! восклицалъ я въ себя; эхо впорило слова мои и, умирая въ опдаленіи, превращалось въ болѣзненный спонъ несчастной Зары. . .

Наконецъ привычный конь мой оспановился у занимаемаго мною дома; я вбѣжалъ въ свою комнату, бросился на постель: она казалась мнѣ холоднѣе вѣчныхъ льдовъ Скандинавіи; я накидывалъ на себя плащъ свой, но онъ давилъ меня, какъ грудa земли могильной.

Вскоръ добрый пріищель вошелъ въ мою комнату.

» Чшо съ вами дѣлаешся! сказалъ онъ. Неужели любовь къ эпой печальной невольницѣ зашемнила шакъ вашъ разсудокъ? Но спранное дѣло, какъ, когда и гдѣ узнали вы ее? «

Я молчалъ.

— » Ежели эпо шочно любовь, а не болѣзнь, не безуміе, продолжалъ онъ, шо эпому помочь не совѣмъ шрудно! Все золопо, опяшь золопо. «

» Неужели ешь какое нибудь средшво? воскликнулъ я.

— » Бога ради будьте покойнѣе и слушайте! На дняхъ опходишь одно купеческое судно въ Севаспополь; вы можете получишь согласіе посланника для опшлышя шуда; эвнуху коше-лекъ съ золопомъ—и Гречанка ваша будешь со-пушшвовашь вамъ! «

Переходъ опть безнадежности къ надеждѣ былъ шакъ быспръ, чшо я долго не могъ про-изнести ни одного слова; наконецъ, опомнясь нѣсколько, проговорилъ:

» Такъ! вы имѣете сердце, имѣете жалость, спасите Зару мою, спасите меня!

— » Успокойшесь же! я успрою все; кажешся, напередъ ручаюсь за успѣхъ! » опвѣчалъ онъ.

Спуспя пяшь дней мучительныхъ — долгихъ какъ вѣчноспь—красивое купеческое судно качалось на водахъ Босфорскихъ, пригошворясь расправишь лебединья свои крылья, чшобы перелешѣшь глубокой Поншь Эвксинской. Въ шемноголубой выспѣ уже зажигаались звѣзды, сумракъ шемнѣлъ болѣе и болѣе, все было го-шово къ оппльшю; попушный вѣсперь дулъ уже нѣсколько часовъ; повиснувъ на боршѣ ко-рабля, едва переводя дыханіе, смошрѣлъ я въ сумрачную даль, прислушивался къ шуму волнъ. . . Тамъ, въ эпой шайншвенной дали мелькала надежда. . . Тупшь, черныя, холодныя волны какъ будшо ошпанавливались передо мною и манили въ мрачной безднѣ своей зашущишь огненный вихрь моего опчаянія. Вдругъ вдали блестящія искры выскочили изъ волнъ и мелькнувъ одно мгновеніе, рассыпались по шем-ной пеленѣ водъ; вмѣстѣ съ шѣмъ послышались частые удары весель; фосфорныя блестящія

видѣлись все ближе и ближе, удары весель дѣлались слышнѣе и слышнѣе... и... о послѣдняя минуша блаженства!.. Зара упала въ объятія мои, Зара прижималась къ груди моей, горлица вырвавшаяся изъ оспрыхъ когшей яспреба!..

Съ шумомъ развернулись упругіе паруса, корабль нагнулся какъ мощный аплепъ, высупающій на rispалище, и быспро скользнувъ по Оракійскому Босфору, понесся въ необозримомъ пространствѣ Чернаго моря. Движеніе на корабль мало по малу прекратилось, все погрузилось въ сонъ, все умолкло, лишь рокочали волны, слабо освѣщенные взшедшею луною, лишь въ темныхъ промежуткахъ ихъ уныло свиспалъ полуночный вѣсперъ. Я одинъ оспавался съ Зарою на палубѣ, согрѣвалъ холодныя руки ея въ моихъ, цѣловалъ блѣдныя ланипы ея и упоенный радостію говорилъ ей:

»Теперь мы не распанемся съ побою никогда, шеперь никшо не разлучипъ насъ!«

— »Никшо, кромѣ смерти!« сказала она.

»Но гдѣ же родные твои, Зара? Чшо сдѣчалось съ вами послѣ шого, какъ я оспавилъ Папрасъ? Какая буря разразилась надъ побою, несчастная?«

— »Гдѣ родные мои?« воскликнула она и задрожала какъ осенній лиспъ, орошенный холодною каплею дожда. »Такъ ты еще не знаешь ничего!« сказала она послѣ минушнаго молчанія:

но я и сама хорошенько не знаю случившагося съ нами. Мнѣ кажется, что все это сонъ, сонъ спрашный, убійственный, однако я расскажу тебѣ. Ты узнаешь — мнѣ и самой будетъ это яснѣе. Послушай! «

Въ это время луна вполне освѣтила блѣдное лице ея, усурменныя на меня глаза горѣли, рука, прежде споль холодная, пылала въ моей рукѣ, слова ея были пакъ пики, пакъ неопредѣленны, какъ опдаленныя прелюдіи арфы; но наконецъ звуки ихъ дѣлались громче и, сливаясь съ заунывнымъ свиспомъ вѣтра, умирали въ ропотѣ волнъ.

— «Когда ты уѣхалъ изъ Папраса, начала она, мнѣ было скучно, очень скучно! Я забыла горы, забыла море, забыла себя саму, душа моя улетала къ тебѣ, оставляя меня почти безъ жизни, безъ радостей, безъ услады... Вдругъ получаемъ мы гибельную вѣсть, что опрядъ Сульоновъ сразился съ Турецкимъ опрядомъ и братъ мой, находившійся подъ знаменами Маврокордапо, палъ мершвыи на родной землѣ своей; черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого извѣстія домъ нашъ наполнился солдатами Сулпана и все мы были задержаны по его повелѣнію; на другой же день опправили насъ за сильнымъ конвоемъ въ Конешаншинополь. Мы даже не почувствовали этого новаго удара судьбы! Смерть несчастнаго брата заглушила все дру-

гя ощущенія; не знали, какую участь господилъ намъ ширанъ, и не заботились объ этомъ. Насъ предсавили прямо къ нему. Окруженный блестящими рабами, чудовище спрашно улыбнулся, увидя насъ; голосъ его загремѣлъ какъ неисповная буря; онъ махнулъ зловѣщею рукою черному невольнику, благоговѣнно споявшему у колоссальныхъ дверей залы, и въ одно мгновеніе обнаженная сабля, сверкнувъ какъ глаза смерти, прожужжала въ воздухъ, и окровавленная голова спараго опца докапилась къ ногамъ изверга, оросивъ лице мое родною кровію. . . Я не видала болѣе ничего; я какъ спалую, сбивая съ своего пѣдесчала, грянулась на мраморный помостъ, спокрашно холоднѣе и безжизненнѣе самаго мрамора. Не знаю, что сдѣлалось съ моею маперью, но конечно ударъ, сразившій опца, былъ и для ней минушою смерти. Опомнясь въ раззолоченныхъ палапахъ гарема, окруженная измѣною и безчестіемъ, я оспалась жить, чтобы увидать еще разъ тебя. . . Но, другъ, жизнь моя была мученіе, спраданіе едва выносимое! Ты видишь ли эту кровь на волосахъ моихъ? она жжетъ бѣдную мою голову, она проникаетъ мнѣ сквозь черепъ, раздираетъ мозгъ мой! « . . Тупъ несчастная, какъ будто объясая ужасомъ, опскочила опъ меня, оспановилась у самаго борша и, успремивъ блуждающіе взоры на черныя волны, въ порывахъ мяшежнаго бе-

зумія воскликнула голосомъ опчаянія невыразимаго: »Опець мой, пы не погибнешь, я спасу тебя, укройся на груди моей... И прежде чѣмъ я окаменѣлый могъ выговорить одно слово, она бросилась въ мрачную пучину моря...

Шумъ ея паденія, послѣдній спонъ ея до сихъ поръ звучашъ въ ухахъ моихъ, до сихъ поръ леденяшъ кровь мою! Такъ погибла Зара, такъ попухъ эшопъ райскій лучъ, освѣпившій на минушу темношу души моей! Чшоже я, спросите вы? Я ринулся вслѣдъ за нею съ неисповою радоспію, быспрая мысль, какъ молнія, пробѣжала въ головѣ моей: одна могила на днѣ морскомъ успокоить насъ, одинъ саванъ холодныхъ волнъ обернегъ! Но мощная рука спорожеваго мапроса удержала меня и я безъ памяти упалъ на руки его. Болѣзнь, еще не совсѣмъ излѣченная, съ новою силою овладѣла мною, жаръ горячки запылалъ снова. Не знаю, долго ли я находился въ соспоянїи совершенной безчувспенности; но опомнясь увидѣлъ себя на посшелъ въ комнагъ довольно чистпой, увидѣлъ какія - шо незнакомыя лица; но гдѣ я, посреди кого, чшо было со мною, чшо шакое я самъ: слабая нишь разсудка не могла связашъ ничего... эшо было для меня непоняпно!..

Хошя по милоспи, или по немилоспи Севаспопольскаго докшора, въ домѣ копораго я находился, жизнь моя не прекращалась, силы на-

чинали: возвращаться, но мысль какъ будто опорванная: оупъ пѣла, не могла схватить ни одного предмета, и эта одеревенѣлость идей конечно способствовала въ возстановленію разрушавшагося существа моего. Мысль убійственнѣе, сильнѣе всякаго яда: она разливаея по всѣмъ сусувамъ, на яву сосетъ мозгъ костей, грызетъ сердце, пугаетъ вечерними призраками; ночью въ видѣ мохнатого спрашилища наваливаея на грудь, давитъ какъ огромная глыба льду, впередъ мертвые, блестящіе глаза на лице спрадальца и искривляя безобразныя, желпыя морщины, адскимъ хохотомъ хохочетъ вслухъ. Да, все это мысль! Почему же спрашна жизнь безъ мысли и смерть безъ жизни? Пусть скажутъ мнѣ! Все пайна, непоспужимая пайна. . . о чемъ же полковапъ! . .

Я началъ вспавапъ съ поспели и однажды, сидя у окна, печальный, но незадумчивый, ибо думапъ не могъ, слышу звуки инструмента. Испаліанецъ, жившій въ верхнихъ комнапахъ занимаемаго мною дома, игралъ на скрыпкѣ. Музыка была сперва пиха, очаровашельна, задумчива какъ весна: пупъ слышалось мнѣ и помное лѣнивое журчаніе бѣжавшихъ съ горъ испочниковъ, и пѣніе ппиць, и аромашы цвѣшовъ, и вздохи любовниковъ, и поцѣлуй ихъ; мечпы лептали какъ зефиры, роскошная нѣга укладывалась на эмалевые луга; попомъ звуки дѣлались силь-

нѣе, поржеспвеннѣе, но скоро смѣнились какими-по смѣшанными, неясными аккордами, сперва заунывными, попомъ дикими и наконецъ опчаянными. Вдругъ все умолкло, воцарилась мертвая тишина, и только спукъ шаговъ надъ моею головою какъ будто давалъ знать, что инструментъ не въ соспоянїи выражаешь далѣе бурю чувспвованїй.

Дивная музыка эша какъ будто пробуждала меня опть глубокаго сна; она начинала мнѣ напоминашь минушы райскїя, небесныя, минушы волшебныя, проведенныя мною съ Зарою; я упивался блаженспвомъ, слезы лились изъ глазъ; но вдругъ бурные звуки какъ осеннїе вѣспры впоргались въ душу мою и предо мною въ огненныхъ призракахъ являлись поперемянно сады гарема, Зара - невольница, корабль, море, черныя волны, разинувшія адскую пасшь свою и поглопившія Зару... Опть сильнаго поспрясенїя разсудокъ мой возвращилсѣ.. И повѣришь ли? мысль, что Зары нѣшь, не испугала меня... Знаешь, что она жива, но подавлена спраданїями, горемъ, униженїемъ, безчеспїемъ, былобы выше силъ моихъ; но — смершь! она примиришь насъ со всѣми мученїями, и увѣренносшь, что я, какъ всѣ, найду спокойспвіе въ холодныхъ объашпяхъ ея, извлекла какой-по опчаянно-радоспный смѣхъ изъ груди моей. Да, думалъ я, шѣло успокоиспся конечно, но мысль обни-

мающая безконечное и безпредѣльное, духъ, душа, какъ хопипе назовипе, чпо будетъ съ эпою часпицею самага меня, часпицею, для кошорой нѣтъ приличнаго названія и кошорую мы шолько шемно, смупно можемъ понимашь, въ рѣдкія минугы чудеснаго вдохновенія, чпо будетъ съ нею? Чпо будетъ съ нею! спрашивалъ я роскошныя мѣса Тавриды. Они качали гордыя вершины свои, нашенпывали какую-то шайну; но я не понялъ ее. Грустныя взоры мои обращались къ безпредѣльной высотѣ неба, лазурный цвѣтъ его дѣмался еще лазурнѣе; но шоржешвенное молчаніе эпо — я не посшипалъ его... Я углублялся въ самага себя; но шущь въ спрашномъ хаосѣ рисовался какой-то лабиринтъ и разсудокъ мой шерялся въ немъ!

Наконецъ шѣло излѣчилось; но на сердцѣ лежалъ тяжелый грузъ. Чпо дѣлашь мнѣ съ собою? спрашивалъ я самага себя, куда дѣвалъсья? — И не думая долго, воспользовался удобнымъ случаемъ опходившаго въ Ишалію судна, проспился съ добродушнымъ хозяиномъ своимъ и перенесся въ шѣ мѣспа, гдѣ возродился народъ самодержецъ, гдѣ развивалась колоссальная жизнь гиганта и гдѣ, превращаясь въ прахъ, онъ дивитъ міръ до сихъ поръ еще неизгладимыми слѣдами своего могущества. Но бѣдная Ишалія, чпо спалось съ нею? Солнце по прежнему разливаетъ

золопо свое на гордые лавры, гремучіе водопады съ шакою же силою вырываются изъ горъ, покрытыхъ узорчатыми коврами, небо все также чисто и прозрачно; человекъ же, дополняющій собою красоту природы, уже не пошлъ; вся очаровательная спрана сія походить на жертву великолѣпно одѣшую для гибельнаго жертвоприношенія. Что такое слава, думалъ я, смотря на древній Капитолій — и вспоминалъ великое имя Цезаря, отдавшаго жизнь свою для блага человечества и получившаго въ награду вѣковую клевету, заклеившую его именемъ пирана. . . Печальна пы, прелестная Ипалія, сказалъ я; но сердце мое еще печальнѣе шебъ! Часъ невгоды швоей пройдетъ, моя же подавись только холодною землею. . . Сказалъ и спѣшилъ убѣждать опъ краснорѣчивыхъ развалинъ, на копорыхъ такъ ярко изображалось ужасное *vanitas vanitatum!*

Перелетѣвъ Альпы, я очутился въ славной опчизнѣ Наполеона, во Франціи. . . ибо не шамъ опчизна наша, гдѣ мы въ первый разъ узрѣли міръ Божій, но шамъ, гдѣ жила душа наша. Кипѣніе жизни, разгулъ идей не оживилъ меня. . . И шунъ только съ ужасомъ увидѣлъ я, что кольцо жизни моей опорвалось опъ общей цѣпи бытія, что слава, дружба, любовь, всѣ очаровательныя обольщенія міра исчезли для ме-

ня, какъ счастливыи сонъ узника, пробужденнаго звукомъ цѣпей въ смрадной пемницѣ своей. Куда же бѣжать мнѣ опть самаго себя, куда бѣжать опть спрашныхъ думъ своихъ? .. Въ домъ моей родины, въ мѣспахъ, гдѣ пропекло мое золотое дѣлство, надѣялся я опдохнуть хопя въ воспоминаніяхъ прошедшаго, надѣялся сокрывшись опть людей, опть свѣпа, сокрывъсья опть помленій шоски невыразимой, и шуда направилъ я сокрушеннѣи бурейо челнокъ свой. Ошпылое сердце запрепешало, когда экипажъ мой покапился по обширной аллеѣ, ведущей подъ сѣнь родимаго крова. Сколько воспоминаній пѣснилось въ грудь! Несчастному убійшвенно вспоминашь о прошедшемъ счастлии... Вопшь въѣхали на дворъ, поросшій высокою правую; раздался лай собаки, испуганной зрѣлицемъ для ней совершенно новымъ, но собака эша была уже не ша, съ копорою игралъ я въ ребячешствѣ; полуслѣпой спарикъ вышелъ изъ флигеля, не узналъ меня—меня, копораго носилъ онъ нѣкогда на рукахъ своихъ. Такъ, подумалъ я, все измѣнилось, все перевернулось, все приняло другой видъ, или совершенно смѣнилось другимъ... шаковъ законъ природы, чшошь шосковашь о прошедшемъ? — А между шѣмъ грудь чшошо давило, дыханіе дѣлалось рѣже, когда большой ключъ проскрыпѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и опшворившаяся дверь предспавила взорамъ

моимъ предметы, споль знакомые; мнѣ хотѣлось скорѣе насыпипь ими свои взоры, скорѣе упипсья горькимъ пипьемъ; въ эпой раздражающей грусти было что-то упоительное. Я пробѣгалъ по всѣмъ комнапамъ, оспанавливался на минушу пропивъ карпинъ, значеніе коихъ полковаль мнѣ нѣкогда опецъ мой, оспанавливался пропивъ спашуй, пугавшихъ меня когда-то въ сумерки; когда юное воображеніе предспавляло мнѣ ихъ сходявшихъ съ своихъ піэдеспаловъ и манившихъ меня къ себѣ мраморными руками своими, но не оспановился я около порспрепа, изображавшаго меня ребенкомъ, валяющимся на цвѣпахъ въ большой корзинѣ. . . видѣшь эпо—я не могъ! . . . Опсюда бросился я на верхъ, опшполкнулъ дверь на право—и очутился въ комнапѣ, гдѣ провель дни своего дѣспсва : шупть спояла маленькая кровашка моя, полуизломанныя гусли, деревянное ружье, бумажная собака! . . Я громко зарыдалъ и упалъ на креслы, гдѣ нѣкогда сидѣлъ добрый педагогъ мой. . . Но минушы прошедшаго, какъ будшо насмѣхаяся надо мною, мелькали въ радужныхъ цвѣпахъ предъ опуманеннымъ взоромъ моимъ. Нѣпгъ, эпо невыносимо! воскликнулъ я, выбѣгая опшпуда: никогда не войду болѣе сюда; никакое спраданіе не можешъ сравнипсья съ эшими воспоминаніями. . .

Вошъ уже болѣе года, какъ я обипаю здѣсь, одинъ, совершенно одинъ. Не спрашивайте у

меня испорчи думъ моихъ и чувствованій въ продолженіе этого времени, не заспавляйше меня извлекашь изъ глубины сердца оспрые обломки кинжаловъ; да и въ соспоянїи ли я изобразилъ вамъ эти дни, копорые иногда мнѣ кажутся минушами, и минушы, копорыя пшанушя длиннѣе вѣковъ! Я скажу вамъ словами величайшаго изъ поэшовъ, что ежелибы голосъ мой былъ голосъ громовъ, я бы говорилъ!.. теперь пусть сердце ваше пойметъ мое молчаніе. « . .

Оно поняло себя, несчастный, оно спрадало за себя, спрадало шѣмъ болѣе, что не находило средсва къ швоему спасенію!—»Вамъ оспаешся религія!« проговорилъ я, преисполненный пысачью различныхъ, новыхъ для меня чувствованій. Онъ горько улыбулся, вскочилъ съ своихъ креселъ, махнулъ рукою и вышелъ вонъ изъ комнашы. Оспавшись одинъ, я невольно спросилъ себя: »Не ужели просвѣщеніе, соединенное съ благородною душою, съ умомъ высокимъ, шакъ губельно для человѣка, заключающаго сїи доспоянїя? Ежели Горацій, любимецъ Форпуны, бѣгалъ опъ великолѣпнаго двора Августа, опъ добраго Меценаша, опъ прелесныхъ красавиць, и укываясь въ темныхъ лѣсахъ, оглашалъ ихъ груспными воплями; ежели Байронъ,

не могъ заглушить шоски своей, ни на обломкахъ священной Греціи, ни подъ голубымъ небомъ райской Ипаліи: шо Наполеонъ, съ челомъ яснымъ и покойнымъ, проходилъ по широкой спезѣ своей бурной жизни! Какъ же опредѣлишь эпи прошиворѣчія? На чемъ оспановишься? Слова Байрона не объяснятъ ли намъ эпо? Онъ сказалъ: »Не доспапочно въ продолженіе жизни своей написатъ списхи; надобно чѣмъ-нибудь большимъ служипъ человѣчеспву!« Эпи слова, кажешся, объясняютъ, чшо душа его не удовлетворялась наспоющимъ положеніемъ своимъ, жаждала большаго, и не находя ничего доспойнаго себя, шосковала, погружаясь въ обыкновенныя мѣлочи жизни. Думаю, шоже было и съ Гораціемъ. Наполеонъ не былъ подавленъ убійспвенными мѣлочами: жизнь его была полна, каждый шагъ его оппечашывался на мраморныхъ скрижаляхъ испоріи человѣчеспва. Одинъ, не находя съ ранней юности въ окружающихъ себя предметахъ доспапочнаго объема для души своей, упадаешъ духомъ и дивишь свѣтъ неслыханнымъ розвращомъ; другой, пошерявъ внѣшній міръ, углубляется въ самага себя, въ міръ внуспренній, и шамъ шеряясь въ шемныхъ извилинахъ чудеснаго лабиринпа, вспрѣчаешся лицомъ къ лицу съ познаніемъ своего ничшожеспва. Онъ ужаешся гошовъ бѣжашъ опъ него.. но поздно!..

Жизнь разбила, обольщенія скрѣлись, горе несчастному, смерть его спасеніе! «...

Года чрезъ полшора послѣ пого, проѣзжая мимо Т***, я приказалъ извозчику своему повернуть къ деревнѣ Юлія, желая узнать что-нибудь объ его положеніи. Подѣхавъ къ дому, я выскочилъ изъ коляски; но къ удивленію моему, большой замокъ висѣлъ у двери и мертвая пишина господствовала всюду. Что бы это значило? подумалъ, я и поспѣшилъ войти въ маленькой флигель, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Слѣпой спарикъ лежалъ на кровати, вокругъ его прыгали дѣти, конечно его внучачапа; спарикъ приподнялся, услышавъ незнакомый ему голосъ, дѣти замолчали.

— » Скажи пожалуйста, сказалъ я, почему запертъ домъ? гдѣ же Юлій?

— Царство ему небесное! отвѣчалъ спарикъ; его уже нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

— » Какъ! можешь ли это быть! какимъ образомъ? « воскликнулъ я.

— Его громъ убилъ, закричали дѣти.

— Вонъ шумъ въ саду, у большаго дуба, примолвилъ спарикъ, разразился гнѣвъ Божій; бѣднаго шакъ разгромило, что мы на силу опыскали въ правѣ руку, а мозгъ весь ошался на деревѣ.

— » Миръ праху швоему! проговориль я съ ужасомъ, невольнo перекрестясь. Провидѣніе сжалилось надъ побoю, несчастный! «

ЛЪСОВИНСКІЙ.

III.

КОНКЛАВЪ. а)

Большой колоколь Капишолія, возвѣщающій Римскому народу и всему Христіанству смерть Первосвященника-Монарха, звучишь девять дней и девять ночей; печальное девятидневіе прохо-

а) Опрывокъ изъ новаго Французскаго романа Карла Дидье, подъ заглавіемъ: Подземный Римъ, который еще ожидаеся въ Парижѣ. Извѣстный своими пракшическими и живописными очерками Ипаліи, авторъ, въ семъ новомъ произведеніи, смѣлой и оригинальной кистью живописуетъ внутреннюю и, такъ сказать, сокровенную жизнь сей » Ніобы народовъ «. Есть двѣ Ипаліи: Ипалія видимая и Ипалія невидимая. Первая есть Ипалія церквей, дворцовъ, развалинъ и каршинъ; она доступна всѣмъ проходящимъ, она во всѣхъ книгахъ. Другая — Ипалія сектъ, Ипалія подземная, которая доселѣ еще не описана: таинственная и безмолвная, она опкрывается только нѣкопорымъ перфѣливымъ адепшамъ, кои добровольно обрекаются нисходити въ мрачныя ея склепы. Вотъ Ипалія Дидье: ея-то искалъ онъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, черпая изъ сихъ сокровенныхъ испочниковъ, онъ успѣлъ быти новымъ въ предметѣ такъ спаромъ. Его книга есть истинное посвященіе въ

дишь въ молитвахъ, псалмопѣнїяхъ и заговорахъ. Театры, прибуналы, универсипешъ, словомъ, все въ Римѣ закрышо; ибо смершю Папы прекращаешя всякое заняпїе, всякое дѣло, всякое удовольствїе. Теокрапическое самодержавїе заключаешя въ нѣдра Священной Коллеги; но до ея полного собранїя главой государспва бываешъ Кардиналь-Камерлингъ. Дѣлаясь Папою на сей крапшїй промежутокъ, онъ берешъ во владѣнїе дворець Первосвященника, бѣешъ монешу на свое имя и съ своимъ гербомъ; и, говорящъ, не одно Высокопреосвященспво умѣло обращаешъ сіе мгновенное владычеспво себѣ на пользу.

Равнымъ образомъ междуцарспвіе предоспавляешъ Римскому народу право бранъея за оружіе; и сіе мїрское право у него не оспориваешя, а хипро выманиваешя, вошъ какимъ образомъ. При каждой ваканси, блюспипели Рим-

панспва Ипалїи. Онъ заспавляетъ видѣшъ людей и ихъ пламениля спраспи памъ, гдѣ другїе видяшъ только гробы и мертвецовъ. Сцена произходишъ въ Римѣ, въ концѣ Респавраци; но Ипалїя вся сосредоточиваешя въ дѣйствїи. Ваешя, очень проспая, связываешъ различныя его частни. Карбонари съ ихъ заговорами, санфедиспы съ своими интригами, играюшъ главную роль въ драмѣ. Слѣдующїй отпрывокъ глосаешъ идею о способѣ его изложенїя. Это описанїе Конклава и великаго девятидневїя по смерпи Папы, снлпше съ пашуры.

скаго народа собирающъ въ Капишоліи Спо-
 членный Совѣщъ: и здѣсь предсѣдапельсвующъ
 при вооруженіи народа, по еспь, набирающъ,
 подъ именемъ городской милиціи, опрядъ изъ
 двухъ сотъ человекъ, преданныхъ Вапикану, и
 дающъ имъ капишана изъ дворянства. Зна-
 меносецъ назначается самимъ Камерлингомъ. Сія
 мирная дружина имѣетъ свою главную квар-
 ширу подъ поршикомъ Капишолія; она дер-
 жиетъ караулъ въ чешырнацати кваршалахъ
 Рима, днемъ и ночью обходитъ дозоромъ,
 особенно бдитъ надъ ghetto Жидовъ и надъ
 мосшами. Только одинъ мосшъ Свяшаго Ангела
 не подлежитъ ея надзору. Древняя привиллегія
 поручаетъ храненіе его знаменишому дому Мац-
 ши, копорый и выславляетъ тогда опрядъ
 войска въ своей ливреѣ. Вопшъ въ чемъ состо-
 итъ вооруженіе Римскаго народа.

Соспавленная или лучше слывущая соспавлен-
 ной, полиція свяшаго града принадлежитъ или
 также слыветъ принадлежащею сенашору Рима
 и капоріонамъ, кой, на продолженіе Конклава,
 водружающъ у дверей своихъ хорутвъ своего
 нишпожесства, ибо все это одно пусятое мороченье.
 Капоріоны, или начальники кваршаловъ, не имѣ-
 ютъ даже влаести проснѣхъ полицейскихъ ком-
 мисаровъ, а сенашоръ Рима еспь не что иное,
 какъ призракъ.

Наслѣдникъ древнихъ Римскихъ Опцевъ (Patres Conscripti) въ среднихъ вѣкахъ игралъ еще роль благородную. Защитникъ и дикшаторъ народный, онъ былъ болѣе трибуномъ, чѣмъ сенаторомъ; и Бранкамонъ д'Андало, который низложилъ въ Римѣ сполько феодальныхъ крѣпостей и феодальныхъ головъ, оспавилъ по себѣ въ народѣ продолжительную память любви и признательности, а въ дворянствѣ впечатлѣніе ненависти и ужаса. Но въ продолженіе вѣковъ безпрестанно приходившая въ упадокъ власть сенаторская наконецъ упала до самой послѣдней степені; и не смотря на свое золотое платье, золотую цѣпь и скипетръ слоновой кости, верховный глава вѣчнаго града теперь не что иное, какъ презрѣнный эдилъ, котораго самое лучшее преимущество состоитъ въ томъ, что онъ опворяетъ вороша для скачки лошадей во время карнавала. При всемъ томъ сія окороченная шоба прикрываетъ всегда благородные члены какого-нибудь князя: онъ засѣдаетъ еще въ Капитоліи; и шрое его поварищей, наспояціе прикащики, но все подобные ему вельможи и не менѣе гордящіеся своимъ саномъ, принимающъ на себя величественное шипло блюспишелей Римскаго народа.

Такимъ образомъ въ неподвижномъ городѣ все форма, все церемонія. Духъ умеръ: оспалась сполько буква—и эша буква вѣчная!

И такъ Папа умеръ, обманувъ цѣлымъ мѣсяцомъ всѣ расчепы медицины и полипики. Эпопъ далеко раздающійся ударъ косы, который одного сводить въ могилу, а другаго возводитъ на тронъ, пробудилъ опъ вседневнаго сна драхлый Римъ и попрясь сію лешаргическую машину. Внезапно испоргнись изъ своей бездѣйственности, городъ взволновался; но эпо механическое движеніе было безплодно; ибо не было истинное дѣйствіе. Только чпо ходили, да уходили; пысячи группъ чернѣлись на площади: проспой народъ, князья, монахи, купцы, Англичане, Русскіе, Французы, всѣ націи, всѣ государства, полклись и шумѣли безъ всякаго порядка. Но большинсво было на споронѣ преугольныхъ шляпъ и Лондонскихъ лавочниковъ. Скорѣе забыпый, чѣмъ охладѣвшій, Первосвященникъ былъ воспоминапъ полько убійственнымъ пасквилемъ; и воспаменяемые надеждою, чесполубіемъ, неизвѣспностью, умы влеклись невольно къ будущему Намѣспнику С. Пепра, какъ желѣзо къ магнису.

Всѣ сіи сборища были въ своемъ родѣ шѣже конклавы, полько на опкрышомъ воздухѣ. Здѣсь было возведено и низведено до двадцапи Папъ; не смотря на буллу Пія IV, пари были держаны на разныхъ кардиналовъ, какъ будшо на

карпу или на Англійскую лошадь; и тысячи шпионовъ соперничающихъ парпій на всѣхъ парусахъ извѣдывали сіи нескромныя моря, Карбонари, санфедиспы, Франція, Австрія, всѣ посольства, всѣ секшы, всѣ парпійи, имѣющъ здѣсь своихъ проныръ, кои бѣгающъ въ шемношѣ взадъ и впередъ, полкающъ другъ друга, распавляющъ другъ другу засады и, прикрывая свои ковы, опушывающъ полпу невидимую сѣпью.

Такова публичная площадь въ Римѣ въ сіи дни междуцаршвія и избранія. Римъ палаптъ не меньше колеблется и волнуется. Тѣже самыя сѣпи, кои низшая дипломатія разбрасываетъ по улицамъ, высшая закидываетъ въ залахъ. Вся знать, все имениное духовенство, спановяпся въ боевой порядокъ; и ихъ карешы, равно какъ ихъ шпионы, перегоняющъ другъ друга во всѣхъ направленіяхъ и бороздятъ собою полпу, копорая расступается предъ ними и снова смыкается, какъ Красное Море для Евреевъ.

Возвышаясь, подобно призраку, среди древнихъ Европейскихъ монархій, давно уже одряхлѣвшая, избираптельная республика Вапикана, опличается отъ всѣхъ своимъ величественнымъ ничпожеспвомъ. Она рабспвуетъ, и носитъ на челѣ знаки державной власпи. Это дитя, копорое

водящъ на помочахъ Европейскіе монархи: она получаетъ приказанія изъ Вѣны, Парижа, Пешербурга, и разыгрываетъ роль всемогущества. И эта личина находить еще легковѣрныхъ, копорые въ нее вѣрующъ: это обманчивое сіяніе вспрѣчаетъ глаза, способные имъ ослѣпляться. Но все сіе уже опзывается прупомъ; Римъ не что иное, какъ гробъ по-вапленный.

Великое девятидневіе кончилось; и Конклавъ открытъ уже болѣе недѣли. Но еще ожидаютъ нѣкопорыхъ иноснранныхъ Кардиналовъ, и попому еще ни чего не сдѣлано для избранія. Хотя войска уже на лицѣ, но онѣ еще осматривающся, считающъ и измѣряющъ другъ друга взорами, не вступаая въ бой. Покуда время проходитъ въ ложныхъ апакахъ, въ легкихъ спычкахъ: берегущъ себя для рѣшишельныхъ ударовъ.

Изгнанная маларіей, копорая, во время жаровъ, перелепаетъ чрезъ спѣны святаго града и проноситъ опуспошеніе до самаго жилища Первосвященника, Священная Коллегія въ сей годъ собралась во дворцѣ Квиринальской горы, болѣе доспупномъ для свѣжаго воздуха и болѣе здоровомъ. Доспойный соперникъ Ватикана, сей дворецъ заслуживаетъ сію честь по своему великолѣпію. Но привыкшіе къ спро-

гой и зашворнической монастырской жизни, между чепырѣмя спѣнами своихъ шѣсныхъ келлій, священныя избиратели также мало наслаждались своими великодѣльными и обширными покоями, какъ и прелестными, прохладными садами.

Наконецъ число заключенниковъ сдѣлалось значительнымъ: и Конклавъ представляеть собою малый міръ. Медики, хирурги, цирюльники, камергеры, аптекари — ни въ чемъ нѣтъ недоспашка. Сверхъ того каждое Высокопреосвященство имѣеть возлѣ себя, для услугъ шѣлу, уму и душѣ, по одному камерарію, секретарю и исповѣднику. Разъ запершыя, конклависпы не могутъ болѣе выходить, а ежели выходящъ, то теряютъ право входить снова. Только одно избраніе Папы можетъ возвратитъ имъ свѣжій воздухъ и свободу; какъ у Франк-масоновъ или карбонаріевъ, у нихъ всѣхъ успа связаны клятвою.

Мѣстная полиція поручаеться одному важному свѣтскому чиновнику, который носитъ на себѣ военное шипло Маршала Конклава. Онъ живеть въ самомъ дворцѣ, держитъ при себѣ ключи отъ него и одинъ пользуется правомъ отворять и зашворять сію пемницу. Швейцарская гвардія спережеть ея двери. Въ должностн шюремщика Маршалу вспомошествоеть первый блюститель Римскаго народа, который и

есть испинный церберъ палашъ. Онъ - по обыскиваетъ, или, по крайней мѣрѣ, слыветъ обыскивающимъ всѣхъ входящихъ, также какъ слыветъ ощупывающимъ бока паштеповъ и жаркихъ, красующихся на сполѣ избирапелей; ибо обѣдъ кардиналовъ не приготавливается на мѣспѣ, а приносится къ нимъ совершенно гошовый изъ ихъ кухней.

Всякой день послѣ полудни, благословенные обѣды пускаются въ пущь, запершыя въ ящики съ гербами хозяевъ, и пышно несутся на носилкахъ гербоваго же цвѣша двумя лакеями въ большой ливреѣ. Двое служителей опкрывають ходъ пѣшкомъ, съ жезломъ въ рукахъ; и, пуская ли, полная ли, кареша преосвященнаго замыкають поѣздъ. Тяжелое великолѣпие сихъ кардинальскихъ колесницъ соспавляетъ одну изъ достопримѣчательностей Рима. Окрашенныя въ пурпурный освященный цвѣтъ, онѣ держатъ на чепырехъ углахъ своихъ чепыре массивные помпона, также пурпуровые, и, скорѣе можно сказать, подавлены, чѣмъ украшены густою позолопою и испещрены гербами и изображеніями, часпо весьма соблазнительными. Самыя щегольскія окаймлены нагими Венерами и маленькими Амурами, кои пляшутъ подъ гирляндами изъ розъ и, подобно своей мапери, наги.

Такимъ образомъ Римъ ежедневно прорѣзывается во всѣхъ направленіяхъ, сими гописческими конвоями, назначенными для воюющихъ армій. Онѣ мирно дефилируютъ по улицамъ и поржественно разгружаются въ преддверіи поля бипвы. Римскій народъ, не менѣе своихъ предковъ жадный до зрѣлищъ, имѣетъ рѣшипельную склонность къ симъ гаспрономическимъ церемоніямъ и рѣдко пропускаетъ, въ полуденное время, вѣшашься на перегородахъ и осаждашь воропа Конклава.

Другая церемонія, до кошорой онѣ не менѣе жаденъ, естъ по, что въ Римѣ называется *fumade*. Эшо вопъ что. Избирашели ходяшь на вскрышіе голосовъ два раза въ день, до обѣда и послѣ обѣда; и сей обрядъ повпоряетъ до пѣхъ поръ, пока одинъ кандидашъ не соберетъ въ свою пользу двухъ прешей голосовъ, что соспавляетъ законное количесшво для шого, чтобъ бышь избраннымъ. До шого времени жгупъ письменные голоса; и дымъ священной бумаги выходитъ черезъ шрубу, находящуюся передъ глазами народа. Эшо называется *fumade*.

Въ одиннадцатъ и въ пяшь часовъ полпы пѣсняшя околу шайнспивеннаго дворца; и со взоромъ, усшремленнымъ на пророческую шрубу, какъ моряки на компасъ, Римскій народъ ожидаетъ здѣсь рѣшенія своей судьбы. Если

дымъ выходипть, Папа еще избираешся; еслижъ дыма болѣе не видно, значишь, что Папа уже избранъ.

И эпо уже не одно дѣшское пуспое любопытство, заспавляющее полпу зѣвашь на церемонію обѣдовъ. Управление церковной области еспь число самодержавное; посему выборъ государя существенно касаешся всѣхъ, ибо государь имѣешъ на всѣхъ вліяніе. Онъ выше законовъ, самъ еспь живыи законъ; онъ пересмаприваешъ всѣ дѣла, уничтожаешъ и опрѣщаешъ приговоры, и можешь, одною своею властію, не совѣшуйся съ заимодавцемъ, проспишь должнику его долгъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, однимъ проспымъ приказаніемъ. Сія незаконная милость, не смопря ни на какія права, можешь возобновляпсь черезъ каждыя шеспъ лѣпъ безконечно, въ пользу кровопельспуемаго. Вопъ что называешся въ Римѣ *sessena*.

Впрочемъ эпо шолько одна изъ пысячи крайноспей папской власпи. Еслижъ ко всемогущему побужденію выгоды присоединипся не менѣе сильное побужденіе честплюбія — ибо въ Римѣ нѣшъ никого, кшо бы не былъ болѣе или менѣе близокъ къ какому-нибудь кардиналу—шо понятно, съ какою горячкою неперпѣнія, съ какою поскою, съ какимъ біеніемъ сердца, вопрошаюпшь пророческую *futade* всѣ классы Римскаго народа.

Что касаешся до зашворниковъ, ихъ дѣпъ

очень коропка и сягопиить ихъ жеспоко. Буду-чи обьикновенно спары и дряхлы, они сожалѣють о своихъ привольныхъ палапахъ; ихъ плѣнничесство дѣлаешя иногда пакъ несосно, чпо, послѣ многихъ изслѣдованій, инпригъ и лукавспвъ, они вдругъ соглашаюпся и бросаюпся на перваго попавшагося. Такимъ образомъ скука, усалоспъ и кровопусканія, часпо дѣлаюптъ въ одинъ день болѣе, чѣмъ дипломашя въ цѣлый мѣсяць. Опсюда произходиптъ невѣжливая пословица, чпо Папа погда дѣлаешя, когда Кардиналы начинаюптъ выходиптъ изъ ума.

Внушрениій распорядипель Конклава еспъ Великій Маіордомъ.

Хопя древнїе апосполическїе спапупы за-прещаюптъ заключенникамъ всякое сообщенїе внѣ ихъ шюрмы, но они получаюптъ визитовъ чѣрезъ *калитку* или *sportello* не менѣе, чѣмъ монахини чѣрезъ свою желѣзную рѣшешку, шолько всегда въ присущспвїи чепырехъ *ascoltatori*, согладашаевъ безпокойныхъ, хопя при нуждѣ и снисходипельныхъ, коихъ должноспъ соспоиптъ въ шомъ, чпобъ записываптъ всѣ ихъ слова и жеспы.

Особенный входъ назначень для однихъ посланниковъ. Будучи всѣ опозваны опгъ дѣль смершю Папы, они ходяптъ къ нимъ по одиначкѣ и съ особенной пышноспью предспавляюптъ Свя-

щенной Коллегіи свои новыя довѣрипелъныя грамоты. Приведенные Маршаломъ Конклава въ залу аудіенціи, они вручаютъ свои бумаги Камерлингу и шремъ Церемоніймейстерамъ (chefs d'ordre), обязаннымъ приниматъ ихъ. Превосходительства спановятся на колѣна: Преосвященства оспаются на ногахъ и съ покрышыми головами; ибо, какъ будпо имѣя уже Папу въ себѣ, Кардиналы предспавляютъ божеспвенное величіе Царя-Первосвященника.

Кардиналы - Церемоніймейстеры бываютъ въ числѣ шрехъ и перемѣняются каждое упро. Въ продолженіе Конклава они супъ испинные блюспипели свѣпской и духовной власпи Валикана, какимъ бываетъ Камерлингъ въ продолженіе великаго девятидневія. Наслѣдникъ его мгновеннаго первосвященничества, и, подобно ему, монархъ на часъ, сей эфемерный шриумвирантъ управляетъ Римомъ и Церковію.

Въ продолженіе сего времени духовенство Римское разливается въ молишвахъ; и вся брація, какъ свѣпская, такъ и духовная, находишся въ движеніи, ходя изъ церкви въ церковь для поклоненія Свяшымъ Тайнамъ. Всякое упро приходскіе священники Рима, соединенные съ братьями нищенспвующихъ орденовъ, бшправляются изъ древняго хора Свяшаго Лавренція и шоржеспвенно шеспвуютъ къ Конклаву; воспѣ-

вая свящныя липаніи, до пѣхъ поръ, пока милосердію Божию угодно будешъ дашь паспыря спаду.

Во внушренности, пѣже самыя молибвы, пѣже церемоніи. Съ упра, передъ первымъ вскрыпіемъ голосовъ, служащъ обѣдню Святому Духу въ церкви Конклава, а послѣ обѣда воспѣвають *Veni, creator Spiritus!* чшо нынѣ значить уже почпи, не болѣе какъ: *господа, поскорѣ!* ибо вся эпа пышноспѣ еспѣ, по словамъ Апостола, мѣдъ звучащая и кимваль бряцающій. Нѣпѣ сущеспва, нѣпѣ вѣры: духъ сихъ обрядовъ давно умеръ. Только однѣ формы сущеспвуютъ; и ихъ-шо выспавляютъ на глаза народа, чшобы ослѣплящъ его.

И такъ. Конклавъ, древняя фабрика Намѣспниковъ С. Пепра, нынѣ уже не чшо иное, какъ жалкій шеапръ инспригъ; и избиратели, бывшіе нѣкогда почпи царями, не болѣе, какъ жуклы, пурпуръ коихъ скрываетъ подъ собою мершвый скелешъ и копорыхъ дергаютъ Европейскіе кабинеты по своей волѣ.

Вся эпа дряхлая избирапельная машина верпшися шеперь на veto чешырехъ кашолическихъ державъ, Франціи, Авспріи, Испаніи и Португаліи, кои пользуются на Конклавъ правомъ изключенія, шо еспѣ: каждая изъ нихъ можетъ ошвергнушь кандидаша, кошораго на-

ходивъ прошивнымъ своимъ выгодамъ; Франція кандидата Австріи, Австрія кандидата Франціи; и такъ далѣе. Такимъ образомъ Европа нынѣ царствуетъ на Конклавѣ, гдѣ всякъ, самъ-большой, кромѣ Кардиналовъ.

Такъ какъ veto употребляется не болѣе одного раза, по все искусство партій соспихъ въ шомъ, чшобы неупрализовашъ сіе право, заспавляя падащъ исключеніе на шакую голову, копорая, по мнѣнію всѣхъ и каждого, никогда не можешъ носить шіары. И такъ съ шой и другой спороны сперва начинающъ съ важностію выспавдяшъ какого-нибудь Кардинала, прошивъ коего предубѣждены иноспранные дворы, по причинѣ его рожденія или полипики, и на кошораго необходимо должно пасъ исключеніе. Но эшо шолько хипросъ. Если соперникъ принимаетъ атаку не за шупку и попадаешъ въ сѣши, шо шеряешъ свое право, опъ него шощасъ опдѣлывающся. Вошъ и все, чшо нужно; геній Испаліанской дипломашіи, древній геній Макиавеллей и Сфорзъ, изшощаешъ шеперь на сей ограниченной, бѣдной аренѣ, всѣ свои хипросши и ушонченія.

Но дипломашія иноспранныя глядитъ въ оба; у ней ешъ надежные люди въ нѣдрахъ самой Священной Коллегіи: ешъ свои преданные Кардиналы: и Маршалъ Конклава не можешъ усперечь шюремы шакъ хорошо, а блюшипель

Римскаго народа не можетъ оцупашъ жаркихъ пакъ глубоко, чшобы лазупчики и записки не переходили каждый день изъ келлій царей духовныхъ во дворцы земныхъ царей.

Резульпашъ сихъ скрыпныхъ маневровъ бываетъ почпи всегда одинъ и пошже. Можно на вѣрное предсказашъ, чшо ни пош, ни другой паршии кандидатъ не одержитъ верха. Долгое время вися, по надъ пѣмъ, по надъ другимъ, шройная корона обыкновенно падаетъ на какую-нибудь незначипельную голову, копорая никакъ шого не ожидала и о копорой никпо не думаль; ибо, какъ сказалъ Ансельму Кардиналь де Пешрали, шіара годишся шолько на среднія головы. Ошсюда произошла поговорка: кшо входитъ въ Конклавъ Папою, шоптъ выходитъ изъ него Кардиналомъ.

съ Франц. В. Б.

IV.

ДВА МОРЯ

ИЗЪ

ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ. а)

Въ самый день прибытія моего въ Марсель, я сдѣлалъ по морю небольшую прогулку въ лодкѣ. Въ Морѣ Средиземномъ величайшую прелестъ соспавляешъ то, что каждый разъ, какъ его видишь, оно кажется не шаковымъ, какъ было на канунѣ, и чѣмъ болѣе всматриваешься въ него, тѣмъ менѣе находишь знакомымъ. Перемѣны его опредѣляются внѣшнею атмосферою, дыханіемъ вѣтра, превращеніями неба: сверхъ того оно имѣетъ еще измѣненія, собственно ему принадлежація, кои можно назвать почти капризами. Оно неувовимо въ своихъ безчисленныхъ видахъ, въ быспрыхъ переливахъ цвѣповъ и оппѣнковъ, коими играютъ его непоспоянныя волны. Оно привлекаетъ къ себѣ воз-

а) Подъ именемъ *Путевыхъ Воспоминаній о Южной Франціи* (*Souvenirs d'un Voyage dans le Midi de la France*) помѣщаются въ *Revue de Paris* живописные очерки природы и нравовъ, собранные *Низаромъ*, однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей Франціи. Предлагаемый здѣсь опрывокъ показался намъ занимательнѣе другихъ поэзіею мыслей и изложенія. *Изд.*

ры всѣмъ, что можешь смущать и превозмущать, подобно глазамъ женщины, поочередно помѣнымъ и живымъ, печальнымъ и веселымъ, яркимъ и опшуманнымъ, коихъ взгляды пакъ быспры, что не возможно ни вспрѣпиться, ни разошпиться съ ними. И между шѣмъ въ знаете, что ша, копорая бросаешь подобные взгляды, находишься въ одномъ изъ шѣхъ обыкновенныхъ состоянй, въ коихъ проходятъ при четверти нашей жизни, что душа ея спокойна, что ничто не заспавляетъ сердца ея бпсья скорѣе обыкновеннаго, что сйя ужасная движимоспъ взора не возбуждается никакимъ внушрннымъ движениемъ! Точно пакже знаете вы, что и море сйе не возмущается никакимъ внѣшнимъ влйаниемъ, что небо надъ нимъ чпсно и безоблачно, что колыхане, воздымающее сйи легкйя спруи, прибѣгающйя поочередно другъ за другомъ умираетъ на прибрежныхъ пескахъ, пакже кропко и ровно, какъ дыхане спящаго младенца, что ни какое чуждое дуновение не приходитъ изъ - за другаго горизонта оспоривать у сйи шайнспвенно зыблющей силы часть ея мирнаго владычества надъ волнами. ? . Откуда же происходитъ, что всѣ спраспн, всѣ впечатлѣнйя, всѣ оппѣнки чувспва, обладающйя поочередно мыслию, непреспанно опспвѣчиваются въ глазахъ женщины? Откуда происходитъ, что жизнь человѣческая

опрражаешя вся въ блескъ взгляда, продолжающагося шолько одно мгновеніе? Откуда происходишь, что и сіе море, на которое вы смотрите, преклонясь, вперивъ взоры, не переводя дыханія, какъ будто желая удержавъ всю безпредѣльность его подъ вашимъ взглядомъ, сіе море ежеминутно отъ васъ ускользаетъ и какъ будто находишья въ состояніи непрестаннаго исчезанія?.. Не отъ того ли первое, что во взоръ женщины опражаешя душа, совсѣмъ не та, которая заспавляетъ ее любивъ, чувствовавъ муки и наслажденія, душа, коей чудесная подвижность не можетъ бытъ преслѣдуема мыслию? Не отъ того ли и это, что сіе море свѣдомо о всемъ совершающемся на берегахъ его и опвѣчаетъ шайнымъ содроганіемъ на самыя опдаленнѣйшія потрясенія, точно какъ мысль наша на самыя сокровенныя чувствованія? Можеть ли бытъ корабль, покидающій пристань Александрии, производишь волненіе, опзывающееся подъ уплымъ Марсельскимъ челнокомъ, за тысячу миль отъ береговъ Египта? Можеть ли бытъ, кругъ камешка, брошеннаго ребенкомъ въ волны Архипелага, подобно бороздѣ, прорѣзаемой могучимъ военнымъ кораблемъ, или сѣдой пѣнѣ, взбиваемой колесами быспрага парохода, достигаетъ до самыхъ опдаленныхъ краевъ Средиземнаго Моря?.. Кто это знаетъ?..

Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ Средиземное

Море, оно произвело на меня довольно посредственное впечатлѣніе. Это восхищительное озеро, но все озеро, не болѣе! Я не находилъ въ немъ ничего дивнаго, великаго существа, среди коего самыя обширнѣйшія матеріи плавають мѣлкими островами, которое переводитъ духъ чрезъ каждые двенадцать часовъ. Нѣтъ прилива и отлива, нѣтъ моря! Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, впечатлѣнія мои перемѣнились. Я окунулъ руки въ эту сизую воду, коей голубую зелень не возможно перевести ни на какое полотно и въ копорую чувствуешь невольное желаніе броситься. Тѣнь лодки, выславлявшей бокъ свой противъ солнца, отражалась большимъ изумруднымъ пятномъ. Я былъ облитъ всеми цвѣтами призмы. Въ лицо глядѣло мнѣ солнце, засыпавшее глаза мои тысячею серебрянныхъ блесковъ: въ противоположной сторонѣ рисовалось это большое пятно, представлявшее призракъ лодки, составленной изъ драгоценныхъ камней, глубины и прозрачности неописанной, изъ копораго воображеніе мое, въ одномъ изъ пѣхъ припадковъ безвкусія, кои часно овладѣваютъ нами среди самыхъ истинныхъ наслажденій, желало создать родъ орденскаго знака, въ странѣ гиганшовъ, для украшенія моряковъ, оказавшихъ услуги государству, или инприганшовъ, оказывающихъ услуги самимъ себѣ. Передъ носомъ моей лодки расплывалась великолѣпная лазурная ска-

шерсть одноцвѣсныхъ волнъ, копорая, по видимо-
му, разступалась вѣжливо, дабы дать ей мѣсто:
за кормой, оспавался родъ маленькой, не глубо-
кой долинки, въ одно и тоже время смыкающей-
ся на одномъ концѣ и разжимающей на дру-
гомъ, коей обѣ спороны, или, продолжая меша-
фору, оба холмика, поражаемые лучами солнца,
одинъ прямо, а другой чрезъ отраженіе, подоби-
лись двумъ поставленнымъ другъ прошивъ дру-
га зеркаламъ, изъ коихъ одно отражаетъ въ
себѣ слабѣе свѣтъ, принимаемый отъ другаго.
Что бы все это видѣть, двухъ глазъ было
для меня совсѣмъ не много!

На другой день, таже пишина въ воздухѣ,
таже чистота на небесахъ, таже крошкое и
нечувствительное дыханіе, едва шевелившее съ-
дые волосы моего спараго лодочника, спарика
съ прекрасною, благородною физиономіею, копо-
рый родился на землѣ Французской, жилъ на
ней семьдесятъ лѣтъ и могъ хвастаться, что
не слыхивалъ слова по Французски; таже
солнце въ вышинѣ небесной, проливающее
на море крошкую и благошворную тепло-
ту, отражаемую волнами. Ничего не из-
мѣнилось, ни въ помѣ, что меня окружало, ни
въ моихъ собственныхъ ощущеніяхъ, кромѣ
развѣ пого, что я чувствовалъ больше люб-
ви къ морю, чѣмъ на канунѣ. И между
тѣмъ оно было впревожено! Оно раска-

пывалось прихопливыми волнами, разбивавшимися о бока ладьи моей съ ропопомъ сильного, могучаго существа, играющаго съ самимъ собою: было исполнено буруновъ, напоминающихъ буруны океана. Оно колыхало нашу ладью, съ нѣжностью маперы, убаюкивающей свое дитя; и эшо качанье, слишкомъ слабое для шого, чшобъ превожись сердце, усыпляло насъ, какъ волшебный напитокъ. Я чувспвовалъ, чшо все шѣло мое увлекалось сими движеніями и само колыхалось, какъ волны. Спарый лодочникъ, опуспвивъ руки на весла, оспававшіяся неподвижными, взялъ свою пѣнковую прубку и выразительнымъ знакомъ спросилъ меня, не безпокоипь ли меня шабачный дымъ. На мой опвѣшь, или лучше на оприцапельный знакъ, данный мною, онъ принялся курить, и мы поплыли оба по водѣ, безъ веслъ, безъ кормила, упоенные, каждый очарованіемъ по своему вкусу, онъ дымомъ своей прубки, я шпихимъ колыханьемъ ладьи. Чшо за наслажденіе плышь шакимъ образомъ, по шакому морю! Ласки великаго Океана сущь ласки муцины: ласки Моря Средиземнаго совершенно женскія! Его легкая серебрянная спруя прибѣгаетъ и опбѣгаетъ, подобно величеспвенному валу Океана: но она не шумить, а шпихо рощепъ, не роепся свирѣпо въ голышахъ, усшилающихъ берега, и не взворачиваетъ ихъ съ хриплымъ воемъ, а легко сколь-

зипѣ по нимъ и гладипѣ ихъ. Но, за то, увѣ! эпа миніяпюрная волна оспавляепѣ васъ всегда на помѣ же мѣспѣ, а не гонипѣ, подобно великому Океану, со скалы на скалу, до шѣхъ порѣ, пока вы приведепе себя въ безопасносѣ опѣ его бурнаго дыханія!

Въ послѣдній разѣ свиданія моего съ моремъ, уже многое перемѣнилось. Во первыхъ я самъ пришелъ опдапѣ ему послѣдній прощальнѣй визипѣ; ибо необходимосѣ, подѣ любезною формою письма, пришедшаго съ родной споронѣ, заспавляла меня думашѣ объ опѣздѣ. Другая причина была вѣшперѣ, кошпорѣй дулѣ доволь-но сильно и усыпалѣ небо сѣдыми, рѣдкими и длинными облаками, подобными клочьямъ расчесаной шерспи или снѣгу полько чшо смешенному. Впрочемъ, никакого видимаго смущенія въ воздухѣ: все шже прекрасное солнце, кошпоре, въ продолженіе шрехъ мѣсяцовъ, не миновало ни на одинъ день Провансальскаго горизонпа. О! шогда эшо не было уже озеро; я не могъ назвашѣ его моремъ - женщиной: дыханіе вѣшпра нисровергнуло все зданіе моихъ прежнихъ сравненій; учаспѣ, посшипгающая шакъ часшо спихошворенія, слывуція самыми испинными! Я видѣлъ уже нѣчшо принадлежащее сущесшву великому: слышалѣ подражаніе его голосу, и подражаніе споль сильное, чшо во мнѣ пробудилось шо очарованіе

ужаса, объ опсущствіи коего я прежде сѣпвалъ. Дыханія въпра, едва колебавшаго на берегахъ упругій проспникъ, доспапочно было, чпобы сообщить ужасный видъ морю. Я былъ свидѣтелемъ великолѣпнаго зрѣлица. Со всѣхъ споронъ горизонша пшнулись бѣлыя полосы, по видимыя вполнѣ, по разверщывающіяся полько въ половину, по едва мелькающія, подобно блѣднымъ почкамъ вскрай небосклона. Я споялъ на скалъ, подъ копорую подрывалась вода и копорой гребень выспавлялся на нѣсколько десяпковъ фушовъ въ море. Шумъ волны, зажиравшейся подъ сею скалой и неупомимо грызшей ея основанія, былъ исполненъ величія. Океанъ приходилъ мнѣ на мысль. Только Библія могла изречь о морѣ сіе высокое, неподражаемое слово: *до сего дойдеши и не прейдеши!* Въ самомъ дѣлѣ, ничпо лучше и полнѣе не выражаепъ совокупной идеи силы и безсилія. Сіи неукропимыя волны, кои безпреспанно осаждають берега и, безпреспанно опражаемыя, безпреспанно возвращаються на приспупъ, не всегда конечно съ равными усиліями, какъ будпо и имъ не чужда иногда усшалоспъ; сіи волны, копорыя, за двадцашъ шаговъ далѣе, раздробилибъ васъ въ дребезги, какъ хрупкое спекло, а пеперь полько чпо плещупъ нѣною подъ вашими ногами, если вы сами не зайдеше далѣе, чѣмъ сколько дозволено

вамъ иппи; все это заключено Библией въ одномъ словѣ: *до сего дойдеши и не прейдеши!*.. Такое слово можетъ бытъ сказано только существу могучему, превосходящему все въ предѣлахъ ему назначенныхъ; такое слово можетъ бытъ сказано только грому, попоку, морю; такое слово можетъ бытъ сказано только Богомъ!

Сколько смутныхъ, опдаленныхъ голосовъ, заключается въ шумъ волнъ Средиземнаго Моря! Сколько цивилизацій путешествовало по немъ! Сколько флаговъ мѣнялось сигналами! Сколько событий разсѣкалось! Сколько поглотилось испорій! Черезъ него пришла къ намъ мысль. Океанъ не имѣетъ прошедшаго: но Средиземное Море преспанетъ имѣть его только тогда, когда не будетъ больше народовъ, продолжающихъ его лѣтописи. Океанъ доселѣ пользовался только печальною честью, время отъ времени, въ какомъ-нибудь углу міра, раздробляющъ, о невѣдомую скалу, какой-нибудь заблудившійся корабль или пирогу дикарей, зашеравшуюся въ южныхъ шуманахъ. Море Средиземное пожираетъ роды и царства: оно сужало своими равнинами всѣ народы міра для битвъ и всѣхъ побѣжденныхъ снабжало могилою; помогало всѣмъ враждебнымъ цивилизаціямъ испреблять взаимно другъ друга и часно само оканчивало споръ, поглощая

сражающихся своими волнами. Припомъ всѣ цвѣты поэзіи родились на его берегахъ, порхали по его ласковымъ спруямъ: оно переносило ихъ изъ спраны въ спрану и оспавляло на всѣхъ берегахъ, гдѣ суждено имъ было прозябашь и плодисься. Изъ него священная Библейская поэзія заимспвовала свои хляби! Здѣсь Гомеръ заспавлялъ разражающія шучи, гонимыя Зевесомъ, и проливашься обильными дождями: здѣсь показалъ онъ человѣка борющагося съ богами! Океанъ омываешь народы безъ предковъ, цивилизаціи заспоялыя, окаменѣлыя, племена дикія, коихъ все прошедшее и будущее соспойшъ въ искусствѣ закидывашь сѣпи въ волнахъ его, преходящемъ ошъ ошцевъ къ дѣшамъ. Но за шо въ немъ еспь безвѣспное, неопредѣлимое, безконечное, еспь спраны, до кошорыхъ человѣкъ еще не доходилъ, до кошорыхъ можешь бышь и не дойдешь никогда: эшо соспавляешь его опличіе ошъ Моря Средиземнаго, на кошоромъ нѣпъ ни одного мѣспа, въ величину малой ладьи, кошпоре бы могло похваспашься, что человѣкъ не бывалъ 'на немъ; и здѣсь - шо заключаешься могущеспвенная прелеспь, шолько одному Океану оспшпвенная! Кшо знаешь, не прейдешь ли нѣкогда испорія сполпы Геркулесовы, дабы, въ новыхъ размѣрахъ, доспойныхъ ея новаго позорища, ушвердишься средь обласпей Океана?

Нѣтъ ли какого тайнаго и необходимаго соотношенія между безконечнымъ и будущимъ?

И припомъ, Океанъ имѣеть приливы и отливы. Это есть существо, живущее, дышащее, движущееся беспрестанно въ самомъ спокойствіи, подобно всей организованной природѣ, у котораго бывають минуты великолѣпныхъ отдыховъ и ужасныхъ ожесточеній, между тѣмъ какъ правильное движеніе, сославляющее форму его существованія, процессъ дыханія его, какъ я уже сказалъ, не прекращается. И сія - по жизнь, споль могучая и величественная, сіе - по споль правильное бѣженіе сердца въ существѣ дивномъ, безграничномъ, заславляесть проводить васъ упоительные часы на берегахъ его. При видѣ Океана я понимаю идею пантеизма древнихъ: ибо Океанъ точно можетъ казаться душою міра: онъ, служащій гранью для всѣхъ странъ, гдѣ есть люди; онъ, сославляющій вмѣстѣ и поясъ и ядро земнаго шара! И если вы вообразите, что сіе дивное существо, которое, на одномъ изъ своихъ береговъ почивая крошкимъ сномъ, позволяесть дѣшамъ безопасно играть въ своихъ волнахъ и борются съ своимъ приливами, въ другомъ мѣстѣ возмущаются бурями, заславляющими людей запираются въ своихъ домахъ и возсылають къ Богу молитвы о щѣхъ, кои на морѣ; что онъ воспріемлетъ въ свое лоно всѣ небеса; что въ одинъ и пошже день

опрражаепъ въ волнахъ своихъ и прекрасныя солнца Средиземнаго Моря и умирающія солнца полюсовъ; что въ одно и позже время озаряешя звѣздами и обливаешя дневнымъ сіяніемъ; что, въ одно и позже мгновеніе, видипъ всѣ умирающіе сумраки и всѣ рждающіяся зари, всѣ блѣднѣющіе вечера и всѣ радостныя упра, привѣтспвуемыя поликими народами; что ни одно облачко не можешъ пролешъшь чрезъ всю его безпредѣльность, ни одна залетная пшица не можешъ опдалипъсь опъ береговъ его: если вы все сіе вообразипе, по Океанъ можешъ быпъ заспавипъ васъ позабыпъ Средиземное Море, погда какъ Средиземное Море не можешъ заспавипъ васъ позабыпъ объ Океанъ!..

Спуспя двадцать чепыре часа послѣ сихъ прекрасныхъ размышленій, я уже карабкался на верхній ярусъ Нимскаго амфитеатра..

V.

ЛѢТОПИСИ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

И ЕЯ ТАЙНЫЯ ПРУЖИНЫ.

Книгопечатаніе, безъ сомнѣнія, царспвуепъ теперь въ Европѣ; и подобно всякой силѣ, достпгающей высшей спенени могущеспва, имѣепъ свои причуды, свои секретныя и спанспвенныя инсприги. Толпа ви-

дипъ только костюмы и наружность, обряды торжественныхъ дней, пропоколы, акты. Но Проконіи и Данжо проницають за занавѣсъ, прокрадываются за кулисы, вмѣшиваются въ нѣмыя роли, наблюдаютъ за дѣйствіемъ машинъ и видятъ, какими ничпожными блоками, посредствомъ какихъ разкрашенныхъ вешошекъ и дѣтскихъ хитросостей производятся всѣ сіи великія дѣйствія. Особенно интриги журнальныя заслуживаютъ имѣть своихъ льпописцевъ: но ихъ шираниа, споль могущественная, всѣхъ устрашаетъ. Опъ всякаго другаго вліянія можно избавиться прѣпивудѣйствіемъ или бѣгствомъ: но книгопечатаніе! книгопечатаніе! куда оно не проспирается? гдѣ можно укрыться, чпобъ избѣжать его ударовъ? Тысячи перьевъ движущая въ Европѣ и убѣждаютъ въ томъ, чпо угодно имъ выдумывать и поддерживать. Опкрытъ тайны журнальнаго ремесла, осмѣлились высказать, какимъ образомъ производится сія огромная работа всеобщаго шарлапанства, есть по истинѣ храбрость, почти героизмъ!

Однакожъ мы попытаемся. Благодаря дурнымъ законамъ и дурнымъ обычаямъ, шарлапанство вошло во всѣ дѣйствія и во всѣ движенія журналистики; ложъ господствуетъ въ ней. По видимому органъ власности и свѣденій, она сдѣлалась меркантильною спекуляціею; употребляемою въ свою пользу смѣлыми и искусными людьми.

И особенно въ Англіи доведено до высочайшей степени эпо шарлапанство публичныхъ листовъ; особенно тамъ обширная и соблазнительная организація мошенничества владычествуетъ надъ си-

спемою сей опдѣльной литературы, имѣющей столь важное вліяніе на новѣйшіе народы. Это порогля, налогъ, а опнюдь не цѣль, не средство распротраняющъ просвѣщеніе. Вступаютъ въ поварищесство, чтобы издавать журналъ и извлекають изъ него выгоды, точно какъ каппшалаксы соединяются въ общества для очищенія опть грязи сполчныхъ мостовыхъ или для сбора пошлины за большія дороги. Тупъ хлопчуть не о паланшѣ или какихъ-нибудь идеяхъ, а о деньгахъ, о каппшалахъ, о средспвахъ къ ихъ умноженію. Для сего обращаются къ спраснямъ, поддерживаютъ паршш; но совѣспъ, но истина... гдѣ онъ?...

Ихъ всѣхъ Европейскихъ журналовъ самый примѣчательнѣйшій, безъ сомнѣнія, еспъ *Times*. Нынѣ удивляетъ васъ его несповый радикализмъ. Но подъ наблюдениемъ пѣхъ же самыхъ издашелей, онъ дышалъ опчаяющимъ поризмомъ, самую закляпую ненавистію проповѣвъ Франціи и слѣпымъ уваженіемъ ко всѣмъ злоупотребленіямъ. Сей журналъ проповѣдуетъ нынѣ радикализмъ: онъ, который, во время пребыванія Веллингтона въ Испаніи, съ такимъ краснорѣчіемъ спарался выспавлять Герцога на ровнѣ съ величайшими полководцами; онъ, который съ такою горячностію приглашалъ сыпать милліоны въ руки героя новѣйшихъ временъ. Было время, когда журналъ сей заклиналъ насъ именемъ всего священнаго, именемъ нашихъ сыновей и нашихъ матерей, споспѣшествовавшъ министру и помогавъ ему въ безразсудной щедрости, которая довела насъ до послѣдней степени банкротства.

ства. Нынѣ восплаещь онъ съ пѣмъ же жаромъ прошивъ сихъ самыхъ издержекъ и съ величайшимъ рвеніемъ раздуваещь революціонное пламя, которое угрожаещь пожрать насъ. Опъ чегожь производить такая перемѣна въ языкѣ и мысляхъ? Опъ того, что *Times* не имѣеть правилъ. Владѣя особенною проникаемостью, онъ долго выщупываещь, пакъ сказать, общеспивенное мнѣніе, дожидаясь минуты, когда оно утвердится, успановится; и потомъ кидаетъ въ попокъ, спараещь показать себя зачинщикомъ движенія и дѣлаещь видъ, что онъ-то именно и даещь направленіе ходу общеспивенныхъ дѣлъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, самъ увлекаещь волненіемъ народныхъ идей. Таковъ секретъ, благодаря коему *Times* считаещь главою періодическихъ изданій. Можно бы привести здѣсь не одинъ примѣръ подобнаго маккмавелизма на курьихъ ножкахъ; но я удовольствуюсь слѣдующими фактами, справедливости коихъ никто не можетъ оспорить.

Когда вопросъ объ освобожденіи капюликовъ сдѣлался вопросомъ спрашнымъ, шо журналъ сей пѣмъ въ большее пришелъ замѣшательство, не зная, въ пользу которой стороны рѣшиться; ибо разные дробы разныхъ парсій были пакъ смѣшаны и спутаны. Послѣ споровъ, очень живыхъ, но бесполезныхъ, рѣшились подождать и говорить въ *Times* объ освобожденіи Ирландцевъ только два раза въ недѣлю до новаго повелѣнія. Тогда Г. Барнсъ (Barns) отправился въ Ирландію, вывѣдалъ разположеніе умовъ, открылъ, благодаря особен-

ному искусству открывать, что перевѣсъ несомнѣнно останется на сторонѣ каполиковъ, и написалъ это къ хозяевамъ журнала. Топчасть всѣхъ умственныхъ силъ, коими *Times* могъ располагать, устремилась къ сей почкѣ апаки; и ловкій журналъ увѣрилъ публику, будто онъ низпровергъ ограду, копорая была уже обрушена, но копорой слабоспъ онъ открылъ первый.

Токова поспоянная тактика *Times* и всѣхъ журналовъ, кои спремятся къ умственному владычеству. Они показываютъ видъ руководителей и вмѣсто того сами руководимы. Они очень похожи на нѣ бриввы, о коихъ говоришь сапирическій поэтъ Петръ Пиндаръ а), копоры дѣлаются не для того, чпобъ ими брились, а для того только, чпобы ихъ покупали. Денежныя выгоды отъ журнала супъ единственныи импересъ, управляющій его издапелями. Нынѣ написанный, завтра выпущенный, послѣ завтра забытый, онъ не пользуется дѣйствительнымъ существованіемъ. И кто когда нибудь слышалъ о *Journal-Monument*? — Его ошибки легко прощаются; самыя лучшія его страницы не оставляютъ по себѣ продолжительныхъ слѣдовъ.

Отъ того-то и слово *совѣсть* совершенно чуждо системѣ, копорой руководствуется большая часть сихъ публикацій. Какъ скоро какое-нибудь дѣло служишь въ пользу партіи, они попчасть выдають его за истину своимъ чипапелямъ. Это именно случается съ *Times* разъ тысячу каждый

а) Докторъ Wolcott.

годъ. Конечно онъ припворяется въ послѣдствіи, будто опирается отъ прежнихъ мнѣній; но дѣло уже сдѣлано, ядъ пущенъ въ оборотъ, ложь идетъ за испину и шъ, копорые чипаюшъ сіе опреченіе, рѣдко бываюшъ тѣже самыя, кои повѣрили ложному утвержденію. Однакожь, скажутъ люди легковѣрные, важныя вопросы были рѣшены, полезныя начала были поддержаны журналами: *Times* первый высказалъ беззаконность своевольныхъ мѣръ Англійскаго Правительсва проптивъ Королевы Каролины. Исторія участія, копорое принималъ журналъ сей въ эпомъ дѣлѣ, послужитъ именно доказательствомъ того, что мы сказали.

Когда Королева съѣла на корабль въ Дувръ, не лъзя было узнатьъ, въ ея ли пользу обратится масса Англійскаго народа, или спанепъ въ ряды ея непріятелей. Г. Барнсъ былъ посланъ для рекогносцировки въ Дувръ: онъ нашелъ народъ сильно раздраженнымъ проптивъ Королевы Каролины и поспѣшилъ написать къ издаателямъ, что не лъзя защищать поперяннаго дѣла. Но, послѣ кратковременной поѣздки во Францію, онъ увидѣлъ, что направленіе общеспвеннаго мнѣнія перемѣнилось: защищеніе Королевы, проптивъ коей сначала возмутилась народная нравспвенность, спало дѣломъ партіи. Всѣ ополчились проптивъ враговъ сей женщины, не для того, чтообъ защитишь сію послѣднюю, а чтообы напасъ на первыхъ и уничтожитъ ихъ. Тогда показалося въ *Times* извѣстное великолѣпное воззваніе къ Англійской націи; тогда загремѣло въ пользу жестоко оскорбленной женщины все краснорѣчіе самыхъ

искусныхъ и самыхъ сильныхъ писапелей. И шочно безъ помощи *Times* Королевъ никогда бы не удалось побѣдипь общеспвеннаго мнѣнія, воздвигшагося прошивъ ней, и устоять прошивъ могущеспвеннаго министрспва, которое разполагало милліонами, чшобы раздавивъ ее!

Безполезно говорипь о шакомъ дѣлѣ, которое всѣ знаютъ, о тѣхъ задушевныхъ опношеніяхъ, которыя всегда образуются между раздавапелями милоспей и издапелями журналовъ, сильныхъ по ихъ вліянію. Перри (Perry), когда Виги воспоржеспивовали въ 1806 году, получилъ мѣспо, приносящее ежегодно 800 фунповъ сперлингговъ. Г. Вальсперъ, сынъ владѣщеля *Times*, получилъ въ 1805 году опъ министрспва пенсіонъ въ 600 фунповъ сперлингговъ. Человѣкъ, кошорый проводипь нынѣ большую часпъ времени въ кабинетѣ Бруггама, еспъ издапель одного упренняго журнала и братъ одного адвоката, получившій опъ благороднаго Лорда весьма прибыльные знаки милоспи.

Но войдемъ въ самую лабораторію журналовъ; мы увидимъ шамъ чудныя спранности, кошорыхъ вѣрно никто и не подозрѣваетъ. Одинъ человекъ, на примѣръ, заспавляетъ передъ своими глазами вырабопывапъ чепыре листа, совершенно пропивоположные другъ другу и въ оппѣнкахъ и въ основныхъ правилахъ. Другой, царъ своего ремесла, (эпо Кольбюрнъ), издаепъ вдругъ: *The United Service Journal*, сборникъ, кошорый никогда не опклонялся опъ самаго чиспаго споризма; *The New Monthly Magazine*, кошораго правила совершенно радикальны; *Воскреспний День*, кошорый проповѣ-

дуешь начала вигизма; *Придворный Журналъ*, который мыслишь какъ всѣ, или лучше какъ никто; и наконецъ *Литературную Газету*, яиспокъ совершенно коммерческій, котораго единственна цѣль давать ходъ одному изданію и разрушать или спутывать успѣхъ другаго. Такимъ образомъ изъ одного и тогоже источника выходящъ вдругъ совершенно противорѣчащія мысли.

Конпора журнала есть, можетъ быть, такое мѣсто, гдѣ наиболѣе обманщиковъ и проспаковъ. Въ Англии есть родъ людей, состоящій изъ извѣстнаго рода бродягъ, коихъ все ремесло состоить въ собираніи дневныхъ новостей. Надобно видѣть, какимъ спраннымъ слогомъ пачкають свои спраницы эти редакторы, коимъ плащящъ поспрочно, и какою соблазнительною ложью набивають столбцы завѣдываемыхъ ими журналовъ. Тогда какъ писатели съ паланпомъ бывають жертвами издастелей, кои плащящъ имъ очень мало, а пребывають ошъ нихъ очень много; эти издастели, въ свою очередь, бывають проспаками въ отношеніи къ редакторамъ, кои берутъ плашу поспрочно. Безмѣспные лакеи, опспавные актеры, пракпирные випязи, обанкротившіеся портные, неспособные имѣть ни какого понятія о жизни свѣтской, на скорую руку марають всѣ площадныя нелѣпоспи и всѣ ложныя извѣспія, кои доходящъ до ихъ ушей. Они выдають вамъ за секретъ, сообщенный имъ будпо бы по довѣренности, такую пошлоспъ, которая всѣмъ извѣспна. Владѣтель журналовъ: *Observer* и *Englishman*, выходящихъ по воскресеньямъ, былъ поспоянно просподоушною жертви-

вой одного подобнаго обманщика. Каждую субботу вечеромъ получалъ онъ красивое письмо, похожее на министерскія депеши, съ адресомъ, обремененнымъ всеми шиплами, какихъ только можетъ потребовать отъ своихъ корреспондентовъ самая взыскашьяная суешность. На одномъ изъ краевъ обершки всегда находились слѣдующія слова, написанныя крупными буквами: СЕКРЕТЪ по довѣренности. Авторъ письма предлагалъ издашелю, не иначе какъ за пять фунтовъ сперлинговъ, какую-нибудь мнимую министерскую шайну. Лишь только бѣднякъ нашъ прибиралъ въ свои руки это сокровище, какъ поспѣшь бѣжалъ, запыхавшись, на лѣспницу, ведущую въ кабинетъ своего редактора, и съ тордоспїю показывалъ ему драгоценное письмо безимяннаго корреспондента. » Но, говоришь ему редакторъ, все это было уже въ *Morning-Chronicle* именно сегодня. И они довольствовались тѣмъ, что переспаляли нѣкоторыя слова и замѣняли шу или другую фразу фразою анонима. Добрый издашель, восхищенный покровительствомъ челоуку, который такъ силенъ своимъ вліяніемъ, что живешь за панибратя съ министрами, и такъ деликашеть, что пишетъ къ нему на веленовой бумагѣ, опвѣчалъ своему редактору, что не должно обезкураживать корреспондента съ такимъ характеромъ и что въ другой разъ, безъ сомнѣнія, доставленные имъ извѣстія будутъ гораздо значительнѣе и важнѣе.

Сколько видалъ я комическихъ сценъ, производящихся въ Лондонѣ почти во всѣхъ журнальныхъ конпорахъ! Иногда влашители журналовъ, если они ловки и

безсовѣстны, забавляюся пользуясь щещеславіемъ и невѣжесствомъ своихъ собратій. Г. Твейпсъ, издатель *Morning Herald*, естъ человекъ весьма добрый, копорого манеры очень обыкновенны и копорый легко смѣшаесть продавца лошадей съ наследникомъ Перспва. Владѣтель одного журнала, выходящаго по Воскресеньямъ, въ родѣ Фигаро безъ правилъ, далъ себѣ обѣщаніе вывести на свѣжую воду аристокрапическія выходки Г. Твейпса и его легковѣрную жадность къ собиранію вѣстей. Онъ предспавился къ нему, какъ фашіонабль, топовый безъ всякаго опасенія сообщать ему будуарныя шайны и аристокрапическіе секреты самыхъ знапнѣйшихъ Лондонскихъ домовъ. Прекрасная находка! Какой рудникъ для разрабопки! Какое счастье для *Morning Herald*, журнала исполненнаго всякаго рода преіпензіями! Восхищенный Г. Твейпсъ безъ дальнихъ справокъ заключилъ договоръ съ вѣсповщикомъ; договоръ, по коему обязался плапнить ему по пяти гиней въ недѣлю за свѣденія о жизни знапныхъ господъ и знапныхъ дамъ, о модныхъ балахъ и придворныхъ инпригахъ, кои сей послѣдній будетъ въ состояніи сообщать ему.

Обманщикъ попчасть принялся за дѣло; и воптъ въ сполбцахъ *Herald* начали безпрестанно помѣщаться описанія прекрасныхъ и поэпическихъ празпниковъ, бадовъ и концерпсовъ съ именами знапныхъ господъ, означаемыми начальными буквами съ звѣздочками; картины полу-сладоспраспныя и полу-щещеславныя; сппайки о модахъ и подробноспи о любовныхъ связяхъ такога - то Милорда и его жены. Раска-

щикъ всѣхъ эпихъ прекрасныхъ новоспѣй находилъ двѣ выгоды въ ремеслѣ, копорымъ занимался. Во-первыхъ, онъ довольно легкимъ способомъ вырабощивалъ себѣ деньги; во вторыхъ, не на шутку обманывалъ своего собрата, копорый нимало не подозрѣвалъ того. Одинъ случай положилъ конецъ сему блистательному краснорѣчію и вдругъ прекратилъ надменность *Morning Herald*. Вообразите себѣ ужасное чувство, поразившее Г. Твейпса, когда онъ развернулъ слѣдующее письмо:

» Герцогъ *** свидѣтельствуетъ свое почтеніе Г. Твейпсу и благодаритъ его за честь, копорую онъ сдѣлалъ ему, помѣстивъ имя его во вчерашнемъ N своего журнала. Онъ не находилъ ничего худаго въ томъ, что журналы забавляются, дѣлая описанія самыхъ поэтическихъ и вмѣстѣ самыхъ небывалыхъ баловъ, праздниковъ и церемоній публичныхъ и частныхъ, кои даютъ пищу воображенію редактора; только онъ имѣетъ честь донести Г. Твейпсу, что въ томъ самый день, въ копорый, по словамъ *Morning Herald*, Его Превосходительства, давалъ сполъ на спо особъ, самыхъ знаменитѣйшихъ, въ томъ самый день Его Превосходительства, не давно лишившійся мапери, отправился въ свои владѣнія, находящіяся въ Графствѣ Бедфордъ. «

Едва окончено было чтеніе этого письма, какъ со-братѣль новоспѣй вошелъ въ кабинетъ Г. Твейпса, чтобы вручить ему описаніе одного обѣда, не менше блистательнаго, даннаго какимъ-то другимъ Герцогомъ.

— Скажите мнѣ, спросилъ Г. Твейпсъ у своего Меркурія, кпо вамъ доставилъ извѣстіе, копорымъ вы снабдили меня, объ обѣдѣ Герцога * * * ?

— О! объ эпомѣ великомъ обѣдѣ, эпомѣ обѣдѣ, бывшемъ на послѣдней недѣль!.. Да... самъ Герцогъ!..

— Самъ?

— Именно самъ!.. Видите ли?.. Славной малой, да очень щцеславный, для котораго весьма прилично видѣшь свое имя въ журналахъ... Эпо соспавляеть его блаженство, его жизнь... У всякаго свои слабости... » Любезный мой! сказалъ онъ мнѣ въ прошлый понедѣльникъ; поспайтесь помѣспить эпо въ одномъ изъ вашихъ журналовъ, я очень буду вамъ обязанъ. « Съ своей спороны, я полько поправилъ ореографическія и синпаксическія ошибки, а впрочемъ спашья явилась въ пакомъ видѣ, какъ онъ самъ написалъ ее.

— Чорпъ: возьми, вскричалъ очень кропко Г. Твейпсъ, копорый обладалъ удивительнымъ хладнокровіемъ: какъ же случилось, что Герцогъ написалъ мнѣ вопъ какое письмо? «

И безъ всякаго гнѣва и смущенія, онъ прочелъ своему корреспонденту роковое письмо. Сей послѣдній, съ медленностію взявши его въ руки, прочелъ и попомъ, положивъ на сполъ, сказалъ:

— Герцогъ смѣется надъ вами...

— Возьмите ваши восемь гиней—и чпобъ я болше не слыхалъ объ васъ!..

Нашъ плушь взялъ свою шляпу, положилъ въ

карманъ деньги, вѣжливо поблагодарилъ Г. Твейпса и отправился домой. На другой день, въ журналѣ, котораго онъ былъ хозяиномъ, помѣщено было слѣдующее замѣчаніе:

» Съ сожалѣніемъ узнали мы, что Герцогъ *** не давно лишился матери. Нельзя довольно надивиться безстыдству журналовъ и поему, какъ мало должна публика довѣрять объявленіямъ, кои публикуются нѣкоторыми изъ нихъ. Н. п. *Morning Chronicle* утверждалъ прешняго дня, что сей самый Герцогъ *** давалъ недавно большой обѣдъ своимъ друзьямъ, а это былъ день смерти его матери! «

Таковы невѣжество и низость, коими пяпнаются знаменитѣйшіе журналы Англии. Они позволяютъ себѣ употреблять все для споспѣшествованія своей шорговли, чпобъ подспрекать любопытство публики. Недавно одинъ изъ пославщиковъ маленькихъ спашеекъ и новостей, болѣе или менѣе соблазнительныхъ, получилъ значительную сумму за то, чпобъ помѣспить въ *Придворномъ Журналѣ* пасквиль на Герцогиню Ричмондъ. Въ самомъ дѣлѣ, благоприспойность была жестоко оскорблена сими клеветами. Виновный былъ преслѣдованъ и осужденъ на заключеніе подъ спражу и денежный шпрафъ. Но прежде чѣмъ приспунилъ онъ къ дѣлу, ему была не беззвѣспна ожидавшая его учаспъ; и онъ, какъ человекъ искусный, вѣрно разчелъ выгоду, которую должно было принести ему его безславіе.

Надобно сказать, что все это часпо бываетъ не болѣе какъ смѣшно. Въ самыхъ лучшихъ жур-

налахъ употребляють, какъ сверхкомплектныхъ, но пѣтъ не менѣе необходимыхъ молодыхъ людей, полько что вышедшихъ изъ коллегій, бѣдныхъ, голодныхъ Ирландцевъ, которые принимаютъ на свою часпъ цвѣпистыя описанія, диссерпаціи о модѣ и напешическіе рассказы. Надобно видѣть, какимъ чудовищнымъ слогомъ съ какою нелѣпою высокопарносью все эпо составляется. Дурной вкусъ распроспраняется въ націи: привыкають къ эпой надупоспни словъ, къ эпому лупспословию, къ эпому языку горничныхъ и дворниковъ.

Нѣкоторыя журналы основывають часпъ своихъ успѣховъ на порокахъ и причудахъ. Они берупъ пошлину со всего, что ни еспъ самаго безнравспвеннаго и самаго неблагороднаго въ общеспвѣ. Такъ два журнала, выходящіе по воскресеньямъ, *Observer* и *Bell's Life in London*, особенно обращаються къ бойцамъ, закладчикамъ, игрокамъ, къ пому, что называепся въ Англии *the Ring* а) и *The turf* б). Разумѣепся, любопыспно знаеть, къ какому классу общеспва принадлежатъ эспи герои *Кольца* и *Луга*. Прежде чѣмъ кулачныя бойцы выходятъ на респалище, собирають пакъ называемый *кошелекъ* для награды побѣдспеля. Къ эпой первоначальной спавкъ присоединяютъ

а) *The Ring* = пѣ, кои преимущеспвенно занимаються испкспвомъ бпсья на кулачки и держатъ пари за или пропивъ какого-нибудь знаменнаго бойца.

б) *The Turf* = пѣ, кои занимаються лошадиными скѣчками и дѣлають изъ нихъ предметъ изученія и особенныхъ спекулаций.

ся заклады любипелей кулачныхъ боевъ, кои удвояюпъ, а иногда и упрояюпъ сумму. Часпо эта куча проспираетса до ста пиапидесяти или до двухъ соиъ фунповъ сперлинговъ. Никпо не подозрѣваетъ нечиспаго испочника, изъ котораго выходятъ эти деньги.

Лондонскіе плупы, устройаемые, собираемые и покровишельспвуемые содержащеллами прапшировъ и полицейскими служипеллами, имѣюпъ обыкновеніе сходипсья въ сипъ самыхъ прапширахъ, кои вѣсмъ извѣспны и называютса flash-houses. Хозяева сипъ мѣспъ разврапа и укывапельспва знаютъ, что послѣ бипвы оба знаменипые бойцы и ихъ поборники всегда возвращаюпса обремененные добычею изъ кармановъ зрипелей и зѣвакъ. Они знаютъ, что весь эпопъ преступный выигрышъ будетъ издержанъ въ шавернахъ и непременно перейдетъ въ ихъ карманы. Посему они сами дѣлаюпъ первыя спавки; и имъ - по сіе обыкновеніе обязапно продолженіемъ своего сущеспвованія. Искусство бипсья на кулачки упало бы по недостапкку въ деньгахъ для его поддержанія, елибы обширный цехъ Лондонскихъ воровъ не былъ постоянно на гошовѣ поддерживапъ честь его и ели бы два или три журнала не упошребляли всѣхъ силъ для пользы сей dospoпoчпенной компаніи. Присовокупипше къ шому, что не только конецъ, но и каждое изъ обспoпaпельспвъ сраженія всегда извѣспно и пригoпoвлено заранѣе. Противники, сипдя за спoломѣ шаверны, ученымъ образомъ располагаюпъ всѣ обспoпaпельспва драмы; эпо репепиціи ба-

лешныхъ па. Одинъ долженъ получить первый ударъ: другой, въ свою очередь, обязанъ успунить на мигнупу пропивнику. Тотъ, копорый подвергается пораженію, долженъ получить шу или другую сумму денегъ, заранѣе назначенную. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ одинъ боець, крѣпко споявшій за свою чеспъ, не хотѣлъ подвергнуцца сямъ распоряженіямъ и угрожалъ своимъ учаспникамъ разгласить ихъ тайны. Дѣло шло о рукопашной схваткѣ, гдѣ было условлено, чтообы оба аплепа не наносили другъ другу ударовъ по головѣ. Бѣдный боець погибъ, убишый своимъ пропивникомъ, копорый хватилъ его по лбу своимъ желѣзнымъ парукавникомъ.

Вопъ какими спранными, невидимыми пупями учреждаюцца и поддерживаюцца невѣрояпныя сношенія между самими низшими слоями общеспва и журналами, кои, по видимому, супъ органы цивилизаціи. Недавно въ Лондонѣ началъ издавацца публичпый лиспокъ подѣ пипуломъ: *Нашъ Влкъ*. Эпо журналъ, любимый клубами и если не болѣе другихъ расходящійся, шо, по крайней мѣрѣ, болѣе другихъ читаемый. Онъ живепъ личноспями и неблагоприспоспями. Соблазны игорныхъ домовъ, семейныя тайны, клеветы и злословіе на знаменипыхъ особѣ, наподняюптъ его спраницы, копорыя находятъ многочисленпыхъ читапелей. Но за что бравипъ сей журналъ? Вина на публикѣ: *Нашъ Влкъ* умеръ бы давно своею напуральною смерпю, есплибы пороки, коимъ онъ лѣспиптъ, не были разлипы по массѣ общеспва.

Опшодоски всѣхъ народныхъ мнѣній, всѣхъ чувспвъ,

круговращающихся въ націи, журналы очень далеки отъ того, чтобы пользоваться высокимъ и могущественнымъ вліяніемъ, которое имъ приписываютъ. Я смотрю на нихъ, какъ на публичныхъ льстецовъ — вопль и все. Одинъ ласкаетъ щеславію мѣщанъ, другой льститъ честолюбію и зависп радикаловъ. Каждому листку соотвѣспвуетъ не только особый классъ людей, но и особый классъ пороковъ. Никто не можетъ быть такъ влюбленъ въ пишла, такъ желаетъ походить на дворянина, какъ разжившійся мѣщанинъ. У женъ и дочерей альдермановъ, въ фамиліяхъ разбогатѣвшихъ купцовъ (attorney), кои нажились и пріобрѣли извѣстность, желаніе знать новости двора и подражать ему есть истинная болѣзнь. Услуживайте этому маленькому капризу самолюбія, давайте знать купчихѣ, какъ былъ сдѣланъ корсажъ Гжи Маркисы на послѣднемъ балѣ ея дадномъ, прикладывайте къ содержанію вашего журнала картинки и музыку: и вы будете имѣть успѣхъ равный тому, какимъ пользуется *Придворный Журналъ!*

Должно однакожь сказать къ чести средняго сословія въ Англій, что успѣхи этой спекуляціи на суешность имѣютъ границы довольно пѣсныя. *Придворный Журналъ* имѣетъ подписчиковъ менѣе всѣхъ еженедѣльныхъ журналовъ; а *Weekley-Dispatch*, журналъ безъ всякихъ прешензій, но опличающійся здравымъ смысломъ и полезными спашьями, имѣетъ ихъ 33,350; *Times* считааетъ у себя не болѣе 13,300. Эти тридцать три тысячи прпшпа пятьдесятъ подписчиковъ

журнала, пользующагося не слишкомъ большою липературною репуаціею, предспавляющъ собою спранность весьма замѣчательную.

Не думайте однако, чптобы наспоящее число подписчиковъ почно „соопвѣспвовало пому, которое объявляется самими журналистами; обманъ господствуетъ и здѣсь. Почпи всѣ журналы, пользующіеся репуаціею, клеймятъ число лиспковъ гораздо болѣе того, которое дѣйспвительно пускаютъ въ оборотъ. Клейменные лиспки, остающіеся у нихъ, перепродаются въ подрывъ провинціальнымъ журналамъ; и публика обманывается, также какъ и правительспво, на счетъ дѣйспвительнаго расхода журналовъ.

Назадъ пому около года, въ сферѣ Англійской журналистики произошла большая перемѣна. Прежде журналы, выходящіе по воскресеньямъ, предназначаясь только для иного трудолюбиваго класса людей, который не можетъ читасть каждый день, были, такъ сказасть; аналитическими таблицами, сухими перечнями, назначаемыми для поверхностнаго образованія простаго народа. Со времени послѣднихъ произшеспвій, и особенно съ Іюльской революціи во Франціи, новый классъ подписчиковъ завладѣлъ журналами, выходящими по воскресеньямъ, и даль-имъ направленіе гораздо болѣе липературное и болѣе умспвенное, чѣмъ направленіе публичныхъ лиспковъ, пользующихся давнишнею знаменитостію. *Зритель*, *Атласъ* и *Атеней*, издаются съ большимъ достоинствомъ и успѣхомъ. Такъ какъ ихъ расходъ очень незначителенъ, то ими

занимаются не одни спекулянты книжной торговли и достоинство ихъ усугубляется съ каждымъ днемъ.

Morning Chronicle, недавно бывшій первымъ журналомъ въ Европѣ, еще и нынѣ управляемый искуснѣйшимъ изъ Англійскихъ издавателей, упалъ гораздо ниже сихъ публичныхъ листковъ, надъ коими некогда владычествовалъ. Это паденіе произошло отъ недостатка въ паланкахъ у вѣроспеленныхъ издавателей и отъ нерадѣнія главныхъ. Чѣобы доставить себѣ свѣжія иноспранныя извѣстія, нужны безмѣрные издержки на эспафеты и курьеровъ; и главные Лондонскіе журналы согласились раздѣлить между собой сіи издержки по равнымъ частямъ. Долгое время изъ Франціи не получали никакой новости, достойной любопытства: и *Morning Chronicle*, успавши плашить значительную сумму ни за что, опъказался отъ учаспія въ сей подпискѣ. Онъ проигралъ: это было на канунъ Іюльской революціи.

Чѣобъ основать или издавать журналъ, которій бы имѣлъ успѣхъ, не нужно первосепеннаго генія или обширной силы ума; нужны только проницательность въ видахъ, тонкій вкусъ и много блестящей поверхности. Нужно особенно знать свою публику и умѣть владѣть ею, заирать въ ней, пакъ сказать, чувствительное мѣсто и попомъ водить за носъ. Философическій палантъ и свяпость совѣсти, высокая поэзія и красота языка, ни къ чему здѣсь не послужатъ. Нѣкоторыя спашья Г. Блакка въ *Morning Chronicle*, бывшія статьями капитальными, представляли въ себѣ образцы слога и мыслей: но самую свою

силою и добросовѣстнымъ глубокомысліемъ онѣ не мало способствовали упадку сего періодическаго изданія. Никпо лучше его не умѣеть онѣ часпнаго факпа переходить къ сиспемапической всеобщности. Ни въ чьей головѣ факпы не укладываются въ порядкѣ болѣе ясномъ, болѣе сиспемапическомъ и болѣе еспеспвенномъ. Но между пѣтъ никпо не чипалѣ сихъ спашей, споль примѣчательныхъ, и онѣ наскучили публикѣ. Чипайте, напрошивъ, пресловутыя спашьи *Times*. Ихъ дикція величеспвенна, жаръ увлекашелень, самыя софизмы правдоподобны. Вопѣ и все, чпо нужно. Волновашѣ спраспи, возбуждашѣ учаспие, спановишѣ предразсудки въ боевую позицію и вести на бипву: вопѣ искусство *Times*. Въ эпомѣ опношеніи онѣ первый журналъ въ Европѣ. Чуждый философін, никогда не предспавляя чипапелю новыхъ мыслей или маперін для мыслей, онѣ поржешвуешѣ, опираясь на эпу силу доказательспвъ, на эпу краснорѣчивую діалектику, на эпо могущеспво словъ, на эпу блестящую и сильную рипорику, копорая заняла теперь мѣсто краснорѣчія древней прибуны и наслѣдовала его вліяніе. Съ превосходными спашьями *Morning Chronicle* еспѣ худшій изъ всѣхъ Лондонскихъ журналовъ; съ спашьями самыми гнусными или самыми поверхностными *Times* еспѣ лучшій изъ всѣхъ.

Чпобы совершенно разкрышѣ пайны свяпилица, подлежалобы здѣсь распространишѣ еще объ опношеніяхъ главнаго журналиста-редакпора и суб-журналисповъ, издашелей и сопрудииковъ, владѣшелей и липерапоровъ, имѣющихъ долю въ журналѣ.

Вообще человекъ, принадлежацій къ какому нибудь Лондонскому журналу, гораздо больше походитъ на невольника, чѣмъ какой-нибудь негръ Антильскихъ острововъ. Нѣтъ никакого уваженія, никакой малѣйшей внимательности, словомъ, ничего, чѣмъ возвышалось ученаго надъ послѣднимъ наемникомъ. Эпопъ человекъ, котораго, какъ бы по ни было, считается левимомъ умственнаго жречества, въ глазахъ пѣхъ, кои пользуются его прудами, еспь не что иное, какъ презрѣнная пружина, колесо ничего не спюющее, когда переспанеть вершѣться, вещь, а не существо живое.

Въ Іюль 1832 года, одинъ ученый, принадлежавшій къ одному изъ первыхъ Лондонскихъ журналовъ, возвращался изъ спектакля, на которомъ долженъ былъ по обязанности присуствовать по случаю представленія одной новой пьесы, и въ то время, какъ съ чувствомъ удовольствія входилъ домой, въ нѣдра своего семейства, нашелъ на столѣ кабинета записку слѣдующаго содержания:

— » Любезный мой, я имѣю нужду видѣться съ вами около полуночи. «

Ученый опправился на сіе лаконическое приглашеніе.

— » Государь мой, сказалъ ему издапель, вопъ сорокъ фунтовъ сперлинговъ на споль; почтовая коляска у воропъ; опправляйтесь въ Фальмутъ сію же минупу. Опшуда вы ѣдете въ Португаллію, въ Опорто. Поспайтесь соединиться съ редакпонами *Times* и *Herald*. Спупайте. «

— Но, государь мой, еслибъ обо всемъ эпопъ

вы упомянули въ вашемъ письмѣ, шо я бы могъ взять свои мѣры, проспипься съ семействомъ, окончипь нѣкопорыя домашнїя распоряженїя, взять съ собою по крайней мѣрѣ чемоданъ. . .

— » За нимъ можешъ сходишь служипель. «

— Но къ чему эша поспышность? Мое бюро опкрыто, пупипры не приведены въ порядокъ, вообще у меня все въ безпорядкѣ.

— » Довольно, сударь! ежели эшо вамъ не нравипся, шо извольте сказашь рѣшипельно. «

Бѣдный липерапоръ, подобно аппекарю въ Шекспировомъ Ромео, принужденъ былъ покорипься. Не душа его, а голодъ согласился на шо. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе подобныхъ унизипельныхъ сценъ: нѣтъ ничего оскорбипельнѣе для человека занимающагося словесностїю.

Таковы несчастныя слѣдствїя журналистипки! Здѣсь представлены шолько нѣкопорые изъ грязныхъ элементповъ, кїснуущихъ въ эшой бездонной прясинѣ, въ эшомъ скопищѣ свѣта и заблужденїя, ложныхъ факповъ и драгоцѣнныхъ свѣденїй. Часпо какой-нибудь карло, какой-нибудь Өерсипъ, движешъ сими рычагами вселенной. Главные завѣдвапели лучшихъ нынѣшнихъ Англїйскихъ журналовъ супъ редакпоры, прежде нанипавшіеся поспрочно, наспоющїе подещипки, копорые смопряпъ на липерапшуру какъ на ремесло. Еслибы соединипъ въ одинъ бапальонъ всѣхъ глупцовъ, плуповъ и надувапелей простаковъ, кои участвуюшъ въ журналахъ, шо изумипсь бы, увидя, какими руками образуется эшопъ блестящїй сполпъ, копорый по видимому пупиводипельспвуешъ современную цивилизацію

Между шѣмъ чрезъ нихъ движется наспоющее; они переворачиваютъ будущее. Ложь публичныхъ листковъ рѣшаетъ спокойствіе народовъ, утверждаетъ и ниспровергаетъ царства, производитъ и укрощаетъ революціи. Гдѣ аристокрація? Гдѣ верховная власть? Гдѣ вѣра? Гдѣ свобода? Нигдѣ, кромѣ журналовъ! *Какой нибудь марака, берущій по одному су за строчку*, какимъ-нибудь ложнымъ извѣстіемъ, оказываетъ вліяніе на фонды Франціи, Италіи, Англіи. Эта сила, пишущаяся всѣми современными вздорами и обращающаяся ко всѣмъ рошозьямъ Европы, есть сила безпримѣрная! . .

(МЕТРОПОЛИТАН).

VI.

ЛИСТКИ ИЗЪ ПРОВНЫХЪ ЛИСТКОВЪ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ

ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ а).

I.

СКАЗКИ И ПОЛБЗА ОПЪ СКАЗОКЪ.

» Сказки не Испорія « б), вымолвилъ Н. М. Карамзинъ и пѣмъ заключилъ всѣ свои замѣчанія о многомъ множеспивѣ любопытнаго, сокрыпаго въ нѣкопорыхъ паниспвенныхъ запупанноспяхъ всѣхъ вообще сказокъ. А мы, почипапели Карамзина, почпивъ его, какъ одного изъ краснорѣчивѣйшихъ писапелей нашего времени (копорый, нерѣдко, и въ мелочахъ умѣлъ масперски показывать много прекраснаго), мы, повпорю я, ожидали и падѣялись опъ него и въ семь случаѣ чего нибудь больше; но онъ ни одной свѣчкой не посвѣпилъ намъ въ дали времянь пемныхъ! . . — Впрочемъ справедливо и по, чпо не во всякой сказ-

а) Подъ симъ названіемъ я намѣренъ издашь мои догадки объ испочникахъ для Испоріи Русскихъ Сказокъ; къ нимъ приложу нѣкопорый выборъ и самыхъ Сказокъ, съ примѣчаніями (но пакже болѣе, или менѣе догадочными) о древности и колыбели ихъ и проч. Нѣчто подобное изъ подобныхъ же моихъ догадокъ было уже напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* и было принято (многими любипелями Опечеспвенныхъ Древностей) съ весьма леспнымъ для меня вниманіемъ. Сполъко же будетъ прияпно мнѣ внимание почпеннаго издапеля *Телескопа* и его чипапелей.

б) И. Г. Р. (издан. первое), томъ I, спран. 32.

къ есть что-то близкое испоріи, шочно также какъ не каждая испоріа похожа на испорію; и такъ, покрайней мѣрѣ, (воспользуемся самолюбіемъ) и скажемъ, что наши Русскія сказки *не всть небыль и не всть шутка!* — »Есть дѣла; есть слова, гдѣ и сказка какъ сонъ въ руку: « такъ замѣнилъ мнѣ, не упомяно какой писапель а). — » *Идетъ и сказка въ рядѣ съ дѣломъ!* « повпорили за симъ послѣднимъ претій, а можешъ бытъ и четвертый, наблюдапели нашей опечеспвенной спарины б).

Здѣсь я, слѣдуя, порознь и вмѣспѣ, тому или другому изъ приведенныхъ мною мнѣній о Сказкахъ, заключаю—(впрочемъ легко спанепся ошибочно)—что древнѣйшая Русская Испоріа, не пользуясь иногда пособіями Сказокъ, едвали покажешъ многіе свои факпы вполне блестящими всею яркостью истинны? Кто подружилъ насъ съ умомъ и разумомъ Господиловымъ? Кто, съ издѣтспва, пріучилъ насъ дигипся красному солнышку Владиміру, удалѣтспву Муромцевъ и Поповичей? Кто опдергивалъ намъ очарованную занавѣску въ дали непоспигнутой, и мы видали памъ черпоги хруспальные, палапы чиспаго золопа, замки серебряные и проч? Кто, повпорю, и буду опвѣчапъ: Сказки!

а) Впрочемъ эпаже пословица была упопрѣблена весьма кспашп въ копорой-по изъ книжекъ *Всптника Европы*, издав. М. Т. Каченовскимъ.

б) М. В. Чулковъ издапель своихъ *Досуговъ* и *Русскихъ Сказокъ* и проч. Четвертый наблюдапель *Отечественной Старины* Сергій Друковцевъ, сочинипель книжки: *Сова Почпал Птица*.

Но какъ угадашь *быль* въ сказкѣ? Кѣмъ писывалъ до Неспора, чѣмъ писалъ Неспоръ и писалъ-ли самъ Неспоръ? Сказка даже не *городище*: при ней нѣтъ ни *крѣпости*, ни *кургана*, для объясненія копорыхъ могъ бы родиться какой нибудь Ходаковскій а). Но при сказкѣ естъ *слово*, она *вся изъ словъ*, а слово—вѣщунъ: чегожъ оно не повѣдаетъ? Вопшь, кажешся, опвѣсть на многіе вопросы, опвѣсть, самый *гопovýй*! Впрочемъ скажемъ чѣмъ-нибудъ изъ самыхъ Сказокъ. «Милый, говоришь мужичокъ съ локопокъ поганому: *увѣруй мнѣ. Быль смола, а небыль течетъ водою; быль сама льнетъ къ дѣлу, а небыль, утливаетъ, какъ отъ дѣла, такъ и отъ бездѣлья б)*!» И почно, при такихъ пособіяхъ, кѣмъ не узнаешъ *были*, кѣмъ съ сими пособіями не опличить ее опъ *небылей*? Правда свѣплѣе солнца: она какъ золопо и на грязи не поржавѣетъ?..

Но обращаюсь оиашъ, собспвенно, къ моимъ Русскимъ Сказкамъ. Онѣ какъ Римскія и Греческія выдумки, иногда сами собою соспавлялись и соспавлялись изъ какого-то собспвеннаго роднаго Русскаго миеа, оригинальнаго, красиваго, заманчиваго. Въ другомъ ихъ опношеніи (и, не рѣдко подъ пылью ихъ самыхъ

а) Я. Долуга Ходаковскій, желавшій угадашь всю нашу древность по *городищамъ*. Впрочемъ онъ хорошо зналъ свое дѣло и въ поварищеспвѣ съ ученымъ, рѣшипельнымъ и смѣлымъ испорикомъ, сдѣлалъ бы для всѣхъ Славянскихъ поколѣній (конечно, не безъ помощи также и лѣпописей) гораздо больше, чѣмъ многіе наши лѣпописцы и всѣ ихъ цѣновники (кажешся) не жаловашели Ходаковского, умершаго въ нищепѣ и неизвѣспности.

б) Старинная Руская пословица.

уродливыхъ выдумокъ) въ нихъ видишь и почти угадываешь какія-то истины драгоценныя: пусть Русскія Сказки вмѣшивая въ бытъ, имъ только принадлежащій, весьма любопытныя подробности до сихъ поръ еще не постигнутой древности, составляютъ и составили уже изъ себя особенный родъ литературнаго міра — боюсь докончить — *историческаго!*..

Но найдись человекъ глубокомыслящій, человекъ переплывшій, мастеръ способный очищать съдую пыль, густо-покрывшую разумъ всѣхъ сказокъ: тогда какая картинная дань откроется во многихъ исторіяхъ! Распадутся вѣковые гроба, поглотившіе царей дивныхъ, заблещутъ шелома героевъ, погибающихъ досель въ неизвѣстности, пройдетъ живая межа по землямъ царствъ забытыхъ! Всякой древній мнѣ есть что-то допотопное; онъ въ своемъ родѣ косъ непостигнутаго Мамонта! Такъ думалъ нѣкогда размышляя о мифахъ Римскихъ; почему же и намъ не думать такъ о нашихъ Сказкахъ?

Мы Русскіе, бѣднѣйшіе учеными путешествіями по опечесству, мы еще несильные знайки въ языкахъ восточныхъ, или вообще въ языкахъ Азіи, гдѣ рождались, возрастали и созрѣвали главныя отношенія нашихъ предковъ съ другими племенами народовъ, мы, повѣрю я, менѣе всѣхъ другихъ Европейцевъ можемъ осмѣливаться просвѣщать пьму для общихъ глазъ человѣчества непроницаемую: и такъ чтожь мы узнаемъ, что мы скажемъ? Не одно ли и шже говаривали о семь Нѣмцы а), что извѣстныя

а) По свидѣтельству Дитрикса, Генр. Рабнера, Юста Бульгольца и проч.

намъ Сказки проявились въ земляхъ Русскимъ не въ одно время, не изъ одной земли, не опъ одного народа!

II.

СКАЗКИ АЗИЯТСКІЯ ПО ОТНОШЕНІЮ ИХЪ КЪ РУССКИМЪ
СКАЗКАМЪ.

Ни слова о Полягахъ и Татарахъ, оставившихъ еще довольно рѣзкіе слѣды свои не только на басняхъ, пѣсняхъ и сказкахъ Русскихъ, но даже и на самомъ нашемъ характерѣ, на многихъ Русскихъ лицахъ и, увы! (жалѣю, какъ словесникъ) на множествѣ словъ нашего языка! Я не буду говорить о нихъ, но укажу вамъ на другое: на Русскія Сказки, какъ на длинныя пѣни слѣдовъ всей Азій, всѣхъ хитростей и мудростей пылкаго воображенія древняго свѣта. Впрочемъ указывая на нихъ, я не буду дѣйствовать безъ пособій: я рѣшусь и возьму для моихъ разгадокъ кольцо волшебное. Перспни и кольца волшебныя суть важное богатство, принадлежащее всѣмъ сказочникамъ-волшебникамъ. Индія есть первая опчизна сихъ перспней и колець: тамъ безъ *Коло*, магическаго талисмана, при худыхъ и добрыхъ желаніяхъ человѣческихъ, какъ свидѣльствуетъ Санскритская поэма *Саконтала*, даже сами боги не могли и не умѣли ни вредить, ни покровительствовать смертнымъ. Древніе жители древнѣйшей Индіи, уважая сказки, какъ рассказъ о своемъ о быломъ (по свидѣльству многихъ догадливыхъ), принесли на сѣверъ вмѣстѣ со сказками: *Аеуто*,

Вариту а), *Гозану*, *Калмыкъ*, *Олуй* и пр; въ особености же магическое *Коло* Индійское.

Талисманъ *Коло*, ближе всего подходя къ *колицу* Русскому, конечно не совсѣмъ еще, по своему произношенію, роднишь его съ языкомъ Русскихъ; другія слова, выше мною указанныя, кромѣ *Ягоей*, могутъ также подвергаться многимъ сомнѣніямъ: и попому ни чего еще не докажутъ собою о первой колыбели Русскихъ Сказокъ. Читаемъ далѣе, сравниваемъ, мечтаемъ, догадываемся: и вопшь еще слова Индійскія, которыя при ученомъ взглядѣ на Русскія Сказки, основываясь еще чѣмъ - по разительнымъ наблюдениямъ. *Душмана!* говоритъ Индіецъ б), величая котораго либо изъ своихъ древнихъ царей-милоспивцевъ. Эпо *Дева-Душанамъ* в), произноситъ онъ же,

а) *Варита*, древній музыкальный инструментъ Азіятскій, переименованный въ *варганъ*. *Гозита*, поже древняя Индійская одежда; тулупъ, носившій прежде названіе *кожанъ*, преобразованный въ нашъ *кожанъ*. *Калмыкъ* родоначальникъ вообще всѣхъ камней, но преимущественно драгоценныхъ; до сей поры Индіецы брилліантъ называютъ *Калмыкомъ*; и пакъ вопшь откуда зашло къ намъ названіе *камней* и *камушковъ*! *Олуй* слово Санскритское, означающее *масло отъ древа*.

б) См. Индійскую поэму *Sacotala*, переведенную на Англійскій языкъ бывшимъ Предсѣдателемъ Верховнаго Суда въ *Бенгалъ*, Сиромъ *Вил. Джонсомъ*. *Душ-Мана* очень походишь на *приманку душъ* (*всѣмъ милый, любезный*).

в) Тоже въ *Саконталъ*. Слово *Дева* означаетъ *Божество*, *Dewitssa* или *Diwitza* значить *Красавицу*. *Sara-Deva* = начальница Нимфъ, наша Русская *Царь-Дѣвица*. *Deva - Dou-shanat* = существо прелестное, породившее нашу необходимую для Русскихъ пѣсень *Душу - Красную - Дѣвицу*.

смотря на прелестную Дѣвицу. *Douchtana Dewa, Douchanat*, сіи слова (присоединивъ ихъ къ *Ягоей* и другимъ) естъ уже самая вѣрная указка на колыбель цвѣпныхъ и волшебныхъ Сказокъ Русскихъ, переданныхъ намъ изъ *подъ солнечныхъ* странъ со многими корнями наспоющаго языка Русскаго въ родовое наслѣдство. Да! заключу я: первыя наши сказки шли къ намъ изъ Индіи.

Выдумка Тавровъ, Киммеріанъ, разно-народныхъ поселенцевъ Греческихъ, и Скиновъ, Гоповъ, Сарматовъ, Аланъ (Уланъ), Вендовъ и проч. и проч. все было самое ближайшее сосѣдство къ Индіи: они всѣ Азіяпцы.

Но однакожь, собственно Греки, сильнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе многихъ современныхъ имъ народовъ, имѣли на *варваровъ* и на все *варварское* (какъ они называли всѣхъ *чужихъ* имъ и все *чужое*) особенное благодѣтельное вліяніе: многіе *безсмысленные* мифы или сказанія варварскія очевидно начали образовашь себя по примѣрамъ *мифа* Греческаго: ихъ Зевесы, Апполоны, Паллады и проч., здѣсь у варваровъ или перемѣняли только имена или, какъ посреди менѣе образованнаго народа, были опвергаемы, какъ ненадобныя. Такъ на примѣръ: былили симъ варварамъ нужны боги поэзи, искусствъ, художествъ и проч? За то все, что льстило чувствственности, переводилось къ варварамъ съ совершенною исправностію. Но и сами Греки первыя свои мифологическія выдумки принесли къ себѣ изъ древняго свѣта, изъ Азіи. Въ ней родились и жили цари, ца-

рицы, воины, ученые, художники и даже опшличные хипрецы, заслужившіе себѣ божескую честь опъ суетвѣрія! . .

Смѣсь чудесныхъ Азіятскихъ первонародныхъ повѣстей дошла въ Русь, чрезъ многіе вѣки, при разныхъ періодахъ времени; она шекла шуда по разнымъ спранамъ міра, на разныхъ языкахъ, поспешенно мѣшавшихся, въ одинъ языкъ, сосшавившій наконецъ языкъ Словено-Русскій. Здѣсь преимущеспво въ числѣ Словенскихъ переселенцевъ, не оспавившихъ почши никакихъ слѣдовъ въ прежней своей родинѣ, Азіи, запошло всѣ другіе языки; но слилось однакожь съ языкомъ Руси, вѣроятпо самомъ ближайшимъ къ языку Словенскому.

Другіе Европейцы, разумью Французовъ, Германцевъ, или Нѣмцевъ, Англичанъ, Италіянцевъ и проч., гораздо бѣднѣ насъ своими сказочными выдумками; ихъ волшебное почши всегда поспижиимо; ихъ гиганпы не люди, не нани богатыри; ихъ красавицы очаровашельны, но не красныя дѣвицы; у нихъ нѣшь ни *Ягоей*, ни *Кашія*, ни *Полкана*, ни даже хопя одного *Ивана Царевича*. Ихъ первобышныя сказки, большею частію поглощены владычеспвомъ Римлянъ; весьма малая частъ удерживается, кое-какъ, въ одной тольпо Испаніи; но и шамъ время и какогпо особеннаго рода рыцарская любовь обезобразила ихъ своею изнѣженностію. Поэпы просвѣщенные болѣ нашихъ *Соловьевъ древнихъ лтъ*, какъ люди грамошныя, испребляли въ преданіяхъ все невѣроятное, но красивое для поэіи того времени; а Инквизиція довершила въ конецъ испребленіе въ нихъ

всего яркаго, всего восточнаго. Тамъ нѣтъ уже ни хрустальныхъ дворцевъ, ни моложавыхъ яблокъ, ни Срацинскихъ шляпъ невидимокъ: памъ погибла древняя сказка восточная!

М. МАКАРОВЪ.

1833.

Ноябрь.

VI.

ВСЕМІРНАЯ СТАТИСТИКА.

ЖУРНАЛОВЪ.

Таблица сія можетъ доставить обширное поприще для размышленія полипикамъ. Она содержитъ въ себѣ количество журналовъ каждаго государства, равно и важнѣйшихъ городовъ сравнительно съ ихъ народонаселеніемъ.

— Европа. Народонаселеніе 227,000,000. Журналовъ 2,142.

Франція, 32,000,000 жип. 175 журналовъ. Ліонъ 146,000 ж. 13 жур. Марсель 16,000 ж. 6 жур.

Англія, 22,400,000 ж. 483 жур. Лондонъ 1,275,000 ж. 97 жур. Дублинъ 227,000 ж. 28 журн. Эдинбургъ 138,000 ж. 18 журн. Глазгоу 147,000 ж. 14 жур. Манчестеръ 134,000 ж. 12 жур. Бирмингамъ 107,000 ж. 9 журн. Ливерпуль 119,000 ж. 9 журн.

Швейцарія, 1,980,000 ж. 30 жур. Женева 25,000 ж. 4 жур.

Австрія, 32,000,000 ж. 80 жур. *Вѣна* 300,000 ж. 24 журн. *Миланъ* 151,000 ж. 9 жур.

Пруссія, 12,464,000 ж. 288 жур.

Голландія, 2,113,000 ж. 150 журн. *Амстердамъ* 201,000 ж. 35 журн.

Бельгія, *Брюссель* 100,000 ж. 33. жур. *Антверпенъ* 66,000 ж. 6. жур.

Германскій Союзъ, 13,600,000 ж. 305 жур.

Швеція и Норвегія, 3,866,000 ж. 80 жур.

Данія, 1,950,000 ж. 80 жур. *Копенгагенъ* 109,000 ж. 6 жур.

Испанія, 13,060,000 ж. 12 жур. *Мадридъ* 201,000 ж. 4 журнала.

Португалія, 3,550,000 ж. 17 жур. *Лиссабонъ*, 260,000 ж. 12 жур.

Сардинія. 4,300,000 ж. 8 жур. *Туринъ* 114,000 ж. 3 жур.

Кор. Неаполитанское, 4,600,000 ж. 51 жур. *Неаполь* 364,000 ж. 5 жур.

Папскія Области, 2,590,000 ж. 6 жур. *Римъ* 154,000 ж. 3. жур.

Россія и Польша, 56,315,000 ж. 84 жур. *Петербургъ* 320,000 ж. 29 жур. *Варшава* 126,000 ж. 13 жур. *Москва* 250,000 ж. 9 жур.

Греція, 1,100,000 ж. 3 жур. (?) *Наполи ди Романія* 10,000 ж. 1 жур.

— *Америка*. *Народонаселеніе* 39,300,000. *Журналовъ* 978.

Соед. Штаты, 12,600,000 ж. 840 жур. *Нью-Йоркъ* 160,000 ж. 30 жур.

Колумбія, 3,000,000 ж. 20 жур. Саншафе 30,000 ж. 4 жур.

Респуб. Мексиканская, 7,500,000 ж. 28 жур. Мексико 180,000 ж. 11 жур.

Бразилія, 5,000,000 ж. 8 жур. Рио-Ханейро 130,000 ж. 3 жур.

Англійская Америка, 2,290,000 ж. 30 жур.

Испанская Америка 1,290,000 ж. 4 жур.

Герм. Америка, 114,000 ж. 2 жур.

Франц. Америка, 240,000 ж. 3 жур.

Гаити, 950,000 ж. 3 жур.

— *Азія*. Народонаселеніе 390,000,000. Журналовъ 27.

Индія. Калькушпа 500,000 ж. 9 жур.

Персія. Сурапъ 450,000 ж. 1 жур.

Китай. Пекинъ 1,300,000 ж. 1 жур.

— *Океанія*. Народонаселеніе 20,000,000. Журналовъ 6.

Ява. Бапавія 46,000 ж. 2 жур.

Земля Ван-Дименова 2,000 ж. 1 жур.

Отаити. 7,000 ж. 1 жур.

— *Африка*. Народонаселеніе 60,000,000. Журналовъ 12.

Египетъ. Каиръ, 250,000 ж. 1 жур.

Общій итогъ. Европа 227,000,000 ж. 2,142 жур. Америка 39,000,000 ж. 978 жур. Азія 390,000,000 ж. 27 жур. Африка 60,000,000 ж. 12 жур. Океанія 20,000,000 ж. 9 жур. Всего же на всей поверхности шара 727,000,000 ж. 3,168 жур.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ТЕЛЕСКОПЪ

СЪ

МОЛВОЮ**НА 1834 ГОДЪ**

будушь выходитьъ въ числѣ 52 книжекъ, изъ коихъ каждая будетъ содержать въ себѣ четыре печатные листа *Телескопа* и одинъ листъ *Молвы*. Оба журнала, не смотря на соединеніе ихъ въ одной оберткѣ, будутъ имѣть особый счетъ листовъ и следовательно могутъ переплетаться отдѣльно по часпямъ, какъ и прежде. Разумѣется, при каждой книжкѣ будетъ находиться непременно одна, а иногда и двѣ картинки модъ, узоровъ, мебели, экипажей и другихъ любопытныхъ новостей. Собственно къ *Телескопу* картинки будутъ прикладываться по мѣрѣ надобности.

Такъ какъ объемъ журналовъ чрезъ сіе соединеніе не уменьшается, то и цѣна остается прежняя: въ Москвѣ 45 руб., съ пересылкою въ другіе города 50 руб. асс.

Подписка принимается у издавателя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и въ книжныхъ лавкахъ комиссіонеровъ. Гг. иногородные благоволять адресоваться въ Газетную Экспедицію Имп. Московскаго Почтамта.

Первая книжка *Телескопа* и *Молвы* въ новомъ видѣ будетъ готова къ 1 Января будущаго 1834 года.

Н. НАДЕЖДИНЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ

ПУТЕШЕСТВІЙ

СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVI ВѢКА.

(окончаніе.)

Мы уже дали замѣтить, что путешественники временъ предшествовавшихъ XVI вѣку съ усердіемъ собирали поэпическія преданія Воспока и чрезъ те имѣли положительное вліяніе на поэзію. Ихъ посредничествомъ Воспочный міръ феицко соединился съ Гаэлическимъ. И вопъ Пери *Мерджунъ - Бану*, въ своихъ длинныхъ ризахъ, сверкающихъ рубинами, въ сафирной коронѣ, облитой лучезарнымъ сіяніемъ, прилепаетъ на благовонномъ облакъ и, слагая съ себя воспочный блескъ, оспаетъ живъ посреди дру-

гихъ чудесъ, порхаешь надъ зеленѣющимися озерами Европы, рѣзвился въ шуманяхъ, скользишь по блѣднѣющей радугѣ. Она перемѣнила и имя и одежду: она уже спала *Мургъ-ля-Фе (Mourgue la Faye)*; и, какъ блестящія распенія воспока, кои наполняютъ пріятнымъ благовоиѣмъ страны нашего климата, но копорыхъ цвѣты уже поблекли, феи Перси и Аравіи бросають на поэзію среднихъ вѣковъ какой-нубо сладостнѣй и печальный опсѣпъ, заспавляющій позабывашь ослѣпительное сіаніе ихъ опчизны. По возвращеніи Гайтоновъ и Мандевиллей, а часпо и гораздо позже, чудесныя путешествія ихъ переписывались искусными монахами, кои обогащали ихъ мелочными блеспками каллиграфическаго искусства; за шѣмъ слѣдовали раззолоченныя заглавныя буквы, карпинки предспавляющія *восхитительныхъ зѣрей, людей-крокодиловъ, пупника присупспвующаго таинспвеннымъ съ Священникомъ Иоанномъ при осадѣ какого-нибудь города, или Сарацинъ производящихъ ужасное кровопролипіе между идолопоклонниками. Если эпо брапъ Одрикъ, изъ ордена Миноровъ, или Бриэль, изъ ордена Брашевъ - Проповѣдниковъ, шо его предспавляли въ монашескомъ плашѣ, вырывающимся опъ оболщеній какой-нибудь сирены, или опъ яроспи льва, украшеннаго челоуѣческаю головою. Сіи изображенія, почерпну-*

шья изъ сказочной часпи сихъ книгъ, какъ ни были фантаспически, имѣли могущеспвенное нравспвенное вліяніе на духъ времени. Эпи идеи чудеснаго въ извѣспіяхъ пушеспвенниковъ пакъ сильно укоренились, чшо въ XVI вѣкѣ перещли черезъ океанъ и появились въ Новомъ Свѣтѣ, облакаясь здѣсь почно въ пѣже формулы, какъ и въ пушеспввіяхъ первыхъ спранниковъ. Послѣ кресповыхъ походовъ жарь къ пушеспсввіямъ въ воспочныя спраны нѣсколько поохмадѣль; однакожъ пушеспсввіе Берспрандона де ля Брокьеръ было еще пушеспсввіемъ поэпическимъ въ духъ рыцарспва; онъ прошель всю западную часть Азіи, всю воспочную Европу, и въ 1433 году возвращаясь явился въ одеждѣ Сарацина къ Герцогу Бургонскому, съ лошадыю, копорая одна прослужила ему въ сей удивипельной поѣздкѣ. И вопъ доходимъ мы до самаго поэпического, самаго великаго изъ пушеспсввенниковъ, до пого, копорый съ тапимъ жаромъ стрелился къ пріобрѣтенію Новаго Міра, какъ будто къ пріобрѣтенію рая. Эпо душа закаленная, подобно душѣ Данпа: онъ вычипываетъ въ священныхъ книгахъ успѣхъ своего предпріишія, и однако цѣлыя осьмнадцать лѣтъ скрываетъ въ груди свою шайну, свой жаръ. И, повѣрише ли? по испеченіи сего времени, ему показалось, чшо онъ обрѣль рай земный: онъ увидѣль

великую рѣку, которая орошала сіе мѣсто наслажденій, слышалъ небесные голоса, кои говорили изъ облаковъ и вѣщали ему въ буряхъ: » О безумный! коснящій увѣровавъ въ своего Бога, въ Бога всѣхъ, и служишь ему! Чпо сдѣлалъ онъ болѣе для Моисея и Давида, своего служителя?.. Чудно прославилъ онъ на землѣ швое имя... Индію, сію богашую часть міра — даровалъ онъ тебѣ... Ключи ошъ предѣловъ океана, запертыхъ замками, споль крѣпкими, предалъ въ швои руки!.. Кпо огорчалъ тебя шакъ жестоко и шакъ часпо: Богъ или міръ? «.. Эпопъ поэтъ былъ Христофоръ Колумбъ; онъ носилъ на себѣ желѣзные цѣпи и плащъ адмирала: королева ему покровительствуетъ; онъ умираетъ, когда умираетъ она, когда мысль его уже болѣе не понимается. Вошъ для поэзіи! Теперь взглянемъ на Колумба въ отношеніи къ знанію и философіи; и мы увидимъ, чпо знанія его были шакже худо оцѣнены, какъ и пылкое, могучее воображеніе.

Знанія Колумба были совершенно въ духѣ его времени: спирная смѣсь идей древности съ идеями библіи и свяшыхъ ошцевъ. Но религиозное испушленіе сообщало сей хаошической смѣси необычайную силу и могущество. Опкрытіе было сдѣлано уже въ шо время, когда Генуезецъ, въ порывѣ энтузіазма, возымѣлъ мысль, чпо должно плышь на Западъ; эпо было но-

вое: fiat lux! силой коего новый міръ возванъ былъ изъ мысли человѣка. Какое было попомъ его желаніе? Онъ предполагалъ водрузить знамя Каспиіи на Святомъ Гробѣ, пройдя чрезъ какой-то Капай, вѣроятно Кишайское государство; съ эпой спранный географической гипотезой онъ умеръ бы съ голода, еслибы не вспрѣпилъ на своемъ пути Гуанагами. Прибывъ въ Гаипи, онъ ищеть памъ Ципангу, чудеснаго города съ золотыми дворцами, упоминаемаго Маркомъ Поло и его предшественниками. Не очевидно ли, что, за исключеніемъ одной мысли, оплодотворенной волею женщины, дивныя открытія Колумба были не что иное, какъ слѣдствіе поэтической и религіозной мечты, подкрѣпляемой ложною ученостію вѣка? Сверхъ того, я беру здѣсь въ помощь свидѣтельство одного человѣка, на котораго никогда не ссылаюся, но котораго однакожь говорилъ всегда съ собшвеннаго опыта: Андрей Теве, котораго путешествовалъ съ поварищами Колумба, говоритъ, что Колумбъ былъ свѣдуць во всемъ, касающемся до философіи, но очень худо зналъ дѣла, относящіяся до мореходства.

Такъ какъ мы раздѣляемъ сіе мнѣніе касательно необыкновеннаго человѣка, споль худо оцѣненнаго своимъ вѣкомъ, на котораго между прочимъ имѣлъ онъ такое великое вліяніе, то повѣримъ одно общее

испорическое мѣсто, которое спольже ложно, какъ и почка, съ коей смодряпъ на Колумба. Онъ и Америго Веспучци опнюдъ не были между собой врагами; напрошивъ для великаго человѣка пріяпно было опдавать справедливоспъ пому, изъ котораго сдѣмали ему соперника, обвинивъ его въ суешномъ чесполубіи. Опъ времени и обспояпельспвъ зависяпъ иногда подобныя несправедливоспи, которыя не всегда должно приписывать пому, кпо извлекъ изъ нихъ болѣе пользы, и которыя всегда должно спарашься заглажнвать.

Какъ назовете вы путешественника - завоевателя, который, вошедши въ дворцы карешы Карла V, на вопросъ о своемъ имени опвѣспивовалъ: » Государь, я пошъ, который подарилъ вамъ гораздо болѣе провинцій, чѣмъ сколько предки ваши оставили вамъ городовъ? « Прочспите письма Фернандо Кортеца: прочспите также его духовное завѣщаніе, чшобы убѣдишься, какъ хорошо можешъ иная фраза изобразинъ, съ философической почки зрѣнія, человѣка и цѣлый вѣкъ!

— » Чпо жъ касается до спуземныхъ невольниковъ, взяспыхъ въ плѣнъ, или купленныхъ, по давно уже спрашивается: можно ли безъ угрызения совѣспи оставляпъ ихъ въ своей власти? По рѣшеніи сего вопроса, я совѣспую Дону Маршину, сыну моему, и его наслѣдникамъ

ничего не щадить, дабы достигнуть въ семь случаѣ почнаго знанія истины; и это для блага моей и ихъ совѣсти. «

Я увѣренъ, что вы также не забыли слѣдующей фразы того другаго путешественника, въ коемъ прогашельнѣйшія добродѣтели были современны величайшимъ преступленіямъ. Лас-Казасъ восклицаетъ:

— » Я видалъ иногда по двѣнадцать вождей ихъ, разпроспертыхъ на желѣзной рѣшкѣ въ честь двѣнадцати апостоловъ. «

Васко де Гама явился поэтомъ, когда великій поэтъ почувствовалъ силу его души, когда заговорилъ Камоэнсъ.

Мы наименовали теперь одного изъ тѣхъ людей, кои сославляютъ собою особое семейство и соединяютъ споль тѣсно вдохновеніе поэтовъ съ наблюдательностію путешественниковъ, что трудно опредѣлить имъ надлежащее мѣсто. Особенно въ XVI вѣкѣ появились еи блуждающіе пѣвцы, искавшіе безпрестанно новыхъ береговъ, чтобы прославлять новыя завоеванія. Камоэнсъ, Корпе-Реаль, Ерцилла, занимающъ между ними первое мѣсто: какъ ни обширенъ былъ ихъ поэтический геній, но взоръ ихъ всегда прищуплялся опъ блеска новой для нихъ природы. Сожалѣніе ли объ опчизнѣ было тому причиною, или неимѣніе силъ освобо-

дипься опть описательныхъ формулъ древнихъ? Какъ бы шо ни было, но они внимали цолько пѣнію соловья подъ мрачными сводами Индійскихъ лѣсовъ; природа украшалась для нихъ на всѣхъ берегахъ розами, орошенными слезами Авроры, величественными кринами, скромными фіалками, сими вѣчными предметами *Виргиліевскихъ* сравненій. Какъ будпо пламенная спрана пальмъ съ ея раскаленнымъ небомъ, съ ея зеленью, обливаемою, но не сожигаемою огнями солнца, съ ея огромными рѣками, разноцвѣшно блестящими пшицами, какъ будпо всѣ сіи чудеса были не въ соспоянїи возбуждашь ихъ энпузіазма! Они занимались цолько спраспями и приключеніями. Уже гораздо позже *Бернарденъ де Сен-Пьеръ* и *Шапобріанъ* должны были вспомнишь сію поэзію чуждыхъ спранъ, дополъ находимую цолько у немногихъ, кои были споль просподоушны, или споль невѣжеспвенны, чшо говорили цолько шо, чшо видѣли.

Міръ увеличился цѣлымъ міромъ; пупешеспвія слѣдовали другъ за другомъ: шо были пупешеспвія кровавыя. Тогда поэзія сущеспвовала болѣе въ дѣйспвіяхъ спранниковъ, чѣмъ въ ихъ разсказахъ, часпо опличающихся сухимъ и крапкимъ изложеніемъ какого-нибудъ факша, копорый долженъ былъ измѣнишь лице вселенной. *Алонзо де Охеда*, *Магелланъ*, *Квейросъ*

не поэмы; но поэмы могутъ сдѣлать ихъ своими героями.

Впрочемъ, не было ничего бесплоднѣе перваго путешествія, совершеннаго въ сію эпоху вокругъ свѣша. Кажется, Пигафепша былъ безъ глазъ и безъ души.

Когда читаешь извѣстія путешественниковъ первой половины XVI вѣка, по мысли поражается однимъ вмѣспѣ поэпическимъ и философическимъ обспояпельспвомъ: эпо общее спремленіе находить въ мірѣ, шолько чпо опкрыпомъ, миеологическія вѣрованія Греціи и религиозныя идеи Евреевъ.

Важный вопросъ здѣсь предспавляется: были ли сіи путешественники обманушы своими воспоминаніями, или лучше преданіями, кои при вѣка назадъ были гораздо живѣе, чѣмъ нынѣ? То, чпо XVIII вѣкъ упрямо оприцалъ по своему ложному скепшицизму и невѣденію факшовъ, шеперь принимаетъ нѣкопорую спепень вѣрояшности, которая постепенно увеличивается; нравспвенное вліяніе Азіи на Новый Свѣшь шеперь уже почти доказано. Эши бѣлые законодатели, коихъ намъ предспавляютъ съ бородами: Манко Капакъ, Бочика и Кепцаль-Коапль, о копорыхъ Американское преданіе говоритъ, какъ о людяхъ, принадлежавшихъ къ другому племени, коихъ спранническая жизнь такъ шпайнспвенна и копорыхъ первые

путешественники превратили въ С. Апостола Оому; эпосъ Вошанъ Чапанейцевъ, споль сходный по имени съ однимъ Кароагенскимъ божествомъ; эпосъ креспъ, находимый между нѣкопоруими Индійскими народами и послѣ опкрыпый на величественныхъ памятникахъ древней Америки; эпи невѣдомыя книги, смыслъ коихъ непонятенъ для дикарей Укайялы, но копорыя они тщательнo сохраняютъ; эпи разсѣянныя слова; споль совершенно похожія на слова Греціи, Финикій или Индіи: всего эпоса было оченъ доспапочно для того, чпобы ввести въ заблужденіе ограниченную ученость XVI вѣка, пѣмъ болѣе, что и XIX идетъ еще оцупью въ своихъ догадкахъ. Однакожь, извѣсно, чпо схоластическія воспоминанія имѣли большое вліяніе на рассказы путешественниковъ; ибо вскорѣ Индійцы начали добиваться чести, заслужить во всѣхъ отношеніяхъ названіе: *Indios tui Latinos* (Индійцовъ отличныхъ Латинщиковъ).

Впрочемъ сіе общее стремленіе, жить только идеями Рима и Греціи принадлежить къ сей эпохѣ, также какъ презрѣніе къ религіознымъ идеямъ или характеристическимъ дѣйствіямъ чуждыхъ племенъ принадлежало къ другой (XVIII вѣку). Разсмотримъ еще нѣкопороихъ изъ сихъ людей, мысль коихъ была пакъ религіозна, чпо оцвѣшила собой всѣ ихъ преданія.

Между ними есть одинъ, котораго теперь очень мало знаютъ, но которъй разлилъ въ своихъ сочиненіяхъ сполько пламенной и рыцарской поэзи, что его считали жерпвой собственнаго воображенія. Безпреспанно находясь подъ вліаніемъ воспоминаній о восточномъ великолѣпнѣ, восторженнѣ впечатлѣніями славы и горести, поэтъ по слогу и мыслямъ, Мендець Пинпо считаемъ былъ холодными умами за обманщика; другіе смотрѣли на него, какъ на человека, обманываемаго своими мечтами. Сего путешеспвенника, съ его спранными приключеніями; должно считать съ оспорожноспно, и припомъ еще съ извѣспнымъ расположеніемъ души, имѣющимъ сходспво съ его душою. Слѣдуйте за нимъ въ его семнадцатилѣпнемъ невольничеспвѣ на берегахъ сихъ восточныхъ оспрововъ, кои онъ вмѣспѣ съ Кипайцами называетъ *ръспницами мѣра*. Смотрите на него въ его спранныспвоаніяхъ между Малайцами, народомъ, которъй мечтаетъ сполько о пламенной любви, о граціозной пляскѣ, о неумолимомъ мщеніи, которъй, предаваясь всѣмъ спраспямъ, соспавляетъ одно изъ самыхъ поэспическихъ племенъ на землѣ.

Посмотрите на Мендеца Пинпо, захватывающаго двухъ любовниковъ, кои плывутъ по Тихому Морю, украшенные цвѣтами, упоенные благовоніями; вслушайтесь въ выраженія

ихъ любви: такія выраженія не выдумываются. Въ эпоху волшебной живописи дѣйствительной жизни гораздо болѣе прелести, чѣмъ въ самомъ прекраснѣйшемъ мѣстѣ какой нибудь воспоющей сказки.

Мендещъ Пинпо, совершенно забытый XIX вѣкомъ, былъ переводимъ на всѣ языки; но никогда и ни на какомъ языкѣ не лзя передать его поэзіи, копорая происходитъ отъ самыхъ искреннихъ выраженій души и копорая назначаетъ ему въ Португальской липературѣ мѣсто между самыми великими поэтами и самыми просподушными льпописцами.

Въ сіе время философическая часпъ путешесвія приняла другой характеръ; ибо наука двинулась впередъ и почувспвовала, что истинными ея помощниками должны быть путешественники. Факты начали распредѣлять съ болышею послѣдовательностью въ извѣстіяхъ; внѣшнюю природу наблюдали съ болышимъ успѣхомъ. Въ семъ отношеніи нѣкопорые ученые XVI вѣка заспавили сдѣлать значительные успѣхи.

Белонъ, споль изысканный между натуралистами и уже споль искусный въ своихъ описаніяхъ Африки и Азии; Геснеръ, копорого можно назвать Бюффономъ XVI вѣка, и копорый, если не путешеспвовалъ самъ, по съ неупомимымъ жаромъ пользовался повѣспованіями пу-

пешественникомъ: эти люди прудолюбивые и смѣлые, предшесвуемые Пепромъ мученикомъ, Орпеліо космографомъ, Мюнсперомъ, де Бельфоре, дали совершенно новое направленіе путешественникамъ своего времени, направленіе, еще больше усиленное распросраненіемъ пвореній Ариспошеля, очень быспро разлившихся погда по Испаніи, копорая была единственней землей, гдѣ сохранилось полное преданіе о семъ писателѣ. Путешествія Бензони, Зарапе, и особенно путешествія Дакоспа, опзываются симъ всеобщимъ движеніемъ; но ихъ авторы были почти чужды великихъ философическихъ идей, кои вскорѣ должны были развиться. И именно въ семъ отношеніи Бернардино де Сагаунъ а) далеко превзошелъ ихъ. Съ своимъ сердцемъ испинно хрисіянскимъ, умомъ крѣпкимъ и возвышеннымъ, сильнымъ побѣждашь нравственныя предразсудки, хопя и окруженнымъ предразсудками учеными, сей спарый монахъ понялъ, что хрисіанство, и особенно хрисіанскіе завоеватели, нанесли ужасный ударъ цивилизації, копорая имѣла свои особыя основанія и выражала особый шипъ, опдѣленный съ самага начала опъ шиповъ древняго міра. Въ Сагаунъ, опносишельно Мексикан-

а) Объ изданіи пвореній Бернардино де Сагауна въ Англии см. *Телеск.* 1831 N 14. Изд.

цевъ, находилъся слѣдующая доспопримѣчательная фраза, гораздо позже развернутая Шапобриномъ: » Такъ какъ Испанцы истребили всѣ обычаи и всѣ формы правленія, коими управлялись Индійцы, однимъ словомъ, хотѣли принудить ихъ жить по Испански, во всемъ опносящемся до вещей божественныхъ и земныхъ, и смопрѣли на нихъ какъ на идолопоклонниковъ и варваровъ, по весь ихъ общеспвенный порядокъ разрушился! « Можно сказать утвердительно, что еслибы подобная шепримоспъ была въ то время общемо для всѣхъ, то она имѣла бы совершенно другое вліяніе на судьбу Индійцевъ, чѣмъ всѣ прогашельныя изображенія Чапскаго Епископа. Идея Сагагуна еспъ великій законъ всеобщей правопы для челоуѣческаго рода; въ мысли, копорую внушаепъ Лас-Казасъ, видѣнъ порывъ хрисианина въ пользу спраждуцаго челоуѣческаго. Си два монаха были современники; одинъ изъ нихъ оспавилъ по себѣ шруды неизвѣспные, даже долгое время презираемые и можепъ быпъ, слишкомъ высокіе для своего времени, пакъ что они оспались непоняпными; другой, вдохновенный своею энѣргическою чувспвипельноспію, поразилъ Европу ужасными карпинами и конечно имѣлъ болѣе вліянія на философическія идеи своего времени, чѣмъ уединенный наблюдапель великаго полипического закона. Сагагунъ угадалъ, что для міра бу-

дешъ нѣкогда чудомъ узнавъ краснорѣчіе и религіозную поэзію Мексиканцевъ; и онъ наблюдавъ сіи прекрасныя преданія, которыя безъ него были бы совершенно позабышы; но міръ позабылъ его самого въ продолженіе прехъ соплъ лѣтъ. Лас-Казасъ подслушалъ только вопль горести и повпорилъ его міру; міръ его понялъ и присудилъ ему безсмертіе. Для XVI вѣка нужна была философія дѣйствія; но XIX сполѣтіе должно воздасть полную справедливостъ шому, который предвидѣлъ его историческія и философическія пошребности; и я, не обинуясь скажу, что Бернардино де Сагагунъ былъ самый философическій писатель, какого шолько имѣли Испанцы въ продолженіе своего великаго періода славы и отккрытій.

Въ сіе время путешественники - поэшы принадлежали Франціи. Слѣдуйше за добрымъ Лери въ Американскія страны, внимайше ему въ глубинѣ древнихъ лѣсовъ Бразиліи, удивленному высокимъ зрѣлищемъ сихъ огромныхъ сводовъ зелени, убранныхъ ліанами, подобно храму, увѣчанному цвѣтами; упоенному сими дикими благоуханіями, кои солнце вдыхаетъ, какъ боже-спвенный оиміамъ. Въ присутствіи сихъ просподушныхъ Индійцевъ, которые угадываютъ его энпузіазмъ, не понимая, онъ восклицаетъ въ изліяніи своего умиленія: « воспрянъ, воспрянъ, душа моя! я повѣдаю шебъ великую радостъ! »

Въ другія минуныя его поэпическая душа соединялась съ умомъ ученаго: онъ умѣлъ смолрѣшь любопытнымъ окомъ на цвѣпокъ и на бабочку; зналъ все, что содержалось въ полспыхъ книгахъ его времени. Но ученость XVI вѣка исчезла; и, кажется, поэпъ помолодѣлъ съ лѣтами. Эпо, безъ сомнѣннѣя, пошому что онъ понялъ съ пламеннымъ энпузіазмомъ сію пропическую природу, кошора никогда не спарѣшся.

Соперникъ Лери, Андрей Теве, удивительнымъ образомъ понялъ поэпю религіозныхъ преданій; эпо было еще необыкновеннѣе въ XVI вѣкѣ. Его умъ былъ возвышенъ, но сердце лишено жара. Сн два человекъ не могли понять одинъ другаго и взаимно ненавидѣли другъ друга. Однакожь, посмоприше, какъ монахъ умѣлъ хорошо чувспвовапъ все, что было благороднаго въ первобышней поэпн младенчеспвующаго народа; онъ почти угадалъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего вѣка, когда говорпшь: »еслибъ эпн добрые люди знали письмо, я бы подумалъ, что они заняли всѣ сн выдумки у Гомера!«

Въ эпо время одинъ изъ героевъ Скошпа, Сиръ Вальперъ Ралейгъ, приспалъ къ успью Ореноко. Но не величеспвенное зрѣднце великой рѣки поражаетъ Англичанина, пожираемаго че-

сполубіемъ: его надменной Королевѣ нужно другое великолѣніе: онъ дѣлаеца поэпомъ по скупоспи; его пламенное воображеніе избрѣпаешъ *Эльдорадо*, или, лучше сказаць, созидаешъ чудесный міръ изъ дикаго преданія. Онъ населяешъ Новый Свѣтъ обманчивыми сиренами, людьми безголовыми, пакъ какъ Гайпонъ и Одрикъ населяли ими Азію. Его швореніе естъ воспочная сказка, въ коей цари, покрышые съ головы до ногъ золомомъ, владычешвуюшъ въ серебряныхъ городахъ. У него никакая ложь не йдець опъ сердца. Я почши думаю, чпо онъ обманываль, не бывши самъ обмануемымъ: явленіе рѣдкое, въ XVI вѣкѣ. Заглавіе его книги естъ не чпо иное, какъ безшпдная ложь, копорая въ XIX вѣкѣ возбуждаешъ не болѣе, какъ улыбку, но въ XVI возбуждала жажду убійства и золоша во всѣхъ сердцахъ.

Пуспъ предспавяшъ себѣ на минуспу шо дѣйствіе, кошорое должна была произвеспи на нѣкошорые умы, пораженныя опкрышіями Корпеца и Пизарро, маленькая книжка въ родѣ брошюрки, способная по своей вѣрояпности сдѣлашъся народною, кошорая начиналась пакъ: *»Открытие великой, богатой и великолѣпной Гвіанской имперіи, съ присовокупленіемъ извѣстія о великомъ Золомомъ Городѣ Маноя, сошненіе Кавалера Ралейга.»* Много головъ опъ ней вскружилось; ибо испорія говоришъ о вшпорой экспе-

диціи. Въ извиненіе Ралейга можно сказаць, что XIX вѣкъ каждый день, улыбаясь, открываетъ происхожденіе его бредней; но игра была кровава; и прослые люди досель ею обмануты, ибо недавно еще искали великаго города съ золопыми кровлями, кошорый, по мнѣнію Индійцевъ, находился въ небѣ и показывался имъ въ Млечномъ Пути. Знаменишый Франсуа Дракке, какъ называютъ его въ современныхъ сочиненіяхъ, употреблялъ больше дѣйствія, чѣмъ слова; но когда видишь его покрываго своимъ желѣзнымъ оружіемъ, посреди дикарей Виргиніи, кои занимаются передъ нимъ своею военною пляскою, украшенные блестящими перьями пуземныхъ пщицъ, по мечпаешь объ одной изъ ихъ сценъ, кои предспавляются на нашихъ театрахъ! Посреди вѣчно-юной природы, Понсе де Леонъ искалъ Фонпана Молодоспи и открылъ прекрасную Флоридскую землю, коей самое имя напоминаетъ убранство безконечной весны.

Но всѣмъ эпимъ пылкимъ и чесполубивымъ душамъ я предпочитаю религіозное просподушіе проспака Ганса Шпадена, бывшаго плѣнникомъ у могущеспвенной Бразильской націи въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, гдѣ ему послоянно угрожала ужасная смерть. Онъ довольспвуется чпеніемъ псалма, когда дикіе приказываютъ ему пропѣшь смерпную его пѣснь.

Чувствуешь, съ какимъ самоопроверженіемъ предаешь онъ жизнь свою на волю Провидѣнія. Если онъ и проливаетъ нѣсколько слезъ, по это пошому, что воспоминаніе объ опчизнѣ вмѣшивается въ его молитву. Равнымъ образомъ испытываешь живую и глубокую радость, когда ребяческое обшояпельство спасаетъ его отъ ужаснаго пира. Однимъ словомъ; не лзя надивиться, какъ удачно заглавія различныхъ извѣстій XVI вѣка заключають въ себѣ протодушное выраженіе характера путешествій. Какая-то забавная прототша находится въ путешествіи Ганса Шпадена; и не иначе, какъ съ улыбкою, смѣшанною съ нѣкошорымъ родомъ ужаса, возбуждаемаго спраданіями бѣднаго путешественника, читаешь въ началѣ его путешествія: *» Истинная исторія и описаніе одной земли дикихъ и нагихъ людотдовъ въ Новомъ Свтѣтѣ, въ Америкѣ, или самилѣ видѣнной. «*

Сказать ли хопя одно слово о легковѣрномъ Винцентѣ - ле - Бланкѣ, объ Альфонсѣ-Саншонжскомъ? Спрашъ къ приключеніямъ заносишь ихъ преимущественно на Восшокъ; и они въ XVI вѣкѣ продолжаютъ собою по время, когда путешественники попадали потчасъ въ мръфей, переѣхавъ чрезъ границу Франціи.

Послѣ всѣхъ сихъ путешественниковъ, споль

мало извѣстныхъ нынѣ и между пѣмъ споль доспойныхъ всякаго вниманія, появился Клавдій д'Аббевиль, который хотѣлъ превратить Тупинамбасовъ въ оспровъ Марангамъ; онъ принадлежишь еще XVI вѣку и касается XVII; онъ можешъ начашъ собой сей рядъ путешественниковъ миссіонеровъ, кои успремились на пріобрѣщеніе душъ, пакъ какъ другіе спремились къ пріобрѣщенію богашствъ. Религіозный энпузіазмъ, одушевлявшій сихъ добрыхъ паспырей, пробудилъ въ нихъ новый родъ поэзіи: они безпреспанно соединяюшь идею о Богѣ съ созерцаемыми ими чудесами; иногда удивленные величіемъ души дикарей, видяшь еще въ ихъ краснорѣчїи какое-шо божешвенное опкровеніе; разсказываюшь слышанныя ими рѣчи, не слишкомъ искажая ихъ; Типъ-Ливій не входилъ цѣликомъ въ соспавъ сихъ рѣчей, какъ бывало эпо прежде въ обыкновеніи; и изъ нѣдръ дѣвспвенныхъ лѣсовъ возникаетъ религіозная поэзія, на копорой нѣкопорымъ образомъ оппечатлѣвается дѣвспвенность природы.

Эти Французскіе монахи, кои собирали просподушныя слова или новыя душевныя движенія въ замѣну проповѣдуемыхъ ими высокихъ испинъ, были гораздо многочисленнѣе монаховъ другихъ націй; и погда какъ Испанцы еще продолжали свои кровавыя завоеванія, сіи послѣдніе совершали завоеванія чистпо умспвен-

ныя, кои черезъ два вѣка должны были показаться въ созданіяхъ пѣхъ поэшовъ - путешественниковъ, коихъ пѣсни были высокимъ гимномъ, вдохновеннымъ величественными сценами чуждой природы.

Невольно покушаешься сказать: еслибы сіи монахи, такъ прослые въ своихъ разсказахъ и при всемъ томъ великіе писатели, больше были читаемы въ свое время, по описательная поэзія въ XVI вѣкѣ подверглась бы значительному измѣненію; но сіи забвенные поэты пѣли пѣснь уединенную, вырывавшуюся изъ лѣсовъ, повпоряемую въ монастыряхъ, шевящуюся для міра и понятую только въ XIX столѣтіи.

Здѣсь окончимъ мы сей великій періодъ первыхъ путешественниковъ, кои не смотря на ихъ предразсудки и спранныя и неполныя наблюденія, такъ много сдѣлали для поэзіи и для исторіи. Вспомнивъ ихъ неупомимый жаръ, къ нимъ особенно можно примѣнить сію поговорку шворца Новой Науки: » Любопытство, дочь невѣжества, есть мать знанія! «

съ Франц. В. Б.

II.

РЕИЗЪ ГЮЗЕЛЬ-МАМВЕТЪ.

П О В Ъ С Т Ъ,

ВЗЯТАЯ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БАХЧИ-САРАЙСКАГО МОСАДЖИЯ.

I.

Хопя Крымъ и благословенная спрана, однакоже и шамъ, какъ и вездѣ, осеннія ночи и шемны и длинны и безконечно-сучны. И шамъ часпо, въ глубокою осень, солнце прячешся въ непроницаемомъ шуманѣ, идушъ дожди смѣшанные съ снѣгомъ, и неопвязчивая грязь нахально снимаешъ саюги съ опважнаго пѣшехода; часпо самая лучшая лошадь, съ упра до вечера, уходитъ неболѣе двадцаши верспъ. Вырывающся дни, въ кои бдишельные Муеззинны а) должны, пакъ сказашь, опредѣляшь чущемъ восхожденіе, полдень и захожде-ніе солнца для возвѣщенія намаза б) правовѣрнымъ, спокойно оспающимся дома. Правда, пакіе дни приходяшъ рѣдко и скоро, иногда очень скоро, проходяшъ, однакоже все приходяшъ.

Въ эпи дни, праздности и лѣни, набожные

а) *Муеззинъ* — Мулла, исправляющій должность колокола у Магомепанъ.

б) *Намазъ* — Молишва.

Ефенди а), высокомогучіе *Аги* б), вопреки заповѣдямъ обычая и Корана, не поропяшся въ мечеші, не спѣшапъ на умовеніе къ фонпанамъ; лѣпяся какъ хилыя мухи у очага, они куряпъ шабакъ, зѣваюпъ и сладоспно дремлюпъ надъ Кораномъ. Въ эти дни заживочные *базырляны* (купцы) забываютъ свои лавки и барыши. Въ эти дни пуспѣюпъ улицы и базары. . . Но въ ханѣхъ в), но въ кофейняхъ — эти дни, супъ дни самой возбужденной дѣятельности. Путешественники, преслѣдуемые непогодой, спекающся шуда со всѣхъ споронъ; проворные *одабаши* г) не успѣваюпъ приниматъ лошадей; неупомимые *каведжи* д), съ утра до поздней ночи, варяпъ и подносяпъ кофе. . . Словомъ — жизнь и дѣятельность цѣлаго города сосредоточиваешся въ ханѣхъ и кофейныхъ! — Самые горожане, упомянутые лѣнью и зѣвопою, на высокихъ деревянныхъ подковахъ (*наль*), съ прубкою въ рукѣ и кисепомъ за поясомъ, переселяющся въ кофейни, иногда на цѣлыя сушки. Тамъ, подъ вечеръ, выискиваешся какой-нибудь беспаланый разкацикъ, съ незначишельными препензіями на почешное званіе —

-
- а) *Ефенди* — почщенная особа духовная.
 б) *Ага* — господинъ, свѣтская особа.
 в) *Ханы* — поспоялые дворы въ Крыму.
 г) *Одабаши* — дворникъ; *ода* — дворъ.
 д) *Каведжи* — кофейщикъ; *каве* — кофе!

Турецкаго мосалджія, мелепъ всякій вздоръ и на счешъ своихъ зѣвающихъ слушашелей курипъ шрубку и пьешъ кофе.

Нѣсколько разъ и мнѣ доводилось бытъ вмѣстѣ и зрипелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ сей полу - воспочной карпинѣ. Такъ, на примѣръ, осенью въ 1830 году, выѣхавъ послѣ объда изъ Севаспополя въ Симферополь, я сбился съ дороги; проливной дождь промочилъ меня до коспей, не смотря на бурку. При захожденіи солнца проѣхалъ я *Дуван-Кой* а) и шемною, туманною ночью, переѣхавъ почти вплавъ *Кагу* и *Чурюкъ - Су* б) прибылъ въ Бахчи - Сарай. Ощупью, шакъ сказать, добрался я до хана Сеипъ-Амешъ-Аги. Было одиннадцать часовъ, когда я, опдавъ свою лошадь *Одабашъ*, вошелъ въ кофейню.

Тамъ, около *мангала* в), сидѣло человекъ съ двадцать угрюмыхъ ефендіевъ, въ высокихъ зеленыхъ каукахъ. Важно и молча осмопрѣли они меня съ ногъ до головы, какъ бы сквозь зубы процѣдили обыкновенное привѣтспвіе *комкилды!* (съ приѣздомъ!); молча кивнули на мое: *Алла разул - сунъ!* (спасибо); и я, безъ

а) *Дуван - Кой* — деревня на половинѣ дороги между Севаспополемъ и Бахчи - Сараемъ.

б) *Чурюкъ - Су* — (гнилая рѣка) въ Бахчисараѣ.

в) *Мангалъ* — жаровня.

дальнихъ околичностей, опдавъ мокрую мою бурку каведжію, усѣлся на диванъ между ними.

Наложивъ прубку благовоннаго *Самсона* а) и слѣдуя шурецкой вѣжливости, я предложилъ мой кисеть собесѣдникамъ. Предложеніе принято; угрюмыя лица разгладились; опривиспые вопросы о состояніи моего здоровья, о цѣли моего пушешествія, о дорогѣ, оживили ихъ губы. Подражая, или лучше сказапъ передразнивая ихъ, я опвѣчалъ опривиспо *іокъ или якми* (да и нѣтъ) смопря по обспояпельспвамъ; и хопя внупренно разрывался опъ смѣха, но умѣлъ сохранишь важность — какъ наспопцій Мусульманинъ.

Кофе безъ сахара поданъ, кисеть мой возвращился ко мнѣ и молчаніе водворилось. Правившій должность мосалджія, прерванный моимъ прибыпиемъ, воспользовался общимъ молчаніемъ и *требовалъ слова*. . . » Продолжай! « былъ единодушный опвѣпъ обрадованной бесѣды. Щедрость, пщеславіе и скука распворили кошельки правовѣрныхъ и мѣлкая мѣдная монепа посыпалась на помоспъ. Желая поддержапъ высокое о себѣ мнѣніе и пѣмъ сильнѣе оскорбиль самолюбіе *зеленыхъ кауковъ*, я бросиль рассказ-

а) Табакъ, пакъ названный по имени своего опчеспва, города Самсона или Самсуна, лежащаго въ Анаполии, при Черномъ Морѣ.

чику гривенникъ и приказалъ подашь ему чашку кофе. Щедрость моя привела въ изспуленіе мосаджія; благодарность самая униженная опразилась въ его словахъ, ужимкахъ и поклонахъ. Наконецъ, проглотивъ кофе и докуривъ шрубку, онъ началъ.

» *Бисмилля!* а) Высокопочтенные Ефендіи и Аги! неизрѣченная щедрость ваша запрещаесть мнѣ, какъ добросовѣстному мусульманину, помипь васъ дремогною, рассказывая вамъ жизнь и похождения беспаланнаго *Олана* б) *Куртъ-Мемета* и повелѣваетъ ошкрышь сокровищницу моихъ повѣстей и изъ оныхъ выбрасть доспойную вашего безпредѣльнаго благоушробія ко мнѣ, бѣднѣйшему мосаджію въ свѣтъ!.. И пакъ, оставивъ Куртъ-Мемета съ его захромавшимъ верблюдомъ на Акмечепскомъ базарѣ, я расскажу вамъ дивныя похождения величайшаго и счастливѣйшаго изъ нашихъ *реизовъ* (корабельщиковъ), *Реиза Гюзель-Мамбеша*, сына *Кокъ-Гелмирова*, ѣздившаго подъ волшебнымъ флагомъ на вооруженной *чиктерме* в) и видѣвшаго несмыханнаго и невиданнаго чудеса на вы-

- а) Магомешане каждое дѣло, каждый рассказъ начинають симъ словомъ; оно поже значить, что у русскихъ *господи благослови!*
- б) *Оланъ* — юноша. Соотвѣтствуетъ Малороссійскому: *парубокъ*.
- в) Турецкая мореходная лодка.

сопахъ *Агермыша* и *Орбаша* а)! Повѣсть сія—испінная и страшная—была подѣ заклипанемъ и нынѣ, только сей часъ, рѣшена ея участь, дозволеніемъ мрачнаго *Эвлиса* (Сапаны). Горе было бы — рассказывать и слушать вчера: *шайтаны* (дьяволы), мешпешельные слуги *джегенета* (ада), разперзали бы ихъ щѣла... но. « . .

Терпѣнія не спало у меня слушать и до-слушивать подобную чепуху. Разосплавъ еще невысохшую мою бурку, я безъ чиновъ улегся на диванѣ. Въ дремотѣ моей сливались звуки и я уже засыпалъ, когда мосалджи, возвыся гласъ, приспупилъ къ повѣсти. Пораженный рассказомъ, неожиданно занима-тельнымъ, я спалъ прислушиваясь и, завлеченный любопытствомъ, вспалъ, наложилъ шрубку и слушалъ:

II.

» *Резъ Гюзель-Мамбетъ, Кокъ-Темиръ Оглу* б), родился въ *Дере-Кой* в) въ то время, когда Русскіе не знали еще въ Крымъ дороги, когда шамъ не дѣлали богопрошивнаго напишка, про-

а) *Агермышъ* и *Орбашъ* — горы Одесскаго уѣзда; первая называется также Спаро - Крымскою.

б) *Оглу* — сынъ.

в) *Дере-Кой*, — Тапарское селеніе на южномъ берегу Крыма, въ верстѣ отъ Яллы.

кляшаго Кораномъ; когда Южнымъ Берегомъ владѣли Хань по имени, а Турки по дѣлу; — словомъ Реизъ Гюзель - Мамбешъ родился давно, очень давно. . . Отець его *Кокъ-Темиръ* былъ Деревной-Койскимъ *имамомъ* (спаршимъ муллою), умнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ въ околоскѣ. — Время, свободное опъ *намазовъ*, онъ, какъ и всѣ правовѣрные, проводилъ въ совершенномъ бездѣйствіи духа и шѣла; и хопя не имѣлъ счастья бышь *хаджемъ* а), но не менѣе шого былъ свящъ: ибо не курилъ шрубку, не пилъ вина и водки и шрого наблюдалъ *уразу* б).

Пропипаніе шнискивалъ онъ опъ своего званія в), а не менѣе шого и опъ сада, занимавшаго цѣлый ланъ земли. Получая до штысячи левовъ чисшаго дохода, онъ, какъ говоришся; жилъ припѣваючи.

Шпарикъ было ровно семдешъ шри года, когда у него родился первый и послѣдній сынъ, опъ шринадцапой, но не послѣдней жены. Новорожденнаго назвали Мамбешомъ въ честь какого-шо предка, а машь придала къ сему имени слово *Гюзель* (красивый) и шакъ какъ собышіе

а) *Хаджи* — поклонникъ, ходившій въ Мекку.

б) *Урази* или *Рамазанъ* — постъ, продолжающійся 28 дней. Магомешане шогда ѣдятъ и пьютъ шолько ночью.

в) При описн имѣнія умершихъ, имамы получаютъ шороковую часшь за шрудъ.

оправдало предчувствіе мащери, по и слово Гюзель навсегда при немъ упрочено.

Спарый Кокъ-Темиръ смолоду имѣлъ крупшой нравъ: жены у него не уживались долѣе прехъ лѣтъ. Сказашъ женѣ: *боиъ-ол-сунъ* а)! для него ничего незначило. Жена въ шакомъ случаѣ забирала свои пожипки и навсегда съ нимъ распавалась; ибо спарый Кокъ Темиръ не имѣлъ обычая возвращашъ однажды прогнанныхъ женъ черезъ другія руки б) и какъ испинный Мусульманинъ, не любилъ оспавашъ празднымъ и во славу Пророка попчасъ бралъ новую жену. Правда, шакія обновы ему не дешево обходились; ибо послѣдняя жена, смѣнившая мащъ Гюзель - Мамбета, унесла все его имущество, опдалила опъ него навсегда сына и менѣе нежели въ полгода свела его во гробъ.

Мащъ Гюзель - Мамбета, возвратившись къ опцу своему въ Аспру в), вскорѣ вышла за мужъ, а Гюзель-Мамбетъ взросъ у дѣда. Жипше сиропское всякому извѣспно; а попому нѣтъ ничего удивительнаго, чпо онъ, будучи двѣ-

а) *Боиъ-ол-сунъ* — *будь ты пуста!* Симъ ограничиваешъ весь разводъ у Ташаръ.

б) Если мужъ, прогнавъ жену, захочешъ ее обратпо взять, по долженъ упросипъ какого нибудь пріятеля, чпобы онъ на ней женился и прогналъ опъ себя: въ шакомъ полько случаѣ можешъ ее взять обратпо.

в) *Аспра* — деревня на южномъ берегу Тавриды.

надцаши лѣтъ рѣшился навсегда оспавить дѣдовскій домъ, въ которій уже никогда не возвращался. «

III.

» Точно! Гюзель-Мамбепу было ровно двѣнадцать лѣтъ, когда онъ, пася овецъ своего дѣда, въ Кучюкъ - Койскомъ лѣсу, увидѣлъ подъ горою Турецкую *чиктерме*, приспававшую къ берегу. Дѣшское любопытство взманило его посмопрѣшь вблизи на людей, дополъ имъ никогда невиданныхъ. Не долго размышлялъ онъ; Кучукъ - Койскія пропасши его не оспановили. Съ легкостью дикой козы, спускался онъ въ овраги и въ нѣсколько минутъ очутился у моря, прошивъ самой чикшерме.

Надувшись, какъ индѣйскій пѣшухъ, сидѣлъ на берегѣ *Капуданъ* а), въ красномъ янычарскомъ плащѣ и въ высокой оспроконечной шапкѣ, обвипой огромною, бѣлою чалмою. Окладиспая борода его покоилась на груди; взоры его неподвижно успремлены были на прубку, изъ коей — легкими, свѣшлоголубыми кружками — спруился благовонный дымъ. Изъ подѣ плаща выглядывалъ широкій япаганъ; пара длинныхъ венеціянскихъ нисполешовъ упала на землю; неуклюжая шурецкая винповка лежала съ праваго бока. Капуданъ пилъ кофе.

а) *Капуданъ* — Капитанъ (корабля).

Въ носу лодки лежалъ засаленный, безпечный мапрось и глухо бормоталъ какую-то пропяжную пѣсню. Надушья щеки, заспанные глаза и шучность пѣла, показывали въ немъ челоуѣка, предопредѣленнаго для обжорства и покоя. Эпо былъ упитанный Турокъ, неповоропливый душой и пѣломъ. Четверо оспальныхъ его поварищей, заботливо собирали въ боченокъ воду, каплями слезившуюся изъ скалы, шагахъ во сто отъ Капудана...

Гюзель - Мамбетъ однимъ взглядомъ окинувъ всю сію сцену, смѣючись подошелъ къ Капудану, какъ бы насмѣшливо пролепепалъ ему: *селамъ - алейкумъ!* и не дождавшись отвѣта вспунилъ съ нимъ въ разговоръ...

IV.

» Не удивляйшесь, высокомогучіе Аги, что Гюзель - Мамбетъ не оробѣлъ предъ вооруженнымъ Капуданомъ. Въ пѣ блаженныя времена, т. е. когда сіе происходило, мы не знали другаго закона, кромѣ Корана и собственнѣйшей воли, другой силы, кромѣ силы пѣлесной... Въ пѣ блаженныя времена люди сроднялись съ оружіемъ, какъ нынѣ съ шрубкой... Тогда не было ни судовъ, ни полицій и мы — по милоспи нашихъ Хановъ — рѣшали суды саблями... Словомъ, у насъ тогда не только не опбирали кинжаловъ и пистолетовъ, но даже и ружей; и

всякій воленъ былъ нацѣпливать, что угодно — хоть пушку. . . Опнявъ оружіе — опняли и смѣлоспъ! А попому удивительно ли, если нынѣ вооруженный Арнаушъ а), показавшись въ деревнѣ, наводитъ ужасъ на нашихъ женъ и дѣпей, какъ морское чудовище. . . Не скажу на насъ самихъ! Нѣспъ, эпаго не скажу! — Клянусь Пророкомъ, насъ оболгали! . . . — Не двадцать пять Арнаушовъ племъми разогнали три пысячи, ополчившихся въ *Узенбашъ* б) ревнишелей. Корана. . . Клянусь бородою великаго Пророка — по были двадцать пять *шайтановъ*, преобразившихся въ Арнаушовъ. . . Ей, испинно! Еслибы *Мулла Мустафа* в) *Дерекойскій* успѣлъ прочишашъ седьмую главу Корана и заклиная *Куриида* — по вѣрно бы не по было! . . . *Мадедъ Алла* (Великій Боже!)! бѣднѣй Мулла Мусшафа и другіе ревнишели славы правовѣрія — попались въ когши *кизил-шайтановъ* г) — и они до коспей обѣли ихъ мясо — *валлахъ*, обѣли! « . .

а) Арнаушами называютъ въ Крыму солдашъ Балаклавскаго Греческаго бапальона, не за долго предъ симъ носившихъ красное исподнее плашье. Арнаушы и по нынѣ спрашны Тапарамъ, особливо Южнаго Берега.

б) *Узенбашъ* — деревня на сѣверной оплогоспи Яйлы.

в) Лице испорчическое. Онъ умеръ въ 1831 году опъ холеры.

г) *Кизиль-шайтанъ* — *красный чортъ*; пакъ величаютъ Тапары Южнаго Берега Арнаушовъ.

Мосалджи оспановился; госпи наморщились и насупя брови, какъ филины при яркомъ свѣтѣ, хлопали глазами. — Какъ будто не понимая, о чемъ шла рѣчь, я молча курилъ трубку. Глаза мои нечаянно вспрѣпились съ глазами мосалджія — и въ нихъ прочишалъ я коварное удовольствіе. . . Онъ мигнулъ мнѣ на двѣ сѣдыя бороды, болѣе всѣхъ возмущенныя его выходкою; самодовольная улыбка, понко и хипро промелькнувшая въ лицѣ его, подтвердила мою догадку. Это герои Узенбашскаго дѣла, сподвижники муллы Муспафы, великодушно пожертвовавшіе своими спинами за славу Пророка, въ 1803 году. — Но объ эпомъ послѣ.

Довольный, какъ нельзя болѣе, выходкою раскащика, я бросилъ ему еще серебряную монету и приказалъ продолжать. Двѣ сѣдыя бороды не выдержали и, желая скрыть свое крайнее смущеніе, выцпи воцъ.

» Ты исправный плуцъ, мосалджи! « сказалъ одинъ Ага, на лицѣ коего, сквозъ птяжелую завѣсу мусульманскаго изувѣрства, прояснялась искра добродушія; » ты исправный плуцъ! «

— Какъ видишь, Ага! — опвѣчалъ раскащикъ, какъ бы неумышленно показывая монету, мною ему данную.

» Очень хорошо! возразилъ мусульманинъ; ври во славу Пророка на головы всѣхъ лицемѣровъ!..

присовокупилъ онъ бросая пакже серебряную монешу.

— *Мамъ - Алла!* — воскликнулъ мосалджи, поднимая подарокъ.

Лица прояснились; прубки выбишы и вновь набишы; мосалджи продолжаешъ.

V.

» Здравшвуй! говорилъ Гюзель-Мамбешъ капудану; какъ швое здорвье?

— *Алла-шукуръ!* — проворчалъ глухо изумленный Турокъ. — Чей пы, *оланъ?* присовокупилъ онъ, приспально на него глядя.

» Божій и свой вмѣспѣ! «

— Какъ шебя зовушь?

» Гюзель-Мамбешомъ! «

Капуданъ приспально глядѣлъ на бойкаго мальчика. . . Мысль какъ молнiя блеснула въ его неповорошливомъ умѣ. . .

— Слушай, оланъ! Ты сущiй *джигитъ* (молодецъ) и жаль, если пы навсегда оспанешся *тебаномъ!* . .

» А развѣ я долженъ оспанѣться имъ навсегда? « спросилъ изумленный мальчикъ.

— Конечно! возразилъ капуданъ: если пы не захочешъ придвинуть къ себѣ свое счастье!..

» А гдѣ его найши! спросилъ мальчикъ лукаво улыбувшись.

— Разумѣется не въ эпихъ вершепахъ!

» И мнѣ кажется пакъ! . . Но Богъ вѣспь!..

— Еспь ли у тебя опець, оланъ?

» Ни опца, ни машери не видалъ я изъ дѣш-
спва?»

Тѣмъ лучше! У кого же пы живешь?

» У дѣда въ Аспрь!»

— И хорошо?

» Очень хорошо! — самъ изволишь видѣшь...
сказалъ мальчикъ, насмѣшливо указывая на свои
лохмошья.

— Понимаю! — согласишься ли пы ѣхашь
со мною въ *Стамбуль*?

» Охотно — опъ всей души!» вскричалъ вос-
хищенный Гюзель-Мамбетъ, подпрыгнувъ съ
радоспи.

— Брось свое рубище въ наслѣдіе швоимъ
шоварицамъ; пы сей часъ получишь другое,
болѣе приличное для шебя, плашье, а самъ спу-
пай позови людей моихъ! —

Мальчикъ повиновался и въ одну мѣнупу
исполнилъ длинное приказаніе капудана. Люди
возвратились съ боченкомъ воды; Гюзель - Мам-
бетъ, получивъ новое плашье, переодѣлся; Ка-
пуданъ взошелъ на чикперме — якорь под-
няпъ; и въ нѣсколько часовъ Гюзель - Мам-
бетъ поперялъ изъ виду родныя горы, о ко-
ихъ даже и не вздохнулъ.

Спадо, оставленное на собспвенный про-
изволь, долго блуждало по Кучук - Койскому

лѣсу; наконецъ вспомнилъ о немъ хозяинъ и опыскалъ его. Не много искали и Гюзеля - Мамбеша: нашедъ его рубище на берегу моря, заключили, что онъ купаяся ушонулъ.

Двѣнадцатъ лѣтъ не было о немъ слуха. Въ это время, завлеченный торговыми дѣлами въ Средиземное Море, Капуданъ Тепла уже не заглядывалъ въ Крымъ.

VI.

» Два съ половиной червонца! « хриплымъ голосомъ кричалъ преспарѣлый *телалъ* а) ходя взадъ и впередъ по купеческой гавани въ Тренибизондѣ. » Два съ половиною червонца! « изрѣдка повпорялъ онъ, поднимая надъ головою *ятаганъ*, оправленный въ серебръ; но охотниковъ не выискивалось. Гавань, по обыкновенію, была наполнена народомъ, но никто не удостоилъ вниманіемъ усердный крикъ *телала*: каждый былъ занятъ собственнымъ дѣломъ. Самъ спарикъ казалось мало огорчился неуспѣхомъ — и хладнокровно, пройдя изъ конца въ конецъ набережную, — сѣлъ на обломкѣ мраморнаго сполба, лежавшаго у самаго моря.

а) *Телалъ* — разнощикъ, иногда вешошникъ, вообще продавецъ. Ближе всего слово сіе подходитъ къ нашему: *носиль*.

Безпечно глядѣль оль на входившую въ гавань чикперме.

Окпябрское солнце изрѣдка проглядывало сквозь дымчашья облака, грядями волновавшіяся по голубому небу Анаполи; сѣверный вѣсперь свѣжелъ надъ моремъ; волны, спираясь въ узкомъ Требизондскомъ заливѣ, бѣлыми главами, шумно и грозно рисовались надъ чернѣющей пучиной и распилаясь ровною зыбью по крупному песку—жемчужною, кипучею каймою — опушали пологій берегъ. Спада чаекъ увивались надъ заливомъ и прожорливые бакланы плавно и беззаботно качались на хребтахъ свирѣпѣвшихъ волнъ.

Чикперме, управляемая смѣлою рукою опважнаго *реиза*, на всѣхъ парусахъ входила въ заливъ. Миновавъ шѣсный, клубившійся входъ, и обойдя благополучно сѣверо-воспочный мысъ, она крупно поворопила къ городу. Всеобщее вниманіе успремилось на нее; спрахъ и любопытство овладѣли всѣми умами: поворощъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно; чикперме пла на подводный камень... Многіе, знаками силились вразумить неопытнаго Реиза: но онь, вѣрояшно, ихъ не понялъ и безпечно мчался на явную гибель.

» *Мадедъ - Аллахъ!* « кричали всѣ въ одинъ голосъ: » *мадедъ - Аллахъ!* онь погибъ! «

— Держи правѣе! кричали другіе... Но говоръ бури заглушалъ ихъ голоса.

» Бисмилля! « шепсаль про себя преспарфиль шемаль и съ какимъ-то мушнымъ, неизяснимымъ воспоргомъ глядѣль на гибнущее судно...

» Спо червонцевъ! « воскликнулъ онъ какъ испушменный и поднялъ надъ собою япагань... Въ это самое мгновение чикперме напкнудась на камень и плавно пошла ко дну... Вопль испуга, глухой и невнятный, раздался въ толпѣ народа и слился съ говоромъ погоды.

» Аллахъ-керимъ! .. Спо червонцевъ за япагань! «.. кричалъ шарикъ вскочивъ съ мѣспа, и огненные глаза его спали неподвижно надъ моремъ...

— Онъ съ ума сходишь!.. — шепсались между собою эфенди въ высокихъ каукахъ... Клянусь Пророкомъ — онъ съ ума сходишь онъ испуга!..

— Нъшь, клянусь шѣмъ же Пророкомъ, нъшь! Взгляни на море: видишь кшо-шо плывееть? — То купецъ его!.. (сказалъ шайнспвенно малорослый хаджи). Да! продолжалъ онъ, язвипельно улыбаясь — да! онъ продасшь свой япаганъ, а надмѣнные кауки позавидуюшь ему!.. «

— Джяуръ-кобекъ! (невѣрная собака!) заревѣль громовымъ голосомъ плечиспый эфенди, ухвасяся за кинжалъ, но хаджи исчезъ.

Между пѣмъ несчастный пловецъ видимо началъ выбиваться изъ силъ. Зрипели сожалѣли объ немъ и не двигались съ мѣсна. Телаль, бросивъ свои повары, прыгнувъ въ споявшій у берега яликъ и громко произнося: *югъ - бисмилля, биръ-Алла*, опчалилъ опъ берега.

Скоро весло сдружилось съ рукою спарика и переспорило неугомонную спихію. Съ шумомъ оспрою своею грудью врѣзался яликъ въ клокопавшія волны и, разсѣкая ихъ главы, проводилъ пѣниспый, глубокой слѣдъ за кормою. Алмазная, влажная пыль, вздымаясь по бокамъ ялика, сыпалась на чалму шелала, неустрашаемаго и могучаго. Казалось и море и буря щадили спарца, бодро переплывшаго восемьдесятъ лѣтъ и не ушрапившаго могущества и крѣпости. Веѣ глаза обрапнулись на него... Радостное: *маш-Аллахъ!* (славно!) гремѣло по берегу и замирающимъ глухимъ эхомъ доходило до его слуха. Онъ не обращалъ ни на что вниманія и, шопопомъ напверживая: *югъ бисмилля, биръ Алла!* какъ спрѣла несся къ своей цѣли.

» Миръ шебѣ, сынъ мой! « сказалъ онъ, подавая руку ушопавшему.

— *Алла - разулсунъ!* опвѣчалъ послѣдній и крѣпко ухвацился за борть ялика.

» Хорошо сказано! « радостно возразилъ спарикъ и весело поворопилъ къ берегу.

Раздраженныя волны гнались за своею жерпвою и, напирая кипучими главами, щцепно силилися опорвашь ее опъ ялика. . . *Явашь!* (легче!) насмѣшливо говорилъ молодой человекъ, державшійся за яликъ, при каждомъ напорѣ валовъ. Спарикку видимо нравились подобныя шушки, онъ улыбался и правилъ.

Громкимъ » *мам - Алла!* « привѣпспвовали на берегѣ шелала и подавъ ему, брошенные имъ повары, поржеспвенно проводили обоихъ въ ближайшую кофейню. . .

VII.

Было за полночь. Лѣнь и нѣга убаюкали вѣчно праздныхъ посѣпипелей кофейни. Каведжи спокойно дремалъ сидя у очага.

На диванѣ, возлѣ угасавшаго мангала, задумчиво сидѣлъ шелалъ съ молодымъ человекомъ, спасеннымъ имъ въ шопъ день. Между ними лежалъ дорогой яшаганъ.

» Да, Гюзель - Мамбешъ! « запинаяся сказалъ спѣрикъ, » я двадцашь лѣпъ неперпѣливо ожидалъ шебя и, слава Богу, наконецъ дождался! . . Яшаганъ принадлежишь шебѣ по всѣмъ правамъ. . . Но прежде пы долженъ разрѣпипшь нѣкошпорыя недоумѣнїя. Какъ предъ Кораномъ опвѣчай мнѣ: гдѣ *Капуданъ Оетла?* «

— На днѣ Мраморнаго Моря! равнодушно опвѣчалъ Гюзель Мамбешъ и вынувъ изъ - за

пазухи еще мокрую бумагу, подалъ спарикѹ. Вопшь его духовная записъ! присовокупилъ онъ, преодолюгая клонившюю его дремотѹ.

» Хорошо!.. Очень хорошо! «.. говорилъ спарикъ, бѣгло чипая бумагу. » Чикшерме принадлежала тебѣ по праву, передана изъ доброй воли умершимъ Капуданомъ, передана.. все хорошо!.. Но что скажешь мнѣ о женщинахъ? « значительно присовокупилъ онъ отдавая бумагу.

— Ничего! равнодушно отвѣчалъ Гюзель-Мамбетъ. Спарикъ успремилъ на него свои сѣрые, пронцапельные глаза и съ пайнымъ удовольствіемъ прочипалъ въ лицѣ его совершенное спокойствіе.

» И ты не вкусилъ еще сладоспей любви? «

— Любви?.. Одиъ покрывала, а не женщинъ видалъ я въ моей жизни!

» Это лучше всего! Я нашелъ кого искалъ; служба моя скоро кончипся!.. Но еспь ли у тебя деньги? «..

— Должны бышь! отвѣчалъ Гюзель-Мамбетъ, лѣниво доспавая кошелекъ изъ кармана. Спарикъ оспорожно высыпалъ на руку звонкіе, полновѣсные червонцы и внимательнo ихъ перещипалъ.

» Ровно спо! спо червонцевъ цѣна япагана: пакъ соспоялась послѣдняя!.. Онъ швой! умѣй шолько владѣшь имъ! «..

— Не знаю! отвѣчалъ Гюзель-Мамбетъ и,

машинально проводя пальцемъ по оспрею, равнодушно присовокупилъ: кажешся взумью!

» Слава Богу, сынъ мой, слава Богу! Теперь все кончено!.. Пойдемъ къ *хозяину!* опть швоего благоразумія будетъ зависѣть швое и мое счастье! «.. радостно пожимая руку юноши говорилъ спарикъ.

— Но кто же сей *хозяинъ?* Да и нельзя ли опложить до завтра наше свиданіе?..

» Никакъ! Но пойдемъ, пора! «..

Тихо вышли они на улицу. Непробудный сонъ носился надъ Требизондомъ, густыя облака медленно пянупись по небу; невнятное плесканіе прибережной зыби шревозило дремолу ночи. . . Спаями сбѣгались собаки на перекресткахъ улицъ и на площадяхъ, предъ мечешями; не шрогая проходящихъ, онѣ грызлись между собою. Филины и сычи, шяжелымъ полетомъ разсѣкали воздухъ, перелешая съ минарепа на минарешъ и глухимъ воемъ перекликались между собою. Въ шѣсныхъ улицахъ, заспроенныхъ одними высокими, каменными заборами, почти ошупью пробирались шелаль и Гюзель Мамбешъ, не встрѣчая ни одной души человѣческой. Телаль хранилъ глубокое молчаніе, а Гюзель-Мамбешъ зѣвошю превозмогалъ помившій его сонъ. Наконецъ, въ самомъ глухомъ переулкѣ ошпановился шелаль у одной

калипки и пихо проговоривъ: *югъ - бисмилля, биръ - Алла!* при раза спукнулъ въ калипку. Вспревоженная собака залилась на дворъ... вну-при скрыпнула дверь и кшо-шо медленно, въ деревянныхъ башмакахъ, подошелъ къ калипкѣ. . .

» *Югъ-бисмилля, биръ-Алла!* « — пробормошаль довольно вняпно пупеводишель Гюзель-Мамбета, надъ замочною скважиною. . .

— *Сефа - гилды!* (милоспи просимъ)! опвѣчалъ сиповашый, опрывиспый голосъ, опворявашаго калипку. . .

Гюзель - Мамбетъ разправиль усы и опрякнувъ плашье взошелъ въ слѣдъ за шелаломъ на дворъ, выспланный плипнымъ камнемъ. Опъ калипки до *серая* (дома) не было и десяти шаговъ. Телаль, входя въ двери, оспавиль за порогомъ свои *папутги* (шуйли); Гюзель-Мамбетъ кошѣль послѣдовашь его примѣру и съ удивленіемъ погда шолько замѣпилъ, чшо *папутги* его доспались въ наслѣдіе морю, насильспвенно завладѣвшему его судномъ. Онъ шелъ въ однихъ *терликахъ* (полусапожки) и какъ Трепизондъ шурецкій городъ, шо не удивительно, чшо *терлики* его скоро полиняли. Но эшо мало огорчило безпечнаго; онъ извинялся кораблекрушеніемъ и бодро вошелъ въ комнашу въ слѣдъ за шелаломъ.

VIII.

» Юъ-бисмилля, биръ-Алла! « бормопаль по обыкновенію въ пол-голоса, входя въ комнапу, спарикъ. . . » Селямъ-алейкумъ, Шейхъ Хаджи Юмеръ! « сказалъ онъ возвыся голосъ.

Гюзель-Мамбепъ началъ было поже самое привѣпспвіе; но, ударившись лбомъ объ низкую перекладину хижины, онъ глухо выразилъ свое негодованіе и, приходя въ себя, заключилъ оное именемъ хозяина.

Посреди комнапы, заспанной спарыми войлоками и кругомъ обложенной вепхими подушками, на низенькомъ пабурепъ спояла свѣча, шускло изливавшая мушнѣй свѣпъ. Предъ нею, съ книгою въ рукѣ, въ исшерпомъ фесикѣ и вепхомъ, сшеганомъ *бешметъ* (полукафтанье), сидѣлъ преспарѣлый хозяинъ. Кожанья чепки и высокій оспроконечный колпакъ, обвипый полопномъ, лежали возлѣ него. Влѣво, нѣсколько сзади, сидѣла безъ покрывала дѣвушка лѣпъ шеспнадцапи. . .

» Милоспи просимъ! « угрюмо привѣпспвоваль госшей своихъ спарецъ, не сводя глазъ съ книги: » садипесь! «

У самага порога, на концѣ дивана, почшипельно сѣлъ шепаль; Гюзель-Мамбепъ нѣсколько по далѣе и, разправляя свои черные усы, равно-

душно устремилъ глаза на прекрасную дѣвушку.

Бѣлое, какъ снѣгъ, правильное и выразительное лицо, большіе глаза и нѣжныя, розовыя губки, сильно попрыскали сердце Гюзель-Мамбета! Облако равнодушія (выразился мосалджи), доселѣ заспилавшее нѣжнѣйшія его чувства, распаяло и исчезло предъ пронизательными лучами ослѣпительной красоты Шейховой дочери. Не сводя глазъ, глядѣлъ онъ на нее; и когда глаза дѣвушки нечаянно встрѣчались съ ними, по легкой румянецъ Гюзель-Мамбетова лица разгорался яркимъ заревомъ и ознобъ пробѣгалъ по всему его шѣлу. » Чпо эпо? » думалъ онъ волнуясь какъ море и не поспигая своихъ чувствъ. Новы, дики и непонятны казались ему ощущенія, мгновенно вкравшіяся въ его душу. . . Теламъ пронизательный и молчаливый, наблюдая его движенія, не могъ подавить своего удовольствія: оно примѣшно отражалось въ его лицѣ.

Послѣ молчанія, (обыкновенно хранимаго въ минушу пришествія гостя, дабы дать ему время отдохнуть), Шейхъ закрылъ свою книгу и взявъ чепки обратился къ Гюзель - Мамбету. Но сей послѣдній, заслушавшись пѣнія райской ппички, сладостно пѣвшей ему въ красотѣ дочери, и не думалъ объ ошцѣ.

— Какъ ваше здоровье? — повпорилъ Шеихъ
возвыся голосъ.

» *Шукуръ!* (хорошо)! « опривиспо опвѣчалъ
Гюзель-Мамбешъ, не сводя глазъ съ дѣвушки.

Шеихъ не думалъ обижаться грубымъ опвѣ-
помъ своего госпя; онъ шолько улыбнулся,
но улыбнулся пакъ коварно, чпо шелалъ не-
вольнo размѣялся.

» Гдѣ пы поймалъ эшу пщичку? « — насмѣш-
ливо сѣросилъ Шеихъ у шелала, взорами ука-
завъ на Гюзель-Мамбеша.

— На морѣ! — глухо опозвался шелалъ.

» Молодецъ хопъ куда! — Его имя? «

— Гюзель - Мамбешъ!

» Имячко по шерши! « — какъ бы сквозь зубы
процѣдилъ Шеихъ, внимашельно взглянувъ на
молчаливаго госпя... — » Сшупай, *Мелекъ!* (при-
совокупилъ онъ, повелишельно обращаясь къ
дѣвушкѣ) сшупай дочь моя и пригоповъ закус-
ку нашимъ госпямъ; они вѣрно голодны!

— Ты произнесъ свяшѣйшую правду, благо-
родный Шеихъ! Мы видѣли и восхождение и
захождение солнца, но ршы наши разшворялись
шокмо для рѣчи и зубы наши сердишо спал-
кивались другъ съ другомъ, не вшпрѣчая усла-
дшельнаго прошиворѣчія! — возразилъ велерѣ-
чивый шелалъ, довольный, какъ нельзя болѣе,
своею пышною выходкою.

» Славно сказано! — подхващилъ Шеихъ —

по всему видно, что ты не из последних балагуровъ! «

— Вамъ извѣстно, благородный Шейхъ, мое прежнее ремесло! Въ давно минувшее время я былъ непоследнимъ мосалджиемъ въ Трбизондѣ...

Спарикъ вздохнулъ.

Между тѣмъ дѣвушка, покорная голосу Шейха, вспала. Неуклюжая, одежда проспыхъ Турчанокъ, не могла вполне упайшь величественнаго ея спана и благородной осанки. Глаза Гюзель-Мамбетша разбѣжались, щеки его вспыхнули огнемъ и легкая, невыразимо сладостная дрожь проникла во всѣ его соспавы. Выходя изъ себя опть восхищенія, онъ пламенѣвшими глазами проводилъ красавицу и взоры его, шакъ сказашь, вросли въ зашворившуюся за нею дверь... Спарики понимали его чувспва и, какъ бы для успокоенія его бурнаго порыва, хранили глубокое молчаніе. Три или чепыре минушпы были для сего доспашочны и онъ, медленно приходя въ себя, мало по малу погрузился въ задумчивоспъ.

IX.

— » Что приуныль, мой молодой госпъ? Или горюешь о своей бѣдѣ? « — съ пришворнымъ равнодушіемъ сказалъ Шейхъ.

» Такъ! « разсѣяннo опвѣчалъ Гюзель - Мамбетъ: » шакъ, ничего! « . .

— » Однако — невозможное дѣло: не горевашь о своей поперѣ! « . .

» О моей поперѣ? Нѣтъ! клянусь прахомъ великаго Пророка, я давно и думашь забыль объ ней! « . .

— » Въ самомъ дѣлѣ? .. А какъ давно? « ..

» Съ шого самаго мгновенья, когда въ глазахъ моихъ опразился *Ангель*, съ шого мгновенья. « . . Смѣшавшись, Гюзель-Мамбешъ не могъ продолжашь; онъ пошупилъ взоры. . . » Да и что мнѣ жалѣшь о вепхой чикшерме и о пяпи Спамбульскихъ увальняхъ! « сказалъ онъ ободрившись. » Клянусь Падишахомъ — я радъ, что безъ хлопотъ съ ними раздѣлался! « . .

— » Бывалъ ли шы когда въ Требизондѣ? Зналъ ли шы опасный входъ въ бухшу? « — спросилъ съ живѣйшимъ участіемъ Шейхъ.

» Бывалъ и швердо зналъ! Часпо покойный Капуданъ Оепла сходилъ съ ума на эпомъ проходѣ. . . Мнѣ надоѣла его суепливоспъ и я, благословясь, рѣшилъ иппи на прямикъ: увальни попонули — а я всплыль! « . .

— » И шы не успрашился гибели? «

» Чего же мнѣ было бояшья? .. Каждому дѣлу два конца: успѣхъ и неуспѣхъ; мнѣ удалось и я забыль думашь! « . .

— » Разумѣеппся, если и худое дѣло благополучно кончено, шо объ немъ нечего думашь. . . однако. . . — «

» Пожалуйспа, почпенный Ефенди, оставь свои *однако!* Право голова моя шьсна для подобныхъ разсуждений, да и сердце мое не шуда глядишь!.. Словомъ: если шы имѣешь во мнѣ нужду — я швой, Ефенди — приказывай! «..

— » Благоразумно и справедливо сказано! Такъ, сынъ мой, шы не созданъ для воспочной мудроспи — эпо ясно; но не менѣ шого на шебъ лежишь исполненіе великаго и шруднаго дѣла! «..

» Чѣмъ шруднѣе — шѣмъ лучше! — Говори прямо, чего шы опть меня хочешь? — Клянусь Пророкомъ, кромѣ главы великаго Падишаха, — я на все для шебя посягну! «..

— » Скажи мнѣ: былъ ли шы въ воспочныхъ горахъ Крыма? Можешь ли шы безъ проводниковъ проѣхашь до вершины Агермыша? « —

» Бышь шамъ — не бываль, а проѣхашь безъ проводниковъ — проѣду: эпо ужъ не швоя забота! «

— » Дѣло, которе поручу шебъ, перебуешь великой шайны! «

» И она свяшо сохранишь! «

— » Твоя жизнь, швое благополучіе будушь зависьшь опть швоей скромноспи... Но шы долженъ запечашльшь мое довѣріе — кляшвою надъ Кораномъ. «..

» Надъ Кораномъ? «..

— » Да, непременно! «..

» Нѣтъ, почтенный Ефенди, нѣтъ! — Если тебѣ нужна великая клятва — по выбирай вещи посвященныя... выбирай пакія, кои на- всегда бы запечатлѣлись въ моей головѣ — въ моемъ сердцѣ!.. А Коранъ... да проспишь мнѣ великій Пророкъ! — его книга... не по моей головѣ! «

— » Чѣмъ же ты запечатлѣешь свою клятву? « —

» Не лобзаніемъ Корана, нѣтъ! — А, если тебѣ угодно — поцѣлуемъ швоей дочери! «

— » Поцѣлуемъ моей дочери? Ты ряхнулся!.. Виданное ли, слыханное ли эпо дѣло?.. — «

» Знашь виданное и слыханное!.. Шеихъ! если ты въ полночь принимаешь у себя гостей, если ты своею дочерью ослѣпляешь очи и обольщаешь умы правовѣрныхъ: по, клянусь Пророкомъ, не вини меня; кпо успоишь про- пивъ очей швоей Мелекъ?.. Словомъ, Шеихъ! не даю тебѣ другой клятвы, кромѣ клятвы швоею дочерью, и не приму опъ тебя ни ка- кой награды, за мои шруды, кромѣ руки швоей дочери!.. Теперь — какъ тебѣ угодно: я все сказалъ! «..

— » Ты право съ ума сошелъ! «.. —

Гюзель - Мамбетъ молчалъ.

— » Одумайся, Гюзель - Мамбетъ! « —

» Ни слова болѣе: согласенъ или нѣтъ? «

Глаза Гюзель - Мамбета засверкали, какъ молнія, щеки разгорѣлись и рука судорожно упала на завѣшанный япагань... Телаль едва переводилъ дыханіе, а Шеихъ сидѣлъ покойно...

» Скажи послѣднее да или нѣтъ! « .. воскликнулъ испуганный.

— » Ты пребуешь невозможнаго — пребуешь собшвенной гибели... я соглашусь — но не раскаявайся. « .. —

» Дѣла нѣтъ! — Ты согласенъ — я швой слуга! «

Въ эпо время вошла Мелекъ, съ круглымъ жестянымъ подносомъ въ рукахъ и, принявъ свѣчу, посадила его на шабуретъ. Подносъ сей у Магомешанъ замѣняетъ споль.

— » Мелекъ, дочь моя! « — запинаясь говорилъ Шеихъ: » взгляни на эпого молодаго госпя — каковъ онъ тебѣ кажется? « .. —

— Не знаю! — робко, пошупивъ взоры, шопопомъ проговорила Мелекъ.

— » Довольно! « — воскликнулъ спарикъ — » эпо для тебя спороннее дѣло!.. Прошу садись! « ласково продолжалъ онъ, обращаясь къ госпямъ.

Бекмесъ а), орѣхи, медь, козій сыръ и пшеничный хлѣбъ, обыкновенное угощеніе скуднаго Турка, не удоспоились даже вниманія Гюзель-

а) *Бекмесъ* — папока вывариваемая преимущественно изъ фруктовъ.

Мамбеша. Оспановивъ неподвижные взоры на Шейховой дочери, спѣсня дыханіе, онъ сидѣлъ какъ оцѣпенѣлый. . . Короткій ужинъ кончился; подносъ принятъ, свѣча вновь спойтъ на пабурепѣ: а Гюзель-Мамбешъ все еще не могъ укропипъ своихъ порывовъ. . . Онъ ничего не видипъ, ничего не слышипъ, кромѣ одной Мелекъ. . .

Х.

— » Теперь присшупимъ къ дѣду! « началъ Шейхъ, обращаясь къ Гюзель-Мамбешу; но сей, послѣдній, былъ глухъ къ словамъ его.

» Клянусь Пророкомъ, пы меня изъ перпѣнія выводишь своимъ безуміемъ! « воскликнулъ Шейхъ, дергая его за руку. . . » Мелекъ! накинь покрывало! « . .

Мелекъ повиновалась. Гюзель-Мамбешъ вздохнулъ и, внутренно проклиная Шейха, опвелъ глаза свои опъ непроницаемаго покрывала.

— » Давно бы мнѣ эпо сдѣлапъ! « сказалъ Шейхъ смѣючись: » а по слова не добьешься. « . .

» Кончай, кончай скорѣ! « . . вскричалъ неперпѣливый юноша.

— » Сей часъ! « опвѣчалъ Шейхъ, внимашельно перелисшывая книгу, копорую онъ снова взялъ въ руки: » сей часъ! « . .

Тщашельно вынулъ онъ изъ книги неболь-

шой лоскупокъ бумаги, исписанный пайнспвенными буквами и побурѣвшій опъ времени.

— » Эпу записку должень пы собспвенными руками передашь духу, владѣшему бездны на вершинѣ Агермыша. «

» Только - шо? « сказалъ изумленный Гюзель-Мамбегъ и улыбка неудовольствія ярко оппѣнилася на его лицѣ.

— » Не спѣши! Судно швое разбишо; люди швои погибли въ морѣ: мое дѣло снабдишь шебя и шѣмъ и другимъ. Прияшель нашъ шелалъ Муспафа возмепъ эшо на себя. . . (Телалъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою. . .) Для лучшаго предлога швоей поѣздки мы шебѣ дадимъ приличный грузъ. . . Эшо пакже возмагаешся на попеченіе нашего друга шелала; и еспъ надежда, чшо къ полудню все сіе будепъ гошво. . . (Телалъ Муспафа сдѣлалъ упвердипельный знакъ. . .) Ты пойдешь опсюда прямо въ Кафу. Тамъ, опыскавъ спариннаго моего прияшеля Сеипа-Челеби, свалишь ему повары по вольной цѣнѣ. За вырученныя деньги, пы должень купишь надежнаго коня съ приборомъ. . . Помомъ. « . . .

» Аллахъ - керимъ! . . будепъ ли эшому конецъ! « прервалъ неперпѣливый юноша.

— » Сей часъ кончу! Купивъ коня, пы, не шеря времени, должень опсправишь свое судно въ Козскую долину, а самъ опсправишься въ Ста-

рый Крыль а) прямою дорогою, избѣгая по возможности всякой встрѣчи... Тамъ наблюдай каждое упру вершину Агермыша и если замѣпишь, что она очищается отъ шума, пошчасъ пускайся шуда, опыщи пропасшь и бросивъ въ нее сію записку, не медля ни одного мгновенія, пускайся прямо въ Козскую долину. И горе тебѣ, если замедлишь на горѣ или заглянешь въ бездну! Ты погибъ! Проѣзжая черезъ Орбашъ, на южной пологости онаго, на самой половинѣ горы, естъ колодезь: зажмурясь минуѣ его! Если же ты не превозможешь своей жажды, если ты напьешься воды изъ него... надолго, бышь можешь и навсегда опшолкнешь свое счастье, свою надежду обладашь рукою моей дочери. Не забывай же слова мои, Гюзель-Мамбещъ, и крѣпко зашверди ихъ. «

» О! что касается до швоей дочери, до прекрасной Мелекъ, по, клянусь моимъ яшаганомъ, гошговъ врѣзашъ каждое швое слово въ мое сердце! «

— » Теперь все кончено! Ложись и опдохни, пока мы успроимъ все нужное для швоего предприятія! « заключилъ Шейхъ вснавая.

» Нѣшъ, не все! Клянусь Пророкомъ, не все! «... возразилъ юноша, бышпро вскочивъ съ мѣша.

а) Нѣкогда знаменитый, нынѣ ничтожный, зашпашный городокъ, въ 25 версшахъ отъ Θεодосія.

— » А клятва? .. Безумецъ, съ побоею никакъ не сладишь! Но, да исполнися въ почности каждое слово данное между нами! .. Мелекъ, подойди ко мнѣ! « ..

Опустивъ черныя, гуспыя рѣсницы, робко подходила дѣвушка.

» Мелекъ, моя драгоценная Мелекъ! « ошры-
виспо сказалъ распроганный Шейхъ, взявъ ее
за руку: » ожиданія наши совѣршающся... счастье
близко! .. Скажи мнѣ: можешь ли ты по-
любить нашего молодого друга Гюзель - Мам-
беша? « ..

— Приказывай, родитель мой, швоей по-
слушной рабѣ! « .. въ полголоса ошвѣчала шре-
пешавшая Мелекъ...

— » Аминь! « шоржешвенно произнесъ спа-
рецъ. » Аминь! « .. быспро подхвапилъ изспу-
пленный Гюзель - Мамбешъ, и уша его слилися
въ пламенный поцѣлуй съ ушами дѣвушки...

— » Юноша! « продолжалъ Шейхъ швердо:
» ты видѣлъ зарю швоего счастья, ты пред-
вкусилъ свое блаженство, помни же мои на-
спавленія и не погуби своихъ надеждъ .. Теперь
къ дѣлу, Мусшафа. А ты, Мелекъ, спупай къ
своей машери. «

Мелекъ повиновалась. Указавъ мѣсто ош-
дохновения Гюзель - Мембешу и пожелавъ ему

покойнаго сна, спарики, погасивъ свѣчу, вышли и заперли за собою дверь.

Опъ продолжишельнаго, поспояннаго волненія, чувспва Гюзель-Мамбеша помупились; онъ самому себѣ не могъ дасть опчепа. . . Машинально просперся онъ на жеспкомъ *миндертъ*, долго ворочался съ боку на бокъ; наконецъ изнеможенный — онъ заснулъ передъ свѣпомъ,

XI.

» Вспавай, Гюзель - Мамбешъ, спавай! пора въ пупь! « говорилъ шелаль Муспафа, полкая Гюзель - Мамбеша. Съ прудомъ проснулся онъ; и, когда проперъ глаза, удивленіе его превзошло всякую мѣру. . . Онъ лежалъ на цѣновкѣ, въ пущой хижинѣ, въ коей двери и окна были выломаны, задній уголъ совсѣмъ обвалился; шщепно обводилъ онъ взоры вокругъ себя: ни одинъ признакъ не показалъ ему слѣдовъ человѣческаго обипалища: совершенное запуспѣніе запечаплѣло всѣ предметы. . . Въ сильномъ волненіи вскочилъ онъ съ своей жеспкой поспели и въ опкрыпое окно увидѣлъ: ясное, безбрежное небо, необозримое море глухо плескавшее почпи у порога хижины. . . Нѣсколько въ право спояла у самага берега большая чикперме, вооруженная шеспью пушками и охраняемая безпечными мапросами. . .

» Гдѣ я? Чпо со мною было! «.. воскликнулъ онъ, осмащриваясь кругомъ и, какъ бы не вѣря своимъ чувспвамъ, медленно приводилъ на память событія минувшей ночи.

— » Бредишь съ просонья, прияпель! Развѣ пы забылъ, чпо пы у меня въ госпяхъ? « громко сказалъ Мусшафа, значипельно взглянувъ на него.

» У шебя въ госпяхъ?.. А Шеихъ, а Мелекъ?.. Не въ ихъ ли домъ я заснулъ вчера? «..

— » Не знаю ничего! « глухо опвѣчалъ спарикъ и угрюмо опворошился..

» Не знаешь?.. Клянусь Пророкомъ, я шебя заспавлю говоришь, спарый колдунъ! Чпо все это значипъ? « Рука Гюзель - Мамбеша упала на япаганъ, яроспъ опразилася во всѣхъ его движеніяхъ.. Телалъ угрюмо взглянулъ на него, взялъ за руку и почпи шопопомъ сказалъ:

— Реизъ Гюзель - Мамбешъ! вспомни свою кляпву; вспомни обѣщаніе свое, хранишь въ шайнъ порученіе несчастнаго спарца, вдавшася для шебя въ великія пожершвованія.. Если пы чеспень, если пы смѣль..

— » Оспановись! «.. возопилъ юноша. » Клянусь прахомъ моего опца, я не подарю обиднаго слова! «..

— Такъ не навлекай же на себя упрека! « швердо возразилъ Мусшафа. » Для шебя (присовоку-

пиль онъ понизя голосъ) все гопово. Вооруженная чикперме съ полнымъ грузомъ къ швоимъ услугамъ; двадцать опчаянныхъ машросовъ ждупъ швоихъ повелѣній; въперъ попушнѣй: чпо же шебя удерживаетъ? Спыдись своего малодушя, благородный Реизъ, и не ввѣрай своихъ шайнъ ни въпру, ни морю...

» Но объясни мнѣ! « ..

— Кляшва, Реизъ, кляшва связываетъ меня!

» Однимъ словомъ, скажи мнѣ: гдѣ Шейхъ? Гдѣ его дочь?

— Не могу! швердо опвѣчалъ спарикъ.

» И я ихъ никогда не увижу? «

— Опъ шебя, опъ швоего благоразумя будепъ сие зависѣтъ!

» Но почпенный шелалъ. « ..

— Ни слова, Реизъ, ни слова! Если пы когда-либо хочешъ видѣшь своего *Ангела*, если пы не хочешъ ея погибели, не медли исполненіемъ! Муку на муку приложишь ей каждымъ необдуманымъ словомъ, каждымъ безразсуднымъ послупкомъ! Вопъ записка на Агермышъ!

» Непоняшны, какъ сказанія полковашелей Корана, мнѣ всѣ сии изворопы! Но, нечего дѣлашь, надо покориться необходимости! Прощай, Мусшафа! Скажи мнѣ шолько одно: гдѣ я могу увидѣшься съ *ними*, по окончаніи дѣла? « ..

— Наконецъ добился я опъ шебя благо-
зумнаго слова! сказалъ обрадованный спарикъ:
на сей предметъ я имѣю особыя приказанія.
Опваливъ опъ берега въ Козскоѣ долинь, пы
долженъ подняшь вошь эшу шкань, вмѣспо
флага. (Спарикъ вынулъ изъ-за пазухи доволь-
но длинный кусокъ *бугаси* (кумачь), выши-
пый разноцвѣтными шелками, а мѣспами зо-
лопомъ.) Ткань сія даспъ шебѣ попупный вѣ-
шеръ и благополучное плаваніе... Но пока пы
долженъ имъ опоясашься и опнюдь не снимапъ
сь себя!

Гюзель - Мамбетъ принялъ завѣпный даръ и
сложивъ, пошчасъ имъ опоясался...

» Куда же мой пупъ будешъ шогда? « спросилъ онъ неперпѣливо.

— Прямо въ Смирну!

» Гдѣ я *ихъ* шамъ найду? «

— Не пы, но шебя будущъ шамъ ожидапъ
и по флагу сыщупъ шебя.

» И шакъ, прощай! «

— Поспой: еще два слова: не забудь колодезь
на Орбанш! Ты не воздержишь опъ жажды;
пы не умѣешъ владѣпъ самимъ собою... И
шакъ, если пы захочешъ пипъ, прежде все-
го погрузи свой яшаганъ въ воду и шог-
да смѣло пей... Да вошь шебѣ швои деньги:

возми на всякій случай. . . Ну, шеперь съ Богомъ!

Они дружелюбно пожали другъ другу руки и вышли на берегъ. Телаль представилъ мапросамъ Гюзель-Мамбеша, какъ Реиза. Прощанье было безмолвное и краткое. . . Гюзель-Мамбешъ взошелъ на судно, якорь поднятъ, паруса поставлены и чикперме пщицею полетѣла прямо на сѣверъ.

» *Огурула!* (счастливый пухъ!) « произнесъ громко Муспафа и проводилъ взорами быспроудалившуюся чикперме.

Солнце спояло въ полуднѣ; чистое и свѣшное небо смопрѣлось въ прозрачномъ зеркалѣ опкрышаго моря; ровный вѣперъ натягивалъ паруса; и чикперме, какъ невѣспа, ублажаемая привѣпомъ счастья, радостно и безопасно скользила по вѣроломному морю и, какъ лебедь, гордо и плавно понула во мглиспомъ горизонтъ.

Долго споялъ Муспафа на берегу моря и, когда чикперме совершенно скрылась за горизонтпомъ, онъ — прошепшавъ свое любимое: *югъ бисмилля, биръ Алла!* — пошелъ въ городъ. Незьяяснимая, помипельная грусть, какъ слѣдшвіе скорого окончанія шруднаго дѣла и внутрешняго изнеможенія спѣснила его сердце. Молча и медленно поднимался онъ на каменишную Требизондскую косу и, казалось, шогда шолько ожилъ духомъ, когда увидѣлъ городъ

людей. . . Еще разъ обратился онъ къ морю и, какъ призракъ, медленно исчезъ за вершиною косы.

Снова глубокая тишина водворилась на уединенномъ берегу и мерзвое безмолвіе вспушило въ свои права въ оставленной людьми хижинѣ.

(до слѣдующей книжки.)

III.

О ВЛІЯНІИ КОМЕТЪ НА ЗЕМЛЮ

И ЕЯ ЖИТЕЛЕЙ.

(окончаніе).

Первое опдѣленіе заключили мы вопросомъ: до какой степени можетъ быть доказано, что кометы имѣютъ вліяніе на жизнь земли и существованіе ея населяющихъ! Доказательствъ противоположнаго мнѣнія уже довольно было приведено прежде. Мы съ своей стороны хотя бы и могли представить также много доказательствъ къ оправданію мнѣнія, что кометы могутъ имѣть вліяніе на землю и ея жителей, но объемъ спашья позволяеть намъ вывести ихъ только небольшое количество. Не менѣе того мы надѣемся, что доказатель-

спва сіи не будуць соспояць въ пропивоірѣчїи съ общими законами природы и гармонїей великаго цѣлаго, чпо мы шолько и имѣемъ въ виду.

По весьма основательнымъ причинамъ, уже выше изложеннымъ, кометы почипаюцца небесными шѣлами, еще шолько начинающими образоваться, каковое мнѣніе очень вѣроятно, даже и безъ приведенія на шо основательныхъ причинъ. Именно мы находимъ на землѣ всѣ степени образованія, какъ въ физическомъ пакъ и въ моральномъ, какъ въ шѣлесномъ пакъ и въ духовномъ опношеніи; и степени сіи видимъ не одну послѣ другой, а вмѣспѣ, одну возлѣ другой. Неужелижъ земля, сей микрокосмъ въ макрокосмѣ, одна соспавляетъ изключеніе? Неужели въ семъ опношеніи малое сотворено не по образцу великаго? Напрошивъ не безъ основанія можно предполагать, чпо и небесныя шѣла слѣдуюць шѣмъ же законамъ. Вообще принимается, чпо Юпиперъ и Сатурнъ находяцца еще въ юношесствѣ; Венера, Меркурій, Земля и Марсъ въ лѣпахъ совершенныхъ, въ осени жизни; а наша Луна уже въ спароспи.

Хопя шакое предположеніе пропивоірѣчипъ общепринятому мнѣнію, но шѣмъ не менѣ оно согласуется съ природой и истиной. Всегда и вездѣ жидкое, безформное соспавляетъ первое

вещество творенія, а твердое, застылое еспь начало смерти. Поспепенные переходы опть перваго къ послѣдному соспавляють спепені жизни. Припомъ мы видимъ не однѣ шолько планеты въ различныхъ спепеняхъ жизни, но даже цѣлыя системы міровъ. Чудное свѣшло - шуманное пяшно въ Оріонѣ, копорое Шреперъ наблюдалъ шакъ часпо, принадлежишь къ пѣмъ неподвижнымъ свѣшлошуманамъ, коихъ не лъзя почипашъ звѣздами. Видъ его неправиленъ и весьма измѣнчивъ. Иногда случается, что оно въ печеніе одной недѣли съ одной стороны чрезвычайно распянется, а съ другой сожметя. Проспраншво, въ коемъ шаковыя внезапныя измѣненія происходятъ, часпо объемомъ своимъ далеко превышаетъ всю нашу планетную систему; не рѣдко бываетъ, что сіи огромныя полосы однѣ сіяють необыкновеннымъ свѣшломъ, а другія угасаютъ. Сіе особенно доказываешя дѣспопримѣчательными наблюдениями Шрепера надъ одной опраслыю сей шуманной субшпанціи, дѣлаемыми въ 1797 году; равно какъ надъ исчезающими въ шеспидневный срокъ массами свѣша, кои, находясь въ срединѣ помянурыхъ свѣшлошуманныхъ пяшенъ, опшличались особеннымъ блескомъ и имѣли въ поперечникѣ по меньшей мѣрѣ 418 милліоновъ миль. Тоже самое доказываютъ и наблюдения, дѣланныя въ 1800 году, надъ распроспраненіемъ всей означенной субшпанціи

въ одну сторону, которое имѣло въ поперечникѣ до 29,000 милліоновъ миль. Сіи свѣтлошуманныя пятна шѣмъ болѣе должны заслуживашь наше вниманіе, что нѣкоторые астрономы полагають въ нихъ тѣ центральныя шѣла, вокругъ коихъ, по видимому, обращается наше солнце. Средопочіе нашей сиспемы неподвижныхъ звѣздъ, по всей вѣроятности, находится (относительно) не въ дальнемъ разстояніи отъ нашего солнца, именно около Овна или Оріона; и даже за высшее средопочное шѣло почишалось именно свѣтлошуманное пятно въ мечѣ Оріона. Но, сколько мы знаемъ небо, сіе пятно въ Оріонѣ не естъ единственное въ своемъ родѣ; въ послѣднихъ Гершелевыхъ разсужденіяхъ объ устройствѣ неба находимъ мы описаніе многихъ подобныхъ явленій. Сюда же принадлежашь и шѣ молочнотѣпныя шуманныя массы, имѣющія круглую форму, кои содержатъ въ срединѣ своей маленькую свѣтлую звѣздочку; при чемъ сія самая звѣздочка, своею доступностію для зрѣнія, служить доказательствомъ, что сіи бѣловашья шуманныя массы состоятъ не изъ недоступныхъ намъ звѣздъ, коихъ нельзя видѣть по причинѣ ихъ отдаленности. Сія сиспема міровъ находится по видимому еще совершенно въ жидкообразномъ состояніи; въ срединѣ ея только что образовалось солнце. (Удивительное сходство съ яйцемъ и первою образующеюся въ немъ швер-

дою почкою!). По приблизительному вычисленію въ нѣсколько разъ далѣе отъ насъ, чѣмъ Сиріусъ.

Именно пошому, что характеръ юности есть жидкость, подвижность, а старости оптвердѣніе, принимаемъ мы за основаніе, что Сатурнъ, Юпитеръ и Уранъ суть юнѣйшіе органы нашей системы; ибо они, кажется, покрыты еще водою; Марсъ и Земля находятся въ среднемъ возрастѣ, хотя Земля по причинѣ меньшаго количества воды нѣсколько дальше двинулась впередъ на пути планетномъ; Венера же и Меркурій, обь малости воды на коихъ можно заключить по ихъ сравнительно съ землею малой, вѣчно ясной, свободной отъ пучь атмосферъ, споятъ пропавъ прежнихъ на высшей степени образованія; наконецъ Луна должна находиться въ глубокой старости, поелику она почти не имѣетъ воды и находится въ крайне сухомъ и твердомъ состояніи, которое по всѣмъ правиламъ аналогіи будетъ нѣкогда удѣломъ всѣхъ планетъ. Съ симъ предположеніемъ удивительно какъ согласны весьма точно вычисленные массы и плотности небесныхъ тѣлъ нашей системы; изъ сихъ вычисленій явствуетъ, что Сатурнъ имѣетъ только 0,1, а Солнце, Юпитеръ и Уранъ 0,25 плотности нашего шара, напротивъ Марсъ уже 0,75, Венера

1,1, а Меркурій 2,6; или, тогда какъ плотность нашей планеты, по Маскелину, вблизи горъ, коихъ масса довольно точно опредѣлена, имѣетъ относително къ водѣ удѣльнаго вѣсу 4,6 п. е. равняется магнитному камню, Сатурнъ вдвое легче обыкновеннаго льнянаго масла, Солнце относителноя плотностью равняется нашему углю, Уранъ почти также тяжелъ какъ вода, Юпитеръ какъ янтарь (слѣдственно легче морской пѣны), Луна какъ кварцъ, Марсъ какъ авгипъ и пистаципъ, Венера какъ желѣзо, Меркурій нѣсколько тяжелѣе чистаго серебра и почти также тяжелъ, какъ золотистое самородное серебро.

Еще меньшій, даже противъ Сатурна, удѣльный вѣсъ должны по всей вѣроятности имѣть кометы; онѣ безъ сомнѣнія весьма близко подходятъ къ загадочнымъ свѣтлошуманамъ, относително своей плотности и свойства разжижаться, растягиваться до безконечности; можетъ быть изъ нихъ сославляется претій членъ въ прогрессіи существующихъ, образующихся и переходящихъ міровъ. Послѣ превосходныхъ наблюдений о нашей планетной системѣ Гершеля и Шрепера, мы имѣемъ всѣ права предполагать большое различіе въ степеняхъ развитія нашихъ планетъ. Такъ, на примѣръ, Меркурій гораздо меньше земли, но горы его по соразмѣрности въ восемь разъ выше на-

шихъ; въ семь отношеній, равно какъ и по вѣчной ясности своей атмосферы, Венера весьма близко къ нему подходитъ. Нѣкошорыя другія планеты, особенно, изъ новооткрытыхъ, астероиды Паллада и Церера, по причинѣ своей чрезвычайно большой и густой атмосферы, подходятъ весьма близко къ кометамъ (опять степень перехода и доказательство, что какъ на землѣ, такъ и на небѣ, не должно представлять себѣ степеней образованія, какъ ступеней лѣстницы, но что онѣ между собой соединяются въ видѣ сыпи!); съ другой стороны Веста, отличаясь не только своей чрезвычайно малостью, (ибо въ радиусѣ имѣетъ только $29\frac{1}{2}$ миль, слѣдственно меньше Земли въ 23,651 раза), но и разительнымъ яркимъ, не уступающимъ неподвижнымъ звѣздамъ, блескомъ (еще степень перехода!) и самосвѣтлостью свѣта, по коей она, хотя въ меньшей степени, приближается по видимому къ кометамъ и солнцамъ.

Наконецъ Гершель изъ самыхъ пущей, совершаемыхъ небесными шѣлами, заключилъ, что различныя системы міровъ находящяся на разныхъ степеняхъ жизни; и какъ наша система еще далека отъ круговаго пущи, по считаешь ее моложе многихъ другихъ. Наконецъ не лзя оставить безъ замѣчанія и того, что если мы замѣчаемъ юность, мужество и

спароспъ на нашемъ небѣ и въ нѣкопюрыхъ опдѣльныхъ звѣздахъ, по конечно земля и люди бывали уже свидѣшелями прехожденія и смерши разныхъ небесныхъ тѣлъ. Доспопримѣ-чательное явленіе 1012 года, большая звѣзда, копорую Тихо-де-Браге въ 1572 году видѣлъ въ созвѣздіи Кассіопеи, въ проспранспвѣ совершенно беззвѣздномъ, и копорая яркостью свѣша превосходила даже Юпипера и Венеру, попомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ и цвѣшомъ и сіяніемъ сдѣлалась подобна раскаленному углю, а наконецъ исчезла совсѣмъ, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда своего сущесшования, равно и другія подобныя явленія, опкрытыя Кеплеромъ 1604 въ созвѣздіи Змія и Кассиніемъ 1760 въ созвѣздіи Лебеда, что значатъ, если не гибнуцій міръ, угасающее солнце, копорое со всѣми своими планешами и комешами обра-щается въ пепель? Но положивъ такимъ обра-зомъ вѣчно продолжающееся швореніе въ швореніи, можно ли оприцашь взаимностъ вліянія всѣхъ міровъ другъ на друга и допускашь только одну его форму произходящую опъ полци и шяжеспи? Долженъ ли низшій организмъ, по причинѣ недоспашка массы и полци, оставаться совершенно безъ вліянія, между тѣмъ какъ имѣешъ многія другія свойсшва? Да позволяшь намъ усомнишься: ибо мы ви-димъ проптивное и на небѣ и на землѣ. Какъ

н. п. безконечно разнообразенъ въ своемъ образованіи чепырнадцатидневный зародышь, какъ недоспапоченъ въ сравненіи съ мапернымъ организмомъ! Но не ужели полько сей послѣдній дѣйспвуешъ на зародышь, а зародышь на него не имѣешъ въ свою очередь? Нѣтъ, и онъ шакже имѣешъ вліяніе, и вліяніе весьма могущеспвенное, даже въ сіе первоначальное время своего сущеспвованія, когда находисъ на спепени образованія споль мало совершеннаго! Не еспъ ли эпопвореніе въ швореніи? Можепъ быпъ намъ возразяпъ: »конечно! но эпо вліяніе производисъ въ опредѣленныхъ границахъ, часпью нашего же организма!« Опвѣчаемъ: не ужели вселенная еспъ скопище опдѣльныхъ массъ земли, свѣпа, воды и ш. п., носящихся въ эеирѣ полько для забавы? Не еспъ ли она напрошивъ безконечный организмъ, коего полько незначительный и самомалый органъ соспавляешъ наша планета?

Какъ велико и непоспжимо швореніе! И какъ оно вмѣспъ проспо! Одними и шѣми же законами держисъ жизнь міровъ, наполняющихъ небо, и насѣкомыхъ, шаящихся въ землѣ. Они образуюспя изъ безформнаго, жидкаго первовещеспва, преходяпъ всѣ спепени жизни и наконецъ умираюпъ, безъ сомнѣнія за шѣмъ, чшобъ возродисъ въ нсвой жизни. По мнѣнію Гершеля, съ Сатурна уже нельзя видѣпъ Земли: шакъ она мала!

Какъ же безконечно должны бытъ малы мы: и не взирая на то, съ какою суешностію человѣкъ перяется въ созерцаніи своего величія! Неужелижъ послѣ того можно предполагать, что только на Землѣ и въ ея организмѣ, коего едва довольно для пипанія живописныхъ и распеній, должна сосредоточиться сумма всѣхъ жизненныхъ силъ и побужденій, а безпредѣльнымъ безднамъ пространства и мірамъ, въ нихъ врацтающимся, останешся въ удѣлъ только сила мершваго шягопѣнія?

Свойштво самосвѣпѣнія, фосфорическій блескъ, электрическія явленія замѣчаемыя въ кометахъ, внезапныя измѣненія часпо ими, преперпѣваемыя, дѣлають болѣе чѣмъ вѣрояпнымъ, что ихъ образованіе производися съ шакою дѣяпельностію, для изчисленія коей мы не имѣемъ средствъ, и что на нихъ производящся перевороты гораздо сильнѣйшіе и гораздо могущеспвеннѣйшими силами, чѣмъ какіе когда-либо бывали на Землѣ и Лунѣ, шѣмъ болѣе, что сіи кометы находятя въ первомъ возрастѣ юности, а мы по шеперешнимъ свойштвамъ нашей планеты и по испоріи знаемъ, что наша Земля въ подобномъ возрастѣ была также подвержена гораздо болѣе частымъ, болѣе сильнымъ и общимъ переворотамъ, чѣмъ на нынѣшней степени жизни. Мы не знаемъ еще хорошо, имѣли ли сіи сильнѣйшіе перевороты, въ юности Земли нашей производившіе, вліяніе на Луну, и не

они ли содѣйствовали къ приведенію ее въ нынѣшнее сословіе преждевременной спароспи? Но если бъ сего и не было, по эпо легко объяснишь изъ соразмѣрно малой атмосферы, копорую имѣеть наша Земля, въ обласпи коей только очевидныя дѣйствія перевороповъ ея могли имѣть мѣсто. Совсѣмъ не по замѣчается въ кометахъ. Ихъ безмѣрно распроспершая атмосфера, достигающая можетъ бытъ, какъ думаетъ Шрешеръ, до предѣловъ другихъ міровъ, должна естествененно имѣть вліаніе на самыя опдаленныя шѣла, у предѣловъ вселенной находящіяся.

Хотя комета 1540 года шла пакъ близко къ Лунѣ, что покрывала ее большою шѣнью, однакожь на Лунѣ не оказалось никакого измѣненія. Но почно ли мы должны были замѣшишь сіе измѣненіе? И даже изъ степени образования, на коей находилъя шеперь Луна, не лья ли изьяснишь, почему комета имѣла на нее малое или почти ничпожное вліаніе. Именно вездѣ, гдѣ мы видимъ жизнь и организмъ, находимъ, что юность гораздо чувспвишельнѣе, раздражипельнѣе. Чѣмъ спарѣе, шѣмъ слабѣе спановилъся сія раздражипельность, и наконецъ въ самой глубочайшей спароспи доходилъ до нуля, что и соспавляетъ смерть. Если сей общій законъ природы примѣнишь къ организму вселенной, по можнотъ было

вывеспи опсюда слѣдующее заключеніе: во-первыхъ, что Луна, будучи уже въ высшей степени, нечувствительна къ раздраженіямъ, мало или вовсе почти не чувствуетъ вліянія кометъ; во вторыхъ, что кометы въ первое время, когда еще земля была въ юности, должны были имѣть на нее гораздо болѣе вліянія, чѣмъ нынѣ. И дѣйствительно, кажется, такъ и было: ибо по исторіи видно, что прежде гораздо болѣе было переворошвъ, наводненія и землетрясенія происходили несравненно чаще, были гибельнѣе, чѣмъ въ наши дни; видимъ, что въ то время не только гораздо больше происходило событій, имѣвшихъ вліяніе на жизнь земли и рода человѣческаго, и вмѣстѣ съ ними появлялись кометы гораздо огромнѣе нынѣшнихъ и замѣннѣе для протпаго глаза, но что и число ихъ было несравненно болѣе, чѣмъ нынѣ.

Попытаемся опрокинуть наконецъ и четвертое изъ выше приведенныхъ предположеній, которое опчаспи не содѣмъ еще опровергнуто. Не преувеличивая можно положить около полумилліона шаковыхъ таинственныхъ шѣлъ, копорья поднесъ вели спранническую жизнь въ пространствѣ нашей планетной системы. Но, какъ мы уже выше сказали, въ общей идеѣ организма существуетъ законъ, что опдѣльные органы имѣютъ болѣе сношенія съ нѣкопорыми близкими или опдаленными органами, чѣмъ съ другими.

Въ организмѣ нашей планетной системы замѣнили мы се относительно центрального органа, Солнца, и въ отношеніи къ дополнительному органу Земли, Лунѣ. Развѣ не могутъ и кометы находиться въ такихъ же отношеніяхъ? Если не все равно, то можетъ быть самая большія изъ нихъ имѣють для Земли предпочтительное значеніе; можетъ быть находясь на извѣстной степени своего образованія (ибо очевидно онѣ не все на одной степени), онѣ имѣють большее, ощущительнѣйшее вліяніе на Землю и на насъ самихъ.

Сдѣлимъ теперь къ дѣлу и къ заключенію. Если законъ природы (несправедливо названный въ одной системѣ неизмѣннымъ, общимъ), по которому дѣйствіе одной силы или одного раздражителя, не рѣдко уничтожается вторичнымъ дѣйствіемъ той же силы или того же средства; такъ на примѣръ. впрочемъ ударъ молніи угашаетъ огонь, произведенный первымъ ударомъ. Изъ сего-то закона можемъ мы объяснить, опъ чего въ нѣкоторыхъ на примѣръ мѣстахъ послѣ бури внезапно началась холера, а послѣ другой бури также внезапно прекращалась. И такъ если кометы суть, какъ мы ихъ и почиаемъ, раздражительныя средства, подобныя многимъ другимъ и различествующія опъ нихъ только въ степени силы, то можемъ привесть примѣры изъ испо-

ри, свидѣтельствующіе, что кометы являлись и послѣ событій заключали собой цѣлыя періоды великихъ явленій, кои имъ можеть бытъ обязаны были своимъ существованіемъ. Именно это случилось при явленіи Черной Смерти и при первомъ окончаніи сей спрашной заразы, то есть въ 1347 и въ 1351 годахъ; и Липровъ весьма несправедливо поступаетъ, спараясь предать сей важный фактъ посмѣяню.

Теперь кажеться, что основываясь на всеобщей гармоніи вселенной, въ согласіи съ извѣстными уже законами природы, и изложивъ предположенія, подкрѣпленныя фактами, мы вывели мало по малу: что не доказано еще ни коимъ образомъ, будто всѣ кометы не имѣють вліянія; напротивъ очень вѣрояпно, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большія изъ нихъ, и особенно тѣ, кои находясь на извѣстной степеніи образованія, имѣють на нашу планету и ея жителей могущественное вліяніе; наконецъ, что кометы въ дѣла юности имѣли болѣе значенія для Земли и между тѣмъ всегда болѣе или менѣе служили къ дальнѣйшему образованію какъ шара обитаемаго людьми, такъ и самаго рода человеческого.

IV.

ВЛІЯНІЕ ВАЛТЕРА - СКОТТА

НА БОГАТСТВО, ПРАВСТВЕННОСТЬ И СЧАСТІЕ

СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА.

Кажепся въ наше время полезно анализировать геній Валтера - Скотта не въ одномъ только отношеніи къ липературѣ. Болѣе опытнымъ предоспавляя рѣшеніе сей задачи, мы ограничимся только наблюденіемъ положительныхъ вліяній, оказанныхъ блестящими его твореніями на общество, среди коего жилъ онъ; укажемъ, что его должно уважать не только какъ челоука гениальнаго, но и какъ благоуипеля челоучества.

Не многіе занимались рѣшеніемъ предложеннаго нами вопроса. Кришки предавались исключительно наблюденіямъ надъ искусствами въ самихъ себѣ и, относя ихъ къ идеальному и условному типу, рѣдко обращали вниманіе на измѣненія, производимыя ими въ обществѣ, на богатства, пускаемыя въ ходъ умственными произведениями, подъ формою поэтической, живописною или музыкальною. Слѣдствиемъ сего забвенія было, что извѣстные политическіе экономы, люди суешные, но считавшіе себя очень глубокомысленными, признавали талантъ блестящею, но мимолетною зарницею,

красивымъ , но бесполезнымъ нароспомъ , предметомъ занимательнымъ , но чуждымъ всякаго философическаго достоинства.

Конечно, Сервантесы, Мольеры, Шекспиры, не успроивали фабрикъ, коими кормились цѣлыя общесства; въ бюджетныя народныя финансовыя шрудно вносилъ гений Скоппа или Байрона, какъ производительный капиталъ. По шѣмъ же причинамъ, шакъ какъ изумительныя изслѣдованія Локка, нравственныя размышленія Франклина, коротко сказашь все, что просвѣщаетъ или возвышаетъ умъ, не превращается материально, предъ глазами наблюдателя, въ металлическіе слишки, гинеи, шиллинги и пенсы, слѣдовало бы изгнать изъ государствъ благоуспроенныхъ всѣхъ эпитихъ праздныхъ людей, которые за насъ пишутъ и думаютъ. Между шѣмъ, кажется, священнодѣйствіе мысли превосходитъ всѣ прочія занятія силою своего богатства, изобиліемъ результатовъ, возвышающихъ всеобщее благосостояніе. Правду сказашь, вычислить это не легко; но и прочія опышныя знанія, имѣющія предметомъ человека, подвержены тому же неудобству: основанія, на коихъ онѣ опираются, сколь бы шверды и опредѣленны ни были, все кажутся какъ-то пущы. Дабы почнѣе исчислить экономическое вліаніе гениальныхъ людей на образованность, необходимо нужно сперва поставитъ на видъ поло-

жипельное богапспво, пущенное въ ходъ продажею ихъ швореній, попомъ воспроизведеіе сего богапспва, удвоеннаго и упроеннаго подражашелями ихъ генія, сообщенную ими дѣяшельность общеспву, и новыя богапспва, созданныя любовію къ пруду и умспвенной дѣяшельности, ими распросшраненною. Въ семъ-по опношеніи сила великаго писашеля такъ обширна, что не подлежишь почти никакимъ вычисленіямъ. Возьмите для примѣра Шекспира: вы увидите, какъ далеко проспирается его вліяіе; оно обнимаешь горизонтъ необозримой будущности!

Шекспиръ содержаль небольшой пеапръ, чѣмъ доставляль себѣ пропипаніе и подѣ спарость могъ даже купить въ своей родинѣ нѣскольکو акровъ земли и маленькій домикъ. Послѣ его смерти, когда геній его, непризнанный современниками, спали болѣе и болѣе понимашь и чувспвовашь, не только его опечеспвенный пеапръ посшоянно содержался плодами прудовъ его, но и другія въшвы промышленности спали обязаны ему своимъ благососшояніемъ. Пущь вычислять, если только можно, всѣхъ акперовъ, коимъ далъ онъ пропипаніе, пеапральныхъ машинисповъ, живописцевъ, представлявшихъ въ декораціяхъ мысли поэта, граверовъ, изображавшихъ предметы его созда-

ній, пипографѣчиковъ и книгопродавцевъ, посвятившихъ ему одному безчисленныя и богатѣйшія изданія, художниковъ всякаго рода, превращавшихъ одну и ту же философическую мысль въ картины, оперы, романы, крипическія разсужденія, ученія и мѣлочныя изысканія о эпохѣ, въ которую жилъ Шекспиръ, о предметахъ и лицахъ его драмъ, о его современникахъ, друзьяхъ, частной жизни, о изучаемыхъ имъ образцахъ и авторахъ ему подражавшихъ.

Но вычисленіе будетъ не почто, если мы забудемъ о вліяніи, произведенномъ симъ великимъ человекомъ въ другихъ странахъ. Толчокъ, данный имъ Великобританіи, опоздался въ Америкѣ, Франціи, Италіи и даже Испаніи; особенно дѣйствіе его было весьма сильно въ Германіи, гдѣ цѣлая библіотека пвореній, изъ коихъ нѣкоторыя весьма замѣчательны, была посвящена одному Шекспиру. Сей геніальный человекъ, какъ производитель богатствъ, одерживаетъ верхъ надъ самымъ богатѣйшимъ мануфактурисмомъ, надъ банкиромъ самымъ оборотливымъ. Его можно только сравнить съ изобрѣшателемъ машины, какова на прим. паровая или Аркрайтова бумаго-прядильная; впрочемъ надо еще сознаться, что богатство, производимое новымъ механизмомъ, по необходимости болѣе ограничилось въ своихъ опдаленныхъ послѣдствіяхъ,

чѣмъ по, которое создано и произведено человекомъ, каковъ Шекспиръ. Гдѣ остановился сія мысль? Гдѣ предѣлы ея обилія? По испеченіи двухъ вѣковъ она принесла плодъ: ибо, не будемъ обманываться, Вальперъ-Скопшъ созданъ Шекспировскою мыслию.

И такъ, пусть добросовѣстные и спрогн писатели, преданные знаніямъ положительнымъ, благоговѣюще — не только какъ предъ блестящими феноменами, но и какъ предъ полезными дѣлашелями — предъ людьми, коихъ высокіе умы, по видимому внѣ всякихъ отношеній съ сферою выгодъ матеріальныхъ! Не допускашъ ихъ вліянія на общеспвенное богатство, значить не признавашъ, что дождь пошому именно благошворенъ, что падаетъ съ высоты. Они не только шворятъ самое богатство, но еще поддерживаютъ пружины, безъ коихъ; богатство было бы бесполезно. Высокія нравспвенныя идеи, происходящія опъ опличныхъ сочиненій, споспѣшествуютъ дѣяшельности, соспавляющей общеспвенное благосостояніе, и промышленности, гнпающей ее въ пропорціи, шрудной для вычисления, но которую, впрочемъ, опшвергать не возможно. Въ числѣ причинъ, споль быстро улучшвшихъ и возвысившихъ республики Сѣверной Америки, кто не сознается, что сочиненія Франклина занимаютъ важное мѣсто? Вода,

ляющаяся изъ лейки садовника, конечно возвращаетъ прозябаніе и способствуетъ къ его цвѣтленію: но роса небесная, невидимо на землю спускающаяся, не менѣе необходима успѣхамъ произрастанія.

Возвратимся къ В. Скопшу. Положительныя и матеріальныя услуги, оказанныя имъ обществу нашего времени, непосредственно или посредственно, многочисленны. Онъ первый, открывъ поэтическую красоту первыхъ героическихъ вѣковъ Европы, ринулся на сіе обширное поприще изученій и изслѣдованій. Мы не войдемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что Вальтеру - Скопшу, ему одному, искусства обязаны направленіемъ къ глубочайшему изученію времени среднихъ. Формы Греческія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ нашимъ сѣвернымъ обычаямъ и христіанскимъ повѣрьямъ, съ XVII вѣка, нечувствительно заняли не принадлежащее имъ мѣсто. И вопль, на гласъ волшебника, съ появленіемъ генія феодальнаго, вызваннаго изъ нѣдръ минувшихъ временъ В. Скопшомъ, произошло неожиданное обновленіе по всемъ частямъ искусства; не только многочисленные подражатели дали неисчислимое занятіе типографическимъ станкамъ, но и самыя костюмы, убранство комнатъ, стиль архитектурный, фасоны мебели, фарфора, обоевъ, все уклонилось отъ шиповъ Греческихъ и возвратилось

къ гопическимъ , или къ подражанію симъ послѣднимъ , болѣе или менѣе удачному. Цѣлыхъ рядовъ цифръ , вооруженныхъ милліонами , не доспапочнобъ было для выраженія ипога всего богашспіва промышленности, оживденной однимъ геніемъ.

Да не подумаюшь, чпо мы основываемъ сужденія свои на гипопезѣ и чпо новыѣ вкусъ къ среднимъ временамъ происходишь опъ причинъ, чуждыхъ генію В. Скоппа. Еще до него, и въ его время , анцикваріи весьма ученые , поэпы довольно искусные, писашели не чуждые образованности и вкуса, спарались помирись насъ съ древними обычаями новой Европы. Приведемъ, между прочими, оспроумнаго Горация Вальполя и ученаго Спрошпа, во Франціи Шашюбріана и Маршанжи. Но никпо изъ нихъ не произвелъ желаемаго дѣйспвія, до шѣхъ поръ пока изданіемъ поэмъ и романовъ Шопландскихъ не увлечена была вся Европа.

Не ясно ли пенерь, чпо появленіе и развише генія не еспъ проспо собышіе литературное, а вмѣспѣ пакже общеспвенное? Я бы даже сказаль, чпо онъ одинъ сообщаемъ движеніе всей массѣ поспановленій и идей. Спранно, чпо на произведенія ума смопрѣли доселѣ, какъ на заняпія суешныя , не вычисляя ни ихъ общеспвеннаго вліянія, ни дѣйспвія про-

изводимаго ими на богатство народное. Новѣйшій полипическій экономъ скажетъ вамъ, что вся образованность древней Греціи заключалась въ изобрѣшеніи плуга; криптикъ объяснитъ, отъ чего Гомеръ имѣлъ такое разительное вліяніе на умственную образованность всей Греціи: но и поэтъ и другой позабудутъ вамъ сказать, что промышленность матеріальная, искусства пластическія, архитектурна Эллиновъ, обязаны Гомеру, его славу, его твореніямъ, болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ великимъ мужамъ, именами коихъ наполнены мѣтописи Греческія. Но какъ вліяніе ума на образованность, торговлю, промышленность, дѣйствуетъ не непосредственно, но суебно, слишкомъ, обыкновенная людямъ, пренебрегая, забываетъ ее. На два класса дѣлитъ обыкновенно доспоинства и таланты. Человѣкъ, живущій въ сферѣ умственной, склоненъ презирать того, который преданъ промышленности. Но пора изгладить сіе раздѣленіе, шѣмъ болѣе, что оно совершенно ложно и было причиною гибели споль многихъ народовъ.

Съ нравственностью соединенъ прудъ, а съ прудомъ богатство. Моралистъ — не поэтъ, который заключившись въ холодной опшвленности, не въ силахъ воспламенять и увлекать за собой толпы чипашелей—а поэтъ, у ко-

порога еспь свои слушатели, свой кругъ, свои друзья, свое Европейское общество, такой моралистъ зиждетъ богатство, ибо его трудъ есть трудъ истинный. Если не признашь Фенелона благодѣтелемъ Франціи, не сознайся, что сѣмена идей, брошенныя симъ великимъ писателемъ на удачу, на бесплодную почву славнаго вѣка Людовика XIV, были слишкомъ плодотворны, не допуспишь, что политическо-экономическія идеи XVIII-го вѣка, породившія сполько благодѣтельныхъ переменъ, ему и Вобану обязаны своимъ началомъ: эшо была бы крайняя несправедливостъ. Судите о В. Скопшѣ, какъ о моралистѣ полезномъ и дѣятельномъ, какъ о производителѣ нравственности и добродѣтелей, шо есть: труда и богатства. Сравните его практическое вліяніе съ дѣйствіемъ систематическихъ моралистовъ, даже шѣхъ профессоровъ нравственности, коихъ роль шакъ прекрасна и шакъ легка, кои съ высоты кафедръ преподають своимъ слушателямъ поучительныя наставленія. Одинъ и шопъ же урокъ, включенный въ рѣчь, написанную или произнесенную, имѣетъ шолько впороспепенное могущество: но бросьте его въ драму, пусть онъ оживетъ въ лицахъ, пусть воплотится въ сценахъ, увѣковѣченныхъ гениемъ: вы увидите какова будетъ его сила.

Опъ университетовъ ли, или опъ кафедръ, въ

продолженіи полувѣка измѣнилась такъ народная нравственность въ Британіи? Нѣтъ! сей волшебный скипетръ, сей магическій жезлъ бодѣ уже не принадлежишь имъ. Въ XVI вѣкѣ и до конца XVII, со времени Люпера, Нокса, Боссюэта, умственная власть, подкрѣпляемая могуществомъ религіозныхъ идей, находилась въ рукахъ духовенства; шеперь перехватили ее другіе. Строгая форма проповѣдей, не охотно принимаемая умами легкомысленными и преданными удовольствіямъ, препяществующъ поученіямъ Блеровъ и Массильоновъ, равно какъ холоднымъ теоріямъ Локковъ, овладѣвъ всѣми умами, вѣдряясь въ основанія обществу и носясь подъ его вершинами. Но раздался голосъ Шотландскаго магика: и сотни тысячъ семействъ, оставивъ ежедневныя свои занятія, сполнились, напрягли вниманіе, пьютъ съ наслажденіемъ святыя правила крошкой нравственности, правды и безприсрастія, разлипыя въ его страницахъ. Сіи могучія страницы проникающъ въ лавку купца, въ масперскую ремесленника, въ дворцовую залу, въ будуаръ молодой дамы, подъ подушку школьника и даже въ обитель порока, гдѣ безъ ихъ вѣдома произведущъ, вѣрно, спасительное вліяніе. Чшобы коллегіи и школы очищали нравы, въ шомъ да позволяющъ намъ усомнишься. Но сія великая коллегія людей геніальныхъ, ко-

ей В. Скоптъ въ продолженіе сорока лѣтъ былъ главою, сія великая школа міра, гдѣ профессорами паланпы, а воспитанниками цѣлыя націи, конечно благодѣтельнымъ своимъ вліяніемъ превосходитъ всѣ университеты, разсѣянные по лицу земли.

Пусть всѣ моралисты-системашики и философы - декламаторы, полипики и филантропы, соединяютъ всѣ свои усилія: они увидятъ, что В. Скоптъ ихъ предупредилъ, что онъ прежде ихъ возвѣспилъ испину, снисходительность, прощеніе обидъ и справедливость, подъ шамаринами Цейлона, въ верандагахъ Индіи, между ущеліями Альпъ, на саваннахъ западнаго полушарія, въ мѣщанскихъ городахъ Германіи, въ хижинахъ Франціи. Его благодѣтельныя, кропкія и филантропическія идеи, собирали дань съ цѣлаго свѣта; не говоря уже о вліяніи на его родину, гдѣ онъ улучшилъ вкусъ, утишилъ полипическую раздражительность, далъ работу уму и оживилъ воображеніе. И на это доспащочно было о́смынадцати лѣтъ; менѣе чѣмъ въ четверть вѣка произведено вліяніе проспирающеея въ опдаленную будущность.

Но особенно Шотландія испытала могущество его благопворнаго вліянія. Чего онъ не сдѣлалъ для своихъ соопечесвіенниковъ въ отношеніи къ нравственному и матеріальному ихъ благососпо-

янію! Не только въ ихъ горныхъ ущеліяхъ опоздалось мелодическое эхо образованности; не только самые дикіе кланы ихъ ожили при его звукахъ для жизни болѣе поэтической, для энтузіазма болѣе чистаго; не только онъ создалъ новыя богатства и возбудилъ промышленную дѣятельность въ своихъ согражданахъ: но даже въ людяхъ, кои располагаютъ ихъ участью, во владыкахъ ихъ судьбы, въ ихъ, опъ воли коихъ зависить сдѣлать ихъ богатыми и бѣдными, даже въ нихъ погасли шеперь предразсудки, развилось въ отношеніи къ Шотландцамъ живѣйшее участіе, и сіи послѣдніе соединились съ ними узами могущественнѣйшей симпатіи. И давно ли взоры Европы спали обращаясь на сей опдаленный уголокъ? Кто сдѣлалъ Шотландію землею поэзіи по преимуществу? Если даже на появленіе В. Скотта взглянуть только въ отношеніи экономическомъ: то не съ его ли времени золото и серебро полилось къ Шотландцамъ рѣкою? Не оживились ли ихъ мануфактуры? Путешественники не ѣздяшъ ли по всѣмъ направленіямъ ихъ страны? Имена Валласа, Брюса, оглашая всѣ страны, не обратили ли всеобщее вниманіе на одежду, обычаи, преданія Каледонцевъ? Вычислите, если можно, полчокъ, сообщенный однимъ человѣкомъ. Когда нація видитъ себя предметомъ удивленія другихъ націй, то естественна самолюбіе заславляеть ее:

спроже надзирашь надъ собою , удвоишь силы своей дѣятельности, увеличишь свою собственную цѣнность. Она гордится собой и вскорѣ будетъ достойна вѣнца славы, ее украсившаго. Къ несчастію сіи важныя и совершенно справедливыя замѣчанія никому не приходили въ голову. В. Скоптъ, одинъ изъ умственныхъ владыкъ, новѣйшей испорціи, умеръ, удрученный прудами, возложенными имъ на себя для поправленія распроеннаго соспоянія. Облагодѣтельствованный имъ народъ допустилъ спарца слабыми, препенущими руками подпирать обрушившееся зданіе наследственнаго своего имущества. Но по всей справедливости, когда звѣзда бѣдствій возшла надъ башнями Абботсфорпа, Шопландцамъ слѣдовало бы хранишь и защищать ихъ, должно было не только заплашишь ему за наслажденія, кои онъ доставилъ имъ, но даже подѣлишь ся часпію богатства, излишаго имъ на свое опечество!

В. Скоптъ, кошораго часпо называли приверженцемъ аристокраціи, въ сущности былъ самымъ благомыслящимъ гражданиномъ. Онъ ознакомилъ человѣка съ человѣкомъ: благодаря ему, благородныя чувства, прозябавшія въ сердце Дженни Денсъ, поразили сердце принцессъ; благодаря ему, просполудинъ узналъ, что и сильный земли попъ же человѣкъ. Высокая нрав-

спвенная истина всеобщаго бршства, истина сдѣлавшаяся, къ сожалѣнію, пошлою, не находила еще проповѣдника болѣе искуснаго и счастливаго. Въ такую эпоху, какова наша, это заслуга несравненная! Глубокая горечь, нераздѣльная съ чувствами аристокрашическими, ненависть богача къ бѣдняку, отвращеніе ощущаемое послѣднимъ къ первому, никогда не имѣли примирителя болѣе искуснаго. Гдѣ всеобщее равенство высказано съ полнѣйшею увѣренностію и съ такою ясностію, какъ въ романахъ В. Скопша, развѣ только въ драмахъ Шекспира? Подъ всѣми широкими земнаго шара шѣже выгоды, шѣже спраши, шѣже мысли, шѣже права, каково бы ни было разсшояніе, раздѣляющее людей. Чудный резульшашъ! В. Скопшъ даже не зналъ важности оказанной имъ услуги! Кто могъ лучше его, плебейца, постигнуть сущность мыслей прощонародныхъ? Какъ спори и ученый, онъ принадлежалъ часпію къ привилегированнымъ классамъ обществаша, раздѣляя, нѣкошорымъ образомъ, ихъ предразсудки и привычки: это былъ, такъ сказашъ, полмачъ, необходимо - нужный среди двухъ непріяшельскихъ арміѣ, снисходительный исполковапель, человекъ опкровенный, изъясняющій съ равнымъ добродушіемъ и пружины слабоспей вѣнценосныхъ и безумныя возмущенія народныя. По своимъ деревенскимъ привычками и пракпической смѣпливости, будучи

наспоящимъ Шопландскимъ креспяниномъ, но вмѣстѣ хипрый и лукавый, какъ Нормандецъ, увлекаемый поэтическимъ своимъ духомъ, онъ любилъ древнее рыцарство, любилъ воспоминанія о роялизмѣ и аристокраціи, о полу-разбитыхъ коронахъ феодализма, о древнихъ профессяхъ крестоносцевъ. И такъ, благодаря ему, и ему одному, въ наше время установилось сообщеніе между прошедшимъ и настоящимъ, между аристокраціею и народомъ, обществомъ и монархіею, дѣйствительностію и поэзіею. И что такое гений, какъ не даръ все понимать? Въ чемъ состоишь глупость царей и ничтожность фанатизма, если не въ полупонятіи или способности видѣть только слабѣйшую сторону предметовъ?

Вѣроятно не одна Европейская Принцесса была пронуша рассказомъ о несчастіяхъ бѣдной Дженни Денсъ; вѣроятно, не одна простая женщина проливала слезы о участи Маріи Шопландской, какъ изобразилъ ее намъ сей великій человекъ. Видите ли, какой гений всеобщей симпатіи носился надъ его изящными созданіями и сколько существенныхъ правъ имѣеть авторъ считаешь себя не забавникомъ людей высшаго общества, а истиннымъ благодѣтелемъ нашей эпохи.

В. Скоптъ не изъ числа пѣхъ филантроповъ,

кой для улучшенія обществѣ спрояпть огромныя химерическія зданія: онъ сдѣлалъ для него гораздо больше и лучше. Однимъ узломъ любви и благопворишельности связалъ онъ въ одно цѣлое эменпты самыя пропивуположныя. Невольникъ Горѣъ и Ричардъ Львиное Сердце подаюпть у него другъ другу руку и понимаюпть другъ друга. Въ карпинахъ рабства, изображаемыхъ В. Скоппомъ, господствуетъ духъ свободы, вопреки самому авпору? Въ его народныхъ карпинахъ нѣтъ ни желчи, ни западьчивоспи демокрапической: всѣ сіи ложныя и ненависпныя чувсства онъ изглаживаепть и презираепть. Онъ не проповѣдуепть о учрежденіи благопворишельныхъ заведеній, но переливаетъ въ души самое чувсство благопворишельности; смягчаепть непріязненную раздражипельность, копорую пипаюпть другъ къ другу сіи враждебныя между собой классы; разливаепть свѣпть и теплопу во мракъ убогой хижины, на ложе бѣдной Эльспееъ. Въ эпоху всеобщей вражды и несогласія, повпорюю, это самое высокое безприсраспіе.

Женцины болѣе всѣхъ обязаны ему благодарностию: правда, онъ изображалъ ихъ слишкомъ уничиженными, иногда безумными, часпо пресступными, но всегда инпересными. Упрекали В. Скоппа, что онъ многимъ своимъ героинямъ сообщилъ мало жизни и индивидуаль-

носпи; но бросьте взглядъ на общество, читайте исторію, вопрошайте льпописи, сообразите, что гражданскія постановленія сдѣлали съ симъ слабымъ поломъ, перечтите небольшое число примѣчательныхъ женщинъ, развившихся подъ ихъ вліяніемъ; и вы признаетесь, что В. Скоптъ правъ. Три четверти женщинъ, изъ тѣхъ, которыхъ вы встретите, не шакovy ли? Это, по большой части, существа справедливыя, нѣжныя, осужденныя на перпѣніе, заимствующія опъ окружающихъ ихъ людей свои достоинства и недостатки, ничтожныя и незначительныя сами по себѣ. На одну Флору Макъ - Эйворъ, на одну Діану Вернонъ, на одну Ревекку, на одну Дженни Денсъ; не найдете ли въ свѣтѣ тысячи женщинъ, сходныхъ съ крошкими, но блѣдными героинями, коихъ изобразилъ В. Скоптъ въ своихъ романахъ, не похищая у нихъ принадлежащихъ имъ естественныхъ прелестей, но и не сообщая достоинствъ, коихъ онѣ не имѣютъ.

Правда, Флора Макъ - Эйворъ не будетъ индивидуальнымъ исключеніемъ, когда политическія права женщинъ будутъ признаны, и преданность Дженни Денсъ, личныя достоинства и неустрашимость Діаны Вернонъ, сдѣлаются болѣе общими, когда реформа, которой такъ желаютъ души благородныя, измѣнитъ систе-

му воспитанія женщинъ и разовьешъ ихъ умственныя и нравственныя способности. Въ сравненіи съ сими женщинами героини Ричардсона и Фильдинга менѣе дѣятельны, больше безцвѣтны, меньше естественны. Клариса Гарловъ есть своенравная пуританка, слишкомъ довѣряющая своей добродѣтели: посему она дѣлаешъ такой важный прослупокъ и такъ жестоко за него наказываешся. Молодая дѣвушка, занимающая первое мѣсто въ *Томъ-Джонсъ*, довольно мила и не безъ прелести. Но какъ несравненно любопытнѣе, почтнѣе и глубже обрисованы характерическія черты Ревекки и другихъ поименованныхъ нами женщинъ; какъ ихъ бытіе существенно! Въ нихъ вѣрися какъ-шо полнѣе и цѣлостнѣе.

Писателъ, о которомъ мы говоримъ, самъ не зналъ, не только важности своего назначенія, но и важности оказанныхъ имъ услугъ. Онъ не почишалъ себя ни полипикомъ, ни моралистомъ, но пворцемъ вымысловъ, назначая себѣ, съ скромностію, мѣсто въ послѣднемъ ряду людей, имѣющихъ право хвалишься какою-либо общественною службою. Это заблужденіе такъ обще всѣмъ умамъ возвышеннымъ, всѣмъ людямъ испинно геніальнымъ. Серванпешъ не вѣрилъ, чшобы его превосходный романъ *Донъ Кихотъ* прибавилъ хошя одинъ оболъ къ матеріальному богатству его родины. В. Скопшъ

писалъ и думалъ, что его фантаспическія творенія много-много, если будущъ годны для того, чтобъ убишь пріятно время; о нравспвенномъ и общеспвенномъ вліяніи ихъ онъ не имѣлъ и малѣйшаго подозрѣнія. Посмопиреше жъ однако на Шопландію: чѣмъ она была до В. Скопша и чѣмъ спала при немъ! Самѣй геній Борнса проспиралъ свое вліяніе гораздо на меньшее проспранспво — не далѣ прехъ Соединенныхъ Королевспвъ. А Шоландія, земля зависящая опъ Англии, мало извѣспная, у которой былъ только одинъ городъ и одна гавань, Шопландія шеперь на равнѣ съ сосѣдспвеннымъ государспвомъ раздѣляешъ вниманіе и удивленіе Европы. Конечно, не В. Скопшъ выкопалъ въ ней каналы, основалъ фабрики, провелъ дороги; но ему, большею частію, должно приписатьъ то общеспвенное движеніе, коему она всѣмъ симъ обязана.

Еслибы нужны были цифры, то можно бъ было доказать, что коммерческая цѣнность, произведенная обращеніемъ романовъ В. Скопша, цѣнность, удвоенная роскошью изданій и прогрессивнымъ ихъ улучшеніемъ, имѣла прямое вліяніе на народное богатспво; что цѣнность сія увеличилась еще переводами ихъ на новые Европейскіе лъики, безчисленными подражаніями, шепаральными пьсами, коихъ предметы заимспвованы изъ его сочиеній,

новоспью вкуса, разлишаго имъ въ модахъ, картинкахъ, меблировкѣ. Величайшая дѣятельность въ книжной торговлѣ, въ продолженіе послѣднихъ шридцати лѣтъ, ш. е. со временъ Вольпера, безъ сомнѣнія произведена В. Скоппомъ а). Мы замѣтили уже, что возрожденіе искусствъ и склонность ихъ къ вѣкамъ среднимъ, не имѣюшъ другаго источника, кромѣ его швореній; доказали, что ими возродилась любовь къ шуду и нравственности въ низшихъ и высшихъ классахъ; что ими ниспровергнута или по крайней мѣрѣ ослаблена пагубная преграда, раздѣлявшая классъ богатыхъ отъ класса бѣдныхъ. Никто не имѣетъ больше В. Скоппа правъ на всеобщую благодарность, какъ благодѣтель и шворецъ богатствъ. И мы почитаемъ себя счастливыми, если наши замѣнанія, брошенныя почти на удачу, возбуждаютъ въ людяхъ дѣятельныхъ желаніе заняться дальнѣйшими изысканіями по сей часши и увѣряетъ, что таланты и геній не суть только блестящіе и мимолетные метеоры, но что ихъ созданія должны

-
- а) Пятнадцать помовъ стихопвореній, девяносто прозаическихъ сочиненій, составляютъ его литературный запасъ: еслибъ собрать все его письма, то ими можнобъ было наполнить еще двадцать помовъ. Бюсты В. Скоппа, изваянія Ченпрея, изъ мрамора, камня, алебастра, находящяся во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ 1830 году одинъ коншрабандистъ привезъ ихъ до двухъ тысячъ въ Америку и до полшоры тысячи въ Восшочную Индію.

бышь причислены къ существеннымъ богатствамъ человѣчества.

(TAIT'S MAGAZINE.)

V.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ.

ВИЛЛИАМЪ ГАЦЛИТЬ.

Люди, созерцающіе съ глубокимъ удивленіемъ въкъ, въ коемъ мы живемъ, невольно сознаются, что сія блистательная эпоха мало имѣетъ совокупности, что въ нынѣшнія времена совершенно полная слава есть вещь самая рѣдкая и что особенно трудно найдти геній истинный, хорошо понимающій самого себя. У насъ все опрыжки, все разбиты. Лучи солнца стремятся съ разныхъ сторонъ горизонта, но не спекаются въ одну точку; и производя такимъ образомъ много блеску, имѣютъ однакожь мало силы. Светъ сей распространяется по поверхности, но не проникаетъ въ глубину; мы испытываемъ силы наши во многихъ родахъ; дѣлаемъ многочисленныя опкрытія, копорыя рѣдко имѣютъ одну общую цѣль; дарованія наши живы, но не могущественны; у насъ анализъ и критика только лишь разрушаютъ все, а ничего не созидаютъ. Въ нашемъ въкъ допопримѣчательнъ разительный недостатокъ постоянной силы, могущества дѣятельнаго, воли

твердой, рѣшительности продолжительной; мы не произвели ничего вѣковѣчнаго, ничего вмѣщающаго назначеніемъ своимъ будущность. Таковъ характеръ нашей 'эпохи!

Острый, пронизательный умъ едва успѣетъ развиться, какъ уже, вмѣсто того чѣмъ обнимать обширную сферу идей, вмѣсто того чѣмъ собирать матеріалы для мыслей и разсужденій, вмѣсто того чѣмъ продолжительнымъ трудомъ умножать приобрѣтенныя свѣденія, легкомысленно предается влеченію первой своей прихоти; кажется, онъ чувствуетъ недостатокъ въ жизни, времени, пространства. Онъ импровизируетъ лучшія творенія свои; завоеванія мысли хочетъ прибрѣсти набѣгами. Вмѣсто крѣпкой логической цѣпи, вы получаете опъ него только выходки и фантазіи. Даръ свой понимать все употребляетъ онъ только на то, чѣмъ перелепаетъ опъ одного предмета къ другому, предаваясь попеременно живописи, музыкѣ, полипическимъ теоріямъ, почнымъ наукамъ, метафизикѣ и поэзи. Его можно сравнить съ раскаленнымъ, на наковальнѣ, желѣзомъ, изъ коего при каждомъ ударѣ молота, вылетаютъ тысячи искръ. Отсюда произтекаетъ безмѣрная поперя сила, несовершенство въ твореніяхъ, большія неправильности при исполненіи и слава не столь числая. Какъ оцѣните талантъ, которій, такъ сказать, умерщвилъ самъ себя, раздробльсь на мѣлочи и оставивъ міру никакого живаго доказательствва своей энергіи!

Но въ комъ не проспиралась пакъ далеко, какъ въ Вилліамъ Гацлипъ, эпа поспребиноснъ все предпринимать, все испытывать, касаться всѣхъ идей, подвергать изслѣдованію все ученія; за шо никто не испытывалъ на равнѣ съ нимъ и безсилія сосредочивать полученные результаты и владычествовать надъ собственнымъ умомъ. Онъ былъ въ высшей степенн гений *отрывчатый*, какъ говорятъ Нѣмцы; опъ него оспались только опыты и очерки, но споль разнообразныя по своему характеру, полныя пакого оспроумія, пакой колкости, взглядовъ пакъ новыхъ и пакъ глубокихъ, что попомспво не предаспъ ихъ забвенію.

Гацлипъ писалъ во всѣхъ журналахъ, писалъ безъ цѣли, безъ плана, былъ настоящій *кондотъери* литературы; шворенія его, будучи собраны, соспавилибъ болѣе десяти томовъ въ восьмую долю. Безпечный не въ опношеніи къ дѣйствию, производимому имъ на публику, но въ опношеніи къ чистотѣ языка, къ совершенству и совокупности цѣлага, онъ попеременно опличаеица шо спранными украшениями, шо прихотливыми шалостями, шо необыкновенными парадоксами; вся цѣль его соспояла единспвенно въ томъ, чтобы внушить публикѣ желаніе читать себя. Между множествомъ мишуры и фальшивыхъ алмазовъ, кои сыпалъ онъ самую щедрою рукою, вы найдете слипки чистаго золота, обработанные съ изящѣйшимъ вкусомъ. Это былъ умъ оспрый, тонкій, пылающій ревностью проникнуть въ глубочайшія хранилища сокровеннѣйшихъ причинъ; слогъ крипики его дышеиъ живоспью во-

бы ображенія; способъ изьясненія исполненъ язвительной веселости; иногда, дабы плѣнить васъ, онъ играетъ роль арлекаина, подъ коей скрывается философъ глубокомысленный, наблюдатель грозный, артистъ свѣдущій. Я коропко зналъ его; сей умъ пакъ дѣятельный, неутомонный, смѣлый, и вмѣстѣ пакъ неправильный, обнаруживался предо мною, даже въ самой непринужденности приятельскаго обращенія. Онъ презиралъ большую часть трудовъ своихъ и уподоблялъ себя живописцу, котораго необходимость жить чѣмъ-нибудь принудила бы мазать вывѣски. Гаципъ наиболѣе замѣчателенъ слогомъ, который имѣють только цѣлю привлеченіе вниманія, чудными эпиграмами, словами, пакъ сказапъ, вакханальными, которыя, какъ будто, пляшутъ и воютъ, подобно Макбетовымъ колдуньямъ, преувеличенными метафорами, новоспями въ языкъ, коропко, всѣмъ, что публика уважаетъ и что награждаетъ похвалою; но самъ Гаципъ зналъ очень хорошо ничтожность сихъ бѣдныхъ украшеній.

Въ 1810 году, ходя по залъ Лондонской Выставки, увидѣлъ я предъ Лауренсовымъ порпрепомъ человека, довольно безобразнаго, сухощаваго, съ черпами рѣзкими, но неправильными, съ физиономіей живой, сипранной, многоугольной; лице его особенно опличалось тѣмъ пламеннымъ, безпокойнымъ выраженіемъ, которое пакъ часто служило зеркаломъ умственной дѣятельности; два черные глаза, маленькіе, кругленькіе, сверкали въ свѣдспіе непрерывнаго движенія; высокій сверху выпуклый лобъ, украшался плоскими волосами, зачесанными назадъ; завншіеся концы

ихъ падали на воропникъ. Все въ немъ было ознаменовано печатью раздражипельнаго, неутомннаго характера. И это безобразіе не только не заключало въ себѣ ничего отвращипельнаго, но даже имѣло въ себѣ много живописнаго. Тиціанъ, любимый живописецъ Гацципа, съ удовольствіемъ оживилъ бы на полотнѣ сіи черпы, исполненныя энергіи и оригинальности.

Гацципъ былъ сынъ одного священника диссидента, копорый жилъ въ Графствѣ Сюррей, въ городѣ Уемъ а). Съ самаго начала имѣлъ онъ склонность къ метафизическимъ наукамъ; эта склонность не оставила его и иногда, какъ ремесломъ журналиста увлеченъ онъ былъ въ другую сторону. Доспопримѣчательная особенность разума его заключалась въ рѣдкомъ сліяніи вкуса къ художествамъ съ метафизическими поноспями. Родители его были бѣдны; онъ долженъ былъ выбрать себѣ какое-либо соспояніе. Случилось увидѣть ему какія-то старыя Испалійскія картины: онъ первый пробудили художипескій его геній. Онъ рѣшился сдѣлаться живописцемъ, схватилъ кисть и палипру, и безъ наставника, безъ учителя принялся за дѣло. Мысль его была исполнена живымъ идеаломъ искусства, красопою формъ и красокъ. Онъ понималъ высшее совершенство живописи; но ошибался, думая, что сего познанія уже достапоочно, что глубокое уваженіе къ образцовымъ созданіямъ искусства и инспинкты, влекшіи его къ прекрасному, были уже вѣрными залогамъ немедннаго успѣха. Въ живописи исполненіе значить весьма много. Чпо-

а) Маленькой городокъ въ Графствѣ Салопскомъ.

осуществить достойно мысль, по потребности долговременныя занятія, тяжкіе труды. Безъ механизма искусства, безъ продолжительныхъ матеріальныхъ усилій, безъ практики постоянной и терпеливой, вы ни чего не достигнете.

Искусство, цвѣтокъ самый нежный, распускается медленно и постепенно; одного солнца не достаточно, чтобы развернуть его пышный вѣнчикъ; самый пылкій жаръ энтузіазма не можетъ импровизировать стѣхъ красота, коихъ тонкая опдѣлка бываетъ только плодомъ продолжительнаго труда. Напрасно новичокъ, предопредѣленный, можетъ быть, для славы Микель-Анджело и Рафаэля, будетъ требовать опыта своихъ первыхъ опытовъ той степени совершенства, коей идеальный типъ заранее существуетъ въ его умѣ. Пусть, ведущій къ осуществленію сего типа, долгъ и пятоспѣнь. Прибавимъ еще, что чѣмъ болѣе совершенства въ гениі художника и въ идеѣ, которая живетъ въ его нѣдрахъ, тѣмъ труднѣе перевестъ сію идею въ формы и цвѣты. Пусть представлятъ себѣ, какихъ трудовъ и занятій стоило Рафаэлю живописать красоту своихъ Мадонъ, дасть имъ существованіе, сообразное съ числотою его высокихъ идей!

Гаципъ, одаренный быспрымъ соображеніемъ и пламеннымъ энтузіазмомъ къ искусству, поспчасъ поперялъ бодрость. Онъ увидѣлъ съ ужасомъ, какъ далеко былъ отъ того совершенства, коему удивлялся въ твореніяхъ великихъ художниковъ. И вдругъ оставилъ сіе искусство, споль имъ любимое, подоб-

но какъ оставляють любовницу прекрасную, но слишкомъ гордую, подающую мало надежды своимъ обожателямъ. У него осталось только нѣсколько портретовъ, скопированныхъ съ Тиціани и Рафаэля: при концѣ жизни своей находилъ онъ истинное удовольствіе разсматривать сіи памятники первоначальной справки, споль же пламенной, какъ и несчастной. Я помню, что видѣлъ у него портретъ, писанный имъ самимъ: то была старая женщина въ Рембрандшовомъ родѣ; картина сія представляеть фигуру характеристическую и отличаетя разительнымъ контрастомъ тѣни и свѣта. Въ ней замѣчательна красота и прозрачность колорита, вмѣстѣ съ силою выраженія. Въ кисти ощутительна нѣкопорая неопытность; видно было, что художнику скоро надобла продолжительность труда, пребуемаго портретной живописью. При всемъ томъ, какое различіе между симъ простымъ, естественнымъ, сильнымъ очеркомъ, и холодной сухостью академическихъ опытовъ, высказываемыхъ нашими молодыми артистами, кои служатъ вмѣстѣ доказательствомъ и великаго искусства въ рукъ и великаго безплодія въ падантѣ!

Уже Гацильтъ опказался опы живописи, какъ одинъ поэтъ, одушевленный вдохновеніемъ священнымъ, сдѣался проповѣдникомъ въ Шрексбюри. Это былъ Кольрейджъ. Гацильтъ самъ рассказывалъ о странномъ, двойномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него симъ проповѣдникомъ. Представьте себѣ жирнаго человека, съ краснымъ лицомъ, заспугунаго до подбородка, одѣтаго въ маленькой черной

Фракъ съ весьма коропкими фалдами; лобъ широкой, глаза сверкающіе энтузіазмомъ; эпоть человекъ съ высопы каедры изливается въ выраженіяхъ самыхъ лирическихъ и сильныхъ, какія только могъ умъ человѣческой создать со временъ Пиндара. Гацлипъ былъ пораженъ сею каррикашурой и въ поже время изумленъ магическимъ краснорѣчїемъ, съ коимъ импровизаторъ - проповѣдникъ излагалъ свои теории. Съ сей минуты рѣшился онъ посвящать себя литераторству. Ему казалось легче сообщать людямъ свои мысли посредствомъ слова или письма, чѣмъ прибѣгать для сей цѣли къ механическимъ и затруднительнымъ средствамъ, пребывающимъ продолжительнаго труда. Онъ приѣхалъ въ Лондонъ: такъ поступающъ всѣ начинающіе литераторы. Эпо было въ началѣ 1799 года. По заключеніи Амїенскаго мира, ѣздилъ онъ въ Парижъ; и возвратясь въ Лондонъ поселился въ одномъ спаромъ и дурномъ домѣ въ Веспминсперѣ. Часъ сего дома занималъ Иеремія Беншамъ. Комната, въ коей помѣстился Гацлипъ, была въ помѣ покоѣ, гдѣ отдыхалъ некогда авторъ *Потеряннаго Рая*. Достопримѣчательно, что сїи при человекъ, знаменитые по споль различнымъ причинамъ, но одаренные умомъ въ высшей степени остримъ и пронцапельнымъ, назначили себѣ какбы мѣспо свиданія въ эпоть маленькомъ, уединенномъ домикѣ, копорый чрезъ ихъ присутствіе сдѣлался священнымъ. Сперва Гацлипъ совершенно предался метафизическимъ наукамъ. Въ 1805 году, написалъ онъ свой *Опытъ о Причинахъ Дѣйствія у Людей* и другія подобныя сочиненія, ко-

порыя всѣ опличающіяся ипнокстію и сілою діалектики. Однакожь надо было чѣмъ нибудь жить, а метафизика, доспойная, впрочемъ, всякаго уваженія, доспавляетъ любиптелямъ своимъ не много вецеспвенныхъ пособій. Гацлипъ сдѣлался сопрудникомъ многихъ журналовъ, между прочимъ, *Times* и *Morning - Chronicle*. Ему въ особенносни была препоручена крипика театровъ; сіе занятіе наиболѣе было подобно съ блестящимъ, аналитическимъ свойствомъ его ума. Онъ первый обнаружилъ достоинство Кина; когда въ семь актеръ не видали ничего, кромѣ буйной, грубой проспонародности, Гацлипъ осмѣлился пропивоспавъ несправедливому ушверженію и доказалъ, сколько еспественности и могуцества заключалось въ его худо цвннмомъ талантѣ. Всѣ доходы Гацлипа ограничивались пособіями липературы; ибо онъ въ поже время трудился для многихъ книгопродавцевъ. Иногда внезапное возвращеніе охоты побуждало его приняпьясь вновь за кисть, но бесполезно: онъ ничего не оканчивалъ. Болѣе десяти разъ принимался онъ списывать порипреть одной дамы и маленькой ея дочери, но ни разу не удалось ему сдѣлать что-либо сходное.

Многіе изъ его опытовъ, собранные въ одинъ томъ, явились въ 1816 году, подъ заглавіемъ *Круглаго Стола*. Въ 1817, обнарудовалъ онъ свои *Характеры Шекспира* и читалъ публичные лекціи, копорыя привлекли многихъ слушателей въ Суррейскій Институтъ. Слава его ушверждалась: онъ слылъ, и по справедливосни, однимъ изъ остроумнѣйшихъ

собесѣдниковъ своего времени. Любопытно было слышать его споры съ Кольрейджеръ. Фразы одного окружены были волнистой драпировкой и скрывались подъ покровомъ таинственности; фразы другаго спремались быспрыми скачками, неслись, шакъ сказать, вихремъ въ атаку. Кольрейджъ былъ понокъ; Гацципъ проницапелень. Одинъ смопрѣлъ на вопросъ со всѣхъ споронъ, проницалъ во всѣ его изворопы; другой измѣрлялъ сей вопросъ оспрымъ лопомъ, копорый пускалъ по прямой линіи въ самую глубину его. Гацципъ, Ламбъ, живописецъ Гайдонъ, Лейгъ - Гунпъ; вопъ липераторы и арписшы, копорые вывели Англию на новый пупъ. Они-по наиболте возбудили въ Англичанахъ по чувство, копорое можно назвапъ умспвеннымъ папріопизмомъ, и склонили ихъ къ внимашельному изученію превосходныхъ опечеспвенныхъ писашелей XVI вѣка. Вальшер - Скопшъ, Байронъ, Вордсворпъ, почерпнули изъ сихъ древнихъ, забыпыхъ испочниковъ, многія лучшія свои пворенія.

За упомянутыми выше сочиненіями последовалъ увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ томъ, подъ заглавіемъ *Застольные Разговоры*. Здѣсь-по содержапся превосходныя, споль часпо упоминаемыя спашы, объ удовольспвіяхъ доспавляемыхъ живописью, о геніи и здравомъ смыслѣ, о приугоповленіяхъ къ пупешеспвію, о подипикѣ кофейныхъ домовъ. Вы не найдеше въ нихъ легкаго, плѣнипельнаго Аддиссоновскаго слога, или Спилевой живой, язвипельной веселости; но за по встрѣшите способъ выраженія болте яркій и своенравный. Иногда основываешъ онъ на

метафизических понкоспяхъ небольшойя каршины , исполненныя колорипа и жизни , а иногда сими понкоспиями полько украшаетъ оныя. Въ выраженіи его есть что - то неожиданное , что - то внезапное , неправильное ; въ изложеніи , пѣни смѣшиваются съ свѣпомъ , мѣспа полуцвѣпныя съ яркими , почно какъ будпо Рембрандтъ или одинъ изъ учениковъ его , взявшись за перо , принаровиль къ искусспву письма силу своего живописнаго дара. Англійскій языкъ многимъ обязанъ Гацлипу ; онъ преобразоваль разговорную рѣчь ; благодаря ему , можно предавашь пишению разговоръ , въ томъ еспественномъ непринужденномъ видѣ , какъ онъ вырывается изъ успъ умнаго челоувѣка. Говоря правду , языкъ пышный , наполненный Латинскими и Греческими словами , къ коему приучиль Англичанъ Самуиль Джонсонъ , сей языкъ былъ испиннымъ бѣдспвиемъ общеспва. Спругая форма , въ копорую должно было спискивашь мысли , не дозволяла ни какой свободы полспу воображенія ; и какимъ образомъ могъ челоувѣкъ вдохновенный выражатъ и сообщатъ свои понкія , часпо спранныя идеи , когда возлагаютъ на него оковы всегда одной и той же тяжелой формы ! Рипоры прокляли Гацлипа ; они назвали его арлекиномъ литератпуры , писателемъ пустымъ , не имѣющимъ ни какой силы. Мы признаемъ , что держимся мнѣнія общеспвеннаго ; и качеспвамъ принужденнымъ , насильспвенно передражнивющимъ совершеспво , предпочитаемъ откровенное выраженіе , выбрызгъ , если можно шакъ сказать , мысли , даже несовершенный .

Удовольствіе препираясь соспавляло для ума Гацлипа величайшее наслажденіе. Кто вздумаетъ упрекнутьъ его симъ немиролюбивымъ расположеніемъ, которое увлекало его въ непрерывную полеміку, тошъ не долженъ забыватьъ, что безприсрасптіе, потребность узнать истину во всѣхъ ея видахъ, управляли перомъ его въ сихъ преніяхъ, споль имъ любимыхъ. Онъ пмвлялся симъ умственнымъ упражненіемъ; выбиралъ всегда ту спорную вопроса, которую бь вы никакъ не выбрали, и такимъ образомъ игралъ вами. По крайней мѣрѣ, проповникамъ своимъ оспавлялъ онъ полную свободу и употреблялъ съ ними самыя учпивыя выраженія. По несчастію, многіе не замѣчали въ немъ сего похвальнаго качества и считали его полько сварливымъ охотникомъ до споровъ. Враги его видѣли въ немъ одно худое; а пошому и онъ, съ своей спороны, спановился несправедливъ къ нимъ. Никпо не умѣлъ пакъ искусно и вѣрно, какъ Гацлипъ, понять слабую спорную Кольрейджа, коего возвышенный даръ истощался въ бесполезныхъ усиліяхъ. Никпо, какъ Гацлипъ, не постигъ пакъ Вальтера-Скопша; онъ первый открылъ у него тошъ недоспапокъ спраспи и философін, въ коемъ послѣ него другіе упрекали пворца Веверлея. Наконецъ, какъ безжалостно крипиковалъ онъ ребяческія понокспи Вордсворта, но въ шоже время обнаружилъ предъ публикой по величіе, шу нѣжность, шу силу, кои кроются въ самомъ его ребячествѣ.

Такъ какъ Гацлипъ любилъ очень свѣпъ, по сіе похвальное качество, или сей порокъ, доспа-

вили ему большую известность и множество враговъ. Жилъ онъ тогда въ Гольборнѣ; но когда намѣревался предпринять какой-либо значительный трудъ, по уѣздѣ изъ Лондона и заключался въ пракфиръ, называемомъ Винперслоу, лежащемъ при входе въ Салисбургскій лѣсъ. Здѣсь-то безъ книгъ, въ совершенномъ уединеніи, принимаясь онъ за работу и менѣе чѣмъ въ недѣлю оканчивалъ цѣлый томъ. Его превосходные уроки о вѣкѣ Елисаветы сочинены въ Винперслоу. Тогда, въ совершенномъ уединеніи, воспоминанія о томъ, что онъ читалъ и чему учился, съ новой живостью возражались въ его умъ. Безпрестанно усремялъ онъ суровый взоръ на свои недосыпки: они доставляли ему предметъ для размышленія; даже собственныя пороки служили пищею его уму. Во время пребыванія его въ Винперслоу, слогъ у него спановился ярче, мысль приобрѣтала болѣе силы. Его чрезвычайная воздержанность, неприхотливые вкусы, дѣлали для него сію скромную жизнь не только легкою, но даже приятною. И дѣйствительно, въ немъ было что-то художническое, богословское, философическое.

Волны современныхъ мнѣній безпрестанно хлестали его, но не могли поколебать. Это былъ умъ самостоятельный. Все, что не заключалось въ собственныхъ его теоріяхъ, что не было подтверждено собственнымъ его опытомъ, все это для него не существовало. Доброе качество сіе имѣло много худыхъ слѣдствій. Правда, онъ не уступалъ попоку пошлыхъ мнѣній и принятыхъ предразсудковъ; смутная масса воспоминаній, заимствованныхъ изъ книгъ, не зап-

мѣвала собспвеннаго его сужденія: но за по онъ не занимался необходимымъ для него ученіемъ и провелъ послѣднія двадцать лѣтъ жизни своей въ разсужденіяхъ и спорахъ о томъ, что выучилъ въ первыя двадцать. Его липературная жизнь была не что иное, какъ продолжительная война. Онъ хопѣлъ, волею или неволею, увлечь другихъ къ тѣмъ правиламъ, кои образовалъ самъ для себя и копорыя были слѣдспвіемъ первоначальнаго его ученія. Онъ воскрешалъ славу, погасшую, нападалъ на тѣхъ, кои пользовались ею въ наспоющее время, и своимъ умспвеннымъ приспраспямъ, своимъ прихопямъ въ липературѣ и искусстввахъ, сообщалъ все очарованіе блиспательнаго слога. Онъ любилъ Шекспира и Вальпера-Скотта. Проницательность ума его внушала ему удивленіе къ симъ мужамъ, изучавшимъ родъ человѣческій во всѣхъ разнообразныхъ его измѣненіяхъ. Онъ очень любилъ Карла Ламба, по причинѣ его просподушія, легкоспи, съ какой онъ все высказывалъ и все выслушивалъ, кропкаго нрава и шаланпа, оригинальность коего весьма много сходспвовала съ оригинальностью древнихъ авпоровъ.

Слава Гацципа была бы еще блиспательнѣе и обширнѣе, еслибы съ самаго начала не навлекъ онъ себѣ великаго множества враговъ, копорые безпреспанно и неупомимо слѣдили каждый шагъ его. Повинуясь только своей спраспи, своенравію и прихопямъ, Гацципъ шелъ до самой могилы, окруженный цѣлымъ полчищемъ, копорое наблюдало за его поступками, препяпспвовало его намѣреніямъ, старалось непрерывно очернить его характеръ, омра-

чипь славу. Философія Гацлипа присупспівовала въ умъ его, но не проспиралась на поспупки. Онъ часно поспупалъ опромешчиво, дѣлалъ многія неосмопріпельнеспі, копорыя причинили ему большой вредъ. Обнародованіе безиравспвенной книги, подъ заглавіемъ: *Liber Amoris*, особенно повредило ему, особенно въ Англіи, спранъ лицемѣрной и педанпической, прощающей пайные пороки, но безжалоспно наказующей всякое нарушенія приличія. Прибавимъ къ сему еще глубокое презрѣніе, пипаемое имъ ко всякой современной извѣспности. Впрочемъ, думаю, можно измѣряпть способноспі автора и умспвенныя его силы по спепени, ловкоспі, съ какою распроспраняетъ онъ вокругъ себя сей преходащій блескъ, называемый извѣспностью.

Въ 1824 году Гацлипъ публиковалъ свой *Опытъ о Картинныхъ Галлерейхъ*, въ Англіи находящихся. Я не знаю другаго автора, копорый могъ бы, подобно ему, пакъ живо изображать карпины посредспвомъ словъ. Крипика его имѣетъ колоритъ, анализъ блиспапелень. Хотя иногда эпопъ блескъ, эпо прозрачноспъ рябятъ въ глазахъ, подобно цвѣспнымъ спекламъ спаринной церкви, но за то какаѧ разница между симъ способомъ изложенія и сухимъ анализомъ, между пехнической крипикой и метафизическими пюнкоспями, споль обыкновенными у писапелей, кои судятъ объ искусстввахъ! Кто никогда не видалъ пвореній Гольбейна, Николая Пуссеня, Вапшо и Рембрандпа, эпопъ можетъ удивляпться имъ въ сочиненіяхъ Гацлипа.

Въ 1825 году, Гацлипъ снова посѣпилъ Францію и

Испалію: Въ запискахъ о семь путешествіи, на скоро имъ писанныхъ, находилсѣ множество живописныхъ описаній, краснорѣчивыхъ декламацій, понкихъ мыслей. Что можетъ быть блистательнѣе картинны Венеціи и Феррары, имъ изложенной? Не медле достойны вниманія наблюденія его за нравами Испаліянскими и Французскими. Мыъ сказывали, что параллель Дѣвицы Марсъ и Гжи Паспа, сочиненная имъ, была причиною ссоры между сими двумя героями: и когда я спрашивалъ о шомъ Гацципа, по оны опвѣчалъ, что это совершенная правда, прибавивъ еще, что Дѣвица Марсъ первая начала ссору.

Гацципъ любилъ театръ и посѣщалъ оный до послѣднихъ дней своихъ. Великая актриса, какова на примѣръ Мисприсъ Сиддонсъ, была для него предметомъ богошворенія. Нѣкоторыя изъ лучшихъ страницъ, имъ написанныхъ, были посвящены сей славной артисткѣ и ея племянницѣ, копорая кажешся поидеть по ея слѣдамъ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я его въ Ковенш-Гарденъ; оны говорилъ съ обыкновеннымъ умомъ и легкостью; ни что не предвѣщало, что смерть уже парила надъ нимъ и что чрезъ восемь дней его не спанеть. Извѣстно, что въ Англійскихъ театрахъ, *lobbies* или полукруглыя галлерей, коими окружена зала, назначены для женщинъ, опличающихся не сполько пристойностью, сколько красоцею и блескомъ убранства. » Мыъ кажешся, « сказалъ Гацципъ, указывая на нихъ, что я вижу одну изъ рамъ, вырѣзанныхъ въ Испаліи артистами XVI вѣка, покрытыхъ

спранными арабесками, вакханалиями, головами Фавновъ и Нимфами, съ конми играющъ Сапирь! « Это были послѣднiя слова, мною опть него слышанныя. Восемь дней спустя, умеръ онъ въ своемъ Фриш-Спришскомъ жилищѣ.

Не лзя сказать, чшобы Гацлишь былъ бѣденъ, но кошелекъ его вѣчно былъ пустъ. Никто не обладалъ въ высшей степени искусствомъ жить такъ, чшобы долги превышали всегда доходы. Этой-то склонности къ моповспву должно особенно приписать прапу его дарованiя, которое онъ, можно сказать, разсѣялъ по журналамъ и мелкимъ сочиненiямъ, конхъ время конечно не починишь своей бережливости. По причинѣ необыкновенной легкости писать, пошелъ онъ по сей дорогѣ, совращающей споль много опличныхъ дарованiй съ пуши испинаго. Но каковы бы ни были его недоспапки, онъ принадлежилъ къ достопримѣчательнѣйшимъ писателямъ нашего вѣка. Подобно Дидеро, съ коимъ у него много сходства, не оставилъ онъ по себѣ никакого памятника; подобно ему пускалъ облака дыму смѣшанныя съ блистательными искрами. Онъ былъ метафизикъ, также какъ Дидеро; какъ сей послѣднiй любилъ искусства, былъ охотникъ до изслѣдованiй и возвышался иногда до изумительнаго краснорѣчiя. Не смотря на привычку свою къ крипикъ, въ сочиненiяхъ его замѣтна иногда необыкновенная чувствительность. На примѣръ, при видѣ Бюрлейг-Гоуза, въ коемъ бывалъ во время молодости своей, онъ восклицаетъ: » О, чего бы не далъ я, чшобы опячь хопя на одинъ день, на одинъ часъ... хопя на

одну минушу. . . бышь пѣмъ, чѣмъ я былъ тогда! — Какъ все вокругъ меня переменилось! — Когда глухой голосъ опдаленнаго лодочника, лепящаго внизу, проникая сквозь болошный простирикъ, достигалъ до моего слуха! Когда я въ первый разъ видѣлъ мягкой, влажной, бархатоподобный коверъ зеленого дерна, передо мной растилавшагося, копорый, по видимому смѣлся подражательному искусству кисти! Когда новый инспинкпъ, новое наслажденіе пробуждалось такимъ образомъ въ очарованной груди моей! Когда, зимнимъ днемъ, пробѣгалъ я равнину Петербургскую, наблюдая съ любопытствомъ ребенка и упоеніемъ живописца, эти обширные блестящіе пруды, сливающіеся съ горизонтомъ, эту перспективу, достойную Павла Попера, эти спада, мѣльницы, эти хижины, покрытыя красной черепицей, блестящія на лучахъ солнца! — Ахъ! если бы возвратилось ко мнѣ по мгновѣнію, когда облака, въ безчисленно разнообразныхъ формахъ играя надо мной, доставляли мнѣ неизяснимое удовольствіе! — О! если бы опдали мнѣ по счастье, которое я чувствовалъ, ходя къ больной, престарѣлой матери, въ пошь городъ, гдѣ она родилась, въ ту ферму, гдѣ была она воспитана! Если бы я могъ съ пѣмъ же наслажденіемъ опираться на пошь заборъ, на копорой она опиралась, когда была маленькой дѣвочкой, когда училась ходить! — Если бы я могъ съ такимъ же упоеніемъ смопрѣшь на заходящее солнце! «—Надобно сознаваться, что это прекрасная, прогашельная эпипафія молодости и ея радостямъ, споль быспро пропекающимъ!

Не менѣ кажеться намъ прекраснымъ мѣспо, гдѣ Гацлицъ говоритъ о скоропреходящности искусствен-ныхъ произведеній :

» Зачѣмъ жаловаться на эту непродолжительность? За чѣмъ поэзія вѣчно оплакиваетъ съ такою горестію брешную красоту сестры своей? Какъ! Неужели прекрасная картина не переживетъ насъ? Развѣ, когда ея не будешь, не останеться послѣ ней блистательнаго и вѣчнаго слѣда? Фидій былъ безсмертенъ, прежде чѣмъ открыты Эльджинскіе мраморы. Какую выгоду приобрѣлъ онъ опъ сего открытія? Имя Микель-Анджело, ко-его произведенія извѣстны намъ только по гравюрамъ, полуспершымъ рисункамъ , обломаннымъ шапугамъ , развѣ не принадлежатъ къ величайшимъ именамъ новѣйшаго искусства? Люди! не ужели для удовольворенія вашего, должны вы соперничествовать въ безсмертіи съ природою? Ахъ! въ опдаленномъ воспоминаніи вѣковъ, для васъ достапочно одного имени, одного памятника! «

» Я думаю, что сознаніе брешности вещей чело-вѣческихъ, придаетъ торжеству и возвышенности искусства что-то болѣе прогательное, болѣе, такъ сказать, чело-вѣческое! Какъ! чтобы брешныя руки создали что-либо вѣчное! Это безсмертіе было бы поруганіемъ природы, богохульствомъ! Намъ оспаепся благородная мысль о древности. Теченіе вѣковъ начерпало на землѣ неизгладимый слѣдъ прехожденія своего. Никакой памятникъ не можетъ внушать пакого почшенія, какое мы чувствуемъ къ развалинамъ; никакой древній монументъ не поразитъ такъ живо воображенія , какъ обросшая мохомъ , развалив-

шаяся колонна, лежащая среди бесплоднаго, покрыпаго перніемъ поля. Развалины, какія бы онѣ ни были, развалины карпинъ, скульппурныхъ произведеній, или произведеній архипекшуры, открываютъ предъ нами длинную перспективу времянь прошедшихъ.»

Можно бы соспавить цѣлый помъ изъ приключеній и острыхъ словъ Гацлипа. Однажды, худо разчисливъ свои издержки, онъ оспался, въ Спрапфордѣ, безъ копейки. Сапоги стягопили его: онъ пытался промѣнять ихъ на пару башмаковъ или пуфлей. Но, хопя они были совершенно новые, къ величайшему удивленію его, никто не взялъ ихъ. Эпощъ случай глубоко врьзался въ память его и послужилъ ему шекспомъ для декламацийъ противъ Англійской скупости. » Чпобы Англичане ни дѣлали, говоримъ онъ, въ самыхъ добрыхъ поспуцкахъ ихъ, найдеще всегда: скрыпное желаніе не доспавлять никому удовольствія. «

— » А можетъ бытъ «—сказалъ ему кто-то—» можетъ бытъ люди, копорымъ вы предлагали сапоги ваши, опасались, что они краденые. « . .

Эпо замѣчаніе заспавило его призадуманья; и наконецъ съ обыкновеннымъ своимъ чиспосердечіемъ, онъ воскликнулъ:

» Да! сиспема моя поколебалась! «

— »Поэзія Томаса Мура «—говоривалъ онъ—» имѣетъ все изящество проспонародія, весь блескъ, копорымъ можно украситься, находясь въ депримичномъ мѣспѣ. Эпо искусственная муза, убранная поддѣльными камнями, украшенная вмѣсто зодота блестящей

мишурой. Чувствуя собственную слабость, она кочепъ блескомъ замѣнить красоту; подобно тѣмъ господамъ, которые, дабы походить на людей порядочныхъ, привѣщиваютъ къ себѣ полдюжины пачпокъ и унижаютъ пальцы свои перспиями и алмазами. «

Я разговаривалъ съ нимъ однажды объ Рафаэлѣ и Микель-Анджело.

— » Смѣшно бѣ было «—сказалъ онъ мнѣ—» спавить ихъ на одну степень; ихъ не возможно даже сравнивать. Учасъ долго, поспоянно, вы можете надѣяться, что успѣете въ Микель-Анджеловомъ родѣ: его наружное величіе изумляетъ васъ, но онъ никакъ не выдержитъ спротаго разбора. Онъ опмичаетъ въ одной шолько часпи искусства, и то не въ лучшей. Рафаэль напроивъ превосходенъ во многихъ, самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ часпяхъ. Одинъ возноспся, какъ морской сполтъ, какъ чудовищный феноменъ, запмъ-вающій все вокругъ себя. Другой подобенъ озеру съ чиспыми водами, коихъ обширное и спокойное зеркало отражаетъ съ новой прелеспью цѣлый мръ. «

(NEW MONTHLY MAGAZINE.)

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

МЮНХЕНЬ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Если вы наслаждаетесь добрымъ здоровьемъ и надеетесь, что Господь Богъ продлитъ дни ваши еще на нѣсколько годовъ, то подождите и отправьтесь въ Мюнхенъ не прежде, какъ спуся еще лѣтъ пятокъ. Тогда будутъ кончены памятники, воздвигаемые теперь въ Мюнхенъ. Черезъ пять лѣтъ, живопись, скульптура, архитектура, довершатъ свои чудеса. Тогда-то надо будетъ путешествовать въ Мюнхенъ, дабы видѣть сію новую столицу изящныхъ искусствъ. Но если вы опасаетесь, что черезъ пять лѣтъ демонъ домогства прикуетъ васъ къ домашнимъ пенапамъ, то лепите скорѣе, безъ малѣйшаго отлагательства: ибо прежде всего надобно видѣть Мюнхенъ, дабы имѣть понятіе о жизни и движеніи, разливаемыхъ повсюду искусствами.

Въ Парижѣ есть арписины и выспавки; воздвигающія памятники, хоша медленно; однимъ словомъ, есть искусства. Но онѣ ли приводятъ въ движеніе Парижанъ? Онѣ ли сообщаютъ имъ жизнь? Ихъ ли любятъ, ими ли одушевляются жители столицы Французской? Это ли составляетъ для нихъ важнѣйшее занятіе? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Поѣзжайте въ Мюнхенъ: тамъ вы увидите, что значить жить и дышать искусствами; узнаете, что значить спросить, горячка къ искусствамъ, что такое народъ, который излючительно занимаетъ картина, барельефъ,

памятникъ. Нѣкто спросилъ у меня, что думаютъ въ Мюнхенѣ? Въ Мюнхенѣ совсѣмъ не думаютъ, а только глядятъ. Есть архиспы, которые занимаютъ живописью, скульптурой, зодчествомъ; есть любопытные, идущіе смотреть на живопись, скульптуру, зодчество: вотъ Мюнхенъ. Я видѣлъ въ Мюнхенѣ грампіевъ, ученыхъ, миспиковъ, одного великаго философа—Шеллинга. Все сін люди думаютъ и пишутъ, но будьте увѣрены, не для Мюнхена. Мюнхенскіе глаза сотворены только, чтобы видѣть, а не для того, чтобы читать.

Когда вы въѣжаете въ Мюнхенъ, то при первомъ взглядѣ на сей спрокующийся городъ, вы будете поражены изумленіемъ. Я пріѣхалъ сюда въ шесть часовъ утра. Со всѣхъ сторонъ толпы работниковъ, камѣнщиковъ, плотниковъ, шли къ дѣлу. — Куда идутъ эти? — Въ Пинакопеку: это Лувръ, воздвигаемый для картинъ. — А эти? — Въ новый дворецъ. — Что это за зданіе, уже конченное? — Глиппопека, Музей древностей. — А это огромное зданіе? — Гошическій храмъ. А это! — Греческая церковь. — А это? — Библиопека. — Тамъ казармы; тамъ министерство. Такая дѣятельность изумительна. — А кто дѣлаетъ все это? — Король. — Слѣдственно у него огромные доходы? — Да! болѣе шести милліоновъ!!! — Но онъ бережливъ во всемъ, кромѣ того, что касается до искусства; здѣсь только распочисленъ. Припомъ въ Мюнхенѣ дешево жить; архиспы не роскошничаютъ и дѣлаютъ много за небольшую цѣну. Дайте Королю Баварскому сто милліоновъ: онъ построитъ вамъ изъ мрамора городъ не менѣ Лондона.

Подданные, поощряемые примѣромъ Короля, также строились: и повсюду возникли великолѣпныя зданія. На числомъ полѣ разбины улицы по плану: дома будущъ, сказалъ самъ себѣ Король; и дѣйствительно дома или, лучше сказать, дворцы явились, и близъ стараго города возникъ новый, копорый обязанъ своимъ распространеніемъ и украшеніемъ соревнованію гражданъ. Таковъ нынѣ Мюнхенъ. Не лзя сказать, чпобы онъ не носилъ еще на себѣ слѣдовъ хаоса, изъ коего едва вышелъ. Завоеванное поле оставило еще мѣстами слѣды, свидѣтельствующіе о бывшемъ его владычествѣ: зеленыя луговинки, невымощенные мѣста, купы деревьевъ. Мюнхенъ есть городъ, образующійся предъ вашими глазами. Вы замѣчаете ежедневно его приращеніе. Удалились изъ него на мѣсяць. При возвращеніи вашемъ, вы найдете новый флигель при дворцѣ Короля, расписанный пополокъ въ Греческой церкви, залу украшенную рѣзной работою въ Пинакотекѣ. Нигдѣ дѣятельность не представляешь шакого прекраснаго зрѣлища. Но невольно дрогнешь при мысли, что вся сія дѣятельность зависить единственно отъ Короля; и что если онъ скончается, то, можетъ быть, Мюнхенъ останется недоспроеннымъ, какъ Кельнская соборная церковь, гдѣ машина, посредствомъ коей поднимали камни, спопить бездѣйственна на своей полу-оспроенной башнѣ.

Движеніе искусствъ въ Мюнхенѣ наиболѣе занимательно тѣмъ, что оно слѣдуетъ ровнымъ шагомъ за движеніемъ наукъ. Мюнхенъ пользуется всеми новыми идеями, кои внушаются подземными розысками въ Помпей, изученіемъ вазъ Греческихъ и новыхъ.

Греческихъ статуи, каковы Милосская Венера, Эгинскіе, Аѳинскіе и Олимпійскіе мраморы, изысканіями объ искусствѣ древнихъ въ Сициліи, Греціи, Египтѣ, Эпрурии, изслѣдованіями объ искусствѣ во времена среднія, о Византійской и Готической архитектурѣ, о древней школѣ скульптуры и живописи въ Италіи и Германіи. Въ Мюнхенѣ осуществляютъ идеи новѣйшей археологіи. Въ другихъ мѣстахъ науки живутъ въ книгахъ; онѣ мертвы, неодушевленны, безформны, безцвѣтны; здѣсь онѣ живутъ, дышатъ въ воздвигаемыхъ памятникахъ.

Долго было въ модѣ пренебрегать архитектуру среднихъ вѣковъ, Византійскую и Готическую. Съ нѣкошораго времени дерзнули сказать, что архитектура сія имѣетъ свою оригинальность, заслуживаетъ бытъ изучаема съ тѣмъ же уваженіемъ, какъ Греческая и Египетская. Не нужно было долговременнаго изученія, дабы почувствовать къ ней удивленіе. Архитектура Византійская, создавшая церковь С. Серенія въ Тулузѣ, Готическая, взгромоздившая Notre Dame de Paris и соборные храмы въ Реймсѣ, Аміенѣ, Спразбургѣ, Шарпурѣ, отличаются такою красотою, такимъ величіемъ, которое поражаетъ взоры всякаго. Ежедневно воздвигаемъ мы памятники на образецъ Грековъ и Египтянъ. Почему жь не воздвигаемъ ихъ во вкусъ архитектуры среднихъ вѣковъ? Въ Берлинѣ, во времена владычества рыцарей Тевтоническихъ, принялись было строить готическій соборъ; но не доспало терпѣнія или денегъ, и бѣдный готическій храмъ, тяжельй, массивный, безъ каменныхъ зубцовъ, безъ вышеченныхъ

шпицовъ, безъ аркъ и спрѣдокъ, съ узкимъ, почти плоскимъ порталемъ, не имѣющимъ ни глубины, ни перспективы, съ двумя ничтожными колокольнями, оспался свидѣтельствомъ безсильнаго подражанія, оправдывая насмѣшки южно-Германскихъ каполиковъ, утверждающихъ, что пропестанизмъ не способенъ создать большой соборной церкви, что онъ умѣетъ только портить прекрасные храмы, опнытые имъ во времена Реформаціи у каполицизма. Въ Мюнхенѣ теперь воздвигается готическій, величественный, обширный храмъ, а Греческій уже конченъ; оспается только расписать внутренность, по золотому грунпу, на манеръ Византійскій. Подолки почти уже расписаны; ихъ два: одинъ представляетъ Верхій Завѣтъ, другой — Новый. Живопись Гесса: она во вкусъ Чимабуэ и Византійцевъ, но рисунокъ гораздо свободнѣе.

Рядомъ съ сими Византійскими и Готическими памятниками воздвигаются дворцы по образцу Флорентинскихъ; таковъ новый Королевскій дворець. Онъ внутри весь будетъ расписанъ; въ залахъ нижнихъ этажей Шнорръ изобразилъ древнюю Германскую поэму: *Liebelungen*. Изъ сей-то живописи можно удостоверитьсья, сколько пользы можетъ доставлять изученіе древнихъ Нѣмецкихъ картинъ.

Живописцы среднихъ вѣковъ, когда писывали Святыхъ, имѣли предъ нами ту выгоду, что были ближе насъ во всякомъ отношеніи къ симъ Святымъ. Св. Бернардь болѣе сходствовалъ съ Св. Августиномъ, чѣмъ нынѣшніе Епископы, а Св. Францискъ д'Ассизъ очень близко подходилъ къ опшельникамъ Оиванды.

Всякой вѣкъ имѣеть свои фizioноміи и лица. Сравните портреты XVI и XVII вѣковъ. Лица измѣнились не менѣе костюмовъ; это очень просто: нравы и привычки напечатлѣваются на лицахъ и измѣняютъ ихъ смотря по вѣку. Поелику нравы и религіозные обычаи среднихъ вѣковъ гораздо болѣе нашихъ сходились съ нравами и обычаями первыхъ временъ христіанства, то для живописцевъ тогдашняго времени менѣе трудно было выражать лица Апостоловъ и Святыхъ. Тоже можно сказать и о войнахъ. Предположите, что живописецъ среднихъ вѣковъ хотѣлъ бы изобразить Аппилу: въ дикой наружности феодальныхъ дворянъ, въ ихъ поспуни и лицахъ, могъ онъ найти вѣрный идеалъ Аппилы. Но если нынѣшній живописецъ вздумаетъ изобразить Аппилу, что возьметъ онъ за образецъ? Прекраснаго кирасирскаго офицера!! Все измѣнилось: костюмы, нравы, оружіе, лица. Лучшее, что мы нынѣ дѣлать можемъ, состоитъ въ томъ, чтобы изучать въ картинахъ живописцевъ среднихъ вѣковъ черты лицъ, дѣйствовавшихъ въ героическія времена новѣйшей Европы. Это именно и сдѣлано Шпорромъ, и при томъ съ успѣхомъ, свидѣтельствующимъ о его великомъ талантѣ. Онъ не только изучалъ костюмы среднихъ вѣковъ, но даже черты лицъ-сей эпохи. Такимъ-то образомъ нашелъ онъ вновь черты героевъ, воспѣтыхъ въ Нибелунгахъ: Зигфрида, Гюнпера, Аппилы, Фолькера, Гагена. Также въ портретахъ женщинъ среднихъ вѣковъ, въ спокойныхъ ясныхъ лицахъ древней Германской и Италіанской школы, нашелъ онъ лица Гримгильды и Брюнегольды.

Достопримѣчательнѣйшія залы Королевскаго дворца сушь такъ называемыя: Гезіодова и Аргонавтовъ, кои расписаны Шванталеромъ. Эпа живонись есть наилучшій, извѣстный мнѣ, комментарій Гезіода, комментарій, вполне исполковывающій геній древней поэзіи; что касается до живописи Аргонавтовъ, по она, какъ будто, нашла вновь нѣкопорые опривки циклическихъ поэмъ, въ коихъ воспыто ихъ похождение. Живопись сія внушена не поэмою Аполлонія Родосскаго, поэта Александрійской школы: нѣптъ, она внушена геніемъ болѣе древнимъ и великимъ. Ни гдѣ не выражено такъ вѣрно и разительнаго все, что есть безформнаго, гигантскаго, неправильнаго, фантастическаго, въ сихъ начаткахъ Греческой міѳологій, въ сихъ полу-богахъ и полусимволахъ, каковы: Земля, Ночь, Эребъ, Любовь Первоначальная, Время; равно все, что есть пльнительнаго въ басняхъ, гдѣ описывается рожденіе Афродиты, Харитъ, Музъ. Эпа живопись неопредѣлительна и туманна, когда изображаетъ существа фантастическія, своенравныя, неправильныя, поразительныя, ужасныя, когда представляють чудовища и гигантовъ древней Греческой религій; но она чиста, опредѣленна, величественна, прекрасна, изображая верховныхъ повелителей языческаго Олимпа, Зевеса, Иру, Палладу.

Когда Шванталеръ писалъ фрески въ залъ Гезіода и Аргонавтовъ, по одушевлялся изученіемъ Греческихъ вазъ. На картинахъ Г. Корнеліуса, показываемыхъ въ Школѣ Изыщныхъ Искусствъ, живописецъ

въ Поклоненіи Волхвовъ и Распятіи, видимо подражалъ Рафаелю въ его Прейи о Св. Причастіи и Аѳинской Школѣ; особенно спарался онъ поддѣлапьясь подъ высокой спиль Флоренпипской школы Микель-Анжелю. Наконецъ всюду въ шпудлахъ Мюнхенской школы видно вдохиовеніе науки; вездѣ видны слѣды подражанія, по древней Греціи, по Испаліи, по Германіи среднихъ вѣковъ, но сіе подражаніе всегда свободно, смѣло, избобрѣпательпо. Особенно не видно подражанія изклучипельно одному вкусу или одной системѣ; школа Мюнхенская заимспвуешъ у всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ; различеспвуя именно шѣмъ опъ школы Давида, копторая держалася изклучипельно одной системы и слишкомъ много жерпвовала вѣрности рисунка. Такимъ образомъ школа Давидова приблизила живопись къ ваянію и опияла у ней движеніе и жизнь, ей свойспвенныя, но не могла сообщить того, что состпвляешъ удѣлъ ваянія, красопу формъ. Ваяніе еспть выраженіе испины шѣла человѣческаго, поелику выказываешъ его со всѣми формами и округлоспями; выраженіе самое благородное, ибо являешъ человека въ спокойспвіи, не дозволяя спраспямъ обнаруживашья въ гримасахъ и судорожныхъ движеніяхъ. Мюнхенская школа, менѣе чѣмъ Давидова, сппрога и изклучипельна, но при всемъ энпузіазмѣ, возбуждаемомъ ею на берегахъ Изера, не больше ея оригинальна. Будучи гибче и разнообразнѣе, она можепть долѣ нравипьясь и имѣпть болѣе послѣдовапелей и адепповъ. Симъ обязана она благодѣптельному вліянію нашего вѣка, копторый не любипть владычеспва

исключительныхъ правилъ. Школа сія естъ послѣдовательница эклекцизма, какъ и всѣ мы, нынѣшніе жители Европы а).

Школу Мюнхенскую сравнивали съ школою Каррачей; но она отличалась большею ученостію и важностію, будучи меньше ея искусна. Каррачи были эклекцики въ живописи, но эклекцизмъ ихъ ограничивался одною формою. Они смѣшивали манеры и спили всѣхъ школъ, но не столько въ отношеніи къ вдохновенію, сколько въ исполненіи. Они мало заботились о томъ, изъ какихъ источниковъ предшественники ихъ почерпали свое вдохновеніе; не искали сослать изъ сихъ разныхъ вдохновеній одной общей идеи и философіи, копорая была бы идеею и философіею ихъ школы; они изучали карпину, а не живописца, твореніе, а не творца. Каррачи сдѣлали для живописи то же, что цивилизація для народовъ. Цивилизація однообразитъ народы, опнимая у каждой страны ея отличительныя свойства; Каррачи ободнообразили живопись, изгладивъ отличительный характеръ каждой школы. Они, если можно такъ сказать, сосредоточили живопись; запечатлѣли ее неизгладимымъ клеймомъ равенства, но не ознаменовали печатью

а) Мнѣ весьма пріятно увидѣть здѣсь такое порожественное оправданіе моихъ идей о *современномъ направленіи изящныхъ искусствъ*, изложенныхъ въ Рѣчи, произнесенной мною на прошломъ актѣ Московскаго Университета. Какъ жаль, что въ Парижѣ нѣтъ *Сьерной Пелье*? А по *Г. Сен-Маркъ Жирарденъ*, сочинитель сей статьи, человекъ *ученый*, и въ добавокъ также *профессоръ*, неминуемо бы подвергся упреку, что перевелъ свои мысли съ Русскаго! *Изд.*

величія. Такова была школа Каррачей, явившаяся въ Италіи послѣ изобильнаго множества великихъ школъ; эпоха ея не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ искусной опдѣлки.

Не такова школа Мюнхенская; она не есть премница двухъ или трехъ великихъ Германскихъ школъ, напрошивъ явилась послѣ долговременнаго мрака. У ней подъ руками нѣтъ многихъ манеръ и многихъ стилей, кои только оставалось бы ей привести подъ одинъ общій стиль, какъ сдѣлали Каррачи; она должна была домогаться другаго достоинства, кромѣ достоинства хорошей опдѣлки. И посему — по занялась она изученіемъ древнихъ — древнихъ всѣхъ безъ исключенія — отыскивая первоначальные источники вдохновенія каждой школы. Школа Мюнхенская явилась, какъ у Грековъ въ литературѣ Александрійская школа, послѣ длинной, истощенной, почти изгладившейся изъ памяти людей эпохи. Эпоха Дюреровъ, Гольбейновъ, Кранаковъ, Гемлинговъ, Бургмайеровъ, — въ шестнадцатомъ вѣкѣ, также спара и опдаленна для нынѣшней Германіи, какъ была эпоха Эсхила и Софокла для Грековъ Александрійскихъ. И такъ школа Мюнхенская пышается возродить живопись, какъ школа Александрійская пыталась возродить литературу. Съ обѣихъ сторонъ поже вниманіе и благоговѣніе къ древности; Мюнхенъ богопворишь средніе вѣка, какъ Александрія богопворила древнюю Греческую мифологію. Съ обѣихъ сторонъ, по видимому, поже недовѣрчивость къ своимъ силамъ, поже сознаніе недоспапка въ истинной оригинальности, и, дабы замѣнить сей недоспапокъ, одинаковое

спремленіе подражать древнимъ. Мюнхенъ, въ искусстввахъ, Александрія въ липературъ; какъ будто спаряются нереспорить другъ друга, кпо скорѣе соспартися, оба имья нѣкотораго рода суевѣрное предубѣжденіе къ симъ древнимъ невозвратимымъ временамъ, когда вѣра была такъ чиспа, энпузіазмъ не имѣлъ ничего преднамѣреннаго.

Но это еще не все: какъ ни сильно въ Мюнхенѣ поклонеіе среднимъ вѣкамъ Германіи, а въ Александріи поклонеіе героическимъ временамъ Греціи, но явясъ въ шакія эпохи: когда все сообщается и сдѣпливается между собою, Мюнхенъ запечапльнъ геніемъ Ипадіи, такъ какъ Александрія опблескомъ генія Воспока. Воспочный духъ дышетъ въ поэзіи Александрійцевъ, также какъ Ипадіянскій духъ ппнадцатаго вѣка дышетъ въ школь Мюнхенской. Лежа при подошвѣ Тирольскихъ Альпъ, Мюнхенская школа имѣетъ кажесся два подюса: средіе вѣка Германіи и ппнадцатый вѣкъ Ипадіи, Ниренбергъ и Флоренцію; она увлекаесся по туда, по сюда, и ищетъ соединить въ себѣ ихъ пропвивуположныя вліянія.

Есть еще одна черпа Мюнхенской школы, которую было бы непроспичельно пропусити: я чиналъ не задолго предъ симъ въ прекрасномъ *письмѣ о Ватиканѣ* нашего ученаго и оспроумнаго сопрудника Г. Делеклюза, чпо все великія школы живописи и скульпшуры всегда бывающъ современны какой-либо школь философической. Мюнхенская школа также имѣетъ свою современную философическую школу, именію мистическую школу Герреса и Бадера. Герресъ и Бадеръ, мужи весьма ученые и одаренные жи-

вымъ воображеніемъ, предприняли обновить каполицизмъ. Каполицизмъ Г. Ла-Менне имѣетъ въ себѣ нѣчто жесткое, опвращающее; это сисѣма, зиждущаяся на крупомъ упесѣ непреложности, Каполицизмъ Герреса и Бадера болѣе обширенъ и уступчивъ; относительно практики, онъ держится строгаго обрядовъ церковныхъ; но, относительно идеи, вводитъ въ каполицизмъ, при помощи символовъ и аллегорій, особенно же философическихъ исполкованій, множество такихъ вещей, коихъ Григорій VII и Боссюэпъ никогда въ немъ не подозревали.

Каковъ бы ни былъ сей каполическій миспцизмъ, за подробное изслѣдованіе коего не берусь здѣсь, онъ производитъ въ умахъ религіозное и философическое броженіе, много содѣйствующее успѣхамъ изящныхъ искусствъ. Искусства не имѣютъ надобности въ содѣйствіи почной, определенной философіи. Платоническая философія, которая произвела въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ Италіи Школу Флорентинскую, была матерью Пренія о С. Причастіи и Аѳинской Школы, совсѣмъ не имѣла методической правильной сисѣмы. Живописцамъ мало до него нужды; они брали изъ философіи, шакъ сказать, ея благоуханіе и ароматы, не безпокоясь ономъ, имѣетъ ли она правильные, формальные выводы. И въ семъ отношеніи миспцизмъ Герреса и Бадера, кажется для меня прекраснымъ союзникомъ Мюнхенской школы. Это философія, изъ коей изпекаетъ болѣе идей, нежели выводовъ; она болѣе прогаепъ, чѣмъ убѣждаетъ. Идеи ея болѣе въ газообразномъ, чѣмъ въ швер-

домъ соспояннї; и попому имвюпть въ себѣ что-то упоишельное для арписповъ.

Наиболѣе удивляеть Мюнхенская школа, особенно приѣзжающихъ изъ Парижа, тѣмъ, что обрабатывая предметы религіозныя, дѣйствуеть весьма еспественно, непринужденно. Французскіе арписпы, обрабатывая религіозныя сюжеты, дѣйствують слишкомъ принужденно; у нихъ въ подобныхъ карпинахъ всегда бываетъ что-то заимствованное, выученное, свидѣтельствующее, что трудъ ихъ не есть плодъ искренняго вдохновенія. Въ Мюнхенѣ напротивъ, въ религіозныхъ сюжетахъ, вдохновеніе свободно, смѣло, еспественно; нѣтъ ничего насильственного. Это расположеніе арписповъ есть, нѣкоторымъ образомъ, плодъ вліянія католическаго миспцизма; но болѣе зависить отъ религіознаго духа, владычествующаго вообще въ Германіи, и отъ особенной набожности Баварскихъ католиковъ. Въ шридцатилѣтнюю войну Баварія защищала католицизмъ съ особенною горячностію; преданія о сей ревности сохранились еще. Всѣ живописцы добрыя христіане; публика, предъ глазами коей находятся ихъ произведенія, соспоитъ также изъ усердныхъ христіанъ. Въ такомъ расположеніи умовъ вдохновеніе религіозное весьма еспественно; нѣтъ предубѣжденій, нѣтъ ложнаго спыда; арписпъ увѣренъ и въ себѣ и въ публикѣ.

Серьозное ученіе, которое привело къ творческому эклекцизму, общая набожность, народъ, одушевленный католическимъ миспцизмомъ: вотъ причины производшія Мюнхенскую школу, которая нѣкогда займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи искусствъ.

VII.

АГРОНОМИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

То, что въ Россіи можеть быть только слѣдствіемъ временнаго спеченія неблагопріятныхъ об-сипояпельствъ, недоспапокъ хлѣба, въ Англїи соспа-вляеть предметъ непрерывныхъ безпокойствъ и за-боствъ какъ правительства, такъ и частныхъ людей. Посему - по Англійскіе экономя преимуцественно занимаються изобрѣненіемъ средствъ увеличить ко-личество урожая пшпательныхъ растений всякаго рода; и вошь нѣкопорые любопытные резульшпаны шрудовъ ихъ.

Сиръ Р. Портеръ, Консулъ Его Брипанскаго Ве-личества въ Караккастъ, прислалъ Лондонскому Об-ществу Земледѣлія нѣсколько обращиковъ хлѣба *Vi-ctoria*, копорый съ удивительнымъ плодородіемъ со-единяеть необыкновенную скорость возраспанія. Онъ можеть менѣ чѣмъ въ семь мѣсяцовъ (отъ 15 Фе-враля до 1 Августа) давать двѣ жашвы, и всякой разъ болѣ чѣмъ вшрое, прошивъ самаго изобильнаго урожая въ Англїи и Франціи.

Г. Крослей, инженеръ при каналѣ Маклесфильд-скомъ, доставилъ помуже Обществу свѣденія объ удивительномъ урожаѣ луковиць, по изобрѣщенной имъ методѣ. Онъ предспавилъ два опыта, изъ ко-порыхъ въ первомъ 2 унца сѣмянъ дали 5,496 ун-цевъ зернами, а во второмъ 12 унцовъ дали 8,000 ливровъ.

Наконецъ , Г. Джонъ Дьюсонъ (John Dewson) читалъ въ помѣ же Обществу большую записку о средспвахъ съ одного и погоже поля собирать два посѣва картофля, въ продолженіе полугода , отъ Декабря до Іюля.

Сколько неисчислимыхъ богатствъ находится въ природѣ! Человѣку спойтишь только опыскашь ихъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чпобы по оппечатапіи предспавлены были въ Ценсурный Комисителъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 30 дня, 1833.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ.*

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ПСИХИЧЕСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СЛОВА.

Въ области міра физическаго господствуютъ двѣ основныя силы, условливающія дѣйствительное бытіе его: сила средоспремительная и сила средобѣжная. Первая являющаяся тяжестію, послѣдняя свѣжомъ. Изъ взаимнаго ограниченія сихъ двухъ основныхъ силъ образуется претѣй дѣяпелъ общемировой жизни — вещество, которое есть не иное что, какъ свѣтъ, поглощенный тяжестію. Идея прединспва силъ, обосновывающихъ бытіе міра физическаго, отражается и въ мірѣ человѣчества. Средоспремительное направленіе выражается въ мышленіи, коего главный моментъ состоитъ въ томъ; что человекъ сводитъ видимую при-

роду въ обласпъ своего духа, многоразличныя лучи безпредѣльнаго свѣта идеи внѣшняго, объективно-реальнаго бытія сливаются, сосредоточиваются въ своемъ сознаніи, которое поему есть почка соединенія двухъ противоположныхъ міровъ — подлежательнаго и подлежательнаго. Средобѣжное направленіе открывается въ словѣ, посредствомъ коего человекъ изливаетъ неисчислимое богатство своей внутренней жизни въ обласпъ пространства и времени въ звукахъ членораздѣльныхъ, спротивныхъ, гармоническихъ. Здѣсь человекъ, желая осуществитъ мысли и чувствованія свои въ вещественныхъ недѣлимыхъ образахъ, какъ бы исходитъ во внѣшность изъ внутреннего святилища своего духа, дѣйствуетъ отъ центра на многоразличныя почки окружности міра видимаго. Тамъ внѣшній, вещественный міръ, всходя различными путями нервнаго организма въ свѣтлую обласпъ сознанія, какъ бы одухотворяется; здѣсь внутренний, идеальный міръ духа посредствомъ слова развиваясь въ формахъ пространства и времени, какъ бы оформляется. Тамъ множественность и разнообразіе запечатлѣвается характеромъ единства и плоти; здѣсь единство и плоть различается и оразнообразивается. Тамъ человекъ, какъ Пигмаліонъ, въ пламенныхъ объятіяхъ своего духа сжимаетъ хладный мраморъ

природы; и мертвыя ея массы, погасшія свѣтъ пворческихъ идей, мгновенно превращающіяся въ живые организмы; здѣсь, какъ Прометей, похищаешь числѣйшій огонь съ жерпвенника своего духа и низводишь оный въ сферу мертвой, земной сущеспвенности, высшую, мысленную жизнь свою оковываешь формами вещества. Изъ гармоническаго сліянія мысли и членораздѣльнаго звука, какъ двухъ основныхъ стихій, слагается полный, само-спояпелный организмъ языка человѣческаго, копорый посему въ одно и позже время, подобно двудольному распенію, развиваешь въ мірѣ умспвенномъ и чувспвенномъ подѣ вліяніемъ двухъ различныхъ солнцевъ. Членораздѣльные звуки или слова къ мысли, ими выражаемой, относящіяся почно также, какъ образъ къ первообразу, сказуемое къ подлежащему, явленіе къ субстанціи, знакъ къ означаемому. Мысль съ словомъ неразрывными, спайнсвенными соединена нипями; ибо мысль еспъ не иное что, какъ внутреннѣйшее слово духа, зачинающееся въ сокровенныхъ глубинахъ его, а слово еспъ только очувспвление, овремененіе вѣчной мысли, или лучше, спаже самая мысль, только воплощенная въ членовные звуки, низведенная изъ обласпи міра умспвеннаго въ облеспъ міра вещеспвеннаго, осуществленная въ формѣ недѣлимости. Такимъ образомъ человекъ

созида въ работной хранинѣ своего духа мысль и изрекая и какъ бы созида ея въ словѣ, въ одно и тоже время приводишь въ сопряженіе двѣ основныя, разнородныя стихіи бытія конечнаго; духовную — мышленіе и вещеспвенную — воздухъ. Но какимъ образомъ психически родилось и развилось челоѣческое слово; копорое, соединяя въ себѣ обѣ формы бытія конечнаго: пространство и время, еспь представитель двухъ различныхъ міровъ — видимаго и невидимаго — природы и духа? Вопросъ, пребующій въ наспоющемъ случаѣ разрѣшенія.

Духовный организмъ нашъ держишь на единомъ внутреннемъ корнѣ, на единомъ средопочномъ началѣ субстанціи, копорая еспь проявленіе единой творческой идеи безконечнаго ума въ формахъ пространства и времени. Первоначальный моментъ развитія сей субстанціи соспавляетъ внутреннее ощущение, возникающее опъ прираженія внешнего, стихійнаго міра къ общему чувству, разліянному по всей нервной системѣ, какъ органу подлежащельныхъ ощущений. При руководствѣ сего ощущения челоѣкъ замѣчаетъ бытіе своего я, но бытіе еще не окачеспвленное положительнымъ и определеннымъ образомъ. Эпо только чистая идея безконечнаго и творческаго ума, испедішая изъ области подлежащельности въ сферу предме-

жапельности, осуществившаяся въ недѣлимой формѣ, но еще не имѣющая пѣхъ частныхъ черпъ, какія она оппечашлѣваетъ на себѣ проходя различные періоды развитія во времени. Это только чиспый духовный свѣпъ, ниспадшій изъ міра горяго, божешвеннаго въ міръ дольний, но еще не сосредоточившійся въ опредѣленные органы. На сей первой ступени развитія духовнаго быпья челоѣка, основные элементы, изъ коихъ онъ впоследствии созидаетъ свой собственный міръ, протспирающійся за границы міра чувшвеннаго, находяпся въ вліянномъ, безразличномъ соспояніи, многоразличныя шкани духовнаго его организма еще не опдѣляются одна опъ другой. Челоѣкъ въ первые моменты развитія своей внутренней жизни почти незнакомъ и съ природою видимою — оппочною всѣхъ чувшвенныхъ недѣлимыхъ формъ, въ которыя долженъ воплощать всѣ мысли и чувшвованія свои. Даже міръ подлежапельный и міръ подлежапельный—два совершенно противоположные полюса шайншвеннаго опкровенія шворческихъ Божескихъ идей въ формахъ шпространшва и времени, въ глазахъ его сливаются въ одинъ нераздѣльный актъ быпья, многоразличными свѣплыми пропюками изливающегося изъ единаго высочайшаго, опрѣшеннаго первоначала. Словомъ, внутренняя духовная жизнь челоѣка, первоначально

опразившаяся въ ощущеніи и въ нёмъ, какъ въ фокусъ, сосредоточившаяся, еще не исходитъ изъ нѣдръ своего поржества и единства во внѣшнюю сферу множественнаго и разнообразнаго. Но такой внутренній сонъ чловѣка, такое безоптческое самопогруженіе не есть всегдашнее его достояніе. Всякое бытіе конечное, какъ опраженіе творческихъ идей въ предѣлахъ пространства и времени, знаменующее какъ бы разобщеніе безконечнаго ума съ самимъ собою; исхожденіе его изъ области вѣчнаго поржества и единства въ множественность и разнообразіе, есть синтезъ противоположностей: оно непрерывно колеблется, такъ сказать, между двумя полюсами: центромъ и окружностью, внутреннимъ поржествомъ и внѣшнею разновидною являемостью, самостоятельностью и зависимостью. Сей существенный характеръ полярной противоположности, оппечашлѣвающийся на всѣхъ видоизмѣненіяхъ бытія конечнаго, движущагося въ безпредѣльной міровой сферѣ по линіямъ пространства и времени, необходимо долженъ выражаться и въ развитіи самопознавательной сущности чловѣчества; почему внутреннее иожество, въ лонѣ коего первоначально почиетъ духовное бытіе его, опражаясь въ области дѣйствительнаго, какъ бы разъединяется, раздробляется на множество, жизнь его исходитъ изъ своего центра въ

окружность — въ области пространственности и временности и — здѣсь распоргнувъ связующія ея узы, начинается развиваться въ многообразныхъ явленіяхъ, которыя по служажь предпавишелями свободной, гармонической игры мысленныхъ силъ, по несятъ на себѣ оппечатокъ тяжкой, упомишельной работы. Опсебѣ происходитъ по, что чистѣйшій, самъ въ себѣ безкачественный свѣтъ шворческихъ идей, опобразившись въ самопознапельномъ духѣ нашемъ, начинается поспепенно оборганизовываться, основные элементы духовнаго бытія, находившіеся первоначально въ вліяніи, опдѣляясь одинъ опъ другаго, обособливаясь. Здѣсь-по собспвенно во внупреннемъ мірѣ духа нашего занимается зяръ полного очеловѣченія и начинающа въ немъ два великіе процесса мысленнаго бытія: *знанія* и *хотѣнія*. Первымъ знаменуется впорженіе внѣшняго міра въ область самосвѣдящаго духа нашего, пресуществленіе предлежапельно-реальнаго бытія въ мысли, возведеніе ихъ къ средопочной идеѣ обобщенія, насажденной въ умѣ шворческою, всехудожною рукою. Безконечнаго, и наконецъ опраженіе ихъ въ сознаніи, гдѣ и превращающа въ собспвенныя спихи внупренней нашей жизни, словомъ, идеальное возсозданіе природы во свѣтѣ высочайшаго первообраза. Въ шакихъ почно чер-

пахъ представляеть идеаль познанія мысленному взору нашему воскресній Платонъ-Якобій въ одномъ письмѣ своемъ къ Фихше. Онъ говоритъ: » Ежели существо должно содѣлаться предметомъ вполне нами постигнуемымъ, то надлежитъ его предлежаельно, какъ нѣчто самоспоясельное, упразднить въ мысли, уничтожитъ, дабы содѣлать его совершенно подлежаельнымъ, собственнымъ нашимъ твореніемъ, одною схемою. Посему духъ человѣческій, продолжаетъ онъ, дабы могъ проникнуть въ царство существа и овладѣть онымъ мыслию, долженъ содѣлаться творцемъ міра и своимъ собственнымъ творцемъ. « Впорый (процессъ) значаель исхожденіе человѣка изъ внутренняго міра своего во внѣшній; порывъ мыслящаго духа облечь созданныя идеи свои формами пространства и времени, осуществивъ актъ познания въ опытъ и какъ бы осуществивъ оный. Тамъ мыслящій духъ спремится сомкнуться въ одинъ недѣлимый центръ, здѣсь развитья въ безпредѣльную сферу; шамъ природа какъ бы сливается и опождествляется съ мыслию, здѣсь мысль распакается по безконечному проптяженію природы. Тамъ человѣкъ свѣвая вещественный покровъ съ творческихъ Божескихъ идей, осуществившихся въ формахъ пространства и времени, исполковывая шайнспвенный смыслъ ихъ и, шакъ ска-

запѣ, обнажая самую грудь природы, въ лонѣ
коей сокрыта неисчерпаемая полнота жизни,
является самопознавательнымъ предсавишемъ
природы, горнимъ орломъ, на огненныхъ кры-
лахъ своего духа преносащимъ ее въ чистѣй-
шую атмосферу Безконечнаго и Вѣчнаго: здѣсь
человѣкъ порываясь разоблачить тайнства вну-
преннаго міра своего въ природѣ, изрѣчь сама-
го себя внѣшно и какъ бы на время низойти
изъ родной области своего духа въ сферу міра
чувственнаго, дабы здѣсь, сокрывшись подъ
прозрачною завѣсою вещественности, удобнѣе
осіявать лучами внутренняго свѣта окружа-
ющіе его предметы, является самопознатель-
нымъ предсавишелемъ внутренней, идеальной
жизни своей. Такимъ образомъ духъ нашъ, позна-
ющій и хочащій, живущій во внутреннемъ, не-
зримомъ мірѣ идей и въ тоже время спремящійся
извѣсть оный изъ себя самага и облечь формами
дѣйствительнаго бытія, парящій въ горнюю
спрану Безконечнаго и въ тоже время низле-
тающій и погружающійся въ стихію конечна-
го, шествуетъ къ достиженію своихъ высо-
чайшихъ цѣлей двумя различными путями:
возвратнымъ и *поступательнымъ*. Ошселъ про-
исходитъ по, что внутренняя область духа
нашего, отражающая на себѣ идею единства
и гармоніи, какъ бы раздѣляется на два пропиво-
положные полюса, и здѣсь-по возникаетъ борь-

ба челоуѣка съ самимъ собою и какъ бы нѣкая шпѣжа ограниченнаго духа его съ безпредѣльнымъ шворческимъ духомъ природы, обнаруживающаяся въ многоразличныхъ явленіяхъ, которыя повидимому не связуюцца первоначально никакою органическою цѣпію, не подчиняюцца никакимъ всеобщимъ законамъ. Чувствєнныя предспавленія, какъ гѣспи изъ міра видимаго, различными пушями шѣлеснаго организма приходящъ въ храмину духа нашего и уходящъ, не оставляя послѣ себя по видимому никакихъ слѣдовъ; идеи, эпопъ чиспѣйшій Божеспвенный свѣпъ изливаясь изъ міра ума чрезъ сознание, какъ чрезъ главный посредспвующій органъ, въ сферу разума и здѣсь раздробляясь на многоразличные лучи, шощчасъ возвращаюцца въ свою родную опчизну; оцущенія, какъ непосредспвенные свидѣтели минутнаго пребыванія въ обласпи нашего духа различныхъ пришельцевъ изъ двухъ различныхъ міровъ, не преспанно смѣняюцца новыми оцущеніями. Эпо хаосъ, въ коемъ погребены разнородныя спихіи внуспренняго мыслєннаго міра нашего, долженспвующія нѣкогда развишья и оборганизовашья. Здѣсь челоуѣкъ предспавляешья не болѣе, какъ игрою разнѣобразныхъ волнъ внуспренней своей жизни. Сиспєма духовныхъ силъ его, подобно разнороднымъ кольцамъ элекпрической цѣпи, не преспанно шолько сопрѣсаешья

опъ рѣзличныхъ ударовъ природы внѣшней, и не болѣе самое его я, долженъ спвующее бытъ центромъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ явленія, подлежательнаго и подлежательнаго бытія, еще не имѣетъ для себя швердой опоры, но, подобно маяшнику, колеблется между сими двумя пропивоположными обласями міроваго бытія. Но такое соспояніе дѣятельности духовныхъ силъ челоѣка, похожее болѣе на бессо- знательнаю механическую работу вещеспвенной природы, не есть всегдашній удѣлъ его. Каждая внутренняя сила его, какъ въшвъ духовнаго его организма, въ коемъ таишся искра Безконечнаго, можетъ развиваться въ безконечность не зависимо опъ вліянія физическаго механизма, шягошѣющаго надъ міромъ видимымъ; но въ тоже время она должна имѣть свою собственную сферу, свои собственные границы, копорыя бы не сливались границами прочихъ силъ, такъ чшобы каждое явленіе ея, какъ внѣшнее опкровеніе, разобличеніе внутренней нераздѣльной ея сущности, носило на себѣ свою индивидуальную физиономію, по копорой бы оно опличалось опъ всѣхъ явленій прочихъ силъ; словомъ, челоѣкъ долженъ бытъ самопознавательнымъ представителемъ двухъ различныхъ міровъ — видимаго и невидимаго и гармоническаго ихъ соединенія въ идеѣ Безконечнаго, какъ въ общемъ средопочномъ началѣ. Въ

пропивномъ случаѣ неиспоцимыя богатства, сокрытыя въ нѣдрахъ духовной природы его, вдругъ, шакъ сказапъ, пропоргшись во внѣшность—въ область пространства и времени, или разсѣюпша до безконечности, или превращаясь въ неспройную, безобразную массу. Но по и другое никакъ не можетъ быть изъяснено изъ основныхъ началъ духовнаго быпшя челоѣка. Мыслящій духъ его, какъ самосознапельный органъ пворческой идеи Безконечнаго Перво-Ума, излѣвшійся изъ сего вѣчнаго начала въ сосудъ пространства и времени, имѣетъ какъ свой опредѣленный центръ, шакъ и свою опредѣленную сферу. Посему челоѣкъ изъ хаоса борющихся въ немъ разнообразныхъ стихій—предспавлений и ощущеній, приходящихъ къ нему двумя пропивоположными пушями изъ двухъ различныхъ областей—чувспвенной и превышечувспвенной, образуя ряды новыхъ явлений, приводя ихъ въ различные соотношенія, въ шожее время ищепъ во глубинѣ сознания опредѣленнаго знака, копорымъ запечапльваетъ каждое изъ сихъ явлений, даетъ ему характеръ самоспояпельности, разобцаетъ оное со всѣми прочими видоизмѣненіями внутренней своей жизни и шакимъ образомъ изъ всѣхъ мыслей и чувспвопаний своихъ спспапляетъ шакую органическую цѣпь, въ копорой каждое звѣно пѣсно соединено со всѣми прочими и вмѣстѣ оппично

опть нихъ. Здѣсь мрачная эпоха неограниченной дѣяпельности двухъ основныхъ силъ духовнаго бытія человѣческаго: силы познанія, спремящейся весь внѣшній міръ вовлечь въ себя и сосредоточить въ одну недѣлимую почку, и силы хотѣнія, порывающей весь внутренній міръ излишь во внѣшность, совершенно оканчивается: онѣ начинаютъ приходиться въ гармоническое равновѣсіе и взаимно ограничиваться. И сей первый моментъ сполкновения и взаимнаго ограниченія двухъ противоположныхъ коренныхъ силъ челоѣка и полагаешь во внутреннемъ духа его первый зародышь слова, долженствующій въ послѣдствіи развиться въ многоѣшвисное древо. Такимъ образомъ слово представляется намъ ограничителемъ двухъ противоположныхъ основныхъ силъ духа челоѣческаго: силы познанія и силы хотѣнія. И дѣйствительно такъ. Существенный характеръ силы познанія (какъ мы выше сказали) состоитъ въ томъ, чпобы всѣ явленія, происходящія въ двухъ главныхъ сферахъ бытія: подлежащельной, и предлежащельной, разрѣшались въ понятія и сосредоточивались ихъ въ сознаниі; опличительный же признакъ силы хотѣнія есть тошь, чшо она спремилась внутренній міръ нашъ развить и какъ бы возсоздать въ проспранствѣ и времени, идеи ума оковать формами недѣлимаго бытія, духовную жизнь нашу излишь во

внѣшность. Представимъ умственному взгляду нашему сіи двѣ противоположныя силы духа человѣческаго внѣ всякихъ предѣловъ, дѣйствующими свободно въ безконечной области реального бытія, развивающагося подъ формою двойственности: подлежательности и подлежательности, какіе опъ сего получимъ для себя результаты. Сила познанія, какъ сила, спрямляющаяся внутри духа человѣческаго, притягивающая къ средоточію, будетъ спрямляться всѣ явленія, происходящія на сценѣ бытія, совокупить въ себѣ, подлежательный и подлежательный міры, сливъ въ сознаніи въ одно нераздѣльное единство и какъ бы опождеворить ихъ. Опсель произойдетъ то, что многоразличныя явленія — представили двухъ противоположныхъ областей бытія: подлежательной и подлежательной, непрестанно вторгаясь въ сферу силы познанія, своимъ безконечнымъ множествомъ совершенно подавятъ ее, такъ что она силась обнять все, ничего не обниметъ, подобно зеркалу, которое отражаетъ всѣ лучи солнечнаго свѣта, но ни одного не удерживаетъ. Слѣдовательно для силы познанія, предоставленной себѣ самой, дѣйствующей свободно, независимо опъ всякаго вліянія другихъ силъ, участію будетъ умственное ничтожество. Таже участь предстоитъ и для силы хотѣнія, дѣйствующей свободно,

не связываемой никакими внѣшними условіями. Она, какъ сила, исходящая изъ духа человѣческаго во внѣшность, спремящаяся къ окружности, будетъ спремишься всю внутреннюю природу нашу разоблачишь до нага въ области пространства и времени, всѣ сокровища духовной жизни нашей изнесешь на лонно міра внѣшняго, чувственнаго. Здѣсь духъ человѣческій, по существу своему долженъ быть чистѣйшею, метафизическою реальностію, поелику есть живыи оплѣтъ творческихъ идей Безконечнаго, представляется царствомъ однихъ мерныхъ формъ, никакою реальною матеріею не наполненныхъ. Но изъ нѣдра сего ничтожества поплчасъ произникаетъ жизнь, подобно фениксу изъ пепла, когда сила познанія и сила хотѣнія, какъ двѣ противоположныя границы внутреннего міра нашего, совпадаютъ между собою и гармонически соединяются въ словѣ. И во первыхъ въ словѣ ограничивается дѣятельность силы познанія; ибо каждая мысль, какъ результатъ гармоническаго соединенія и какъ бы нѣкоего взаимнаго сопряженія двухъ различныхъ міровъ — подлежательнаго и подлежательно-реального, какъ возведеніе дѣятельной природы въ область идей, по естественному спремению силы познанія все въ себѣ сосредоточиваетъ, объединяетъ, не сливается уже въ одну нераздѣльную

почку съ прочими мыслями, но получаешь характеръ самопоспояштельности, по кошорому опличаешься опъ всѣхъ прочихъ мыслей, въ одномъ ряду съ нею находящихся, облакаешься въ свою индивидуальную форму, по кошорой она естъ по, чпо естъ и инымъ чѣмъ либо бышь не можетъ, вспупаетъ въ свои собспвенныя границы и имѣетъ свою собспвенную сферу. Такимъ образомъ каждая мысль здѣсь образуешь собою какъ бы нѣкій свой малый міръ, въ кошоромъ опсвѣчиваетъ идея внѣшняго, реального міра—первообраза ея, соспавляетъ свое самоспояштельное цѣлое и слѣдовашельно естъ опдѣльный членъ въ безпредѣльномъ организмѣ науки вообще, самоспояштельное звѣно въ безконечной цѣпи шворческихъ созданій духа человѣческаго. Такою форму своеобразнаго бышя мысль получаешь опъ слова; ибо слово въ психическомъ значеніи естъ не иное чпо, какъ указашель, предспавишель недѣлимыхъ мысленныхъ бышя въ обласпи духа нашего, ясное зеркало, въ коемъ раздѣльно опражающся разнообразныя мысли, кошорыя если по себѣ сущъ шолько различныя моменпы развитія одного и шогоже безпредѣльнаго процесса познаванія, шочно шакже, какъ слово внѣшнее, (въ вещеспвенномъ значеніи), образованное изъ членовныхъ звуковъ, естъ чувеспвенное, осязаемое опкровеніе незримаго міра идей, призма, въ коей раздѣльно можемъ

видѣшь каждый отражающійся лучъ безпредѣльнаго свѣта мысли и уловляешь оный; вещественная оболочка, въ копорой ясно представляется намъ безплѣснѣй духъ со всѣми чистѣйшими спихіями внушенной своей жизни. Здѣсь познающій духъ нашъ является намъ домовладыкою, сѣдящимъ посреди царственной храмины своей, коей одни окна обращены къ міру конечному, чувственному, а другіе къ міру безконечному, сверхчувственному и невидимую рукою вписывающимъ въ книгу слова различныя представленія о шайнахъ бышя сихъ двухъ міровъ и дружескаго ихъ взаимодействія, непрестанно доставляемыя ему различными слугами, дабы такимъ образомъ приготовить достаточный запасъ для умственного попомства своего. Во впорыхъ, въ словъ ограничивается дѣятельность силы хотѣнія; ибо не всѣ мысли изводящяся изъ міра умственного въ чувственный, не вся область идей разоблачается вдругъ до самыхъ тончайшихъ, сокровенныхъ нитей, не вся внутренняя организація мыслящаго духа нашего обнажается въ пространствѣ и времени, какъ это должно бы бытъ по существенному стремленію силы хотѣнія все изводить изъ себя во внешность, но лишь только мысли переносящяся въ сферу чувствъ и воплощающяся въ недѣлимыя формы, копорыя въ словъ, какъ горниль, очистились

опъ всякой поспоронней примѣси и получили возможно совершенный видъ. Съ сей почки зрѣнія слово являеяся удержателемъ силы копѣнїе: оно оковываетъ паренїе ея въ безпредѣльность. Въ паинспвенномъ свящилищѣ челоуѣческаго духа въ семъ ошноенїи всегда соспавляеяся совѣпъ о номъ, какъ воссопворипъ внупреннїй, идеальный мїръ въ проспранспвѣ и времени и въ какую форму реального бытїя облечъ его? Такимъ образомъ челоуѣческїй духъ, раскрываясь внупренно въ словъ, являеяся шворческимъ началомъ, изъ хаопического броженїя разнородныхъ своихъ спихїй воззывающихъ жизнь, или лучше, самое слово, въ комъ опражаеяся вся неизмѣримая обласпъ идей, желанїй и оощуценїй, еспъ предспавишель безконечнаго Божеспвеннаго Творчеспва, пакъ какъ и самый физическїй мїръ, перешедшїй изъ неспройнаго, беспорядочнаго соспоянїя въ спройное и получившїй опредѣленную форму бытїя, еспъ не иное чпо, какъ слово, изрѣченное успами Безконечнаго Духа Божїя, вѣчная Его мысль, оощеспвившаяся въ сферѣ проспранспва и времени.

И пакъ челоуѣческое слово въ психическомъ происхожденїи своемъ еспъ взаимное ограниченїе двухъ пропивоположныхъ основныхъ силъ духа челоуѣческаго: силы познанїя и силы хо-

пѣнія, гармоническое сліяніе двухъ различныхъ міровъ: безконечнаго и конечнаго.

II.

РѢИЗЪ ГЮЗЕЛЬ - МАМБЕТЪ.

ПОВѢСТЪ.

(окончаніе.)

XII.

Обратимся къ Гюзель - Мамбету.

Долго, въ глубокой задумчивости, сидѣлъ онъ на палубѣ и никакъ не могъ образумиться. Глаза его, какъ и мысли, безъ всякаго вниманія бродили по окружавшимъ его предметамъ, не оспанавливаясь ни на одномъ изъ нихъ. . . Голова его кружилась, будучи не въ состояніи вмѣстить и разпредѣлить всѣхъ впечатлѣній, ее обуревавшихъ; а сердце его было наполнено воспоминаніями и надеждами любви. . .

» Чудеса! « говорилъ онъ про себя; » чудеса неслыханныя! . . Къ чему все это клонилось? . . Ужъ не дурачашь ли меня? . . Не ужели это все мое, мое—безъ изъятія? . . » Гмъ! посмотришь. . . Ей, Оланъ! « . .

— » Что прикажетъ именишій Ага? « опозвался одинъ изъ споявшихъ возлѣ его мастро-

совъ , приложивъ ко лбу руку , въ знакъ глубо-
чайшаго почшенія.

» Давно ли вы поспутили на эту чикперме? «

— Сего дня , упромъ . . .

» Кто нанималъ васъ? «

— Телалъ Мустафа! . . .

» Какъ плаша? «

— Десять червонцевъ спаршимъ.

» Гмъ! это не шушка! . . . А сколько и какой
у насъ грузъ? « громко сказалъ Гюзель - Мам-
бешъ , всѣми силами спараясь скрышь свое
недоумѣніе.

— Табакъ, прубки и бумажныя издѣлія; все-
го , по меньшей мѣрѣ , на шесць сотъ червон-
цевъ.

» Такъ и должно бышь! « опривиспѣ ска-
залъ Гюзель - Мамбешъ и снова впалъ въ за-
думчивость.

— Не прикажешъ ли благородный Ага пруб-
ку Алепской а) бахчи и чашку леванска-
го кофе? — подобострастно спросилъ слу-
жипель.

» Гмъ! « подумалъ Реизъ и сдѣлалъ ушвер-
дипельный знакъ.

Не успѣлъ онъ еще порядкомъ оправившись

а) *Алепская бахча*, самый лучшій табакъ, почти никогда
не вывозимый въ Европу.

опть пышнаго предложенія служипеля, какъ великолѣпная для него процессія поразила его чувсхва. *Чубукки* (шрубочникъ), поднося одною рукою длинную, съ яншарнымъ мундшпукомъ, шрубку, другою держаль въ серебряныхъ щипцахъ (*мошанъ*), свѣшлый какъ раскаленное золото, уголь (*атешъ*); щцапельно обдувь оный, положиль на шрубку... Двое другихъ шакже молодыхъ, шакже нарядныхъ, служипелей, наливая гуспой кофе въ фарфоровыя чашечки, подносили ему на серебряныхъ, осыпанныхъ бирюзю, поддонникахъ...

подавляя свои ощущенія, свои воспорги, онъ важно приняль и шрубку и кофе, и шакъ ловко умѣль обойшися съ людьми своими, какъ будпо онъ родился и взросъ въ шакой роскоши. Мужеспвенная красота лица его, соопвѣшпствуя его надменной важности, много способствовала ко внушенію къ нему благоговѣнія въ машпросахъ...

Между шѣмъ въперъ свѣжелъ болѣе и болѣе; равнина водъ наморщивалась и кипѣла подъ грудью чикшерме, оспавлявшей далекій, крупившійся слѣдъ за кормою.

За часъ до захожденія солнца, начали показывашься изъ-за гаризонша, какъ легкіе свѣло-голубые мглисьше шашпы — Крымскія горы, возраспавшія и прояснявшіяся съ каждымъ

мгновениемъ. Сердце Гюзель - Мамбета сильно зашрепешало при видѣ родной Яйлы. . . Но онъ подавилъ сладоспныя ощущенія — и гордо поспапривалъ на свою опчизну. — » Жаль, » думалъ онъ, » чпо мой пущъ лежишь на воспокъ Крыма! . . Чпо — если бы я очутился съ эшимъ судномъ; съ эшими богапспвами передъ Аспрою: какъ бы меня спали шамъ принимаешь? Узналъ ли бы мой дѣдъ меня? . . » — Улубка самодовольспвія довершила его думы.

При самомъ захожденіи солнца, воспочная оконечность Крымскихъ горъ спала совершенно на виду помъ, чпо знакомый глазъ ясно могъ различашъ важнѣйшія вершины. . .

— Много здѣсь горъ высокихъ и упесиспыхъ, (спихо говорилъ своимъ шоварищамъ рулевой, указывая на горы); но ни одна не сравняешся съ *Орбашемъ!* . . »

При словѣ: *Орбашъ* — Гюзель-Мамбетъ невольно вздрогнулъ.

» А кошорый изъ нихъ *Орбашъ?* . . »

— Трешій опъ края! Первый — неприступный, упесиспый *Карадахъ*; впорой — почши сливающійся съ первымъ, оспроконечный, какъ шапка факира — *Пописъ-Тописи*; а шамъ, нѣсколько удаленнѣ опъ берега, какъ круглый шашеръ Падишаха, поднимается грозный, великолѣпный *Орбашъ*, увѣнчанный оспроконечною, высокою скалою. . .

» А эшо чшо синѣшъ между *Орбашемъ* и *Пописъ-Тописи?* . . »

— Эшо Огермышъ, вѣчно обвившій бѣлой чалмою тумановъ: эшо *хаджи* нашихъ горъ!

» Нашихъ? А шы развѣ Крымецъ? « . .

— Такъ, благородный Ага!

» Эшо очень ксшашъ! Ошкуда шы родомъ? «

— Изъ Кафы, благородный Ага!

» Очень хорошо! . . Далекъ ли ошъ Кафы до стараго Крыма? «

— Прямымъ путемъ не будетъ и чепырехъ часовъ!

» Знаешъ ли шы памъ *Сеита Чемби?* «

— Знаю очень хорошо: онъ мнѣ дядя!

Солнце закапилось, или лучше сказаць пошонуло въ пурпуровомъ огнѣ вечерней зари. Тусклый сумракъ поднимался ошъ воспока, горы подернулись туманомъ и предметы, сливаясь мало по малу, наконецъ совсѣмъ исчезли.

Докуривъ трубку, Гюзель-Мамбетъ пошелъ въ свою каюпу, отдавъ приказаніе рулевому держать въ Кафу. — Новое удивленіе привѣпствовало его въ каюпѣ; роскошь и нѣга восхипили и усладили его чувства, и заботливый покой принялъ на свое лоно сироту, внезапно усыновленнаго счастьемъ.

— » Славно бытъ удалымъ! « говорилъ онъ про себя, нѣжась на шелковомъ миндерѣ.

» Вошь чпо значипть попопипть скудное наслѣдіе Капудана Оешлы и пяшь Спамбульскихъ увальней! — Но чпо со мною будепть, если я, завшра въ Кафъ, повшорю мою прогулку на подводный камень? Вѣдь и памъ еспъ и пеламы и шеихи. . . Нѣпть! поперилю лучше до прихода въ Смирну и памъ, предъ глазами прекрасной Мелень, повшорю мою Требизондскую шупку! Да, непремѣнно пакъ сдѣлаю! . . Жаль шолько земляка! . . — Ей, Олакъ! (служипель входипть) позови рулеваго! «

Раболѣпно вошелъ въ каюшу рулевой и остановился у самага порога.

» Умѣешь ли шы плавапть? «

— Умѣю, благородный Ага!

» Хорошо! Сшупай, да смопри, во всю ночь держи какъ можно дальше опъ береговъ, чпобы. « . .

— Слушаю! сказалъ рулевой и выпшелъ.

» *Машъ-Алла!* онъ умѣепть плавапть! « думаль Гюзель-Мамбепть, и въ головѣ своей спроилъ безчисленные планы: какимъ бы образомъ славнѣе и выгоднѣе было ему погубипть свою чикперме и шѣмъ упрочипть свое благополучіе. Въ сихъ размышленіяхъ онъ заснулъ.

XIII.

Съ восходомъ солнца проснулся Гюзель-Мамбетъ. Служитель подалъ ему плаще — новое и богатое. . . Онъ молча одѣлся; опоясавшись завѣсною шканию и вопкнувъ за поясъ япанганъ, съ прубкою въ рукѣ, вышелъ на палубу.

Рабскія привѣшпвія посыпались на него со всѣхъ споронъ; легкое наклоненіе головы, обвѣшпой полосапой шалью, было единственнѣмъ опвѣпомъ. Въ глубокомъ размышленіи съль онъ на пригоповленную для него подушку и глаза его, шакъ сказашь, впилися въ великолѣпный видъ, опкрывавшейся изъ-за мыса Кафы. . .

Ксшапи, слѣдовало бы описашь героя нашей повѣспи; но шакъ какъ мы передаемъ разказъ, чуждый Европѣ просвѣщенной, разказъ воспочный — по и Европейскій образъ изложенія не совмѣспень съ нашею повѣспью; а пошому бросимъ шокмо легкій взглядъ на Гюзель-Мамбета. — Эшо былъ юноша двадцаши чешырехъ лѣшъ опъ роду, спройный и высокій; лицемъ былъ какъ лилія и дѣвспвенныя розы легкимъ румянцемъ разливались въ его ланипахъ; черные, какъ смоль, шщашельно завишые, усы, орлиный носъ, большіе, пламенные глаза и нѣжныя губы, обрисовывали

его образъ. Выраженіе буйной, неукротимой воли и безпредѣльной безопасности, ясно высказывали, каждому наблюдательному взору, его истинно Магомешанскій характеръ. Если ко всему этому прибавите богашую, пышную одежду Турецкихъ Капудановъ, разшишую золотыми и бѣлыми, какъ снѣгъ, серебряными галунами, и вы увидѣте Гюзель-Мамбеша, вполне оправдаваго *прилагательное*, данное ему матерью.

Успремивъ взоры на Кафу, онъ (по словамъ мосалджія) погрузилъ усна въ чашу наслажденія и пресыщался восхищительными видами древней владычицы Чернаго Моря.

Еще и пеперь Феодосія, какъ слабая пѣнь древней Кафы, приводитъ въ воспоргъ каждаго мореходца своимъ истинно-живописнымъ видомъ... Чшо же она была во дни ея величія, во дни Гюзель-Мамбеша?.. Вся гора (*Курбашъ*) до самой вершины, была загромождена зданіями, кои, далеко выходя за древнюю Генуезскую сѣтну, какъ гнѣздо ласточекъ, тѣсно и смѣло лѣпились на горѣ одни возлѣ другихъ. Роскошные сады, нынѣ одичалый куспарникъ, своею зеленью ярко оплѣнялися опъ бѣлизны домовъ. Куполы церквей и мечетей, спройные, безчисленные минареты, по разсѣянные, по живописно-слишые, древнія гопическія сѣтны и башни — красовались надъ городомъ... При-

бавыше ко всему этому: лѣсъ мачпъ, великолѣпныя фоншаны, роскошное смѣшеніе зданій Арабской и Гопической архипектуры, прибавыше ко всему этому сто тысячъ жилищей и разно-характерную толпу мореходцевъ цѣлаго свѣта, весело волнующуюся по набережной... и тогда вы соснавите слабое шокмо понятіе о древней Кафѣ—обширной и неумолкавшей, но умолкнувшей подъ сокрушительными громами Русскихъ пушекъ, погребшихъ въ разсыпанныхъ ея основаніяхъ и дѣятельный шорговый геній и древнюю знаменитость ея на Воспокѣ... Кафа опжила свой вѣкъ и распалась; и на развалинахъ ея спала нынѣ Θεодосія, какъ скудный памятникъ надъ прахомъ героя, заповѣдавшего свою славу грядущимъ поколѣніямъ.

Торжественно, между кораблями, проходилъ Гюзель-Мамбетъ къ берегу. Дружелюбныя привѣтствія ожидали его на берегу, какъ богашаго Турецкаго Капудана... Онъ не уронилъ себя: съ богашыми обошелся ласково, съ бѣдными надменно.

Первое его попеченіе было, опыскашь Сеипа - Челеби. Сопровождаемый рулевымъ, онъ безъ затрудненія опыскалъ его... За чашкою кофе и прубкою *самсона* слаженъ былъ шоргъ.

Требизондскіе повары перешли въ магазины Кафскаго базырьяна (купца), а въ замѣнъ оныхъ звонкіе червойцы Кафскіе а) переселились въ кожаный кошелекъ Телала Муспафы. Добрый Таракташскій б) конь съ полнымъ приборомъ купленъ и на другой день рано Гюзель - Мамбеть былъ уже на дорогѣ въ спарый Крымъ; а чинперме, снявшись, пошла въ Козскую долину.

XIV.

Можно ли упрекать Гюзель-Мамбета въ равнодушіи къ живописнымъ видамъ, открывающимся съ вершины *Курбама*? .. Одинокое путешествованіе въ спранѣ чуждой, незнакомой, гадательно—по рассказамъ—зная покмо дорогу, онъ на каждомъ шагу долженъ былъ осматриваться. Каждая пропинка приводила его въ крайнее затрудненіе; онъ не зналъ, что всѣ онѣ сходящія въ одной цѣли — въ *Султан - коль*, и по необходимости долженъ былъ опшрацать взоры опъ восхипипельнѣйшихъ карпинъ воспочной Тавриды! Не видовъ искалъ онъ, а спранниковъ, подобныхъ ему. Но при всемъ помъ, онъ заплапилъ должную дань удивленія, когда, миновавъ Лысую гору, спунилъ на вершину *Курбама*.

а) Кафа и при Туркахъ еще имѣла деньги своего клейма.

б) *Таракташъ* — Тапарская деревня возлѣ Судана.

Предъ нимъ вздымалась, или пакъ сказашь, возраждалась цѣпь разнообразныхъ горъ: по необъяпными, синевапными шапрами раскинутыхъ одна надъ другою; по пирамидально возносившихся къ облакамъ; мѣспами пологихъ, опущенныхъ лѣсомъ, мѣспами дикихъ, ушесиспыхъ, обнаженныхъ... Вправо, какъ первобыпная грань первобыпнаго моря, спояль, вѣнчаннѣй шуманами, исполниь Агермышь... Опъ подножїя его распилалась необозримая, ровная степь, явными уступами опускавшаяся къ Азовскому морю; безчисленныя селенїя и кудрявыя роци пополей облегалы горныя попоки, опважно прологавшіе извилыспыя пушы свои къ родному морю. Далѣ видъ двухъ, мушно сверкающихъ въ опдаленїи, морей а), покоющихся на лонѣ необъяпной степи... видъ *Опукъ - горы* б) одиноко чернѣющей къ воспоку; видъ восходящаго солнца надъ пылающимъ моремъ, видъ живописной Кафы съ ея заливомъ, усьянномъ безчисленными судами; видъ *Карадаха*—чернаго и угрюмага, оспроконечной *Пописъ - Тописи*, мглыспаго *Орбама* и *Кизиль-ташь* въ его багрянницѣ в)... Присовокупите ко всему эшому безоблачное, ясное небо и согласисесь, что вершина *Курбама*, сама по себѣ дикая и мершвая,

а) Азовскаго и Гнїлаго.

б) *Опукъ - гора*, въ 60 верспахъ опъ Феодосїи.

в) *Кизиль - ташъ* — Краснѣй камень.

щедро вознаграждаешь предприимчиваго пупника. . .

Гюзель-Мамбепъ, живо помнившій мѣспа своего дѣпства—исполинскую яйлу, гдѣ пыпливый взоръ оспанавливается на спѣнѣ облачныхъ утесовъ—однообразныхъ и недоступныхъ, съ особеннымъ удовольспвіемъ и даже съ воспоргомъ глядѣль на каршины, для него совершенно новыя, гдѣ однимъ взглядомъ онъ обнималъ цѣлое и перялся въ безпрѣдѣльномъ. Онъ внуспренно опдалвалъ преимущество сей изящной спранѣ предъ своею живописною опчизною, сжапою въ пѣсныхъ рамахъ. . . Но Гюзель-Мамбепъ былъ Ташаринъ—ему проспипельна споль важная эспетическая ошибка, пропиворѣчущая мнѣнію, нынѣ господспвующему въ Тавридѣ. . .

Ни мало не думая объ опчешливости въ своихъ воспорагахъ предъ лицомъ взыскашельнаго попомспва, онъ ѣхалъ, спомпрѣлъ и наслаждался, и спакимъ образомъ нечувспвишельно переѣхалъ плоскую, камениспную вершину *Курбаиа*. Спупивъ на край оной, онъ, съ особеннымъ удовольспвіемъ, окинулъ взорами *Султан-Койскую* долину и спихо спуспился съ горы.

Въ природѣ все смѣшано! Живописнѣйшія каршины сливаются съ пустынными дѣбями, какъ минушы воспорага съ неизбѣжнымъ помленіемъ! . . Прямая дорога опъ *Султанкоя* (де-

ревушки, нынѣ сущесствующей по одному имени), до Спараго Крыма, безжизненна, скучна и упомпшпельна. Обнаженныя, холмиспыя возвышенія *Султан-даха*, камениспая дорога, идущая по дну оврага, равно шпаякая и для коня и для всадника, наводяшъ какое-шо неодолимое уныніе. Сердце пущѣетъ, сжимаетъся! Мысли неопредѣленныя, какъ мушныя призраки шпаякаго сна, наполняюшъ леденѣющее, ни чѣмъ не попрысаемое воображеніе. . . Скука, могущеспвенная совмѣспница воспорговъ, угнѣспая разочарованную душу, усугубляетъ неприязненность окружающпхъ предметовъ. . . И пупникъ, въ нешерпѣнпй счпспая шага своего коня, внуспренно проклиная причину своего пущеспствія — ѣдетъ молча и уныло.

Такъ сбмылось и съ Гюзель-Мамбетомъ. Три часа ѣхаль онъ до Спараго Крыма; и при часа пропшанулись для него шремя черными годами.

Еще было рано, когда онъ прпѣхаль въ Спарый Крымъ. Надъ Огермыпшемъ спояль шуманъ; — надобно было искашъ прпспаница для себя и для коня. . . Спарый Крымъ былъ уже шпакowymъ, каковъ онъ нынѣ; однѣ развалины его спѣнъ глухо напоминали о его древнемъ величпй. . . Долго Гюзель-Мамбетъ искалъ прпспаница, и есплбы не сжалился надъ нимъ одинъ преспарѣльый *Хатпбъ* (спаршпй *имамъ*),

по вѣрно бы пришлось ему ночевать подъ опкрытымъ небомъ.

Скрывая цѣль своего путешествія, искусно, за ужиномъ, вывѣдалъ онъ всѣ нужныя подробности для своего предпріятія. Слѣдующее утро было совершенно тихо и ясно; чалма шумановъ разсѣялась; чело Агермыца прояснилось... Обрадованный Гюзель - Мамбетъ воспользовался погодою, вполне благоприятствовавшею для окончанія дѣла. Съ разсвѣтомъ, онъ уже былъ на пути къ шаинспвенному Агермышу.

XV.

Лѣсомъ, по крушой, каменистой пропинкѣ, медленно взбирался на гору Гюзель - Мамбетъ. Часто молодые дубы, густыми вѣтвями застилая дорогу, принуждали всаивать съ лошади неперпѣливаго всадника. Это крайне затрудняло и раздражало его...

» Какая собака прокладываетъ эту проклятую дорогу! «... досадуя, ворчалъ онъ сквозь зубы.

Наконецъ, у самой почти вершины, пропинка исчезла въ чащу лѣса. Раздраженный, онъ хопѣлъ было воропиться... но, вспомнивъ свою клятву, запечатлѣнную поцѣлуемъ прекрасной Мелекъ, онъ, какъ бы нехотя, всаивъ съ лошади, привязавъ ее къ дереву и закушавши лице буркою, началъ пробираться сквозь

чащу лѣса. Сдѣлавъ шаговъ со стою, онъ вышелъ на довольно широкую площадку, посреди коей возвышалась упесиспая скала, образующая вершину *Агермыша*.

Сердце Гюзель - Мамбета запрепепало отъ восхищенія, когда онъ, обогнувъ упесиспую скалу, очутился на краю пропасти... » По-смотримъ, какія здѣсь чудеса кроющзя! « сказалъ онъ, заглядывая въ пропасть и бросивъ въ нее таинственную записку. Трескъ, подобный подземному взрыву, поколебалъ основаніе Агермыша; глухое сипенаніе наполнило бездну. Въ ужасъ ошкочилъ Гюзель - Мамбетъ шага на два отъ пропасти и спалъ какъ оцѣпенѣлый... Смѣшанные звуки, подобные говору отдаленной грозы, сопровождаемые пронзительными воплями, услышалъ онъ подъ собою—и черная, клубившаяся туча поднялась изъ бездны... Реизъ въ первые запрепепалъ... туча распушилась и милліоны пчелъ взроились надъ его головою... Въ испугъ, распусшивъ свою бурку и плошно зажмуря глаза, спалъ обмахиваясь... Въ нѣсколько мгновеній пчелы слилися въ одинъ густой рой и черною, шумящею тучей заспилая солнце, взвилися и понеслися на Юго-Западъ... Возмущенная бездна запихла... Тогда, ошкрывъ глаза, удивленный Гюзель-Мамбетъ проводилъ волшебный рой...

Случайно взглянулъ онъ на землю и удивле-

нiе его возросло до высочайшей степени: вся поляна, около него, была усыпана яркими, чистыми, полновѣсными червонцами! . .

» *Мадедъ-Аллахъ!* « воскликнулъ онъ; »вопъ неслыханныя чудеса! . . Бѣдныя пчелки, какъ я худо васъ понялъ! « . . продолжалъ онъ, пщательно подбирая червонцы. »О, когда бы я эпо предвидѣлъ! « . .

Никогда, ни прежде, ни послѣ, такъ усердно не шрудился онъ, какъ пеперь! . . Уже карманы его были полны, а онъ не собралъ еще и половины. . . Чшо дѣлашь? Обшояпельство крипическое: какъ распашься съ золопомъ? . . Гюзель-Мамбешъ не долго думалъ! . . Снявъ съ себя верхнюю куршку и завязавъ рукава, онъ подобралъ въ нихъ всѣ до одного червонца; нѣсколько разъ обошелъ онъ площадку и увѣрившись, чшо ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ опъ его взоровъ, взвалилъ драгоцѣнную ношу на плечи и бережно началъ спускашься съ горы.

Сходя съ площадки, онъ еще разъ оглянулся и движимый благороднымъ чувствомъ великодушiя — оспальные червонцы, случайно укрьвшiеся опъ его зоркихъ глазъ, пожерпвовалъ на бѣдныхъ, во славу Пророка.

Забопливо привязалъ онъ въ шорока свое сокровище и, весело вскочивъ на лошадь, пуспился въ Козскую долину. Часпо, на пуши, огля-

дывался онъ назадъ и, не довѣряя вполнѣ зрѣнію, изрѣдка, рукою удосповѣрялся въ цѣлоспи своего сокровища. . .

Надежный, но успальный конь, не раздѣляя пламенныхъ воспорговъ своего хозяина, явно негодовалъ на птяжеспъ, удручавшую его спину и, не внимая ласковымъ привѣщаньямъ гибкой плѣщи, изрѣдка его опоясывавшей, медленно шелъ по извилистой пропинкѣ до подножія Орбаша.

Восхищенный своею находкою, Гюзель - Мамбетъ предавался сладоспнѣйшимъ мечшамъ—счастіемъ обласканнаго, воображанія и мало поропилъ коня. . .

» Теперь - то я понялъ дѣло! « говорилъ онъ про себя. » Не мудрено, что Шеихъ раздобрился! Золошья пчелки хопъ кого разнѣжашъ!.. Однако, Мелекъ! какъ она мила. . . съ какимъ воспоргомъ она меня вспрѣшпшъ! « . .

Такимъ образомъ, гоня думу за думою, радоспно и покойно ѣхалъ онъ.

Нечувспвипельно, оспавивъ вправѣ Кизилпашъ и не удоспоивъ зора очаровашельную Опузскую долину, онъ началъ поднимашся на Орбашъ. . . Крушая, въ тѣ времена, вовсе не разчищенная пропинка приводила въ изнеможеніе успалаго коня. На полугорѣ Гюзель-Мамбетъ принужденъ былъ вспашъ съ лошади и веспъ ее на поводѣ, до самой вершины горы. . . Тамъ опкрылась передъ нимъ Козская долина,

огражденная утесами *Попасъ-Тописи* и *Артъль-Дагомъ*, между коими проглядывало ясное, безмятежное море; у берега, между вершинами шополей, чернѣла его легкая чикшерме.

Усталость, зной и нестерпимая жажда, вымучивая изъ души негодование, подавили въ немъ восприимчивость къ сладостнымъ впечатлѣнїямъ изящной природы. Онъ, молча и равнодушно, едва удоспоилъ взоромъ великолѣпную картину, пышно, какъ персидскій коверъ, разстилавшуюся подъ его ногами, съѣлъ на землю и, закуривъ трубку, устремилъ глаза на свое сокровище. . .

Ошдохнувъ немного, онъ опять пустился въ пушь.

XVI.

Ровно въ полдень подѣзжалъ Гюзель-Мамбешъ къ колодезю, лежащему въ лѣво отъ дороги, на Южномъ отклонѣ *Орбаша*.

У самаго колодезя, на камнѣ, сидѣла дѣвушка, блѣдная — но прекрасная; у ногъ ея лежала большая, черная, космапая собака. . .

Конь подъ Гюзель-Мамбешомъ взвился на дыбы и спалъ какъ вкопанный. . . Тщепно билъ его Гюзель-Мамбешъ; конь шокмо храпѣлъ и пяпился назадъ. . . Лежавшая у ногъ дѣвушки черная собака съ просяжнымъ воємъ спрем-

главъ бросилась на него; дѣвушка сидѣла неподвижно.

» Опзови свою проклящую собаку или я убью ее! «.. закричалъ опоропѣвшій всадникъ. Дикій хохотъ—рѣзкій и опврапишельный, былъ ему опвѣпомъ; между пѣмъ собака пуще и пуще бросалась на него и, подпрыгивая, силалась поймать его за ногу...

» *Аллахъ - Керимъ!* Чшо это за чоршъ вяжешся ко мнѣ! «.. прошепсаль онъ въ нерѣшимоспи... » Эй ты, красивинькое пугало! опзовешь ли ты свою собаку и опойдешь ли съ дороги? «.. кричалъ онъ въ бѣшенствѣ на неподвижную дѣвушку и обнажилъ свой яшаганъ...

При блескѣ обнаженнаго яшагана собака съ визгомъ исчезла; дѣвушка вскочила съ мѣспа, захопала въ ладоши и съ дикимъ воплемъ бросилась въ колодезь...

» *Огурула!* « воскликнулъ ободренный Гюзель - Мамбетъ, въ слѣдъ за дѣвушкой и подѣхалъ къ колодезю...

Свѣшлая, чистая какъ хруспаль, спруилась вода въ испочникѣ, до половины закрыпомъ каменною плишою.

Напуганный привидѣнiемъ, онъ долго не рѣшался ушопить палившую его жажду, долго превозмогалъ себя... наконецъ вспомнилъ предосперереженiя телала Мусшафы, погрузилъ свой

япаганъ въ воду. Не успѣло оспріе япагана конушья воды, какъ вдругъ услышалъ онъ вокругъ себя глухой шорохъ и конь его крѣпко рванулся. Къ счастью, онъ крѣпко держалъ поводъ... Въ одно мгновеніе очутился онъ на лошади и съ ужасомъ увидалъ: надъ испочникомъ вспыхнулъ пусклый, фіолетовый огонь; безчисленное множество жабъ, ящерицъ, змѣй и всякихъ гадовъ выползло изъ колодезя... Глядя на нихъ, въ глазахъ позеленѣло у Гюзель-Мамбена опъ страха, опвращения и нестерпимаго смрада... Гады расползлись — воздухъ очистился... Фіолетовый огонь надъ спочникомъ сдѣлался ярче и свѣщлѣе; легкой, полупрозрачный голубой дымъ охватилъ пламя и на немъ величественно спала дѣвушка, прекрасная какъ поцѣлуй счастья...

» Благодарю тебя, неуспрашимый Реизъ! Твое великодушіе навсегда освободило меня опъ моихъ мучишелей!« пихо и вняшно сказала она очаровательнымъ голосомъ. Изумленный Реизъ силится опвѣчать ей, но языкъ измѣнилъ ему и онъ только глядѣлъ на нее... Разишельное сходство видѣлъ онъ въ черпахъ воздушной дѣвы съ своею Мелекъ...

» Благодарность моя не должна ограничиться словами: даю тебѣ все, что имѣю драгоценнѣйшаго; даю тебѣ мое обручальное кольцо! Да послужишь оно тебѣ на пользу! «... присовоку-

пила дѣва. Гюзель - Мамбетъ собрался было говорить ; но она, приложивъ къ ушамъ палець, улыбнулась и пихо, какъ обольстительная греза сновидѣнія, исчезла. Дивное кольцо очутилось въ рукахъ Реиза. Оно было сдѣлано изъ какого-то полупрозрачнаго, голубаго камня. . .

Опъ множества чудесныхъ впечатлѣній голова кружилась у Гюзель-Мамбетѣ. Онъ не могъ ничего сообразить, ничего обдумать! и не прежде пришелъ въ себя, какъ уже на своей чикшермѣ, вольно, какъ лебедь крылья, поднявшей паруса въ опкрышомъ морѣ. Изнеможенный и успалый — въ глубочайшей задумчивости—лежалъ онъ въ своей каюпѣ и машинально, безъ всякаго вниманія, по любовался дивнымъ кольцомъ пайнспвенной дѣвы; по заботливой рукою прикасался къ сокровищу; по, успремивъ глаза на какой-либо предметъ, силился разгадать свои чудесныя приключенія. . . Разсудокъ и память видимо мупились въ немъ; наконецъ успалая природа взяла верхъ и онъ погрузился въ глубокий сонъ.

Необычайные, вѣще сны, сливая прошедшее съ будущимъ, носились надъ нимъ. То казалось ему, будтобы онъ спойтъ предъ пайнспвенною дѣвою *Орбаша*; по переносился въ Требизондъ и видѣлъ свою Мелекъ унылою и обезображенною; по. . . но образы во снѣ неумови-

мы; самъ Гюзель - Мамбепъ не могъ дать себѣ опчета въ своихъ сновидѣнiяхъ. Довольно, если скажемъ, что Гюзель-Мамбепъ спалъ хопя глубокимъ, но весьма безпокойнымъ сномъ, въ слѣдствiе сильныхъ попрысенiй духа и крайней успалоспи шѣла.

XVII.

» Гей, Оланъ! «

— » Чшо угодно, благородный ага? «

» Гдѣ мы? « сказалъ Гюзель-Мамбепъ, съ просонья пропирая глаза и медленно приходя въ память.

— » Минуемъ проливъ. «

» Видѣнъ ли Спамбуль? «

— » Какъ будшо въ шуманъ. «

» Позови рулеваго. «

Служишель вышелъ и шопчасъ явился рулевой.

» Имѣемъ ли мы все нужное? «

— » Кажешся всего вдоволь. « . .

» Каковъ въперъ? «

— » Какъ нельзя лучше: совершенно попушный! «

» Бываль ли пы въ Смирнѣ? «

— » Сколько разъ, благородный Ага! «

» Твердо ли знаешь дорогу? «

— » Какъ свою родину, благородный Ага! «

» Хорошо! Держашь мимо Спамбула въ Смирну! «

— » Слушаю! « уныло опвѣчалъ рулевой и печально вышелъ на палубу.

— » Нашъ Реизъ рехнулся! « шопопомъ говорилъ онъ своимъ поварипцамъ. » Слыханное ли дѣло — проходишь мимо Спамбула! «

Было при часа до вечера, когда Гюзель-Мамбетъ вышелъ на палубу. Укрѣпленный сномъ, онъ уже въ большой ясности обнималъ событія вчерашняго дня и глубокая задумчивость покрыва его взоры: онъ вспомнилъ разипельное сходство видѣнія съ своею неоцѣненной, съ своею прекрасною Мелекъ.

Закуривъ трубку, въ разсѣяніи глядѣлъ онъ на средопочіе мусульманскаго міра — на обширный Спамбулъ, издѣшсхва ему знакомый. Ничто не привлекало его вниманія; ничто не могло разсѣять его думы. Трубка нѣсколько разъ попухала въ его рукахъ; пайная грусть снѣдала его, доселѣ безпечное сердце.

Три дни, мучипельнаго пушешесивія: опъ Спамбула до Смирны, глубоко запечаплѣли свои слѣды на его благородномъ челѣ. Задумчивость его не ограничилась однимъ духомъ; она просперла вниманіе и на самое шѣло: онъ видимо похудѣлъ и спалъ блѣденъ. Уныніе Реиза перешло и на мапросовъ. Во все время плаванія до

Смирны; мершвая пишина царспвовала на суднѣ.

Наконецъ показались Смирнскія башни и на сердцѣ Гюзель-Мамбеша нѣсколько оплегло. Въ почноспи исполняя приказанія шедала Муспафы, онъ снялъ съ себя шкань и распустилъ ее на мачпѣ. Попомъ, входя въ гавань, онъ сдѣлалъ при полныхъ залпа изъ своихъ шеспи пушекъ; самъ взялся за руль и торжеспвенно, при многочисленномъ спеченіи народа, подошелъ къ берегу.

Приказавъ бросипь якорь, онъ опяпъ усѣлся на своемъ мѣспѣ, закурилъ прубку и безпечно глядѣлъ на полпу, изумленную его блиспапельнымъ появленіемъ.

» Клянусь Пророкомъ, эши зѣваки сущіе ослы! Какъ будшо для ихъ забавы я пришелъ сюда? Ей, нѣпъ! Не для нихъ поднятъ флагъ; не для нихъ перялъ я порохъ, не для нихъ я самъ правиль... Опкуда же сіи самозванцы *явились на моемъ пиру?*.. И гдѣ мои званые госпи? «.. Такъ думалъ Гюзель-Мамбешъ и не прогался съ мѣспа.

Обводя глазами набережную, онъ нечаянно увидалъ преспарѣлаго шедала, обвѣшаннаго, по обыкновенію, шалами и оружіемъ. Сильно забилося сердце Гюзель-Мамбеша, когда по окладисшой, какъ снѣгъ, бѣлой бородѣ, по маленькимъ, исполненнымъ огня глазамъ, по высокому, му-

жесшвенному спану онъ шопчасъ въ немъ узналъ своего Требизондскаго пріяпеля Мусшафу.

По привычкѣ, начавъ рѣчь словами: *Юкъ бисмилля, биръ Алла!* проговаривая обыкновенныя привѣспсвія, онъ мигомъ очутился на чикшерме, подлѣ Гюзель - Мамбета. Подъ предлогомъ удобнѣйшей разкладки шоваровъ, они сошли въ каюпу.

— » Знаешъ спарая лисица гдѣ *золотое солнышко* его пригрѣешъ: пакъ и нырнулъ подъ палубу!« заговорили многіе на приспани. Наглядѣвшись до сыпа на прибывшую чикшерме, шолпа начала расхединься.

XVIII.

— » Реизъ Гюзель-Мамбетъ!« сказалъ спарикъ, послѣ минупнаго молчанія, войдя въ каюпу; »дѣла півои не совсѣмъ чиспы и пы намъ надѣлалъ много горя!«

» Какъ! « .. возразилъ опоропѣвшій Реизъ.

— » Зачѣмъ пы заглядывалъ въ бездну? Зачѣмъ подбиралъ роковые червонцы? Твои необдуманые поспупки едва, едва не погубили злополучную Мелекъ! « ..

» Мелекъ! .. воскликнулъ запрепавшій Реизъ дрожащимъ голосомъ; » мою Мелекъ? .. Скажи, добрый Мусшафа, гдѣ моя Мелекъ? .. Чшо? А моя Мелекъ? « ..

— » Твой Мелекъ въ домѣ опца своего... Но

эпо уже не прекрасная, не цвѣщущая Мелекъ: эпо одна шѣнь... Эпо роза, оправленная ядовитымъ дыханіемъ полуденнаго вѣтра... Ее погубила швоя безразсудность!»

Слезы, въ первый разъ опть роду, наворачнулись на глазахъ Гюзель-Мамбеша.

» Думалъ ли я эпо?.. Спарикъ! вы всѣ виноваты въ моихъ ошибкахъ!.. Зачѣмъ вы, зная все, не предупредили меня! «

— »Нѣтъ, Реизъ, нѣтъ; не вини насъ! Сколько намъ позволено было, мы предупреждали шебя... Но ты ослушался! Теперь, когда все уже конечно, я объясню шебѣ великую шайну.«

» Двѣспѣ лѣтъ шому назадъ прадѣдъ Шейха, опца швоей Мелекъ, былъ богатѣйшимъ Эмиромъ въ Иракъ - Аджемъ а). У него былъ сынъ, подававшій великія надежды, и дочь рѣдкой красоты. Счастіе улыбалось спарику: любовь и гроза пуспыни, онъ былъ силенъ въ диванѣ. Несмышныя сокровища, переходя изъ рода въ родъ, усугубляли его власпъ надъ умами Иракъ - Аджемскихъ поколѣній... Тамъ каждое слово его было свяшѣйшею буквою корана... Но счастіе, подъ спарость, измѣнило ему. Двѣ роковыя спрассти вкрались въ благородное сердце Мамбеша, Эмирова сына: пагубное корыспо-

а) *Иракъ - Аджемъ*, Камениспая Аравія.

любіе и пресупная любовь къ своей сестрѣ Мелекъ. Долго боролся онъ съ самимъ собою. . . но враждебные джинны превозмогли: онъ оболъспилъ сестру свою и, похишивъ сокровища отца своего, скрылся съ нею.

» Всѣ поиски были тщешны; прокляшіе отца преслѣдовало ихъ.

» Низведенный въ крайнюю бѣдность, ушрашивъ съ богашствомъ и свое могущество, Эмиръ покинулъ Иракъ - Аджемъ и тайно переселился въ Алеппо. . . Тамъ познакомился онъ съ однимъ Персидскимъ Магомъ и открылъ ему свою душу. Добродѣтельный Магъ, соболъзнуя о спарикѣ, призвалъ подчиненныхъ джиновъ а) и приказалъ имъ пройпи всю поднебесную и ошыскапъ пресупную чешу. . .

» Долго искали ихъ джинны; наконецъ доспавили подлинную вѣспь: что пресупныя дѣпи, гонимыя одною совѣспью, напли наконецъ приспанище въ Крыму, въ ущеліяхъ горъ, тогда еще необишаемыхъ; что у нихъ родился сынъ и что Мамбетъ, охладѣвъ къ сестрѣ, покинулъ ее и поселился въ Спаромъ Крыму, сокрывъ золопо свое на вершинѣ *Агермыша*.

» Передавая всѣ сіи печальныя извѣспія

а) *Джинны*, дух, обладапели земли. Они злобны и мспишпелъны, и порабощены Магамъ.

Эмиру, Магъ присокупилъ: чпо судьба обма-нушой Мелекъ уже совершилась: она умираешъ; чпо корысполубивый Мамбешъ, лишившись своего сокровища, поглощенного землею, съ опчаянїя бросился въ распворившуюся бездну. . .

» Спарикъ оплакалъ учасъ своихъ пресупныхъ дѣшей и просилъ возвраишь къ нему внука. Магъ исполнилъ его просьбу: послушные джинны принесли младенца и возвѣспили бѣдспвенную учасъ несчастной Мелекъ: душа ея започена въ колодезь на *Орбашъ* и предана во власъ *шайтановъ*. . .

» Освободился ли она когда либо? « спрашивалъ Эмиръ, но Магъ сомнишельно качалъ головою. Долго спарикъ плакалъ, наконецъ добродѣшельный Магъ упѣшилъ его.

» Бѣдспвіе и нищеша швоего попомспва, « говорилъ Магъ Эмиру, « соединены неразрывною связью съ учасью швоей дочери. Въ книгѣ судебъ, опкрываемыхъ мнѣ одною Пери а) въ каждое новолуніе, сказано:

» Попомспво Мамбеша и Мелекъ, не иначе « освободился опъ прокляшїа Эмира, ихъ опца, пока въ поколѣнїи его не родился другая « Мелекъ, единспвенная дочь своего опца, и пока « не опщешся другой Мамбешъ, не знающїй ни

а) Духи обладатели воздуха. Добры и сострадательны къ людямъ.

» опца, ни машери, ни любви къ женщинамъ, ни
» цѣны золопу и когда сей послѣдній доброволь-
» но не согласился на ихъ искупленіе. Глубо-
» чайшею пайною должно бытъ для него сіе
» сказаніе! Онъ долженъ вызвашь золопо изъ
» *Агермытской* бездны, и золопо сіе обратиши-
» ся на мѣспо сѣпованія Эмира!.. Судьба пер-
» вой Мелекъ связуется неразрывными узами
» съ судьбою послѣдней... Но такъ какъ нѣтъ
» въ мірѣ Мусульманина совершенно разсудитель-
» наго, совершенно безкорыснаго и какъ каждый
» червонецъ, взяпый на Агермышѣ, будетъ рав-
» но пагубенъ обоимъ, шо дася два шалисмана:
» искупителью япаганъ, а пресупной Мелекъ
» кольцо, изсѣченное изъ сердца земли!.. «

» Тупъ подаль Магъ шайншвенную записку,
бывшую въ швоихъ рукахъ... » Записка сія, «
говорилъ онъ, » должна переходить изъ рода въ
родъ, до появленія Мамбета и Мелекъ. Тогда,
по надлежащемъ удосповѣреніи, она опдася
первому для окончанія дѣла, - вмѣстѣ съ япаганомъ.
Красоша, необузданная опвага, а равно
высокое безкорыстіе и крайняя безпечность
шопчасъ укажутъ избавителя. Но пы долженъ
покинуть Алеппо и переселишься на сѣверъ
Анаполіи, въ богатѣйшій приморскій городъ.
Одному шокмо человеку, опецъ послѣдней Ме-
лекъ, можешъ ввѣришь пайну, для необходи-
мой помощи въ семъ важномъ дѣлѣ. «..

» Жребій сей упаль на меня, благородный Реизъ! « сказалъ добродушный Муспафа и на минушу остановился; собравшись съ силами, онъ продолжалъ:

— » Для удобнѣйшаго сохраненія въ памяти попомства всѣхъ обспояпельствъ искупленія, благодѣпельный Магъ написалъ подробную книгу... Ты ее видѣлъ въ рукахъ Шеиха. Тамъ въ почноспи изложены были сказанія пери и мы, руководспвуясь ею, дѣйспвовали прямо и смѣло. Онъ шакже далъ деньги на покупку судна и шоваровъ. « ..

» А! наконецъ я узналъ дѣло! « прервалъ Гюзель - Мамбешъ, удивленный разсказомъ шелала. » Скажи, « продолжалъ онъ, » скажи мнѣ: какъ я очутился въ пусшой хижинѣ, за городомъ? «

— » Весьма прспно! « опшвѣчалъ спарикъ. » Ты заснулъ на *миндертъ*, набипомъ успиппельными шправами, и мы тебя спокройно перенесли на рукахъ; когда въ городѣ еще всѣ спали. Такимъ образомъ, мы избѣжали швоего насшойчиваго любобышспва, могшаго нисровергнушь всѣ наши надежды. «

» Но разскажи мнѣ: чпо было съ моею Мелекъ по моемъ оптѣздѣ? « ..

— Мы предвидѣли, ясно предвидѣли всѣ грозившія намъ бѣдспвія, но опшврашипъ ихъ не имѣли ни силъ, ни воли. Въ шо самое мгновеііе, когда шы, бросая записку, заглянулъ въ

бездну: она, сидя по обыкновенію возлѣ опца, запряслась и поблѣднѣла. . . Пошомъ, когда пы, соблазненный видомъ золопа, началъ подбирашь роковыя червонцы; съ нею сдѣлались судороги и она какъ мершвая покапѣлась къ ногамъ своего опца. Испуганные, мы бросились къ ней на помощь; но никакія усилія наши не могли привести ее въ чувспва. . . Блѣдная и холодная лежала она болѣе чепырехъ часовъ. . . Наконецъ, когда пы, желая напишья, опушилъ япаганъ въ воду роковаго испочника, она вздохнула и начала дышашь свободнѣе. Получивъ кольцо, опъ ея прамапери, пы совершенно влилъ въ нее жизнь; но она онѣмѣла!..

» Какъ! « вскричалъ Гюзель-Мамбетъ; » неужели она навсегда онѣмѣла? « . .

Спарикъ, вмѣспо опвѣща, покачалъ головою и приложилъ къ губамъ указапельный палець.

» Понимаю! « . . воскликнулъ опечаленный Резизъ и горько улыбнулся. . .

— » Теперь « сказалъ спарикъ, поднимаясь съ мѣспа, » я пойду, найму лошадей: намъ надо спѣшшь въ Алеппо. А пы, между пѣмъ, расчипай мапросовъ и награди доспойно пвоего земляка за его прудную и вѣрную службу. . . Чикперме шебъ болѣе не нужна! « — Съ этими словами пелалъ выпель, оставивъ всѣ свои шовары; а Гюзель-Мамбетъ позвалъ къ себѣ своихъ служипелей.

» Благодарю васъ за вѣрную вашу службу! « говорилъ онъ, сполна опсчишывая жалованье. Слава Богу! я кончилъ мои счешы съ моремъ и вы мнѣ болѣе не нужны... Вопшь вамъ, каждому по десяти червонцевъ, награжденіе. «..

Служипели печально принимали деньги и глухо благодарили его.

» Хаджи Самадинъ! « продолжалъ Гюзель - Мамбепъ обращаясь къ рулевому... » Хаджи Самадинъ! шруды, въ особенноспи понесенные побою въ семь упомипельномъ и вмѣспъ счаспливомъ плаваніи, пребуюшъ доспойной награды... Поздравляю шебя *реизолю*, Хаджи Самадинъ!.. Моя чикшерме опнынъ шебъ принадлежишъ! Владѣй ею пакже счаспливо, какъ и я!»

Новый *реизъ* запрыгалъ опъ радоспи и бросилъ цѣловашъ *панутти* своего благодѣтеля. Насыпавъ безъ счеша порядочный кошелекъ червонцевъ, Гюзель-Мамбепъ опдалъ оный Хаджи Самадину, для первоначального обзаведенія, какъ онъ самъ выразился.

Приказавъ сняшъ завѣшную шкань съ мачшы, онъ снова опаясался ею.

Наконецъ явился съ лошадьми Телаль-Мусшафа.

Топчасъ шюки были увязаны, лошади навьючены, и Гюзель - Мамбепъ, сѣвъ на своего коня, бросилъ прощальный взоръ на чикшерме и на море, и поскакалъ по городу. Рядомъ съ нимъ

поѣхалъ и Темаль - Муспафа, споль же могучій на конѣ, какъ и на морѣ. . .

Благословенія щедро награжденныхъ мапировъ далеко проводили обогащеннаго, счастливаго Реиза Гюзель-Мамбета.

ХІХ.

Въ пуспынномъ гаремѣ, въ кругу невольницъ, сидѣла нѣмая Мелекъ въ глубочайшей задумчивоспи. . . Ни пляски, ни игры невольницъ, ни пышные наряды, предъ нею небрежно раскинутые, ни что не привлекало ея вниманія, ни что не испортило улыбки удовольствія. Совершенное беспраспие изображалось на ея прекрасномъ лицѣ. Молча и неподвижно сидѣла она и мушныя, угасавшіе взоры ея были популены.

Спарый Шеихъ, Хаджи Юмеръ, въ печальной, но богатой одеждѣ сидѣлъ противъ нее и, молча перебирая чепки, чипалъ завѣдную книгу. Не вниманіе, а крайнее неперпѣніе опражалось на его удрученномъ челѣ.

Часпо, какъ бы украдкою, взглядывалъ онъ на овою дочь и за каждымъ взглядомъ крупная слеза скапывалась на вѣпхіе лиспы книги. . . Въ сильномъ волненіи онъ попуплялъ взоры, и глубокіе, часпые вздохи, ясно выражали шеску, снѣдавшую его родипельское сердце.

Уныніе и пишина царспивовали въ черпогѣ

радостей и наслаждений, великолѣпномъ и пышномъ. Изрѣдка жужжаніе мухи нарушало непробудную пищину, какъ бы усыпленнаго гарема:

» Ъдупъ, ѣдупъ! « кричалъ молодой Негръ, запыхавшись вбѣгая въ комнапу.

Спарикъ вспрепенулся; подалъ невольницамъ знакъ и онѣ исчезли. Блѣдная, помная Мелекъ какъ будто ничего не видипъ, ничего не слышитъ. Она даже не подняла глазъ на вбѣжавшаго Негра.

Скоро на дворъ послышался попопъ. . . Въ смущенномъ ожиданіи сидѣлъ старый Шеихъ; равнодушно сидѣла Мелекъ.

Съ спѣсненнымъ сердцемъ вбѣжалъ Гюзель-Мамбетъ въ безмолвный гаремъ, болѣе походившій на великолѣпную гробницу. . . Не обращая вниманія на Шеиха, онъ прямо бросился къ своей невѣстѣ, схватилъ ея руку и запечатлѣлъ пламенный поцѣлуй не ея поблекшихъ усахъ. . .

Жизнь внезапно вопрепенулась въ груди пробужденной Мелекъ; румянецъ ярко разлился въ ея ланипахъ и она, возвращая поцѣлуй, внятнымъ шопопомъ произнесла: » *Малбетъ!* «

Радость Шеиха превзошла всякую мѣру; онъ, какъ двадцати-лѣтній юноша, бросился обнимать Гюзель-Мамбета. — Телаль Муспафа, всѣми позабытый, но не менѣе того радующійся,

приговаривая свое любимое: *Юсъ бисмилля, биръ Алла!* покойно сидѣлъ на концѣ дивана.

Нужно ли пояснять, что кольцо, данное Гюзель - Мамбету, на Орбашѣ, первую Мелекъ — возвратило жизнь послѣдней Мелекъ? Нужно ли говорить, что Шейхъ Хаджи Юмеръ умѣлъ собрать рой прадедовскихъ залопыхъ пчелокъ и купить богатѣйшій домъ въ Алеппо? Еще ли пояснять, что Гюзель-Мамбетъ, не оплагая времени, женился на прекрасной Мелекъ? — Всѣ сии вещи шакъ проспы, что ихъ удобно поймешь всякій младенецъ.

Свадьба Гюзель - Мамбета была великолѣпна; самъ Алепскій Паша, Муфти и Кади — присушествовали на ней. — Послѣ того, Гюзель-Мамбетъ, промѣнявъ имя *Реиза* на *Эмира*, сдѣлался богатѣйшимъ обывацелемъ въ городѣ Алеппо, не послѣднемъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ на Воспокѣ.

Послѣ Гюзель-Мамбета, никто уже не встрѣчалъ таинственной дѣвы съ черною собакою на Орбашѣ; но память ея и до сихъ поръ сохранила всю свою свѣжесть, между жипедями счастливой Козской долины.

» Кто не повѣритъ сей истинѣ, « заключилъ

свое повѣспованіе Мосалджи, » пощъ можешъ удосповѣришься на мѣспѣ.

»Высокоименишые Ефендіи и Аги!« (сказаль Мосалджи по окончаніи повѣспи, съ видомъ глубочайшаго подобоспраспія), счаспливымъ себя почшу, если расказъ мой удвлепвориль вполнѣ вашему любопыспву и я гошовъ служиль другою, не менѣ занимапельною, не менѣ чудесною повѣспью. . . Но выслушаю напередъ ваше мнѣніе и погда уже. « . .

На эспихъ словахъ — я заснуль.

III.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО а).

ГЛАВА I.

Въ пшпницу, 13 Окшября 1820 года, я былъ взяпъ подъ спражу въ Миланѣ и опведенъ въ шемницу св. Маргарипы. Было при часа по полудни. Меня допрашивали долго, во весь эпомъ день и многіе другіе; но объ эпомъ я не скажу

а) *Le mie Prigioni* (Мое Заклоченіе). Сія замѣчапельная книга переводипся съ Ипаліянскаго и должна выдпи въ свѣспъ въ началѣ сего года. Симъ извѣспіемъ предупреджающя переводчики съ Французскаго. *Изд.*

ни слова. «Какъ любовникъ, обиженный своею красавицей, благородно рѣшаешся покинуть ее, такъ я оспавляю полипику въ покоѣ и говорю о другомъ.

Въ 9 часовъ вечера, въ шу же несчастную пяпницу, чиновникъ передалъ меня на руки надзирапелю шюрьмы. Надзирапель опвелъ меня въ комнашу, мнѣ назначенную, очень учшиво просиль опдашь ему часы, деньги и все, чшо было у меня въ карманѣ, обѣщая возврапиль мнѣ эшо въ свое время, и почшипельно пожелалъ спокойной ночи.

— » Погоди, мой любезный, « сказалъ я ему; » я сегодня не обѣдалъ; вели принеспи мнѣ чегонибудь. «

— » Сей часъ, сударь, шпакширь близко: увидише, чшо за вино! «

— » Я не пью вина. «

Послѣ шакого опвѣща Синьоръ Анджіолино взглянулъ на меня съ изумленіемъ и, принявъ мои слова за шушку, сказалъ:

— » Когда ареспаншь не пьешъ, бѣда шюремщигу, кошорый держишь у себя вино. «

— » Я въ самомъ дѣлѣ не пью. «

— » Жаль мнѣ васъ; вы за шо вдвое почувствуеше свое одиночеспво. « . .

Видя, чшо я не перемѣняю намѣренія, онъ вышелъ. Не прошло получаса, какъ мнѣ прине-

сли обѣдъ. Я поѣлъ немного, проглотилъ спаканъ воды, и меня осшавили одного.

Комната моя была вровень съ землею и выходила на дворъ. Тюрьмы по обѣ стороны, шюръмы сверху, шюръмы напрошивъ меня. Я облокопился на окно, проспоялъ нѣсколько времени и слушалъ шаги шюремщиковъ, ходившихъ взадъ и впередъ, да безумныя пѣсни заключенныхъ.

Я думалъ про себя: сто лѣтъ шому назадъ, здѣсь былъ монастырь: воображали-ль когда нибудь свяшныя, кающіяся дѣвы, его прежнія обипапельницы, что ихъ кельи будутъ оглашашься не женскими воплями, не набожнѣмъ пѣнѣмъ, но беспыдными хулами и пѣснями; будутъ жилищемъ людей всякаго разбора, людей большею часшю назначенныхъ для капорги или для висѣлицы? А пройдетъ еще сто лѣтъ: кто будетъ дышашь въ эшихъ кельяхъ? О! какъ лепишь время, какъ безпреспанно все мѣняешься! можешь ли послѣ эшаго челошкъ огорчашься шѣмъ, что судьба ему переспала улыбашься, что онъ погребенъ въ шемницѣ, что ему угрожаешь казнь? Вчера я былъ однимъ изъ счасшливѣйшихъ смершныхъ въ мѣрѣ; сегодня нѣшъ со мною ни одной изъ шѣхъ радоспей, копорья подкрѣпляли жизнь мою: нѣшъ ни свободы, ни шоварищесшва друзей, ни надеждъ! Нѣшъ, ласкашь себя ими было - бы безумно. Отшюда

мнѣ выходъ или въ ужасное подземелье, или въ руки палача! Такъ что же?—на другой день послѣ моей смерти, не все ли будетъ равно, что я кончилъ бы жизнь во дворцѣ и меня бы похоронили съ великою почестію?

Такъ размышлялъ я о быспрошѣ времени и шѣмъ укрѣплялъ свою душу. Но мнѣ пришли на мысль отецъ, мать, два брата, двѣ сестры, еще семейство, кошорое любилъ я какъ свое, и философскія размышленія потеряли силу. Я былъ распроганъ, и плакалъ какъ ребенокъ.

ГЛАВА II.

Тому при мѣсяца, я ѣздилъ въ Туринъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, я снова увидѣлъ моихъ любезныхъ родишелей, одного изъ братьевъ и обѣихъ сестеръ. Мы, въ нашей семьѣ, всегда щакъ любили другъ друга. Но никого изъ дѣшей отецъ и мать не осыпали щакими благодѣяніями, какъ меня. О какъ я былъ пронупъ, когда увидѣлъ моихъ почпенныхъ спариковъ! Они гораздо болѣе доспарѣли, чѣмъ я воображалъ! Какъ мнѣ щогда хотѣлось не оспавлять ихъ, посвящипъ имъ себя, пещисъ о ихъ спароспи! Какъ грушно мнѣ было, когда, во время крапкаго моего пребыванія въ Туринъ, другія обязанности опвлекали меня опъ опеческаго дома, и я щакую малую часпъ времени удѣлялъ моей милой семьѣ! Бѣдная мать говорила

въ задумчивой печали: » Ахъ! нашъ Сильвіо не для насъ прѣхалъ въ Туринъ! « Въ шо ушро, какъ я поѣхалъ опяшь въ Миланъ, разлука была очень грусна. Опець сълъ со мной въ карепу и провожалъ меня съ милю, попомъ ворошился одинехонекъ. Я оборачивался, чпобы взглянушь на него, плакалъ, цѣловалъ кольцо, которое дада мнѣ мапушка, и никогда еще не чувшвовалъ шакого спѣсненія при разлукѣ съ родипелями. Не вѣря въ предчувствія, я удивлялся, чпо не могу побѣдиль своей груспи, и какъ - шо невольню сказалъ со спрахомъ: » Опъ чего эшо необыкновенное безпокойсво? « Мнѣ казалось, я предвидѣлъ какое - нибудь великое несчасіе.

Теперь, въ шюрѣмѣ, я припоминалъ эпіошъ спрахъ, эшо безпокойсво, и припоминалъ всѣ слова родипелей, слышанныя мною при мѣсяца назадъ. Эша жалоба машери: » Ахъ! нашъ Сильвіо прѣхалъ въ Туринъ не для насъ! « какъ свинець била мнѣ въ сердце. Я упрекалъ себя, за чѣмъ въ пысячу разъ болѣе не ласкался я къ нимъ. Я ихъ шакъ люблю, и я эшо выразиль имъ шакъ слабо! Мнѣ должно было уже никогда съ ними не видѣться, — и я шакъ мало на-смошрѣлся на ихъ милыя черпы! и я былъ шакъ скупъ на выраженія любви своей! Эшѣ мысли мнѣ шерзали душу.

Я закрылъ окно, ходиль съ часъ по комнашѣ,

думая, что не усну во всю ночь. Легъ на постель, и усталость меня усыпила.

ГЛАВА III.

Проснувшись послѣ первой ночи въ шюрэмъ— ужасно. — Возможно ли! (говорилъ я, вспомнивъ мѣсто, гдѣ былъ) возможно ли! Я здѣсь! И это не сонъ? Такъ спало вчера почто меня схватили? И вчера дѣлали мнѣ эпопѣю длинный допросъ, копорый будетъ и завтра, и кто знаетъ когда кончится? И вчера вечеромъ, передъ снѣмъ какъ уснушь, я сполько плакалъ, думая о своихъ родителехъ?

Успокоеніе, совершенная тишина, крапкѣй сонъ, укрѣпившій мои умственныя силы, казалось, умножили во сто разъ и силу моей грусти. Въ полномъ описушеніи всякаго разсѣянія, мое воображеніе, съ невѣроятною живостью, рисовало мнѣ скорбь всѣхъ моихъ милыхъ, но особенно отца и матери, когда слышали они о моемъ арестѣ.

— » Въ эту минушу, « думалъ я, » они спятъ еще спокойно, а можетъ быть и не спятъ, думаютъ сладко обо мнѣ, и не воображая того мѣста, гдѣ я! О счастливые! Если бы Богъ, взялъ ихъ къ Себѣ, прежде чѣмъ роковая вѣсть придетъ въ Туринъ! Кто дастъ имъ силу снести такой ударъ? «

Внутренній голосъ, казалось, отвѣчалъ мнѣ: Топъ, Кого, всѣ огорченныя призываютъ, и любящъ, и чувствующъ въ себѣ самихъ; Топъ, Кпо далъ силу Машери идти за Сыномъ на Голгоѳу и споятъ у креста Его! Другъ несчастныхъ, другъ смертныхъ!

Эпо была первая минута поржества Религи надъ моимъ сердцемъ: эпимъ благодареніемъ я обязанъ сыновней любви.

Прежде, я не былъ врагомъ Религи, но мало и дурно ей слѣдовалъ. Обыкновенныя возраженія, кошорыми на нее нападающъ, не казались мнѣ важными; и не смопря на шо, пысячи сомнѣній ослабляли мою вѣру. Уже съ давняго времени я не сомнѣвался въ бышій Бога, и повшорялъ себѣ: если Богъ сущесвуецъ, шо необходимымъ слѣдспвіемъ Его правосудія должна бытъ другая жизнь для челоѳка, поспрадавшаго неправедно въ эпомъ мѣрѣ: опсюда ясно, чшо надо искашь благъ впорой жизни; опсюда исповѣданіе любви къ Богу и ближнему, непрерывное спремленіе облагороживаць себя великодушными жерпвами. Уже давно я повшорялъ себѣ все эпо и прибавлялъ: да и чшо же Хреспіанство, какъ не безпрестанное спремленіе, возвышаць себя? — И попомъ я удивлялся: если сущность Хреспіанства шакъ чиспа, шакъ исполнена философи, шакъ огражде на собою: какъ же могла бытъ эпоха, въ ко-

порую философія осмѣлилась сказать: опнынѣ я заспулю его мѣсто. — Но какимъ образомъ ты заспуишь его мѣсто? Научая пороку? Разумѣешь, нѣтъ. Научая добродѣтели? А это и есть любовь къ Богу и ближнему, чему именно учишь Христіанство!

Не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ во мнѣ были эти мысли, я все убѣгалъ заключенія: такъ будь же послѣдователенъ, будь Христіанинъ, не соблазняйся злоупотребленіями, не подыскивайся подъ какуюнибудь трудную задачу ученія Церкви, когда главная задача рѣшена ясно: люби Бога и ближняго. Въ спорѣ, я наконецъ разсудилъ утвердить такое заключеніе, и утвердилъ его. Я былъ нѣсколько въ нерѣшимости, когда пришла мнѣ мысль: что если кто нибудь узнаетъ, что я спалъ шеперь религіознѣе, чѣмъ прежде? онъ будетъ имѣть право счестъ меня ханжою и предположитъ, что несчастіе меня унизило. Но чувствуя въ себѣ, что я не ханжа, что я не униженъ, я рѣшился не заботиться о сбыточныхъ порицаніяхъ, мною не заслуженныхъ, и даль слово бытъ и объявить себя опнынѣ Христіаниномъ.

ГЛАВА IV.

Моя рѣшимость утвердилась позднѣе: я началъ вдумываться въ нее и захотѣлъ испол-

нишь, на дѣлѣ, въ первую же ночь заключенія. Къ утру мои спраспи ушихли, и я изумился. Думая вновь о родителехъ, о милыхъ сердцу, я ужь не опчаявался болѣе въ силѣ ихъ души, — и память о ихъ возвышенныхъ чувствахъ, копорыхъ бывалъ я свидѣшелемъ, меня упѣщала.

Опъ чего же прежде шакъ сокрушался я, когда воображалъ ихъ сокрушеніе, а шеперь шакъ вѣрю въ швердоспъ ихъ духа? Эша счаспливая перемѣна не была ли чудомъ? Не была ли еспешвеннымъ слѣдспвіемъ моей оживленной вѣры въ Бога? — Но какая нужда, называешъ ли чудесами или нѣшъ сущеспвенныя, высокія благодѣянія религіи?

Въ полночь, два шюремныхъ прислужника пришли ко мнѣ для осмопра и нашли меня въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Они возвращидись на разсвѣшъ, и я былъ свѣшелъ и гоповъ шушипъ опъ сердца.

— » Въ эту ночь, сударь, вы были похожи на василиска, « сказалъ Тирола; » шеперь совсѣмъ другіе; я радъ эшому: вѣрный знакъ шого, чпо вы не изъ числа... не погнѣвайшесь на слово... разбойниковъ: разбойники (мнѣ ужь какъ не знашь?—я соспарѣлся въ своемъ ремеслѣ, и замѣчанія мои чпо-нибудь да значушъ)... разбойники, видите, на другой день ареспа всегда бы-

ваюшъ сердишѣ, чѣмъ на первый. Не угодно ли пабачку? «

— » Хопъ я обыкновенно и не нюхаю, но шеперь не хочу опказатъ швоей ласкѣ. Чпо касаепся до швоего замѣчанія, извини меня, оно мнѣ не показываептъ въ шебѣ великаго мудреца, какимъ шы выдаешъ себя. Да, можешъ бышъ, эша перемѣна происходишъ просто опъ моего неразумія, опъ штого, чпо я легко обманываюсь и надѣюсь скоро выйши? «

— » Да, сударь, я бы еще усумнился, еслибъ вы были въ шюрѣмъ по другимъ причинамъ; но эши дѣла о полишкѣ, въ наше время, и думаешъ не лзя, чшобъ кончались вопъ шакъ, около пальцевъ. И вы ужъ не шакъ-шо проспы, вѣрно сами не думаете эшаго. Извините, сударь: не угодно ли еще пабачку? «

— » Пожалуй. Но скажи мнѣ: какъ эшо у шебя шакое веселое лицо, а живешъ шы вѣчно между несчастными? «

— » Вы, можешъ бышъ, подумаете, чпо эшо опъ равнодушія къ несчастіямъ другихъ? Сказапъ правду, я и самъ не знаю, какъ обьяснишъ вамъ эшо; однако повѣрьте, часшо бываетъ мнѣ горько, при видѣ слезъ. И шогда я пришворяюсь веселымъ, чшобы бѣдные ареспаншы, глядя на меня, шакже улыбались. «

— » Знаешъ ли, добрый человѣкъ? шы мнѣ далъ мысль, какой я не имѣлъ опъ роду: мож-

но бытъ пюремщикомъ и добрымъ чловѣкомъ вмѣстѣ. «

— » Ремесло ничего не значить, сударь. Вонъ за эшимъ большимъ сводомъ, видите, есть дворъ, а за нимъ еще дворъ и другія пюрьмы, все для женщинъ. Ну это женщины. . . не надо бы говорить. . . женщины дурныя. Знаете ли, сударь, что есть между ними ангельскаго сердца? . . . И еслибъ вамъ случилось бытъ пюремщикомъ. « . .

— Мнѣ! . . (я захохопалъ невольно).

Тирола смутился опъ моего смѣха и не продолжалъ. Онъ разумѣлъ, можетъ бытъ, что еслибъ я былъ пюремщикомъ, вѣрно бы влюбился въ одну изъ эшихъ несчастныхъ.

Спросивъ меня, чего хочу я къ завпраку? онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ кофе.

Я смотрѣлъ на него приспально, съ лукавой усмѣшкою, копорая означала: » Опнесъ ли бы ты записочку къ другому несчастному, къ моему другу Пепру? « И онъ отвѣчалъ мнѣ также усмѣшкой, изъ копорой я понялъ: » Нѣтъ, сударь; и если вы попросите кого-либо изъ моихъ поварищей, и онъ вамъ обѣщаетъ, берегитесь, чтобъ онъ васъ не выдалъ. «

Я не совсѣмъ увѣренъ въ помъ, что онъ меня понялъ, и что я понялъ его: знаю только, что десятъ разъ срывалось у меня съ языка

попросишь у него лоскушка бумаги и карандаша; но я никакъ не осмѣливался, замѣчая въ его глазахъ что-то, убѣждавшее меня никому не вѣрять, а другимъ еще менѣ чѣмъ ему.

ГЛАВА V.

Если бы Тирола, при своемъ выраженіи добропы, не имѣлъ эгихъ лукавыхъ взглядовъ; если бы у него было благородное лицо: можетъ быть, я уступилъ бы искушенію, сдѣлалъ бы его своимъ вѣспникомъ; можетъ быть, записка, подоспѣвши во время къ другу, дала бы ему силу исправить какую-нибудь ошибку, — а это освободило бы (не его бѣднаго: онъ былъ слишкомъ обличенъ), но по крайней мѣрѣ нѣкошорыхъ другихъ и меня!

Терпѣніе! ужь такъ видно было предписано.

Меня призвали къ продолженію допроса; онъ длился весь день и еще нѣсколько дней; въ промежуткахъ были только обѣды.

Пока процессъ продолжался, дни быспро лепѣли для меня: умъ былъ безпреспанно занятъ, во время слѣдствія, безконечными опвѣщами на эти разнообразныя вопросы; за обѣдомъ и вечеромъ приготовленіями къ нимъ, размышленіями о томъ, что у меня было спрошено, что опвѣчалъ я и что еще, вѣрояшно, спросятъ.

На концѣ недѣли со мной случилось болѣе неудовольствіе. Мой бѣдный Пепръ, желая

пакже, какъ и я, снеспись со мною, прислалъ мнѣ записочку, но не черезъ пюремщика, а черезъ одного несчастнаго ареспанша, которъй, вмѣстѣ съ пюремщиками, приходилъ въ наши комнапы, для какой-по прислуги. Ему было опъ шеспидесяпи до семидесяпи лѣтъ, а осужденъ онъ былъ на нѣсколько мѣсяцовъ заключенія.

Я проколомъ булавкой палець, кровью написалъ крапкѣй опвѣтъ и опдалъ его нашему вѣспнику. За несчастнымъ подсмотрѣли, обыскали его, нашли записку и, если не ошибаюсь, его наказали палками. Я слышалъ громкія вопли: мнѣ показались они воплями эшаго бѣднаго спарика; съ тѣхъ поръ я не видалъ его болѣе.

Меня позвали на допросъ; я содрогнулся, когда показали мнѣ исчерченную кровью бумажку (кошорая, благодаря Бога, не заключала ничего вреднаго и ограничивалась однимъ привѣспвіемъ). У меня спросили, чѣмъ я выпустилъ кровь, опняли булавку и смѣялись надо мною. Ахъ, я не омѣялся! Я не могъ удалить опъ мысли несчастнаго спарика. Лучше бы я самъ принялъ какое нибудь наказаніе, лишь бы только проспили его; а когда я услышалъ крики и подумалъ, что это онъ кричитъ, сердце мое наподнилось слезами.

Напрасно спрашивалъ я объ немъ нѣсколько разъ у спорожа и его прислужниковъ. Они ка-

чали головой и прибавляли: » Да, онъ заплапиль дорого; за по не будешъ впередъ — пеперь ему покойнѣе. » Они не хопѣли бышь яснѣе.

Разумѣли ли они подъ эшимъ пѣсную шюрью, въ копорой содержался несчастный, или по, чпо онъ умеръ опъ палокъ?

Разъ, показалось мнѣ, чпо я вижу его за дворомъ, подъ сводомъ, съ связкой дровъ на плечахъ. Сердце у меня забилося, какъ будшо я увидѣлъ брапа.

ГЛАВА VI.

Когда переспали меня мучипъ допросами и мнѣ ужъ не было никакого заняптя, шогда я горько почувспвовалъ всю птяжеспъ одиночеспва.

Хопя мнѣ и позволили имѣшь Библию и Данша; хопя надзирашель предложилъ къ моимъ услугамъ свою библиошеку, соспоявшую въ нѣсколькихъ романахъ Скюдери, Пацци и еще хуже; но душа моя пакъ была взволнована, чпо я немогъ заняпсья никакимъ чпеніемъ. Всякой день выучивалъ я наизуспъ по пѣсни изъ Данша, но эшо упражненіе было пакое машинальное, чпо я менѣ думалъ о спихахъ, копорые училъ, чѣмъ о своихъ собспвенныхъ дѣлахъ. Тоже со мною было при чпеніи другихъ книгъ, кромъ нѣкопорыхъ мѣспъ изъ Библии. Съ бѳльшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ когда-либо, я спалъ

изучаю эту божественную книгу, которую всегда много любилъ, даже во время моего мнимаго безвѣрія. Не смотря на всю добрую волю, часто и ее читалъ я, думая о другомъ, и не понимая. Но мало по малу я спалъ способенъ размышлять надъ нею съ большею силою и кушать ее слаще и слаще.

Это чтеніе не расположило меня нисколько къ суевѣрію, п. е. къ той ложной набожности, которая ведетъ человека къ робости или фанатизму. Я научался любить Бога и ближнихъ, желалъ еще болѣе царства правосудія, ненавидѣлъ неправду, но прощалъ неправыхъ. Христіанство не уничтожило во мнѣ добрыхъ плодовъ философіи, а только укрѣпляло ихъ и снабжало доводами высшими, сильнѣйшими.

Однажды я прочелъ, что должно безпрестанно молиться, что истинная молитва состоитъ не въ томъ, чтобы бормосать много словъ, какъ дѣлаютъ язычники, а въ томъ, чтобы обожать Бога въ простотѣ, словами и дѣлами; соглашая ихъ съ Его святою волею. Прочитавши это, я вознамѣрился начать на самомъ дѣлѣ такую непрерывную молитву, п. е. не допускаю при ней ни одной мысли, которая не была бы одушевлена желаніемъ согласоваться съ опредѣленіями Божиими.

Слова молитвъ, мною избранныхъ, были кратки; но это было не изъ презрѣнія къ нимъ

(напропивъ слова необходимы, по моему мнѣнію, для того, чптобы поддерживашъ вниманіе молящагося, разумѣея, иному болѣе, другому менѣе) — и пакъ эпо было не изъ презрѣнія, а попому чпо я счипалъ себя неспособнымъ, чипая много словъ, не увлекашъся разсѣяніемъ, не опклонишъся опъ мысли о Богѣ.

Спараніе находилъся всегда передъ лицомъ Бога, не было для меня ни упоминельнымъ усиліемъ ума, ни испочникомъ препеня; напропивъ, оно было чувспвомъ самымъ сладкимъ. Постоянная мысль, чпо Богъ всегда намъ близокъ, чпо Онъ въ насъ, или лучше, чпо мы въ Немъ, съ каждымъ днемъ разсѣвала болѣе и болѣе ужась моего одиночества. » Не въ самой лучшей ли я бесѣдѣ? « говорилъ я самому себѣ, и душа яснѣла, и я по напѣвалъ, по на-свиспывалъ пѣсни, съ наслажденіемъ, съ чувспвомъ.

— » Чпожь, « думалъ я, » вѣдь могла бы горячка унести меня въ могилу? Всѣ мнѣ милые, ушрапивъ меня, предались бы сначала груспи, а попомъ мало по малу пріобрѣли бы силы къ перенесенію пошери! Меня унесъ не гробъ, а шюрма: чпожь, неужели Богъ не даспъ имъ поѣ же силы? «

Сердце мое возносило о нихъ самыя пенлыя молишвы, иногда не безъ слезъ, но самыя эпѣ

слезы смѣшаны были съ какою - то сладостью. Я пишалъ полную вѣру, что Богъ подкрѣпишь ихъ и меня, — и не обманулся.

ГЛАВА VII.

Жить на волѣ прекраснѣе, чѣмъ въ шюрмѣ: кто въ эпомъ бы усомнился? Однако и въ эпоѣ горькой шюрмѣ, — какъ подумаешь, что Богъ шущъ съ нами, что радости міра мгновенны, что истинное благо въ совѣсти, а не въ предметахъ внѣшнихъ, — и въ шюрмѣ можно наслаждаться жизнью. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, я приобрѣлъ швердоспѣ духа, если не совершенную, то по крайней мѣрѣ очень успокоительную. Я не хотѣлъ поступить недоспойно, не хотѣлъ купить своего оправданія бѣдшвиѣмъ ближняго и видѣлъ заранѣе свой жребій или на висѣлицѣ, или въ долгомъ заключеніи. Необходимо было примѣняться къ эпому. — «Что жъ? буду дышать пока позволяющъ,» говорилъ я себѣ; «когдажъ не позволяшъ, поступилю какъ всѣ больные при послѣднемъ издыханіи — умру.»

Я старался не жаловаться ни на что и пишалъ душу всѣми возможными наслажденіями. Изъ нихъ самое сладкое, самое часпое было исчисленіе всѣхъ благъ, копорыми украшалась жизнь моя: рѣдкій отецъ, рѣдкая мать, добрейшіе братья и сеспры, какіе друзья, хорошее воспитаніе, любовь къ словесности и проч. Кто былъ

меня очаспливѣе? Какъ не благодарить Бога, хопя я шеперь и въ злополучіи? Иногда исчисляя всѣ сокровища своей жизни, я опечаливался и плакалъ съ минушу; но скоро бодрость и веселье возвращались.

Съ первыхъ дней заключенія, я прибрѣлъ друга. Эпо былъ не надзирашель пюръмы, не его прислужникъ, не одинъ изъ допросчиковъ. Однако мой другъ былъ сущесство чловѣческое. Кшо же эпо? — Ребенокъ, глухо-нѣмой, пяши или шеспи лѣпъ. Опецъ и машь его были разбойники: законъ поспигъ ихъ своимъ ударомъ. Полиція содержала бѣднаго сиропу съ немногими другими дѣшпи, бывшими въ одномъ съ нимъ положеніи. Всѣ они жили въ комнашѣ напропивъ моей; въ извѣспные часы опворялась ихъ дверь и они выходили на дворъ подышашь воздухомъ.

Глухо-нѣмой подходилъ къ моему окну, улыбался мнѣ и дѣлалъ жеспы. Я бросалъ ему хорошій кусокъ хлѣба: хвашая его и прыгая опъ радоспи, онъ убѣгалъ къ своимъ поварищамъ, раздавалъ всѣмъ по часпичкѣ и попомъ приходилъ къ моему окну, умильно ѣлъ свою долю, и улыбкой прекрасныхъ глазъ выражалъ мнѣ свою благодарносшь.

Прочія дѣши смопрѣли на меня издали, но не осмѣливались подойши: глухо-нѣмой имѣлъ

ко мнѣ большую привязанность, но совсемъ не изъ корысти. Иногда онъ не зналъ, что дѣлать съ хлѣбомъ, которъй я ему бросалъ, и выражалъ мнѣ знаками, что онъ и поварищи ужь хорошо поѣли и не могли ѣсть болѣе. Черезъ шюремщика, ходившаго ко мнѣ въ комнапу, онъ возвращалъ мнѣ кусокъ. Не ожидая ничего отъ меня, продолжалъ играть передъ окномъ моимъ съ какою-то милою прелестью, веселясь тѣмъ, что я смотрю на него. Разъ, шюремщикъ позволилъ ему войти ко мнѣ: едва ребенокъ вошелъ, какъ бросился обнимать мои колѣна, съ крикомъ радости. Я взялъ его на руки: не лзя описать восторга, съ какимъ осыпалъ онъ меня ласками. Сколько было любви въ этой миленькой душѣ! Какъ мнѣ хошѣлось восписатьъ его, избавивъ отъ униженія, въ кошоромъ онъ находился!

Я никогда не могъ узнать о его имени. Онъ и самъ не зналъ, что носить имя. Всегда былъ веселъ, и только разъ я видѣлъ его плачущимъ, когда шюремщикъ побилъ его за что-то. Спранно! Жизнь въ подобныхъ мѣстахъ казалась вершиною злополучія, а между тѣмъ этотъ ребенокъ былъ совершенно шакже счастливъ, какъ сынъ какого нибудь князя въ его возрастѣ. Эта мысль привела меня къ тому, что можно расположение духа сдѣлать независимымъ отъ мѣста. Овладѣемъ воображеніемъ, и намъ почти

вездѣ будетъ хорошо. День проходишь скоро, а вечеромъ, когда ложишься въ постелью не голодный, не больной, какая нужда, спойшь ли постель пивоя между спѣнь, называемыхъ шюрьюмою, или между спѣнь, называемыхъ домомъ, дворцомъ?

Прекрасное размышленіе! Но какъ овладѣшь воображеніемъ? Я дѣлалъ опыты: иногда они удавались мнѣ чудесно; но за по въ другія минушы, оно деспотически шоржеспвовало надо мною; я досадовалъ и изумлялся своей слабоспи.

ГЛАВА VIII.

Я думалъ съ собою: » Въ моемъ злополучіи я все таки счастливъ шѣмъ, что мнѣ дали шюрьюму въ нижнемъ эшажѣ, на дворѣ, въ чепырежъ шагахъ опъ эшаго милаго ребенка, съ кошорымъ веду я шакую сладкую, нѣмую бесѣду! Какъ чудна поняшливосшь человѣческая! Сколькo мы высказываемъ другъ другу безконечными выраженіями взглядовъ и лица! Съ какою прелесшью онъ рисуешся въ своихъ движеніяхъ, когда я ему улыбаюсь! Какъ исправляешъ ихъ, замѣпя, что онъ мнѣ не нравяшся! Какъ онъ понялъ, что мнѣ весело, когда онъ ласкаешъ или угощаешъ когонибудь изъ шоварищей! Никшо бы не воображалъ эшаго, а между шѣмъ я, споя у окошка, могу упра-

вляшь опчаспи воспипаніемъ эпаго бѣднаго ребенка. Часпымъ повпореніемъ взаимныхъ знаковъ, мы усовершенспвуемъ сообщеніе нашихъ мыслей. Чѣмъ болѣе онъ будеспъ чувспвовашъ, чпо онъ со мной учипся, спановипся милѣе, пѣмъ болѣе ко мнѣ привяжеспся. Я буду для него геніемъ разума, доброшы; онъ научипся повѣряшь мнѣ свою груспъ, удовольспвія, желанія: я буду ушѣшашъ его, облагороживашъ, направляшь его поведеніе. Вошъ ужъ проходяшь мѣсяцы, а учасъ моя не рѣшаеспся: кпо знаеспъ, можеспъ бышь, здѣсь я и соспарѣюсь? Кпо знаеспъ, можеспъ бышь, эпопъ ребенокъ выроспешъ на глазахъ моихъ, будеспъ служипъ въ эпомъ домѣ? Съ такими способноспями, какія въ немъ видны, чпо изъ него можеспъ выдпши? Ахъ! не болѣе, какъ хорошій шпоремщикъ, или чпо нпбудь подобное. Ну чпо же? Я все паки сдѣлаю доброе дѣло, если внушу ему желаніе доспавляшь удовольспвіе людямъ чеспнымъ, а пѣмъ и самому себѣ, и пріучу его къ чувспвамъ любовнымъ? «

Эпѣ мысли родипсь у меня сами собою. Я всегда имѣлъ большую наклонноспъ къ дѣшямъ: обпзанноспъ воспипапеля казалась мнѣ возвышенною. Уже нѣсколько лѣтъ занимался я воспипаніемъ Якова и Юлія Порро, двухъ мальчиковъ съ прекрасными надеждами, копорыхъ я

любиль и буду всегда любиль, какъ сыновей... Одинъ Богъ знаеть, сколько разъ я думаль о нихъ въ шюрмъ! Какъ сокрушало меня шо, чпо я не могъ окончить ихъ воспитанія! Какъ пламенно желаль я, чшобы новый училель любиль ихъ моею любовію!

Иногда я восклицаль про себя: »Чпо за дурная пародія! Вмѣсто Якова и Юлія Порро, вмѣсто дѣшей, украшенныхъ всѣмъ блестящимъ очарованіемъ даровъ природы и счастья, мнѣ доспался въ ученики бѣдненькой глухо-нѣмой, въ рублищѣ, сынъ разбойника! . . Много, много, если изъ него выйдеть шюремщикъ, а коль выразишь-ся словомъ поглубѣе — просто сбирръ! «

Эпи размышленія смущали меня, липали силъ. Но лишь полько я слышаль крикъ моего нѣмаго, кровь моя шакъ волновалась, какъ у опца, копорый слышитъ голосъ сына. И эшопъ крикъ и видъ его прогоняли попчасъ всякую мысль объ унизишельномъ его соспо-янніи. »Его - ли вина, чпо онъ въ рублищѣ, чпо онъ нѣмъ, сынъ разбойника? Душа человѣческая, въ невинномъ возрастѣ, всегда доспойна почпенія.« Такъ говорилъ я, и всякой день глядѣль на него съ большей любовію. Мнѣ казалось, чпо онъ спановилса поняшлिवѣе; эшо укрьпляло меня въ сладкомъ намѣреніи заняшь-ся его улучшеніемъ; соображая все вѣрояшное,

я думалъ, что когда нибудь, вышедъ изъ пещеры, найду средство опдашь его въ школу глухо-нѣмыхъ; и тѣмъ опкрышь ему дорогу лучшую, чѣмъ должность сбирра.

Въ эпихъ - по сладкихъ мысляхъ о его счастьи, заспали меня однажды два пюремщика, пришедшіе взять меня.

— Вы мѣняете кварширу, сударь.

— Что это значишь?

— Велѣно перевести васъ въ другую комнату.

— За чѣмъ?

— Да поймали другую большую ппицу, а такъ какъ это лучшая комната... Понимаете?

— Понимаю: это первая спанція для ново-приходящихъ.

Меня перевели на другую сторону двора; но какое горе! Уже я не въ нижнемъ эшажѣ, уже я не могу бесѣдовать съ нѣмымъ. Проходя черезъ дворъ, я видѣлъ этого мидаго мальчика: онъ сидѣлъ на землѣ, убишь, грустенъ; онъ понималъ свою потерю. Черезъ минушу онъ вспалъ, побѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу; пюремщики хопѣли опогнашь его, я взялъ его на руки, и какъ онъ ни былъ замаранъ, я цѣловалъ, цѣловалъ его такъ нѣжно, и когда опорвался опъ него, сказаешь-ли?—изъ глазъ моихъ капали слезы.

ГЛАВА IX.

Бѣдное мое сердце! Ты любишь такъ легко, такъ горячо, и ужъ на сколько разлукъ пы было осуждено! Послѣдняя была, право, не менѣе грустна; я ее чувствовалъ шѣмъ сильнѣе, что новое мое жилище было самое печальное. Большая горница, темная, запачканная; въ окнахъ не стекло, а бумага; спѣсны измараны гадкимъ малеваньемъ цвѣту, не смѣю сказаць какого; въ мѣспахъ неизмалеванныхъ надписи. Многія изъ сихъ послѣднихъ соспоили проспо въ одномъ имени, фамилии и опечесивѣ несчастнаго заключеннаго, съ означеніемъ роковаго дня, когда онъ былъ взявъ подъ спражу. Въ другихъ прибавлялись къ шому восклицанія прошивъ друзей, прошивъ самаго себя, какой нибудь женщины, или судьи и проч. Нѣкоторыя содержали крашкія біографіи заключенныхъ. Другія соспоили въ нравспвенныхъ изреченіяхъ. Напримѣръ, я шупъ нашель слова Паскаля:

» Нападающіе на религію пусть прежде узнающъ, въ чемъ она соспоиць. Если-бъ эша религія шцесдавилась яснымъ видѣніемъ Бога, шѣмъ, что она можель сняць съ Него покровъ, тогда прошивъ нея быди-бы направлены слѣдующія слова: *нѣтъ ничего въ міръ, что-бы обнаруживало Бога съ такою ясностію.* Но она сама говоритъ, что люди блуждающъ во шѣмъ, что они дале-

ки опъ Бога, чпо Онъ сокрылся опъ ихъ вѣдѣнїя; чпо Онъ Самъ, въ Своемъ писанїи, далъ Себѣ имя *Бога сокровеннаго*. . . Какую же выгоду могутъ извлечь пропивники, когда, пренебрегая изслѣдованїемъ испины, они вопїюптъ, чпо испины ничпо имъ не показываешть? «

Внизу было написано (изъ того - же писателя):

» Здѣсь дѣло идешь не о пуспыхъ выгодахъ какого нибудь поспоронняго лица; здѣсь идешь дѣло о насъ самихъ, обо всемъ нашемъ. Безсмертїе души еспъ вопросъ сподь важный, сподь глубоко касающїйся насъ, чпо развѣ бессмысленный полько можешть быпть къ нему равнодушень. «

Еще была надпись:

» Благословляю шюрьму за то, чпо она мнѣ открыла неблагодарность людей, мою нищету и благоспѣ Божїю. «

Рядомъ съ эпими смиренными словами находились жестокїя, гордыя хуленїя человека, копорый выдавалъ себя за безбожника и вооружался прошивъ Бога, какъ будпо забывши, чпо онъ спущъ-же опвергъ бытїе Его.

За цѣлымъ сполбцомъ такихъ хуленїй слѣдовалъ другой сполбецъ ругательспвъ прошивъ *малодушныхъ*: пакъ называлъ онъ шѣхъ, копорыхъ несчастїе заключенїя обращало къ религїи.

Я показаль всѣ эпи ужасы одному изъ шюремщиковъ и спросиль у него: кпо написаль ихъ?

— Я радъ пому, что нашель эту надпись, опвѣчалъ онъ мнѣ. Ихъ шакъ много, а у меня нѣтъ времени искашь ихъ.

Тупь-же, онъ началъ ножемъ соскабливать надпись со стѣны.

— За чѣмъ ты это дѣлаешь? спросиль я.

— Да бѣдняга, который написаль ее и былъ приговоренъ къ смерти за умышленное убійство, раскаялся въ эпой надписи и просиль меня сперешъ ее ради Бога.

— Богъ да просшишь его! воскликнулъ я. — А какое убійство онъ сдѣлалъ?

— Онъ не могъ убить врага, шакъ убилъ его сына; да какого мальчика-то прекраснаго!

Я ужаснулся. До чего доходить свирѣпость! И эпо чудовище говорило оскорбительнымъ языкомъ человѣка, спавшаго выше всѣхъ слабостей человѣческихъ! Убилъ невиннаго! ребенка!

ГЛАВА X.

Въ эпой новой комнапѣ, шакой мрачной и нечиспой, безъ моего милаго нѣмага, печаль меня задавила. По нѣсколку часовъ споялъ я у окна, выходившаго на галлерю, по шу спорону ко-

порой были мнѣ видны конецъ двора и окно моеѣ первой комнашы. Кпо бы эпо былъ моимъ наслѣдникомъ? думалъ я. Я замѣчалъ челоуѣка, копорый много ходилъ по эпоѣ комнашѣ, скорыми шагами, какъ будшо въ сильномъ волненіи. Спуска два или при дня, я увидѣлъ, что ему дали что-шо писашь, и онъ во весь день не опходилъ опъ сполика.

Наконецъ я узналъ его. Разъ выходилъ онъ изъ своей комнашы съ надзирашелемъ пюррьмы: онъ шелъ къ допросу. Эпо былъ Мелькіоръ Джіоія! а)

У меня сжалось сердце. Какъ! и ты здѣсь, челоуѣкъ заслуженный! — (Онъ былъ счаспливѣе меня. Нѣскольکو мѣсяцевъ содержался подъ спражею и попомъ выпущень.)

Видъ всякаго добраго созданія меня упѣшаешъ, прогаешъ, возбуждаешъ во мнѣ мысли. Ахъ! думашь и любишь — великое благо! Я опдалъ бы жизнь за свободу Джіоія; но и видѣшь его мнѣ было упѣшеніемъ.

Я долго смопрѣлъ на него, догадывался по его движеніямъ, спокоенъ ли онъ духомъ или нѣтъ, молился о немъ, — и послѣ всего эпоаго, я почувспвовалъ въ себѣ болѣе силы, приливъ мыслей; былъ довольнѣе собою. Не значилъ ли

а) Славный Статистикъ Италія. *Прим. Пер.*

эпо, чпо ужь одинъ видъ человекъ любимаго умѣряешъ одиночествомъ? Прежде бѣднѣйшій глухонѣмой мальчикъ оказывалъ мнѣ эпо благодѣяніе, а теперь человекъ съ великимъ достоинствомъ, копорого я видѣлъ издали.

Вѣрно кто нибудь изъ тюремщиковъ сказалъ ему, гдѣ я. Однажды упрямъ, онъ открылъ окно и махнулъ плащомъ въ знакъ привѣтствія. Я отвѣчалъ ему шѣмъ же. О, какое наслажденіе пролилось на мою душу въ эпо минушу! Мнѣ казалось, чпо разстояние между нами исчезло, чпо мы были вмѣстѣ. Сердце билось у меня какъ у влюбленнаго, копорый снова видилъ любезную. Мы дѣлали другъ другу знаки, не понимая ихъ, но съ шакимъ рвеніемъ, какъ будшо понимали; вѣрнѣе однако шо, чпо мы почто понимали другъ друга: въ эпохъ знакахъ выражалось все; чпо чувствовали наши души, а одна знала, чпо чувствовала другая.

Какимъ успѣшеніемъ являлись мнѣ въ будущемъ эпо привѣтствія! Будущее пришло, но знаки ужь не повсорялись! Всякой разъ, какъ я видѣлъ Джіоіо у окна, я махалъ ему плащомъ. Напрасно! Тюремщики сказали мнѣ, чпо ему запрещено было дѣлать знаки. Однако онъ часшо глядѣлъ на меня, я на него — и шакъ мы все еще много говорили другъ другу.

ГЛАВА XI.

По галлерей, копорая была у моего окна, вровень съ моей шюрьюмою, съ упра до вечера, ходили взадь и впередъ ареспанпы, въ сопровожденіи шюремщиковъ: они отпраплялись къ допросамъ и возвращались. Это были, большею часпю, люди изъ черни. Однако я замѣшилъ между ними нѣкопорыхъ изъ гражданскаго сословія. Хопъ я и не могъ долгое время смонрѣпъ на нихъ (они проходили чрезвычайно скоро), однако они привлекали мое вниманіе: всѣ, болѣе или менѣе, меня прогали. Это грустное зрѣлице, въ первые дни, умножало скорбь мою; но, мало по малу, я спалъ привыкапъ къ нему, и подъ конецъ даже и оно уменьшало ужасъ моего одиночеспва.

Также и многія заключенныя женщины проходили передъ моими глазами. Эша галлерей вела черезъ сводъ на другой дворъ, гдѣ находились женскія шюрьюмы и женская больница для сифидипическихъ болѣзней. Одна спѣна, и не пакъ плопная, опдѣляла меня опъ одной изъ комнапъ, гдѣ жили женщины. Часпю, эпѣ несчастпныя оглушали меня шумомъ своихъ пѣсень, а иногда и раздора. Поздно вечеромъ, когда шумъ умолкалъ, я слышалъ, какъ онѣ разговаривали.

Я могъ бы войпши съ ними въ разговоръ, ес-

любъ захошълъ. Но я удержался, не знаю почему. По робости ли, или по гордости? Или изъ оспорожной боязни не прильпнись къ женщинамъ опозореннымъ? Можешь бышь, всѣ эпѣ при причины учаспвовали въ моемъ молчаніи. Женщина, когда она по, чѣмъ должна бышь, еспь для меня созданіе споль возвышенное! Видѣшь ее, слышаешь ее, говоришь съ нею: все эшо обогащаетъ душу благородными мечпмами. Но женщина униженная, достпойная презрѣнія, мушишь мнѣ сердце, сокрушаетъ его и выры- ваешъ изъ него всю поэзію.

Однако... (безъ эпато *однако* не лзя обой- пись при описаніи опипѣнковъ челоѣка, су- щеспва споль сложнаго) между эпѣми жен- скими голосами были голоса нѣжные, и они — за чѣмъ же не сказаешь? — были мнѣ милы. И изъ нихъ одинъ былъ особенно нѣжнѣ другихъ: онъ слышался рѣдко и не выражалъ мыслей обыкновенныхъ. Онъ пѣлъ мало, и всего чаще шолько эши два чувспвишельные спиха:

Chi rende alla meschina
La sua felicità?

(Кпюжь опдасптъ мнѣ, жалкой,
Счастіе мое?)

Иногда, голосъ пѣлъ молишвы. Прочіе ему впо- рили, но я имѣлъ даръ опмичаешь голосъ Маг- далины опѣ другихъ голосовъ, копорые, каза-

лось мнѣ, съ излишнею яркостью хопѣли у меня опнячь его.

Да, эша несчастная называлась Магдалиной. Когда ея подруги разсказывали объ своихъ гореспяхъ, она соспрадала имъ, вздыхала съ ними и повпоряла: » будь бодрѣй, моя милая; Господь не оставялетъ никого. «

Кпо помѣшалъ бы мнѣ вообразить, что она прекрасна, болѣе злополучна, чѣмъ виновна, рождена для добродѣтели, способна возврапиться къ ней, если опъ нея удалилась? Кпо могъ бы порицать меня за то, что голосъ ея меня распрогивалъ, что я слушалъ ее съ какимъ-то почпеніемъ, что я молился о ней съ особеннымъ жаромъ?

Невинность—почпенна, но не почпенно ли и покаяніе? Лучшій изъ человекѡвъ, Человекъ-Богъ, развѣ не благоволилъ обрапиться взгляда милосердія на грѣшницъ, уважипъ ихъ смущеніе и причислилъ ихъ къ душамъ своей паспвы? За чѣмъ же мы такъ презираемъ женщину, падшую въ безчестіе?

Въ эпѣхъ размышленіяхъ, спо разъ я покушался возвысипъ голосъ и опкрыпъ Магдалинѣ мою брапскую любовь къ ней. Однажды я ужъ выговорилъ первый слогъ: » Mad! . . « Чудно! Сердце у меня билось, какъ у пятнадцатилѣтняго влюбленнаго мальчика, а мнѣ былъ ужъ

придцать одинъ годъ, вовсе не возрасъ дѣшскихъ біеній сердца.

Я не могъ продолжашь. Начиналъ снова: »Mad! . . . Mad! « . . . все понапрасну. Я былъ смѣшонъ самому себѣ и закричалъ въ бѣшенствѣ:

»Matto! (безумный!), а не Mad! «

ГЛАВА XII.

Такъ окончился мой романъ съ эпою бѣдною Магдалиною, но въ печеніи нѣсколькихъ недѣль я былъ обязанъ ей самыми сладкими чувствами. Часпо я впадалъ въ задумчивосъ, но голосъ ея развеселялъ меня: часпо, раздумавшись о низоспи, о неблагодарноспи людей, я раздражался прошивъ ихъ, гошовъ былъ разлюбивъ мѣръ; но голосъ Магдалины располагалъ меня снова къ соспрананію и снисхожденію.

Незнакомая грѣшница, да не будешь пы осуждена на шяжкое наказаніе! Но на какую бы казнь шебя не осудили, да будешь она шебъ въ пользу, да облагородишь шебя, да живешь пы и умрешь въ любви Господа! Да будешь пы также оплакана и почпена всѣми, шебя знавшими, какъ пы была оплакана и почпена шѣмъ, кошорый не зналъ шебя — мною! Всякому, кпо увидишь шебя, да внушишь пы шерпѣніе, крошосъ, любовь къ добродѣтели, довѣренносъ къ Богу, какъ внушала пы пому, кпо, не издавши, любилъ шебя! Пуспъ оши-

бался я, воображая себя красавицею; но душа швоя, я въ помъ увѣренъ, была прекрасна. Подруги швоя говорили грубо, а ты скромно и мило; онъ произносили хуленія, а ты благословляла Бога; онъ ссорились, ты мирила ихъ. Если кто нибудь подалъ тебѣ руку съ тѣмъ, чпобы свести тебя съ пупи безчестія, благошворилъ тебѣ съ нѣжностію, осушилъ швоя слезы: всѣ ушѣшенія да будущъ съ нимъ, и съ дѣшми его, и съ дѣшми дѣшей его!

S.

IV.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ КНИЖНАЯ ЯРМАРКА.

1833.

Еще исполнился лейпцигскій годъ и мы можемъ дать въ немъ отчетъ. Возрастающая дѣятельность книжной торговли, достигнувъ послѣ Июльской революціи высочайшей степени, находится въ состояніи колеблемости и, годъ опъ году, по увеличивается, по уменьшается. Слѣдующее обзорѣе можетъ въкороткѣ образомъ послужить масштабомъ для измѣренія успѣховъ Нѣмецкой книжной производимости. Означенныя здѣсь книги суть пошкѣо собственно Нѣмецкія; за исключеніемъ музыкальныхъ книгъ, ландкартъ и иностранннхъ, на комисію отдаваемыхъ.

ГЕРМАНСКАЯ КНИЖНАЯ ПРОИЗВОДИМОСТЬ.

ГОДЪ.	ЧИСЛО КНИГЪ.
1814	2529
1815	2750
1816	3197
1817	3532
1818	3781
1819	3916
1820	3958
1821	3997
1822	4283
1823	4309
1824	4511
1825	4836
1826	4704
1827	5108
1828	5654
1829	5314
1830	5926
1831	5658
1832	6275
1833	5888
<hr/>	
	90,126

И такъ Нѣмцы въ послѣдніе двадцать лѣтъ произвели девяносто тысячъ сочиненій, изъ коихъ едва десятую часть занимаютъ переводы или новыя изданія; остальное состоитъ изъ Нѣмецкихъ оригинальныхъ произведеній, и такъ, считая среднимъ числомъ по три сочиненія на одного автора: ибо многіе написали по одному, по надъ двадцатилѣтнимъ произведеніемъ

прудились не менѣе 30,000 писателей! Именно сполькихъ велѣлъ Китайской похищитель престола, Ли-Тсингъ, обезглавить въ одинъ день: ибо онъ не удовольствовался, подобно Арабу Омару, сожженіемъ однѣхъ книгъ, но желалъ вырвать зло съ самымъ корнемъ, а попому желалъ перевести и людей, копорые пишуть книги. Но не будетъ вреда, ежели нашимъ честлюбивымъ писателямъ, изъ коихъ каждый считаешь себя чудомъ, представлять на лице ихъ число. Уже прежде сравнилъ я шакой приливъ липпературныхъ массъ съ демократическимъ переломомъ. Во времена Людовика XIV между государственнымъ людьми и полководцами опличались только немногія имена, но революція вывела цѣлые легионы полиптиковъ и полководцевъ, коихъ имена, расположенныя, по приказанію Консула Бонапарте, въ реэспрахъ Монипера, едва могли умѣститься въ цѣломъ помѣ in folio. Какъ шамъ полиптики, шакъ у насъ писатели. Въ благословенную спарину слышали мы только о немногихъ ученыхъ и липпературахъ. Въ то время, если Геллертъ проѣзжалъ по улицамъ Лейпцига, по звукъ, производимый копытами лошади его, раздавался въ пишинѣ Германіи опъ Альповъ до Бельповъ, и когда Клоппокъ чихалъ въ Гамбургъ, по Цирихской жипель попчасъ могъ привѣспивовать его словами: *желаю здравствовать!* Такъ числъ и жидокъ былъ погда воздухъ! Но шеперь рынокъ полонъ людей, всѣ спараются кричатъ громче другихъ, опнимаютъ у спарой аристокраши славу, на копорую прежде она только себя почиала, вправъ, и дѣлять ее между собою.

по Римскому *Iex agraria*. Опъ того производишь, что на часъ каждого въ особенности доспается суцая бездѣлица, и я даль бы нѣкоторымъ изъ сихъ господъ, всегда жалующихся на то, что они не довольно извѣсны, совѣшь, опказываешь въ революціонное время опъ аристокрапическихъ наслажденій. Дѣйствительно, содержаніе таково, что писатель съ шаланпомъ нынѣшняго времени, ежели бы родился пятнадцатью годами ранѣе, былъ бы гораздо болѣе извѣстенъ; но исторія идешь все впередъ по своему великому пуши, не взирая на то, болѣе ли или менѣе счастливь кпо либо изъ нихъ, опъ излишества ли наслажденія или опъ зависпи умреть. Исторія пребуешь нынѣ для своихъ цѣлей только полдюжины и осыпаетъ ихъ почеспями; завтра нужны ей пысячи, ибо еспественнымъ образомъ не всякой можешь сдѣлаться чѣмъ-либо особеннымъ. И именно попому, что желудокъ Нѣмецкихъ писателей прошедшаго столѣтія испорченъ былъ излишне вкусомъ некіпаромъ всеобщихъ похвалъ, нужно ему опашъ укрѣпиться гомеопатической дѣпой девятнадцатаго столѣтія. Прежде только придцать человекъ дѣлили между собою славу, теперь же таковыхъ придцать пысячь, слѣдспвенно и участокъ славы каждого долженъ быть также малъ, какъ микроскопической приѣмъ доктора Ганемана.

Скорбь пѣхъ злосчастливыхъ, которые жалуотся на упадокъ литературной славы, прекрашила бы, если бы они вникнули въ существо дѣла, когда бы перестали почипать себя почками, вокругъ

коихъ долженъ обращаться мѣръ ; тогда они увидѣли бы, что особы ихъ соспавляютъ полезныя, но маленькія колесца въ большой машинѣ сего міра ; они бы упѣшились, еслибъ, оспавя индивидуальную сущность свою, одушевились общимъ чувствомъ національности и современнаго духа, и довольствовались бы казаться пѣмъ, чѣмъ они сущъ въ самомъ дѣлѣ, именно часпями цѣлаго, а не самымъ цѣлымъ. Романпическое пропивоурчїе въ нашей липперапурѣ еспъ то, что всѣ вмѣспѣ образуютъ полпу, а каждый въ особеннспи хочетъ бытъ царемъ. Однакожъ должно будетъ взять за правило класпическую скромность, руководспвываясь коей, на примѣръ, Греческая скульппура оспавила попомспву произведенїя свои, но не сохранила именъ художниковъ. Къ сожалѣнїю, у насъ эпо напропивъ. Наши Юхеры, Мейзели, Эрши ; и проч. пыскачу разъ занимали мѣспо между Нѣмецкими писателями, а ихъ нпкто не чпсаетъ, да и впредь никогда чпсать нпкто не будетъ.

Но хорошая мысль всегда имѣетъ свою цѣну ; всѣ дѣятельные писатели наши, за исключенїемъ нѣкоторыхъ, нпкуда уже негодныхъ, содѣйспвуютъ къ общему образованїю націи, самое заблужденїе производптъ свѣтъ, ибо возбуждаетъ пропивоурчїе ; и если мы будемъ почпсать липпераптуру нашу за нѣкоторый родъ спропсельныхъ матеріаловъ, изъ коихъ созидаетсѣ духъ народный, то не лѣзя не сознаптся, что зданїе уже значптельно возведено. Но полько спроптели не должны въ матеріаль влюбляптся, не должны смѣшпвать онаго съ самымъ спроенїемъ и

долженствуютъ быть увѣрены, что послѣднее можетъ еще существовать, когда перваго не будетъ.

Нѣкоторымъ покажется горько, что духъ времени не благопріятствуетъ болѣе суешности, что онѣй, не увѣнчавая славою, пребудетъ гораздо болѣе силы; но для цѣлаго такое состояніе вещей составляетъ большую выгоду. Не надобно думать, чтобы свѣтъ былъ созданъ для писателей; скорѣй же они для свѣта.

Лежащій предъ нами осенній Капалогъ содержитъ 3175 номеровъ, въ томъ числѣ 62 ландарпы, 21 музыкальное сочиненіе, 149 чужихъ, на комиссію присланныхъ сочиненій, и 327 новыхъ, въ первый разъ публикуемыхъ.

Если внимательно разсмотримъ содержаніе капалоговъ, то не лзя не согласиться въ возраспающемъ перевѣсѣ эмпирическихъ и историческихъ наукъ, надъ владычествовавшей некогда спекуляціей и поэзіей. Сіе замѣчаніе сдѣлали мы и въ прежніе годы. Нынѣ владычествоуетъ полишика, исторія и естественныя науки. Въ сихъ предметахъ является много чрезвычайнаго, между тѣмъ какъ въ Философіи и Θεологіи является мало оригинальнаго; если же что и является, то, следуя современному духу, въ крипическихъ и историческихъ изысканіяхъ, такъ какъ поэпическая липпераатура въ историческихъ романахъ и драмахъ.

Θеологическаго духа должно нынѣ наиболѣе искать въ газетахъ ѳеологическихъ, между коими особенно отличаются Θεологическія Лекціи и крипики Ульманна. Кроме седьмаго собранія Шлейермахеровыхъ

проповѣдей, нѣсть почти ничего, кромѣ историческихъ твореній, копорыя отличаются въ массѣ поучительныхъ сочиненій и продолжающихъ плоднѣе школъ Теологій; продолженіе Неандровой Исторіи распространенія христіанской церкви, равно какъ весьма несходной съ нею исторіи церкви Каперкампа; пятое изданіе Шпейдлинсовой исторіи церкви; Брейшнейдеровъ крипическій трактатъ объ Основаніяхъ Евангельскаго благочестія; Гейгерово крипико-историческое разсужденіе о всирость: Чшо занялъ Магомепъ изъ Іудейства? Два крипическія изліянія сердца гнѣвнаго спарца Салапа; еще нѣкопорыя новыя изданія и переводы старыхъ твореній, на примѣръ девятый томъ перевода Св. Опцевъ (въ Кемпшенѣ), сочиненія Св. Терезіи; оставшіяся творенія Св. Марпина; новое изданіе Пупи къ испинѣ Гершпегена; копорый, подобно Ангелусу Силезію, принадлежишь къ лучшимъ духовнымъ поэмамъ.

Къ явленіямъ особеннаго рода принадлежатъ весьма умножающіяся сочиненія о существѣ духа, къ чему побудилъ Кернеръ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ: *Seherin von Prevorst*. Въ осеннемъ Капалогѣ находятся два творенія о безсмертіи души, Герници и Кернига, послѣдняго также Ключъ къ Міру Духовъ, копорое естъ опылъ опвѣта на вопросъ »бываютъ ли привидѣнія?«
Симонова исторія о вѣрованіи во впорженіе духовъ въ нашъ міръ; помъ претпій о Шуберповомъ Старомъ и Новомъ, изъ исторіи внутренняго познанія души; Рихтеровы Ученія о послѣднихъ вещахъ.

Вообще являлесь много психологическихъ твореній Бирмана, Громана, Гербарта и Шейдлера; Метифизика внупренней природы Г. Шмидта; Геннропово твореніе о Лжи, какъ душевномъ недугѣ. Объявлены большія изданія: твореній Гегеля; претъе изданіе Гербартова введенія въ философію; Франца Баадера Чпенія о спекулативной Догматикѣ и о Содержаніи совѣспи къ вѣрѣ; Кенигсфельдова Система аналитической философіи; Мюллерово Возрожденіе міра изъ ничего; Шмидта объ абсолютномъ и условномъ. Дунъ пишеть историческое и философическое твореніе о Якоби и его времени.

Естесственно, что полипическая литература шеперь не въ оскудѣніи и теоретикки еще болѣе издають теорій, нежели нѣкогда спекулативныхъ системъ правъ, между шѣмъ какъ мужи госудраспвенные на практикѣ продолжаютъ обрабопывать поле Нѣмецкихъ уложеній. Къ первымъ принадлежатъ нынѣ: Меринговъ Формализмъ въ наукѣ о Государствѣ и Шталева Философія Права; далѣе: Дидерихова Система госудраспвеннаго знанія; Вейцелева Исторія госудраспвенной науки; Раусова Учебная книга Полипической Экономіи; Оберста Густавсона (бывшаго Шведскаго Короля) о Совершенно Неограниченной Свободѣ Книгопечатанія. Явился еще новый корпусъ *juris canonici*, изданный Рихперомъ; второе изданіе Церковнаго Права Дроспа-Гюльссофа и десятое изданіе Макельдинговой учебной книги Римскаго права; наконецъ продолженіе Пелицева сочиненія о Европейскихъ Конспиуціяхъ. Много есть сочиненій объ опидѣльныхъ Германскихъ Конспиуціяхъ

и Земскихъ Учрежденiяхъ, именно о Саксонскихъ, Баденскихъ и Брауншвейгскихъ. Для курьозу не лзя не упомянуть о замѣчанiяхъ спарика Турнера Яна о Нѣмецкомъ народодержавiи. Не мало инпересный эпизодъ соспавляюшъ различныя сочиненiя объ эманципации Евреевъ, къ коимъ предпочпиптельно подало поводъ сочиненiе Шпрекфуса, на которое превосходно опвѣспствоваль извѣспный и высокоуважаемый Историкъ Евреевъ Юспъ, равно какъ Докпоръ Риссеръ, коего шворенiя исполнены глубины, ясности и силы, который принадлежишъ къ первѣйшимъ литераторамъ Нѣмецкимъ; его здравоумые, согласные съ духомъ времени и справедливые взгляды на Иудейство, безъ сомнѣнiя увѣнчаюшся побѣдой. Къ симъ же сочиненiямъ принадлежишъ и Шпрегерово шворенiе о Учрежденiяхъ Евреевъ въ Галиции.

Къ числу многочисленныхъ и въ нынѣшней разѣ, педагогическихъ сочиненiй, принадлежишъ шворенiе Г. Вессенберга объ образованiи промышленнаго класса и новая гимнашика Вернера. Мы видѣли такъ же объявленiе о прешьемъ изданiи » Селева шрактиша о невинности, или какъ блаженно и прекрасно соспоянiе невинности. Сочиненiе, предпочпиптельно посвящаемое опечешвенному юношешеству. « Намъ всегда казалось, что не слишкомъ благоразумно и вовсе не соопвѣспственно здравой педагогикѣ болташъ дѣшямъ и молодымъ людямъ слишкомъ много о ихъ невинности, ибо эша невинность соспоишъ именно въ невѣденiи и въ неопытности, еще не вкусившей опъ плодъ древа познанiя добра и зла. Дѣпи, которымъ безпреспанно говоряшъ о ихъ не

винности, или упрямая ея, или спануть ея щесливиться.

Опдѣненіе исторіи естъ снова самое богатое. Въ эпюмъ опношеніи въ послѣднія двадцать лѣтъ болѣе сдѣлано, нежели прежде того во все время, прошекшее опъ возстановленія наукъ. Не только чпо уже извъспныя историческіе періоды были подвергнуты новой, зоркой крипикѣ, по многія, до нынѣ бывшія темными мѣспа, сдѣланы ясными. Хотя исторіи хорошей еще нѣтъ, но крипика историческая весьма много распространилась по вѣсмъ направленіямъ. На сей разъ замѣнимъ: Новый Архивъ для Рейнской Исторіи (Графа Рейзаха и Линде); продолженіе Шлоссерова и Берхшова Архива; извлеченіе изъ Шпокгольмскихъ рукописей (касательно Шведской исторіи); Бера о Древнихъ семипическихъ надписяхъ изъ Египпа; дополненія къ познанію Австріи; Біанки исторія древняго Кельскаго Университета; Блумерова *Iter Italicum*; Людовика Бонапарше Полипическія и военныя замѣчанія о Швейцаріи; Бопсова Исторія государспвенныхъ чиновъ Великаго Герцогства Гессенскаго; Брауншвейговы Очерки всеобщей исторіи народовъ; Бюлова Дополненія къ новой Брауншвейгской исторіи и воспоминанія изъ собспвенной его жизни; Клаузевица Ипаліацскій походъ въ 1799, продолженіе *corpus script. histor. Byzant*; Добровскаго *Slavin* и *Glagolitica* (Древности Славянскія); Фридерика II собственноручныя письма къ Фредерсдорфу; шестая часть издаваемой Брокгаузомъ Исторіи государспвенныхъ перемѣнъ во Франціи; вшорое болѣе дешевое изданіе Гаммеровой Опшпоманской

испоріи; Гавеманнова исторія войнъ Франціи съ Испаліей при Карль VIII; Гефперово Идолослуженіе на островѣ Родосѣ; Германовъ Мегемепъ-Али-Паша; Гюльмановы государспивенныя учрежденія Израильпнянъ; 11 часть Нѣмецкаго перевода Русской исторіи Карамзина; Кокенсовы Дополненія къ исторіи Саксоніи; Либушева Скипика; Линдеманово плѣвничество въ Россіи; осьмая часть Лунденсовой Германской исторіи; Майдангеровы Германскія племена, и Сравнительный Словарь Готфо-Тевпоническихъ нарѣчій; Записки одного Германскаго государспвеннаго челоуѣка, опъ 1788 — 1816 года; продолженіе изданія твореній Юнна Мюллера; новая Германская Некрологія; второе изданіе перевода достопамятностей кардинала Пакка; претрѣя часть Прейсова творенія о Фридрихѣ II; второе изданіе занимательнаго сочиненія: Пруссія и Франція; претрѣя часть Раумеровой исторіи Европы опъ конца XV столѣтія; вторая часть Ремовой исторіи среднихъ вѣковъ; 9 изданіе Ропшековой всеобщей исторіи; Шпейнова исторія Пруссіи и Бранденбурга; переводъ Пикерингова сочиненія о Индійскихъ Американскихъ языкахъ; шестая часть Прусской Исторіи; четвертая и пятая части Миѳологическихъ писемъ Фосса, вторая часть Ваксмутовой Исторіи Европейскихъ государспивъ; Вегелинова Исторія Тогенбурга; Винбаргова Голландія въ 1831 и 1832 годахъ; Вольфова священная Фокійская война и продолженіе извѣспныхъ Историческихъ шрудовъ Гормайра, Менцеля и Раумера.

Также относительно спрановѣденія и народовѣденія много написано занимательнаго. На примѣрь:

претрѣя Берггренсовыхъ путешествій на воспокъ ; второе отдѣленіе прекраснаго Платнерова описанія Рима и проч. Четыре новыя путешествія въ северную Америку: Бромме , Дудена , Кликгирда и Паче ; Бульверсово, исполненное ума сочиненіе : Англія и Англичане ; Бейернсовы Карпины Греціи ; новыя изданія Эльрихсовой Венгрии въ ея нынѣшнемъ состояніи ; ручной Гросовой книжки для путешествующихъ по Австріи ; Гофмановой *Земли* ; Гумбольдтовы путешествія и изслѣдованія ; Германсовъ Парижъ ; Инглисовъ Тироль ; путешествія Графа Мольпке по Италіи ; Норманнова Венгрія ; Понпинсовы замѣчанія во время путешествія по Германіи ; живописное путешествіе по Ломбардо - Венеціанскому Королевству ; Соммерсова карманная книжка ; Вейдмана о Спирити.

Къ числу твореній о естественной наукѣ принадлежатъ : переводъ и извлеченіе изъ Берцеліевой Химіи ; Бевевера о Невтонѣ и его открытіяхъ ; Фогтцовъ переводъ Царскаго живописныхъ Кювье ; Эпгольцовъ Зоологическій Атласъ къ второму путешествію Коцебу ; второе изданіе Просперонародной Астрономіи Фриса ; Галлева полная Органологія ; Внутренность земли , Гегенеса ; Арахиды Гана ; пятое изданіе Ганнеманова Органона ; Иделеровы изысканія о градѣ ; второе изданіе Каспнеровыхъ основаній Физики и Химіи ; Оппенгеймово : о состояніи медицины и болѣзняхъ въ Турціи ; наконецъ объ большія Естественныя Исторіи для простаго народа , Окена и Гейдельбергскаго общества естествоиспытателей.

Въ липшерапурномъ отношеніи : переписка Гепе

и Клопшпока; Гете и Цельпера; Гейнриха Фосса и Жанъ - Поля; Жанъ - Поля и Опшо; продолженіе Розенкранцовоѣ Испоріи Поэзіи и Генпеевой ручной книжки Западной липптерапуры; Губероѣ о новороманпической поэзіи во Франціи; Вольфово о покушеніяхъ Французовъ создашь національную героическую поэму.

Будушь продолжашься полныя изданія пвореній Гете, Пиркера; выдепть новое изданіе пвореній Теодора Кернера; попомъ при перевода Бульверовыхъ пвореній. Между изданіями древнѣйшихъ поэтовъ, замѣнили древнія Германскія спихопворенія Мейэра, Монера, Гарпмана — Ауса-Ивейна, изданныя Бенекомъ и Лахманомъ; Реннеровъ Гуго-Тримберсъ; Ренгардовъ Фуксъ фонъ Триммъ; переводы Бейроновыхъ Еврейскихъ мелодій; Доннеровъ переводъ Луизіады Камюенса; древнѣйшаго Персидскаго спихопворенія (Вамикъ и Асра) Гаммера; Кипайскаго Хи - Кинга Рюкера; завоеванія Гренады, Граціана Винперлинга Лениша; Сѣверное Сіяніе или опыты новой Россійской поэзіи; Нѣмцевичевыхъ Польскихъ пѣсенъ и новой переводъ Шекспира Шнейдеромъ. Новыхъ оригинальныхъ опечествленныхъ спихопвореній нынѣ не много, если выключипть многочисленныя романы и повѣспи. Опъ Гуцковсоѣ Индійскаго романа: Мага-Гуру, можно надѣяпсь многоаго прекраснаго. Одинадцатая Гаммельбургерова поѣздка не менѣе прежнихъ оспроумна. Всякому любипелю поэзіи и музыки пріятно будетъ продолженіе прелеспныхъ Нейрейперовыхъ горскихъ Баварскихъ пѣсенъ. Впрочемъ

въ поѣ обласпи , которую дѣды наши пакъ рѣши-
пельно называли областью изящнаго , нѣтъ ничего
замѣчательнаго , кромѣ кровавыхъ капель изгнанника
Гарро-Гарринга , Гепцева многорѣчиваго разговора съ
Экеншшевромъ , гдѣ авпоръ находишь , по видимому,
юморъ въ шомъ , чшобы въ испоріи комической лип-
пературы играшь печальную роль.

V.

МОЯ ЮНОСТЬ.

Мнѣ было двадцать лѣтъ. Однажды упромъ машь
моя вошла ко мнѣ , подошла къ моеѣ постели , за-
лилась слезами и сказала мнѣ : » Другъ мой! я
продала все , что мы имѣли , дабы заплашпшь наши
долги. «

— Такъ чтоже , маменька ?

— » Чтоже ? Бѣдное дитя ! Мы заплашили долги
наши , но у насъ оспаешся только 253 франка. «

— Доходу? ..

Машь моя горько улыбулась.

— » Всего на все ! « продолжалъ я .

— Да !

— » Хорошо , маменька , я возьму нынѣ вечеромъ
53 франка и опсправлюсь въ Парижъ .

— Чшожь ты спанешъ дѣлашь шамъ , другъ мой ?

— » Увижусь съ друзьями опца моего . Герцогъ
Беллунокій пеперь военнымъ миниспромъ ; Себаспи-

ани принадлежишь къ оппозиціонной партіи и имѣешь чрезъ то столько же вліянія, сколько другіе чрезъ милоспивое расположеніе къ нимъ Короля. Мой отецъ еще прежде ихъ былъ Генераломъ; онъ начальствовалъ надъ четырьмя арміями; нѣкоторые изъ упомянутыхъ генераловъ были при немъ адъютантами, находились у него подъ командой; мы имѣемъ письмо отъ Герцога Беллунскаго, въ которомъ онъ сознается, что милоспіями, коими осыпалъ его Бонапарте, обязанъ онъ наипаче вліянію отца моего; у насъ есть еще письмо отъ Себастіани, въ коемъ онъ благодаритъ отца моего за то, что онъ выхлопоталъ, дабы его Себастіани включили въ Египетскую армію; есть письма отъ Журдана, Келлермана, даже Бернадота. Поѣду, если нужно, даже въ Швецію, явлюсь къ самому Королю, напомню ему о томъ времени, когда онъ былъ еще солдатомъ.

— » Чпожъ будетъ между тѣмъ со мною? «

— Вы правы; но будьте покойны: мнѣ не нужно далѣе Парижа куда ѣхать. И такъ ѣду нынѣ же вечеромъ.

— » Дѣлай что хочешь, « сказала мать моя, обнимающая меня впорично; » можетъ быть эту мысль внушилъ пѣбѣ Богъ. « При сихъ словахъ она вышла.

Я вскочилъ съ постели; новость, узнанная мною, не столько огорчила меня, какъ возвысила духъ мой. И такъ я могу поже на что-нибудь быть полезенъ; хотя не могу воздать мапери моей за ея обо мнѣ попеченія, поелику это не возможно, но по крайней мѣрѣ спасу ее отъ ежедневныхъ непріятностей, со-

пряженныхъ съ бѣдностью, успокою на спарспити пу, которая съ такою нѣжной попечительностью бодрствовала надъ сохраненіемъ жизни моей. И такъ я уже человекъ, ибо опъ меня зависить учаспъ одного существа. Тысячу предпріятій полпились въ умъ моемъ, пысячу надеждъ волновали душу; сердце мое было исполнено и радостью и гордостью, живоворено той увѣренностью въ успѣхъ, которая принадлежить къ числу добродѣтелей молодости, ибо свидѣтельствуешь, что и другіе могутъ на васъ полагаться точно также, какъ вы полагаетесь на нихъ. При томъ можно ли, чтобъ надежды мои не сбылись, когда я скажу эпимъ людямъ, опъ конхъ зависить учаспъ мой: »Если я прошу васъ о чемъ-либо, то прошу для моей матери, для вдовы сараго сорапая вашего, для моей матери, доброй матери моей! «

О, безъ сомнѣнія, у меня была добрая мать, такая добрая, что, благодаря ея любви ко мнѣ, я рѣшительно былъ ни къ чему не способенъ, кромѣ одного — броситься для нея и въ огонь и въ воду.

Въ слѣдствіе сей чрезмѣрной нѣжности, она никакъ не хотѣла распаясь со мною; а когда скажу, что я родился въ Вилмѣ - Коппере, городкѣ, имѣющемъ не болѣе двухъ пысячъ жителей, по всякой угадаешь, что я былъ лишенъ почти всѣхъ средствъ для воспитанія моего. Правда, что изъ имѣвшихся средствъ ни одно не было упущено: одинъ доброй, честной Аббашъ, котораго всѣ любили болѣе по причинѣ его доброты и снисходительности къ прихожанамъ, нежели за свѣденія, училъ меня въ пече-

ни пѣши или шестѣ лѣтъ по лапинѣ и заспавлялъ дѣлать Французскія *бу-риле*. Чпо касается до Ариемешики, то у меня было шрое, одинъ за другимъ, школьныхъ учипелей, и всѣ шрое, послѣ шщепныхъ покушеній, опказались опъ шруднаго предпріятія выучипъ меня четыремъ первымъ правиламъ; за шоя я получилъ вполнѣ воинспвенное воспитаніе, шо еспъ: могъ ѳздивъ на всякой лошади, ходилъ за двѣнадцатъ миль пѣшкомъ на балъ, оплично бился на шпагахъ и спрѣмлялъ изъ писполешовъ, игралъ въ мячи какъ Сен - Моржъ и въ шридцати шагахъ едва ли когда давалъ промахъ по зайцу или курошашкѣ.

Сии способности, коими я приобрѣлъ нѣкошорую извѣспность въ Вилъе-Копшере, не много могли мнѣ доставипъ пособія въ Парижѣ; въ слѣдспвіе чего, размысливъ здраво и спрого испышавъ себя, я внушренно сознался, чпо гошусь шолько въ подчиненные. И шакъ мнѣ слѣдовало упошребипъ всѣ мои усидія, дабы выхлопошашъ себя мѣспо въ какомъ-либо министрспшвѣ.

Сдѣлавъ мои пригошовленія, кои были не велики, я возвѣспидъ всѣмъ знакомымъ, чпо опсправляюсь въ Парижѣ.

На улицѣ встрѣпился со мною содержашель дилижансовъ; онъ очень любилъ меня, ибо первый давалъ мнѣ уроки на биліардѣ и я сдѣлалъ у него удивительные успѣхи. Онъ предложилъ мнѣ сыграть паршію на прощаньи. Мы взошли въ кофейный домъ; я выигралъ у него для себя мѣспо въ дилижансѣ, чрезъ чпо спберегъ нѣкошорую часпъ моихъ пѣшидесяпи шрехъ франковъ.

Въ кофейномъ домѣ случился старинный пріятель опца моего. Сверхъ этаго дружескаго чувства, онъ пишалъ еще къ семейству нашему нѣкоторую признапельность; однажды былъ онъ раненъ на охотѣ, его принесли къ намъ; онъ не могъ никогда забыть попеченій, кои оказывали ему мать моя и сестра.

Человѣкъ сей, по общеизвѣстной его честности и по богатству, коимъ обладалъ, имѣлъ сильное вліяніе во всемъ округѣ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ почти самовластно заставилъ избрать въ депутаты Генерала Фуа, своего соученика. Онъ предложилъ мнѣ письмо къ нему; я поблагодарилъ его, обнялъ и пустился продолжать мои прощальные визиты.

Я пошелъ проспиться съ добрымъ аббатомъ, ожидая услышать отъ него длинную, поучительную рѣчь объ опасностяхъ Парижа, соблазнахъ свѣта и проч. и проч. Почтенный мужъ одобрилъ мое намѣреніе, обнялъ меня со слезами на глазахъ: я былъ любимый ученикъ его; но когда я спалъ просишь у него наставленій, то онъ открылъ Евангеліе и, молча, указалъ мнѣ пальцомъ на слѣдующія слова: *Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ самому.*

Я отправился въ поспѣ же вечеръ, къ величайшему прискорбію моей матери, которая никогда еще не разставалась со мною; впрочемъ, она упѣшалась той мыслію, что съ моими 53 франками я не далеко уѣду и слѣдственно скоро она опять со мной увидится.

Впрочемъ, я вступалъ въ свѣтъ съ нравственными и религіозными идеями весьма не чисными: я былъ

моралистъ и волперіанецъ совершенный; я почиталъ классическими книгами кума матвѣя и фоблаза; Пиго-Лебрюна предпочиталъ Вальшер-Скопшу; писалъ даже спишки въ родѣ Кардинала Берни и Эвариста Парни. Только полипическія мнѣнія мои уже тогда были шверды: они соспавляли во мнѣ нѣчто инспинкпуальное; съ тѣхъ поръ они развились, но не получили никакого измѣненія. Чшо касается до охопы моея къ легкой поэзи, то она, можетъ быть, опъ того происходила, чшо я родился въ шой комнашъ, гдѣ умиралъ Демуще.

Съ симъ - то капиаломъ физическихъ качеспвъ и нравспвенныхъ познаній, явился я въ скромную опель улицы Сен-Жермень-л'Оксерруа, въ полной увѣренности, чшо все худое, слышанное мною объ общеспвъ, еспъ клевета, чшо свѣспъ прекрасный садъ съ золопыми цвѣшами, чшо всѣ врапа сего сада немедленно опверзутся предо мною, чшо мнѣ, подобно Али-Бабѣ, спойшъ шолько произнеспи слово *сезамъ*, дабы горы распутились и дали мнѣ свободный пушь.

Въ слѣдспвіе чего, въ попѣ же вечеръ письменно просилъ я у военнаго Министра аудіенціи; изчислилъ ему права, копорыя имѣю пребовашъ сей милоспи; напомнилъ объ опщѣ моемъ, копорого онъ и забыспъ не могъ; о старой дружбѣ, между ними сущеспвовавшей, умалчивая изъ вѣжливоспи объ услугахъ, ему оказанныхъ, о коихъ однако же неоспоримо свидѣтельспвовало письмо Маршала, копорое на всякой случай я привезъ съ собою.

Послѣ чего я заснулъ и спроеилъ во снѣ воздушные замки. На слѣдующій день купилъ я *Альманахъ двадцати пяти тысячъ адресовъ* и пустился въ разъѣзды.

Прежде всѣхъ посѣпилъ я Маршала Журдана. Онъ очень неопредѣлишельно помнилъ, что существовалъ нѣкогда какой-то Генераль Александръ Дюма; но не зналъ, что у него есть сынъ. Что я ни говорилъ, но былъ наконецъ принужденъ оспавить его, не убѣдивъ, по видимому, что я существую на свѣтѣ.

Приѣзжаю къ Генералу Себаспіани. Онъ былъ въ письменномъ своемъ кабинетѣ; человекъ съ пяты секретарей писали подъ его дикшовку; каждый изъ нихъ имѣлъ свое бюро, и на каждомъ изъ оныхъ, кромѣ перьевъ, бумаги и перочинныхъ ножей, лежала опкрытая пабакерка, копорую секретарь подавалъ Генералу всякой разъ, какъ онъ оспанавливался подлѣ него. Генераль опускалъ въ пабакерку пальцы, бѣлизнѣ и вѣжностпи коихъ позавидовалъ бы родспвеникъ его Наполеонъ, сладоспно впягивалъ въ себя Испанской пабакъ, и снова, подобно *мнимоу больному*, начиналъ прохаживаться вдоль и поперекъ по комнапѣ. Посѣщеніе мое было непродолжипельно; не взирая на все уваженіе мое къ Генералу, я не былъ согласенъ сдѣлаться *стражемъ табакерки*.

Я возвратился домой съ улымымъ духомъ: два первые человекъ, мною видѣнные, разрушили волшебные сны мои. Снова принимаюсь за мой *Альманахъ съ двадцатью пятью тысячами адресовъ*, но уже не имѣя прежней веселой увѣренности; я чувспво-

валъ по спѣсненіе сердца, которое непрерывно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ ускоряется ходъ разочарованія. Я перевертывалъ разсѣянно листы, машинально сморѣлъ, читалъ не понимая; вдругъ вижу имя человѣка, о коемъ масть моя говаривала съ такой похвалою, что я вздрогнулъ опять радости: это было имя Генерала Вердье, который служилъ въ Египтъ подъ начальствомъ отца моего. Бросаю въ кабриолетку, велю везти себя въ предмѣстіе Монмаршрѣ, гдѣ онъ жилъ.

— «Генералъ Вердье?» спросилъ я у привратника.

— Въ четвертомъ этажѣ, маленькая дверь на лѣво. «Думая, что я не вслушался, повторяю снова вопросъ: отвѣсь пошь-же.

— «Что это значить!» думалъ я, взбѣгая по лѣспницѣ; это мало похоже на жилище Журдана, его лакевъ и швейцара Себастьяни. *Генералъ Вердье, въ четвертомъ этажѣ, маленькая дверь на лѣво. Этого человѣкъ долженъ помнить отца моего.*»

Прихожу. У означенной двери висѣлъ скромной зеленой снурокъ; звоню съ невольнымъ біеніемъ сердца. Мнѣ нуженъ былъ этотъ прешій опытъ, дабы узнать, что я долженъ думать о людяхъ.

Послышались шаги приближающагося человѣка; отворилась дверь; явился человѣкъ лѣтъ шестидесяти; онъ былъ въ фуражкѣ d'astracan, въ жилетѣ à brandebourgs, въ панталонахъ à pieds; въ рукахъ у него увидѣлъ я палипру съ красками и кисть. Думая, что ошибся, я сморѣлъ на другія двери.

— «Кого вамъ угодно, государь мой?» сказалъ онъ.

— Я желалъ бы засвидѣтельствовать мое почте-

ніе Генералу Вердье. Но, вѣроятно, я не смѣла за-
шелъ. «

— » Совсѣмъ нѣтъ, вы не ошиблись; онъ здѣсь. « —
Мы вошли въ масперскую.

— » Извините, государь мой! « сказалъ мнѣ чело-
вѣкъ въ фуражкѣ, принимаясь снова писать карпину,
представлявшую сраженіе. Въ работѣ я прервалъ
его моимъ приходомъ.

— Будьте покойны! Только прошу васъ сказать
мнѣ, гдѣ я могу найдши Генерала. . . .

Живописецъ живо оборотился ко мнѣ.

— » Да это я самъ! « отвѣчалъ онъ.

— Вы? . . . воскликнулъ я, устремивъ на него взоръ,
исполненный шакого изумленія, что онъ покапился
со смѣху.

— » Васъ удивляетъ, что я занимаюсь живописью;
не правда ли? Вы слышали, что эпа рука не худо дѣй-
ствовала саблей? Что дѣлать! у меня рука не лю-
битъ бездѣйствія: надобно чѣмъ нибудь занимать ее.
И такъ, что вамъ угодно? говорите. «

— Генераль! отвѣчалъ я ему, я сынъ спараго
воина, вашего поварища въ битвахъ Египетскихъ,
Александра Дюма.

Онъ проворно обернулся ко мнѣ, приспально взгля-
нулъ на меня и, послѣ минушнаго молчанія, сказалъ:

— » Это правда, вы чрезвычайно похожи на него! «

На глазахъ его навернулись слезы; онъ бросилъ
кисть и пропянулъ ко мнѣ руку, копорую мнѣ не
сполько пожасть, какъ поцѣловасть хотѣлось.

— «А что привело тебя въ Парижъ, бѣдняга мой?» продолжалъ онъ. » Мнѣ помнился, что ты жилъ съ маперью въ какой-то деревнѣ? »

— Ваша правда, Генералъ; но мапъ моя спара и мы бѣдны.

— » Вошь двѣ пѣсни, копорыхъ голосъ знакомъ мнѣ, « пробормоталъ онъ.

— А пошому я приѣхалъ въ Парижъ, дабы выхлопашъ себѣ какое-либо мѣспечко и въ свою очередь кормишь мапъ мою, какъ она до сихъ поръ меня кормила.

— » Это похвально! Но въ нынѣшнее время трудно добиться мѣспа; у насъ такая куча дворянъ, копорые ищупъ помѣспишься и копорые не гнушающся ничѣмъ. «

— Но, Генералъ, я надѣялся на ваше покровительство.

— » Что? « .. — Я повторилъ.

— » Мое покровительство? « Онъ горько улыбнулся. » Бѣдняга, если ты хочешь учишься живописи, по эшаго рода покровительству еще я могу тебѣ оказашъ; да припомъ плохой ты будешь арписпъ, ежели не превзойдешъ учицеля своего. Мое покровительство! Благодарю тебя за это слово: думаю, что въ свѣстѣ, кромѣ тебѣ, не найдется еще человѣка, копорый вздумалъ бы просишь моего покровительства. »

— Почему же?

— » Развѣ эти бездѣльники не принудили меня идиши въ опспавку, подѣ предлогомъ, не знаю, какого-то заговора? Такъ что я, какъ видишь, принужденъ

писатъ картины. Если хочешь учись, возьми папиру, кисти, холстъ. «

— Благодарю васъ, Генераль; но я не умю нарисовать даже глаза; припомню, мнѣ должно будетъ долго учиться: ни я, ни мать моя не можемъ ждать.

— » Что дѣлать, другъ мой! Возьми все, что могу предложить тебѣ... Да поспой, могу еще подѣлиться съ тобой богатствомъ моимъ! Я не подумалъ объ этомъ: это и не спойшь того. « Онъ выдвинулъ ящикъ, въ которомъ было, сколько помню, двѣ золотыя монеты и около сорока франковъ серебромъ.

— Благодарю васъ, Генераль! У меня почти столько же. — Тогда, въ мою очередь, у меня навернулись слезы. Благодарю васъ; но вы можете посоветовать, что мнѣ дѣлать.

— » О, этого сколько хочешь! Ну, что ты намереваешься предпринять? « Онъ взялъ снова кисти и продолжалъ работать.

— Я писалъ къ Герцогу Беллунскому.

При сихъ словахъ Генераль, продолжая писать козака, сдѣлалъ гримасу, изъ которой можно было понять: Если ты только на это надеешься, бѣдняга!..

— » У меня есть еще, « продолжалъ я, отвѣщая на мысль его, » рекомендательное письмо къ Генералу Фуа, Депутату моего департамента. «

— А! это другое дѣло. Ну, другъ мой, я не совѣтую тебѣ дожидаться министерскаго отвѣта. Завтра воскресенье, отнеси письмо свое къ Генералу и будь

покоенъ: онъ хорошо приметъ шебя. Ну, хочешь ли объдашь со мною? Мы поговоримъ о пвоемъ опцѣ.

— » Весьма охотно, Генераль. «

— Такъ дай же мнѣ работашь, и приходи въ шесть часовъ.

Я проспился съ Генераломъ Вердье и ушелъ опъ него съ духомъ болѣе спокойнымъ, нежели какой имѣлъ идучи къ нему. Я началъ смопрѣшь на вещи и людей съ надлежащей почки зрѣнія; эпопъ мѣръ, копорого я еще не понималъ, началъ раскрывашься предо мною со всѣмъ своимъ добромъ и зломъ.

На другой день явился я къ Генералу Фуа. Меня ввели къ нему въ кабинетъ. Онъ спрудился надъ своей *Исторіей Пиринейскаго Полуострова*. Въ ту мину, когда я вошелъ, онъ писалъ споя на одномъ изъ шакихъ споловъ, копорые поднимающься и опускающься по желанію; вокругъ его дежали въ безпорядкѣ рѣчи, географическія карты и развернутыя книги.

Когда дверь его свьпилица опворилась, по онъ обернулся со свойспвенною ему живоспю и успремилъ на меня пронцапельный взоръ. Я весь дрожалъ.

— » Вы Г. Александръ Дюма? « сказалъ онъ.

— Такъ почно, Генераль.

— » Не сынъ ли вы пого Генерала, копорый былъ Главкомандующимъ надъ Альпійской арміей? «

— Такъ почно, опвѣчалъ я.

— » Эпо былъ храбрый человекъ! Могу ли бышь вамъ полезенъ? Эпо было бы мнѣ очень пріяпно. «

— Благодарю васъ за участіе. У меня есть къ вамъ письмо отъ Г. Данре. а)

— » А! отъ эпаго добраго друга! Какъ онъ поживаетъ?»

— Онъ чувспвуетъ себя счастливымъ и гордится, что могъ нѣсколько содѣйствовать къ вашему избранію.

— » Нѣсколько! «— распечатывая письмо, — скажите лучше, что ему единспвенно обязанъ я эпимъ. Знаете ли вы, « продолжалъ онъ, не читая еще письма, » знаете ли вы, что онъ опвѣчалъ избираемымъ за меня чеспью и личноспью? Надѣюсь, что выборъ мой не навлекъ ему многихъ упрековъ. Посмотримъ, что-то онъ пишетъ! « Началъ читать. » А! онъ очень рекомендуешь мнѣ васъ! Спало вы имъ весьма любимы?»

— Онъ любитъ меня какъ сына.

— » Хорошо! « Подходишь ко мнѣ. » Куда васъ употребить?»

— Куда вамъ угодно, Генераль.

— » Сперва надо мнѣ знать, къ чему вы способны. «

— О! способности мои не слишкомъ велики!

— » Посмотримъ! Что вы знаете? Немного математикки?»

— Нѣтъ, Генераль.

— » Но имѣете можете быть нѣкопорыя свѣденія въ алгебрѣ, геометрии, физикѣ?» При каждомъ словѣ

а) Дѣйствительно, если я что-нибудь и значу, то всѣмъ обязанъ Гну Данре. Да извиняешь мнѣ, что я назвалъ его по имени: признапельность не бываетъ скромна.

онъ оспанавливался и при каждомъ словѣ я краснѣлъ; съ лица моего капился потъ: въ первой разъ еще спавили меня такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ моимъ невѣжеспвомъ.

— Нѣтъ, Генераль! « опвѣчалъ я заикаясь. Онъ замѣнилъ мое замѣшательство.

— » Учились ли вы правовѣденію? «

— Нѣтъ, Генераль.

— » Знаете ли вы Греческій и Латинскій языки? «

— Немного.

— » Говорите ли на какихъ нибудь новѣйшихъ языкахъ. ? «

— На Итальянскомъ довольно хорошо, на Нѣмецкомъ довольно дурно.

— » Не лзя ли васъ помѣспить къ Лафигу. Знаете ли вы счешную часпъ? «

— Совсѣмъ не знаю. Я былъ въ пыпкѣ: онъ видимо раздвлялъ мученіе мое. О, Генераль! воскликнулъ я голосомъ, которій, казалось, пронулъ его,—воспшаніе мое было весьма худо, и къ спыду моему, я полько шеперь это замѣнилъ; но я исправлю его, даю вамъ мое чеспное слово.

— » Но между пѣмъ, другъ мой, имѣешь ли пычѣмъ жипъ? «

— У меня нѣтъ ничего! опвѣчалъ я, падая подъ бременемъ моего ничпожеспва.

Генераль предался на минупу размышленію.

— » Дайте мнѣ вашъ адресъ, « сказалъ онъ, » я подумаю, какъ съ вами быпъ. «

Онъ подалъ мнѣ чернилъ и бумаги; я взялъ перо,

копороымъ онъ за минушу предъ симъ писалъ; чернила на немъ еще не засохли; я положилъ его на споль.

— » Чшожь пы?

— Я не спану писапъ вашимъ перомъ, Генераль; я недоспоинъ.

— » О, какой пы ребенокъ! На, вопъ новое.»

— Благодарю васъ. — Я спалъ писапъ, Генераль смодрѣлъ на меня. Едва успѣлъ я написапъ нѣсколь-ко словъ, какъ онъ хлопнулъ руками, восклицая:

» Мы спасены! «

— Чѣмъ же?

» У тебя прекрасная рука! «

Я склонилъ голову, закрылъ лице руками: пакъ груспно спало мнѣ! Прекрасная рука, вопъ всѣ мон доспоинспва. Только эпо клеймо неспособности оспаелся у меня. О, оно неопъемлемо!... Прекрасная рука!

И пакъ я могу быпъ писцомъ; какая будущность! У меня прекрасная рука!.. Я охопно далъ бы себѣ опсѣчь правую руку.

Генераль Фуа, не замѣчая, что во мнѣ происходи-ло, продолжалъ:

— » Послушайте, завпра я обѣдаю у Герцога Орлеанскаго; и поговорю ему о васъ. Сядьше шамъ, «--- онъ указалъ на маленькой спомикъ; — » напишите просьбу, но постарайтесь какъ можно лучше. «. .

Я повиновался съ пакимъ смиреніемъ, копорое весьма бы могло понравиться будущему начальнику, еслибы онъ могъ видѣть меня.

Когда я кончилъ, шо Генераль Фуа написалъ нѣ-сколько спрокъ на полѣ. Мнѣ было спыдно, унизи-

шельно видѣшь его письмо рядомъ съ моимъ. Послѣ того онъ сложилъ просьбу, положилъ въ карманъ, протянулъ мнѣ дружески руку и пригласилъ на другой день къ завтраку.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя письмо за печатью военнаго министерства. До сихъ поръ худо и добро по равну раздѣлились для меня; письмо, которое мнѣ слѣдовало распечатать, долженствовало рѣшишельно склонить перевѣсъ на ту или другую сторону.

Министръ отвѣчалъ мнѣ, что не имѣя времени видѣться со мною лично, проситъ меня изложить ему письменно мое желаніе. И пакъ худо перевѣсило!

Я отвѣчалъ, что пребожалъ аудіенціи для того, дабы опдать ему благодарственное письмо, писанное имъ нѣкогда къ опцу моему, его бывшему главнокомандующему; но, не удостоившись чести видѣть его, посылаю только копию съ сего письма.

На другой день я опправился къ Генералу Фуа, на котораго одного опавалась мнѣ надежда. Онъ принялъ меня съ веселымъ видомъ, предвѣщавшимъ нѣчто доброе.

— »Ну,« сказалъ онъ, »дѣло ваше сдѣлано!«

— Какъ?

— »Герцогъ Орлеанскій принимаетъ васъ въ свою канцелярію сверхъ комплекта, съ жалованьемъ 1,200 франковъ. Эпо мало, но опъ васъ зависитъ трудиться.«

— Эпо огромное богатство! А когда я вспущю въ должностъ?

— »Хощь нынѣ, если хопите.«

— Какъ имя будущаго начальника моего?

— » Г. Ударъ. Подите къ нему опъ моего имени. «

— Позволите ли вы мнѣ увѣдомить о такой радости мапушку?

— » Хорошо! садитесь, тамъ есть все нужное. «

Я написалъ мапери моей, чпобъ она продала все, чпо у насъ оставалось, и ѣхала ко мнѣ. Тысячу двѣсти франковъ казались мнѣ неиспощимой суммой. Кончивъ, я обратился къ Генералу; онъ глядѣлъ на меня съ выраженіемъ неизъяснимой благосклонности. Это напомнило мнѣ, чпо я еще не благодарилъ его. Я бросился къ нему на шею. Опъ захохопалъ.

— Сердце у васъ прекрасное, сказалъ онъ; но не забудыте обѣщанія вашего,—учитесь.

— » Такъ, Генералъ! пеперь я буду жить моимъ письмомъ; но обѣщаю вамъ, чпо буду жить со временемъ перомъ моимъ. «

— Однакожь, давайте завпракачь: мнѣ время идти въ палату депутатовъ.

Слуга принесъ въ кабинетъ совсѣмъ накрытый спонликъ; мы завпракали вдвоемъ. Послѣ завпрака я попчасть опправился въ Пале-Рояль. Добро рѣшительно перевѣшивало!

Г. Ударъ принялъ меня съ благосклонностью, копорая явно свидѣтельствовала, чпо я обязанъ ею совсѣмъ не личнымъ достоинствомъ моимъ; онъ посадилъ меня къ сполу, у коего прудились уже двое молодыхъ людей, копорые съ пѣго времени сдѣлались моими товарищами, а пеперь—уже мои друзья.

Немедленно рѣшился я сдержашъ слово свое и

дѣльно приияпсья за ученье. Лапинскій языкъ я зналъ доспаточно, дабы одному продолжатъ далѣе. На оставшіяся изъ 53 франковъ деньги, купидъ я Ювенала, Тацитпа и Светонія. У меня всегда была большая склонность къ географіи; сей наукой занимался я въ часы отдохновенія. Со мною былъ знакомъ молодой медикъ; я просилъ его, чпобъ онъ сводилъ меня въ Шаритѣ, дабы слушатъ шамъ курсъ Физиологій; самъ онъ былъ хорошій Физикъ и Химикъ. Я помогаль ему въ его опытахъ и вскорѣ узналъ въ сихъ двухъ наукахъ сполько, сколько нужно для свѣтскаго челоуѣка. Желѣзное здоровье мое доставляло мнѣ возможность дополнятъ ночью то время, котораго не доставало мнѣ днемъ; короче, въ физическомъ и нравспвенномъ бытіи моемъ произошла совершенная перемѣна; чрезъ два мѣсяца, притѣхавъ ко мнѣ, мапъ моя не узнала меня: такъ сдѣлался я сѣрбозень.

Тогда-по началась упорная борьба воли моей, борьба пѣмъ болѣе спрпанная, чпо она не имѣла поспоявной цѣли; пѣмъ болѣе поспоянная, чпо мнѣ надлежало всему учипсья. Будучи занятъ въ канцеляріи восемь часовъ упромъ и при часа вечеромъ, я имѣлъ свободное время сполько ночью. Въ эпипо лихорадочныя бодрспивованія соспавилъ я привычку, навсегда у меня оставшуюся, спрудипсья ночью, копорая производипъ то, чпо и самыя друзья мои не понимаютъ, въ какое время пишу я мои сочиненія.

Эпаго рода жизнь, ни кѣмъ незнаемая, продолжалась три года, не производя никакой видимой для меня перемѣны. Во все эпо время я не сочинялъ ни-

чего, не чувствовал даже и нужды сочинять. Правда, я прислушивался съ нѣкоторымъ любопытствомъ при успѣхахъ и паденіяхъ неапральныхъ пьесъ того времени; но не симпатизировалъ ни съ драматической конспрукціей, ни съ разговорнымъ исполненіемъ эпига рода сочиненій; я чувствовалъ себя неспособнымъ произвести чтонибудь подобное, не угадывая, чтобы могло существовать чтонибудь другое; меня изумляло только то, что публика разделяла удивленіе свое между авторомъ и Тальмою, удивленіе, которое, по моему мнѣнію, справедливо принадлежало только одному Тальму.

Около эпига времени въ Парижъ приѣхали Англійскіе актеры. Я никогда не читывалъ никакой иностранной неапральной пьесы. Они дали Гамлета; зная только Дюссисова Гамлета, я пошелъ смотреть Шекспирова.

Предположите слѣпорожденнаго, которому внезапно дарована способность видѣть, который видитъ міръ, о коемъ онъ не имѣлъ никакого понятія; предположите Адама, пробуждающагося послѣ своего сотворенія, находящаго у ногъ своихъ зеленый коверъ земли, надъ главою сіяющее небо, вокругъ деревья, покрытыя плодами, вдали широкую рѣку, каплящую серебряныя волны, близь себя жену прекрасную, дѣвственную, нагую—и тогда вы будете имѣть понятіе о томъ очаровательномъ эдемѣ, который въ это предсавленіе отверзся для меня.

О! такъ вопъ чего я искалъ, вопъ въ чемъ чувствовалъ недоспапокъ, вопъ мой удѣлъ! Мнѣ было

нужно этихъ-то людей театральныхъ, забывающихъ что они на театрѣ; эту-то жизнь искусственную, обращающуюся въ дѣйствительную жизнь посредствомъ искусства; эту-то дѣйствительность словъ и жестовъ, производящую изъ актеровъ людей съ ихъ пороками, добродѣтелями, спрасками, слабостями, а не пѣхъ высокопарныхъ, безспрасныхъ героевъ, читающихъ декламаторски нравоученія. О Шекспиръ, благодарю тебя! о Кембль и Смитсонъ, благодарю васъ! Благодарю Тебя, Боже мой! благодарю тебя гений поэзии!

Я видѣлъ Отелло, Ромео, Шейлока, Виргинія, Вильгельма Теля; видѣлъ Макреди, Кина, Юнга; я читалъ съ жадностью иностранныя театральныя пьесы и узналъ, что въ театральномъ мѣрѣ все произтекаетъ отъ Шекспира, какъ въ мѣрѣ физическомъ все произтекаетъ отъ солнца; узналъ что съ нимъ не лзя никого сравнить, ибо онъ столь же драматиченъ, какъ Корнель; столь же комикъ, какъ Мольеръ; столь же оригиналенъ, какъ Кальдеронъ; столь же глубокомысленъ, какъ Гёте; столь же спрашенъ, какъ Шиллеръ. Я узналъ, что одинъ его творенія содержатъ въ себѣ столько же шиповъ, сколько всѣ другія вмѣстѣ. Я узналъ наконецъ, что послѣ Бога, этошь человекъ наиболѣе творилъ.

Съ сихъ поръ поприще мое опредѣлилось; я чувствовалъ, что эта особенность, къ коей призываешься каждый человекъ, открылась для меня. Я имѣлъ къ себѣ самому довѣренность, коей дополъ не ощущалъ, и смѣло усремился въ будущее, о которое прежде опасался разбиться.

Однакожь я зналъ прудности поприща, коему посвящаль себя; зналъ, что оное болѣе другихъ пребуепъ глубокаго и мѣстнаго ученія, и что дабы производить успѣшно опыты на живой напурѣ, надобно изучать мершвую. И такъ я бралъ попеременно пворенія называющіяся Шекспиръ, Корнель, Мольеръ, Кальдеронъ, Гетте, Шиллеръ; я разложилъ ихъ пворенія, какъ прупы на амфипеапралный камень, и со скальпелемъ въ рукъ, искалъ по цѣлымъ ночамъ въ самомъ сердцѣ испочниковъ жизни и шайнъ кругообращенія крови. Я угадалъ, какимъ удивительнымъ механизмомъ приводящъ они въ дѣйство нервы и мускулы; узналъ, съ какимъ искусствомъ образуютъ они сн пѣла, споль разнообразныя, опредѣенныя для прикрыція, одиѣхъ и шѣхъ же коспей.

Ибо изобрѣшаютъ люди, а не человекъ; всякой приходилъ въ свою очередь и въ свой часть, овладѣваецъ вещами, копорыя были извѣспны опцамъ его, приводилъ ихъ въ движеніе новыми соображеніями, попомъ умираецъ, прибавивъ нѣсколько зеренъ въ общую сумму познаній человеческихъ, завѣщеваемыхъ потомкамъ. Эпо млечный пупъ.

Но создащъ что - нибудь совершенное, — я считаю эпо невозможностью.

Вопъ почему Шекспиръ опвѣчалъ одному глупому крипику, копорый обвинялъ его, что онъ заимспивалъ однажды цѣлую сцену изъ одного современнаго авпора:

» Это моя дочь, которую беру я изъ дурнаго общества, дабы ввести въ хоршее.«

Потому-то въ подобномъ же случаѣ Мольеръ просподушно опвѣстивоваль:

» Я беру свое добро, гдѣ нахожу его.«

И Шекспиръ и Мольеръ оба правы, ибо геніальный человекъ не крадесть, онъ завоевываесть; изъ провинціи, имѣ захваченной, дѣлаесть онъ часть своей области; налагаесть на нее свои законы, населяесть своими подданными, владычествуетъ надъ нею и никпо, видя его прекрасное царство, не смѣесть ему сказасть: эта частица земли не составляетъ наслѣдія пвоего. При Наполеонѣ Бельгія была Франція. Нынѣ Бельгія опидѣльное государство! Будесть ли опъ того Леопольдъ болѣе, а Наполеонъ менѣе великъ?

Я вынужденъ говоришь все это, ибо, не говоря о гениі, мнѣ объявили такую же войну, какъ Шекспиру и Мольеру; даже упрекаюшь мнѣ въ моей учености, не только не чувствуюшь благодарности за то, что я показалъ публикѣ неизвѣстныя ей красоты сценическія, но называюшь еще ихъ плажіапорствомъ.

VI.

ЕЩЕ ЛИСТКИ ИЗЪ ПРОВНЫХЪ ЛИСТКОВЪ

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ

ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ.

III.

ПРОЯВЛЕНІЕ НА РУССИ НѢКОТОРЫХЪ ИНДО - СЛАВЯНСКИХЪ И
ДРУГИХЪ АЗИЯТСКИХЪ СКАЗОКЪ.

Сколько возможно сообразить, то самый первый разрядъ въ Русскихъ Сказкахъ должны соспавлять Сказки Народовъ Индо - Славянскихъ а); онѣ занесены на земли первобытной Руси, разумью совсѣми ихъ преузорочными выдумками Индійскими, Арабскими, Кипайскими и проч. изъ *Подсолнечныхъ* спранъ южныхъ. Къ другимъ Европейцамъ тогда еще для нихъ не было дороги. Всѣ эти Сказки, болѣе или менѣе, принадлежатъ, въ Русской Исторіи, ко временамъ непамятнымъ; положить можно за вѣрное, что онѣ существовали за долго прежде, нежели нашъ истинный, или баснословный Господимъ (Госпомысль) владѣль Новомгородскими Славянами; го-

а) Въ горахъ, около береговъ Ганга, или Хан-Геса (Хан-Геспя, или Хан-Госпя, какъ его именуютъ Индійскіе Горцы), по увѣренію многихъ путешественниковъ, есть народъ, говорящій языкомъ весьма близкимъ къ языку Русскому. Замѣчательно также, что убранство боговъ Индіи (это можно видѣть на каршинахъ, приложенныхъ къ разнымъ путешествіямъ въ Бомбай и Калкупу), равно какъ и одежда нѣкоторыхъ женщинъ, двѣ капли воды—наши сарафаны, кички, кокошники и проч.

раздо ранѣе, нежели Шведъ Рюрикъ и его брагья, по волю, или неволю Славяно - Руссовъ, будучи избраны въ ихъ повѣлители, единственно симъ только своимъ избраніемъ, совершенно заупали, до шоль, можетъ быть, правильный ходъ нашей древнѣйшей Исторіи? Здѣсь, наши Лѣтописцы видимо поперялись въ Рюрикахъ и Кіяхъ, въ Аскольдахъ и Хоревыхъ, въ Синюсахъ, Вяпкахъ, Трорукахъ, Дирахъ и проч. а). Исторія наша, въ одно и поже время, заговорила объ Олгѣ, пригвоздившемъ свой щипъ на врагахъ Царь Града; объ Олгѣ и *Святославѣ* б) Богъ знаетъ, какъ замѣшавшемся, съ своимъ именемъ, между именами Варяжскими; шупъ же подѣхали къ ней бездопомогственные: Кій, Щекъ и Хоревъ, сомнительные Варяги Аскольдъ и Діръ, Князья Кіевскіе, между ими юркнула и сестра Князей же Кіевскихъ, Лыбеда.—Новгородъ, Кіевъ, Южная Россія, земли Славенскія, безъ всякаго разбора, слились

а) Именно такъ: ибо признавъ Рюрика съ брагьями необходимою на Сѣверѣ, они уже позабыли, что въ Южныхъ земляхъ Славенскихъ могли жить коренные Князья Славенскіе, истинные предки Владиміра; они позабыли также, что въ Кіевѣ Козары, или Варяги: Кій, Щекъ и Хоревъ, столь же важныя, по баснословію, какъ Рюрикъ, Синюсъ и Труверъ. Они не умѣли объяснить намъ, что тогда, можетъ быть, всѣ Нормандскіе разбойники дремали еще въ свѣ непробудномъ!

б) Вѣроятно Святославъ назывался *Святославомъ*, ибо язычникамъ могло ли быть извѣстно что нибудь *Святое*, или какая нибудь *Святиня*. *Святославъ*, могъ существовать почно также, какъ и *Святovidъ*, какъ и *Святполмъ*, *Святотъ*, *Святунъ* и проч.

во что-то единое; все происхождение наше запестрѣло Козарами, Варягами, чистыми племенами Нѣмцевъ и Русью. Чудо сколько вдругъ проявилось нераспутанныхъ Сказокъ! — Думаешь и, только жалѣешь, что не дошло до насъ такихъ преданій, которыми бы, не слиявая Свѣтослава съ Варягами, или Козарами, указали бы на него, какъ на оцѣдльнаго Князя Славянскаго, истиннаго родоначальника прямо Князей Славено - Русскихъ. Онъ точно привилъ къ Варягамъ и Козарамъ силу!..

Нѣтъ льпосчисленія, которыми бы можно было опмѣнить всѣ эпохи поспешеннаго явленія нашихъ Повѣстей и Сказокъ на землю Русскую. У насъ опъ, какъ и вездѣ, неиспытанный хаосъ для догадокъ. Онъ непоспимъ! Но съ другой стороны карпины древнѣйшихъ *Русскихъ Сказокъ*, еще такъ живы и такъ ярки своими красками, что иногда помыслишь: въ наше время, спомло бы только присканъ какое-нибудь знакомое ближайшее сходство съ этими карпинами, или даже съ цвѣпомъ ихъ красокъ, свойственныхъ той или другой странѣ мѣра и, вопъ хаосъ нашихъ невѣдений зарѣднѣеть: Русскія Сказки, при ихъ археографическомъ разборѣ, сами собою покажутъ любопытному всѣ пропы, по которыми онѣ шли къ намъ, и даже, можетъ быть, объяснятъ: какъ и съ кѣмъ онѣ къ намъ доходили!..

Мы тогда ясно увидимъ, какъ изъ странъ подсолнечныхъ несли ихъ къ намъ опцы народовъ, первоначально наполнившихъ собою привольныя земли Русскія. Точно такимъ образомъ шеперь, почти угадана

Исторія Архитектуры древнихъ Русскихъ храмовъ: она не Римская, не Греческая; а въ совершенствѣ Индійская а); памѣ, еще существующія, древнѣйшія храмы Бомбая и Калкупы, прямо указываютъ на себя, какъ на подлинники, сбереженные вѣками, въ образецъ Архитектуры для Церквей и Соборовъ Русскихъ б). — Мудреро ли же будетъ, что опъ пуда же, большею частію, перелепали къ памѣ и наши миѣы в)? Хаджи Азіяшскіе, пажоные спран-

- а) Свидѣтельствуюсь печатными изображеніями Бомбая, принадлежащими извѣстному Липператору С. Д. Нечаеву, и многими карпинами и чертежами, приложенными ко многимъ путешествіямъ по Индіи.
- б) » Мы Христіане! « воворили еще младенчествовавшие въ Христіанствѣ Перуанцы. » Но пускай же испинный Богъ, освѣпившій наши сердца и души, освѣпипъ, собою же, наши, а не чужіе намъ, храмы; въ нашихъ храмахъ сохранена памяпъ нашихъ оицевъ; наши храмы *наше родное* и, для испиннаго Бога, мы еще ничего не знаемъ великолѣпнѣйшаго сихъ храмовъ! и проч.» Смопри Веберову *Исторію о Перу* Томъ I, -й спран. 39-ю. Можепъ быпъ, пакже думали и поже говорили, и Славяно-Руссы, принявшие Христіанство?
- в) Сколько злая и сполько же иногда добрая, но всегда безобразная *Баба-Яга* и существующая еще и по нынѣ въ Индіи: *Сива*? Божекъ нашъ *Дашуба* никпо другой, какъ Индійская же *Дашу* (Daschou), мапъ *Адети*, жены Солнца. Нашъ Дій, Индійскій *Дійбъ* (Diib) Богъ брани; *Кикилора* ихъ же *Cumatcha*, *Cicimatca*, веселое, но адское божество; наконецъ наша Вѣдьма передѣлана опъ пудаже изъ Богини *Vedas*, хранительницы Санскритскихъ пророческихъ книгъ и проч. эпо существо *всевѣдущее* и проч. Смопр. *Сакоиталу* и вѣкопорыя другія Индійскія поэмы, переведенныя на Аглинскій языкъ.

ники, обратившіеся въ послѣдствіи въ Ханжи а), по еспь: въ Русскіе безпріюпные и бродячіе Миннеспрели, весьма долго поддерживали свои сношенія съ колыбелью первой нашей родины-Азіи; они, предпочпипшительно, носили къ намъ опшуда и сказки, и пѣсни, и выдумки миеологическія. Но съ принапіемъ Хриспіанспва, пѣже Хаджи, вмѣсто Азіи, обратились къ Африкѣ, въ Іерусалимъ и почипались все еще, хопя и въ другомъ опношеніи, людьми бо-гоугодными.

Замѣчашельно, пакже говоря о нашей архипекпурѣ, чпо и въ повѣйшемъ нашемъ церковномъ поспроеніи встрѣчаюпся еще близкія копн, сняпшыя съ древиѣйшихъ зданій Азіяпскихъ. Напримѣръ, кпо видалъ рисунокъ славной фарфоровой башни Нанкинской (въ Кипаѣ), поплѣ навѣрное согласплся, чпо она еспь подлинникъ высокой Троице - Лаврской колокольни (въ Сергіевскомъ посадѣ) и другихъ многихъ ей подобныхъ?

IV.

ПЕРВЫЯ СЪВЕРНЫЯ СКАЗКИ ВЪ РОССІИ, ВСТРЕЧА ИХЪ СЪ ЮЖНЫМИ РУССКИМИ СКАЗКАМИ, СМѢШЕНІЕ ТѢХЪ И ДРУГИХЪ СКАЗОКЪ МЕЖДУ СОБОЮ И СО МНОГИМИ СКАЗКАМИ ПРОЧИХЪ НАРОДОВЪ.

Въ пѣже незапамяпныя времена, когда Славяне, сближаясь съ Сѣверомъ, медленно шли къ нему чрезъ

а) Весьма любопытный опрывокъ описанія о *Хаджихъ* принадлежалъ одному изъ нашихъ поэповъ А. Абр. Волкову. Сія рукопись, ознаменованная печатью конца XVII вѣка, объяснила названіе *Хаджи* въ словъ: *скиталець*.

одну полуденную спруну въ другую; къ нимъ же на вслрѣчу опъ Сѣвера: и по земль и моремъ, быспро лешъмъ другой народъ Азіяпскій, можетъ бытъ за одинъ, или за два вѣка до нихъ выпѣсненный изъ Азиі же а) и попому уже болѣе въ силахъ своихъ, на Сѣверъ, обогащывнній; это была смѣлая опрасль Азіійскихъ народовъ, слившаяся весьма плопно изъ двухъ поколнній: Славенъ и Руссовъ; это были смѣльчаки, весьма охотно поступавшіе, изъ найма, во всѣ службы, не только Азіяпскихъ, но и Европейскихъ власпей; удалцы сіи безпрекословно селились на берегахъ Бальпійскихъ и, пѣмъ же разомъ, не опускали изъ рукъ власпи надъ водами Чернаго, Азовскаго и другихъ морей. Въ чемъ почти соглашаются Эверсъ б) и многіе ученые. Славено - Русь осыпада своихъ новыхъ однородныхъ Госпей *своими* выдумками и своими пѣснями, сполько же кудривыми и волнѣбными, какъ Индіійскія; но холодными, но жестпоко варварскими. Тогда уже сею Сѣверною Ру-

а) «Азіяпскіе народы» говоритъ Гиббонъ «полкали другъ друга изъ одной спраны въ другую; пѣснопа въ полнахъ ихъ не могла уже переноситъ душнаго климапа полдневнаго и, воптъ опъ чего слабѣйшіе народы такъ охотно оставляли тогда колыбель свою Азію. Къ числу сихъ слабыхъ народовъ принадлежали многіе мелкіе народы, извѣстные, въ послѣдспвіи, Европейцамъ вообще подъ именемъ Варяговъ, или Нормановъ. Сначала они жнали грабежами на моряхъ Черномъ и Средиземномъ; а послѣ разлились по всей Европѣ. Славено-Русь, вѣпвъ сихъ же народовъ. Смопри *Гиббоновы отепты современникамы*. Том. II, спран. 244.

б) Смопри: ученія изслѣдованія Эверса.

сю предводительствовали грубые Рюрики, Синусы, Труворы, Норманы-Апаманы, которые, можетъ быть, варварскою хипросію покорили удалившихся съ Юга, еще невоинственныхъ Новгородскихъ власнителей Госпомимовъ, Вадимовъ и проч. и, вопъ тушь уже слились и Норманы съ Славяно-Русью.

На берегахъ Волхова а), Оки б), частію Дона в), Волги г), еще болѣе въ долинахъ Черноморскихъ, на Днѣпрѣ и во всей Галиціи Словене - Пришлецы отъ часу тѣснѣе соединялись съ прежнимъ, вездѣ разсыпнымъ, имъ соплеменнымъ народомъ. Вражда, миръ, побѣды, брани, насиліе и согласіе между собою тѣхъ и другихъ, породили у соединенныхъ вновь Варяго-Славено-Руссовъ *новый* родъ сказокъ и пѣсенъ. Тушь вклеились къ намъ дивныя Саги Сѣверныя.

Думаешь надобно, что въ семь періодъ нашихъ Сказокъ, при усиленіи Славянскихъ сношеній съ Греками и Римлянами, по связямъ ихъ съ народами Испаніанскими, между коими Генуезцы начали играть у нихъ по торговлѣ значительную ролью, Русскія Сказки понесли важныя перемѣны въ своихъ первобыт-

а) Санскритск: Wolochva, или Volokwa — *Огнородиное*.

б) Санскритск: Akka, — Akwa — *Водяная Нимфа, Полубогиня*.

в) Санскритск: Dapu, или Dopa — *Прародительница злаго Генія*.

г) Санскритск: Walaga, или Wollogou — *Влага, сырость*.

Замѣтишь однакожъ надобно, по замѣчанію Издашелей крапкаго Санскритскаго Словаря, что изъ вышеприведенныхъ словъ не всѣ чисто-Санскритскія; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ разнымъ Индійскимъ народамъ.

ныхъ *складахъ*. Здѣсь окончателъно *златые Цари* воспока начали замѣняпьяся Европейскимъ рыцарспвомъ и полу - Азіяпскими выпязями, и вопъ однѣ полько Геронни Сказокъ воспочныхъ: царевны красопы волшебной, необьяснимой, какъ выдумка первыхъ воображеній игривой младенческой любви, съ оставши- мися еще, при пѣхъ же красавицахъ, *подсолногными* Королевспвами, не преспали и не преспавали суще- спвовать на Руси по прежнему. Эпо уже было вре- мя Владиміровъ, еще недаленое опъ Госпомысловъ и Рюриковъ.

V.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ СКАЗОКЪ ИНДІЙСКИХЪ.

Къ числу Сказокъ, занесенныхъ со счаспливыхъ береговъ Ганга на холодную Русь Южными Славяна- ми, я причипаю всѣ баснословныя выдумки съ *Ягоей* Бабою, или съ Бабою-Ягоей; изъ сихъ выдумокъ по- вѣспъ о Проспакъ *Хилли* (у Русскихъ *Фили*) съ *тремя дочерьми Ягоей*, чаще другихъ рассказываемая въ бесѣдъ нашихъ пресполоудиновъ а), еспъ непамят- но древнѣйшая; за нею, непосредспвенно, слѣдуютъ волшебныя повѣспи: о *жаръ птицъ*, о *золотой горъ*, о *тохъ медвъжьемъ ухъ*, о *Царевичъ Ахридтихъ* и проч. Сію послѣднюю Сказку Великая Екатерина передѣлама въ Оперу, великолпнѣйшую всѣхъ, какія полько тогда были на Русскомъ Театрѣ б).

а) Обращикъ сей Сказки помѣщенъ мною: въ *трудахъ Мос- ковскаго Общества Любителей Россійск. Словесн.* и въ *Вѣстникъ Европы*, составленнымъ М. Т. Каченовскимъ.

б) При заключеніи сихъ Пробныхъ Листковъ, я приложу

Кромѣ Ягоей, въ первобытныхъ нашихъ Индо-Россійскихъ Сказкахъ всегда встрѣчаешь *Царь-Девичь* а) богинь или властелинокъ Королевствъ, *Подсолнотныхъ*, *мертвую и живую воду*, *златыя молоджавыя яблоки*, *крылатыхъ волковъ*, *злѣй столбовыхъ*, Кикимору б), Калиновые, или какъ и до сей поры Индійцы называютъ: *Калиф-манѣ* - вые моспы в), *Дѣвку Чернавѣу* г), Скупого, но сласполюбиваго Кація, или *Кастя* безсмертнаго д), Пшицъ Райскихъ, Пшицу Жаръ и ужасную Пшицу *Гагану* е) и проч. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ Сказкахъ, какъ на примѣр: въ Сказкѣ о *золотой горѣ*, мы Русскіе, сохранили еще и самыя имена дѣйствующихъ Индійскими. Мы видимъ, что тамъ и по

крапкій Систематическій Капологъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ Сказокъ.

а) Санскритъ: *Sara—Dewa, Diwa Ksara*, или *Diwa Kara*.

б) Санскритск: *Китага*, божество неусыпное (безсонница?)

в) Санскритск: *Kalif-manta*, дерево, похожее на кипарисъ.

г) *Дева* — *Каланету*, Санскрит.

д) Санскрит: *Kastis* принадлежалъ къ числу первенствующихъ Жрецовъ. Онъ оплачивалъ себя необыкновеннымъ сласполюбіемъ и пользовался правомъ читать *Vedas*, или священныя книги. Сямъ жрецамъ придается эпитетъ: *безсмертныхъ*, ибо ихъ смерть всегда оспавалась великою тайною. Скупость и богатство сихъ Жрецовъ были чрезвычайны: у насъ преобразовали ихъ въ *Кашцевъ безсмертныхъ*.

е) Голландцы *Гойеръ* и *Кейзеръ*, въ своихъ путешествіяхъ по Индіи и Китаю, съ 1655 по 1657 годъ, называютъ сію же самую пшицу: *Vogel-Louga*, или *Avis-Louva*. У нихъ она кривымъ своимъ клювомъ (съ *загагушной*) дѣлаетъ чудеса!

нынѣ существующъ Царевичи Иданъ, или Индранъ а), Миг-Уль, или Мог-Уль, и проч. Кшо хорошо знаемъ нашихъ просполудинновъ, пошъ, безспорно, согласится, что на ихъ языкѣ и всѣ главнѣйшіе царствующія лица Индін — не говоря уже о сходствѣ имени *Индрана* съ Инданомъ, или Иданомъ, не могли иначе и назваться, какъ *Инданами*, или *Индранами*, послѣдствіемъ прешворенными въ Идановъ. Доказательствомъ тому: еще и до сей поры Русскій крестьянинъ, разсказывая о какихъ либо намѣреніяхъ, или начинаніяхъ чужихъ народовъ, говоритъ просто: поднялся Туркъ, пошелъ Французъ. Въ смыслъ сихъ словъ подразумѣвается глава народа: Селимъ, Наполеонъ, Карлъ и проч.

Наконецъ, въ позднѣйшія времена, всѣ Индійскіе *Индраны* обрапились въ *Иваны* (любимое имя Россіянъ). Понимать можно, что эпа переменна приключилась не ранѣ нашего перваго понятія о Христіанствѣ; за то Мог-Улы, или Мих-Улы оспались неприкосновенны: ихъ *имя* повпорядось въ названіи Монголовъ и, въ ихъ *имени* все еще есть чисто Азіятское.

Для дальнѣйшихъ объясненій *любезности*, находимой Русскими въ имени *Иванъ*, необходимо, кажется, упомянуть и то, что имя *Иванъ*, весьма близко къ Скандинавскому *Вану*, начальнику цѣдой спраны по-

а) Санскрипт. *Indra*, означающее Царя, или Власпицеля. Но *Indra*, какъ Царь-Богъ, имѣетъ свое жилище въ Раю: тамъ онъ и вѣчно удачливъ и вѣчно счастливъ.

лубоговъ *Вановъ* же; по завѣренію Исландскихъ преданій лежавшей въ *теплоть болотной*, гдѣ-то на берегахъ Волхова, или Невы. И пакъ соединеніе Сѣверныхъ *Вановъ* съ Южными *Иданами*, для всѣхъ нашихъ древнихъ сказочниковъ, содѣлало еще знакомѣйшимъ и любезнѣйшимъ Хрисціанское имя *Ивановъ* Царевичей и проспыхъ.

Роскошь, упопребляемая въ Русскихъ сказкахъ, при описаніи чудныхъ дворцовъ, черпоговъ, или палатъ Царскихъ, при изображеніяхъ волшебной избушки на *куриной лапѣ*, (на куриныхъ ножкахъ); наконецъ описанія: садовъ съ золотыми плодами, медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, бѣлыхъ узорочныхъ шапровъ царскихъ, княжескихъ, боярскихъ и проч. тому подобное: все число Индійское! Ихъ живописныя поэмы и сказки, какъ свидѣльствуютъ многіе ученые, еще и по нынѣ оплччаютъ себя подобною карпинною роскошью.

Арабскій Царевичъ *Сах-Ирѣ*, или *Шихъ-Ирѣ*, напечатанный въ Москвѣ около 1780 года, въ народныхъ же розказняхъ давно уже существовавшій подъ именемъ *шатра*, есль поже выдумка воспочная, пришедшая на Русь съ одной стороны и, конечно, вмѣшавъ съ *Иданомъ*! . . . —

VI.

ПОВЕРХНОСТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА НѢКОТОРЫЕ МИФЫ
ИНДО-СЛАВЯНСКИХЪ СКАЗОКЪ.

Идеаль высокой, несравнимой красоты и невинности женщины, въ Русскихъ сказкахъ вообще принявъ

подъ громкимъ именемъ Царь-Дѣвицы а), то есть: Царицы надѣ всеми дѣвицами въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эта Царь-Дѣвица была красопа изъ красопъ, мудрѣйшая изъ премудрѣйшихъ, безсмертна также, какъ и многіе другіе боги Индіи, то есть: достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, или въ случаѣ своей преждевременной кончины, она поопже часъ возраждалась въ *другой* во всемъ себѣ подобной юной, прекрасной и невинной дѣвицѣ. Таковыя уже всегда находились въ гошовности или при Жрецахъ, или въ шпашѣ дѣвицъ самой Царь-Дѣвицы. Бднпельная заботливостъ о семъ *возобновленіи* обыкновенно возлагалась на полную волю начальницъ храма, которыя въ случаѣ какого либо дознаннаго порока въ возобновленной Царь-Дѣвицѣ, предавались всеосозженію,

Почти во всѣхъ воспочныхъ расказахъ Царь-Дѣвица, подѣ симъ, или другимъ именемъ, играетъ весьма важныя роли. Греки и Римляне видѣли въ ней свою Гекату, Діану, Фебу. Но Санскрипскую Царь-Дѣвицу никакой Акпеонъ не видывалъ во всей красопѣ ея. Она могла пѣвнать всѣхъ героев-Царевичей, могла сама прельщаться ими, искать и находить себѣ супруга; но и при немъ вѣчно сохраняла свою непорочностъ: ибо о потерѣ оной намъ не рассказываетъ ни одна сказка; о дѣтяхъ древнихъ Ивановъ Царевичей также ни гдѣ и ни кѣмъ не повѣспвуется.

У насъ Царь-Дѣвица, какъ необходимость сказочная, почти поже, какъ и неизмѣнная Русскимъ древ-

а) Смолри влше примѣчаніе о Deva-Ksara, или Diva-Kara.

нѣйшимъ сказкамъ Баба Ягайя, властвуешь *primo* и опличаешь себя даже и въ смѣшныхъ нашихъ новѣйшихъ сказочныхъ оборотняхъ, во всѣхъ сказкахъ *поддѣльныхъ*, слагаемыхъ мелочными нашими книгопродавцами и другими Русскими грамопниками для ихъ коммерческихъ видовъ а).

Одинъ ученый Германецъ б), какъ помнятъ, въ одной изъ своихъ классическихъ лекцій, назвалъ нашу Царь-Дѣвицу Минервой по ея мудрости, Цинтіей по цѣломудрію и Венерою по неувядаемой красотѣ ея; но онъ къ тому же еще прибавляетъ слѣдующее: »и Русская Царь-Дѣвица могла бы, въ одно и тоже время, оспасться и Минервою и Цинтіею и Венерою, »такъ бы и должно эпо. быть, еслибъ только всѣ »Русскіе сказочные герои и боги представлялись »также, какъ Римскіе и Греческіе, существами раз- »вращенными, преданными всевозможнымъ интригамъ; »напрощивъ того у Русскихъ баснословныхъ геро- »инь и героевъ самая спорогая добродѣтель вездѣ »блеститъ, какъ алмазъ: у нихъ нѣтъ *интригъ* не- »присойныхъ; ихъ любовь всегда оканчивается за- »коннымъ бракомъ, *ш. е. а тамъ веселымъ пиркомъ*

а) Къ сожалѣнію, подобныя сочиненія, до составленія критическихъ разсмотрѣній оныхъ, (которыя Богъ, знаешь еще когда будутъ), лишаютъ насъ самыхъ безцѣнныхъ сокровищъ въ наидревнѣйшей нашей Романико-Исторической Литтературѣ.

б) Ав. Шлецеръ, въ одной изъ своихъ лекцій, при замѣчаніяхъ на древнюю Русскую словесность, и позже повторилъ какой-то Хаммельъ въ небольшой брошюркѣ: *Взглядъ вообще на Сказки.*

» да и за свадебку! Впрочемъ, если Русскіе сказоч-
 » ные герои иногда и слабы какъ люди; если они
 » также, какъ и всѣ мы смертные, любящъ и лю-
 » бятся по нашему: по опъ ихъ любви никто не
 » краснѣешь и, даже самое описаніе ихъ любовныхъ
 » приключеній, приправленныхъ только однимъ *цѣло-*
 » *ваньемъ въ уста сахарныя*, можно, безъ всякихъ
 » опасеній, давая прочитывать невинному дитящъ.
 » Чудеса и чудесное, окружающія каждого изъ героевъ
 » Русскихъ сказокъ, такъ занимательны, такъ вол-
 » шебны, что кромѣ хитросостей и мудросостей ни слу-
 » шатель, ни читатель Русской сказки ничего друга-
 » го въ ней не найдутъ и не увидятъ. «

Упомянувъ здѣсь, еще разъ, объ имени *Ягоей*, вѣч-
 ной обидчицы Королевствъ *подсолночныхъ*, на-
 зовешь ли ее, также какъ и Царь-Дѣвицу, сущес-
 вомъ развратнымъ? Баба Ягайя только спрашили-
 це: въ полной силѣ эпаго слова, она и горда и доб-
 ра и зла — все вмѣстѣ. Ея огромность, иногда, не рав-
 няется ни съ какимъ колосомъ; она своею чудо-
 вищностью недоступна ни для какого воображенія
 смертныхъ и, въ поже время, она же, такъ мала,
 какъ человекъ; да и большею частію она и говоритъ
 и дѣйствуетъ *по человѣчески*. Ея нераздѣльныя съ ней:
 ступа, пестъ, помело, нога коспяная, весь задъ, со-
 ставленный изъ однихъ жилъ, спрашны, опврати-
 тельны и дивны!

Наконецъ жилище Ягоей *избушка*, о которой мы
 также упоминали, на своихъ *курильскихъ ножкахъ по-*
вертляющихся, не доказываетъ ли собою *какого-то*
внѣшного движенія, одною моливною, или просьбою

(стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ) обращающагося къ челоѳчеству? Нѣкоторые писатели думаютъ въ *Бабъ Ягой* видѣть Беллону; но она ближе подходитъ къ Реѣ, или Цибеллѣ; она также, какъ и сія послѣдняя, и крѣпка и мощна и, если не носить на своей головѣ, какъ Цибелла же, вѣнца съ городами и деревьями, что мы знаемъ, что и города и деревья всѣ были въ ея власпи: ея волшебной спуны ни гдѣ и ни кпо не смѣлъ удерживать. Три дочери Ягой не Веспалки ли также, особаго рода?

М. МАКАРОВЪ.

(будетъ продолжаться.)

Р. S. У меня въ остаткѣ, кромѣ сообщенныхъ, есть еще 20 листковъ: образцы сказокъ и систематическій каталогъ онымъ. Имъ заключаются всѣ мои труды о сказкахъ. Содержаніе листковъ: VII. *Продолженіе начатаго*. VIII. *Другое продолженіе*. IX. *Необходимыя повторенія*. X. *Подробности встрѣчь Сѣверныхъ сказокъ съ Южными*. XI. *Новости въ Сказкахъ и Репсодисты*. XII. *Извѣстность Славяно-Русскихъ Репсодій*. XIII. *Конечное измѣненіе характера Индо-Славянскихъ сказокъ*. XIV. *Славено-Русскія Сказки и Репсодіи преимуществуютъ предъ Сказками и Репсодіями другихъ народовъ и проч.* XV. *Пѣсни и Репсодіи упоминающія о Владиміръ, его герояхъ и проч.* XVI. *Ближайшіе товарищи древнихъ Индійскихъ Сказокъ*. XVII. *Сказки Грузинскія, Арабскія и проч.* XVIII. *Сказки Грековъ, смышенія*

Мифологическія и проч. XIX. *Сказки Монголо-Татарскія* и проч. XX. *Еще нѣчто о прибытіи гужихъ Сказокъ на Русь.* XXI. *Свои особенности древнихъ сказокъ.* XXII. *Ожиданія ученыхъ иностранцевъ.* XXIII. *Древнія Сказки въ книгохранилищахъ.* XXIV. *Русскія Сказки въ началѣ XVIII столѣтія.* XXV. *Новѣйшіе переводы сказокъ.* XXVI. *Заключеніе.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чпобы по оппечатапіи предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Генваря 19 дня, 1834 года.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ.*

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЦАРОВЫЯ КАРЕТЫ.

Съ нѣкопорого времени промышленность и механика, кажется, взялись перевести въ мѣръ дѣйствительности мечты поэтовъ и романистовъ. Новый агентъ Г. Вапса, уже подарилъ человечеству множеству чудесныхъ произведеній, соперничающихъ съ сверхъестественными подвигами спорукихъ Титановъ классической Мифологіи и Гигантовъ царства волшебнаго. Это новая пиплика, революція такая, которая совершенно преобразуетъ всѣ привычки какъ ремесленника, такъ и челоуѣка живущаго въ области воображенія.

Тѣ самыя машины, которыя за тридцать лѣтъ предъ симъ слыли у мореходцевъ изобрѣтеніями, теперь слыли у насъ изобрѣтеніями.

Телеск. Ч. XVII.

брѣшеніемъ баснословнымъ и бесполезнымъ, нынѣ переплывають рѣки, восходя вверху по теченію оныхъ, бороздяшъ въ безчисленныхъ направленіяхъ всѣ извѣстныя моря, торжествуютъ надъ враждебною силою вѣтровъ и волнъ. Суда, движущіяся парами, сушь уже вещь обыкновенная; имѣйте перпенъе — скоро и паровыя карепы не будутъ рѣдкостью. Уже въ Англіи съ 1830-го года паровая кареша, побѣдивъ всѣ проповорѣчія науки пупешпроишельной, всѣ предубѣжденія разсчетовъ, безпрепятственно совершаетъ каждый день по десяти миль въ часъ, на пупи изъ Ливерпуля въ Манчестеръ. Скоро явится она и на Французскихъ дорогахъ; уже удачно приведенъ въ дѣйство первый опытъ на дорогѣ изъ С. Эшлена въ Роаннъ. Въ Лондонѣ дѣлаются пятьдесятъ паровыхъ карешъ для Франціи. Еще не много, и торговецъ Ліонской будешь употреблять не болѣе 15 часовъ для доставленія въ Парижъ своихъ бархатныхъ и шелковыхъ матерій, необходимыхъ для возвышенія прелесней красавицъ, коими столица Франціи шакъ изобилуетъ. Какая будущность открывається земледѣлю сего государства, его мануфактурной промышленности и всѣмъ опраслямъ торговли! Съ какою быспрошою различныя продукты будутъ перевозиться изъ ценшра къ окружности, опъ окружности къ ценшру, съ одной оконечности королев-

спва къ другой. Какія нравспвенныя и полишпческiя послѣдспвiя повлекутъ за собой сiи мгновенныя сношенiя!

Тогда - шо Парижъ можешь бышь изображенъ на карпѣ спѣсненнымъ въ кругу департаменшовъ. Францiя вся будешъ соспоаяшь полько изъ одной большой сполпцы, для коей всѣ прочiе города и деревни соспаяяшь предмѣспiя.

Изъ Парижа хопѣли сдѣлашь морскую гавань; шеперь эшо не нужно. Въ при часа можно изъ сей сполпцы поспѣшь на берега океана; въ 24 часа на берега Средиземнаго моря. Товары ко-раблей Левантскихъ будешъ доспаяяшь въ сей городъ чрезъ два дни послѣ выгрузки оныхъ въ Марсели, а привозимые Американскими ко-раблями, или кораблями прибывшими изъ сѣверныхъ морей, поспѣюшь въ сiю сполпцу изъ Гавра или Бордо чрезъ шесшь часовъ по спее-нiи съ кораблей. Одной паровой карепы доспа-почно, дабы буксировашъ 30 или 40 фуръ съ шяжеспью 230 поннѣ. Чшо скажутъ объ эшомъ добрые ямщпкп, кошорые, надѣвъ при ошправленiи изъ южныхъ городовъ новый колпакъ и украсивъ лошаковъ своихъ лучшими перьями, какiя полько имѣюшь, восклицаютъ съ гордоспью: *»черезъ мѣсяць мы будемъ въ Парижъ!«*

§ I. ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ И ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ.

До сихъ поръ паровыя машины употреблялись только въ навигаціи; есмь два средства пользоваться ими для приведенія въ движеніе каретъ по дорогамъ. Можно учредитьъ, во первыхъ, въ нѣкоторомъ одна опъ другой распоянтіи, неподвижныя паровыя машины, копорыя, дѣйствуя на веревки, пропянушыя вдоль по дорогѣ, перевозятъ привязанныя къ онымъ кареты, какой бы онѣ ни были формы; во вторыхъ, можно карету привести въ движеніе, посредствомъ подвижной паровой машины, везущей привязанныя къ ней тяжести.

Въ первомъ случаѣ, можетъ быть употреблена машина большой силы, съ давленіемъ въ низъ или конденсащоромъ, ибо тяжесть и размѣръ оной неограниченны, по причинѣ поспояннаго ея на одномъ мѣстѣ пребыванія, доставляющаго еще и по удобство, что всегда можно имѣть поспребное количество воды.

Напрощивъ того, подвижныя машины должны быть легче, менѣе и простѣе успроены. По сей причинѣ, а также и попому, что не возможно удобно перевозить большаго количества воды, для машинъ подвижныхъ приличествуетъ только система давленія вверхъ. Сверхъ того, при употребленіи оныхъ, надлежитъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ пособіямъ, дабы силу пара,

досшашочную для перевезенія данныхъ тяжестей, соразмѣришь съ *теплопроизводящими* средствами, способными досшавишь количество пара, пошребное для поддержанія въ машинѣ быспропы, кошорую она имѣшь должна.

Подвижныя паровыя машины успроивающся на чепырехъ колесахъ, какъ обыкновенныя кареты. Ось одной пары колесъ сихъ успроена такимъ образомъ, чшо на оную дѣйспвуютъ поршни машинныхъ цилиндровъ и содержатъ ее въ непрерывномъ обращеніи. Колеса шакъ прикрѣплены къ оси, чшо не иначе могутъ обращашся, какъ вмѣстѣ съ нею; опчь: чего паръ, дѣйспвуя на ось, въ поже время приводитъ въ движеніе и колеса. Давленіе колесъ на дорогу препяшспвуетъ имъ скользипъ; ось же, будучи движима машиной, принуждаешъ и карету, по мѣрѣ обращенія колесъ, подвигашся впередъ. Два удара поршня соопвѣспвуютъ полному обращенію колесъ, а въ каждое обращеніе оныхъ, карета пробѣгаешъ часть проспранспва равную ихъ окружности, и шакъ каждый ударъ поршня засшавляешъ карету подвигашся впередъ на распояніе, равное половинѣ окружности дѣйспвующихъ колесъ. а) Очевидно, чшо быспроша кареты зависипъ опъ

а) Тѣхъ, которыя соопвѣспвуютъ поршню.

скорости, съ копорой кошелъ доспавляешъ цилиндру паръ.

Тяжести перевозятся посредствомъ паровыхъ машинъ двоякимъ образомъ: или накладываютъ ихъ въ пу самую карешу, къ коей придѣлана машина, или буксируютъ посредствомъ машины нѣсколько другихъ нагруженныхъ карешъ. Сей послѣдній способъ употребилъ на чугунныхъ дорогахъ а). Для обыкновенныхъ же дорогъ нѣкопорые знашоки по сей часпи предпочитаютъ первую систему, а иные въпорую. Но какую бы ни употребляли систему, всегда давленіе поршня находится подъ вліаніемъ сопротивленія, пропиволагаемаго поспепенному движенію машины грузомъ, а сопротивление сіе зависить часпію опъ свойствъ почвы и ея наклонностей, часпію же опъ тяжести клади. Одна и шаже сила можетъ везти на горизонтальной чугунной дорогѣ тяжесть по крайней мѣрѣ въ 12 разъ большую, нежели по хорошей Мак-Адамовой дорогѣ б).

Соединеніе легкости, си-

а) Паровыя карешы, ходящія изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, движущіяся на чугунныхъ чепвероугольныхъ полосахъ, выдающихся вверхъ на 2 дюйма и столько же имѣющихъ въ ширину. Косяки колесъ имѣютъ впадину, сдѣланную для того, дабы они могли держаться на упомянутыхъ чугунныхъ полосахъ.

б) Мак-Адамъ, Англійскій инженеръ, усовершенствовавшій систему строенія обыкновенныхъ дорогъ.

лы и быспрошы, необходимое для подвижныхъ машинъ, пребуешъ шакого успройства кошловъ, чпобы небольшое количеспво воды было под-вержено дѣйсвию великой шеплопворной силы. Такъ какъ печь необходимо должна бышь мала, шо надлежитъ содержатъ всегда весьма дѣяпель-ный огонь, а для сего пребуешся безпрерывное направленіе въ печь сильнаго шеченія воздуха. Зашрудненія, сопряженныя съ доспиженіемъ сей цѣли, долго препяшспвовали успѣхамъ изобрѣ-пенія; но наконецъ сія важная проблема рѣше-на счаспливой мыслію упопребишь на эпо паръ, копорый, совершивъ дѣйсвию свое на поршень, вымешаетъ изъ цилиндра, и копорый почишался дополъ бесполезнымъ. Паръ сей вы-ходилъ чрезъ шрубку машины; будучи про-веденъ въ оную узкой перпендикулярной шрубкой, онъ скопляется въ верху шрубы и вырвавшись быспро изъ нея, производитъ въ печи соразмѣрное шеченіе воздуха. Сіе удиви-пельное открьшіе принадлежитъ къ числу разипельнѣйшихъ, въ новое время сдѣланныхъ усовершенспвованій подвижныхъ машинъ. Дабы вполне поспигнуть выгоды онаго, надлежитъ помнишь, что цилиндръ тѣмъ быспрѣе будетъ испускашь паръ, чѣмъ болѣе усугубляется ско-рость машины. И такъ шеченіе воздуха будешъ увеличиващься въ печи, по мѣрѣ пошреб-ности. При неограниченномъ шеченіи воздуха

въ печи, легко будешъ содержашъ огонь въ ша-
кой степени дѣяпельности, какая понадобится.
Важнѣйшее послѣ сего соспоишъ въ помѣ,
чпобъ самымъ выгоднымъ образомъ подверг-
нуть воду дѣйствію огня. Для доспихенія сей
цѣли было предложено много способовъ, но всѣ
соспоашъ въ раздѣленіи воды, дабы подверг-
нуть оную дѣйствію огня, на самой большой,
сколько возможно поверхности. Нѣкопорые раз-
предѣляли воду въ маленькихъ шрубкахъ, черезъ
копорья и около коихъ дѣйствувешъ огонь.
Другіе помѣщали оную между тонкихъ метал-
лическихъ пластинокъ, коихъ наружная поверх-
ность разогрѣвается огнемъ, пакъ, чпо дѣй-
ствію онаго подвергается съ двухъ сторонъ
множесство тонкихъ слоевъ воды. Иные предла-
гали помѣщашъ воду между двумя, почти рав-
ными цилиндрами, дабы имѣшъ вокругъ оныхъ
тонкій цилиндрической слой воды, на копорый
огонь дѣйствовалъ бы въ одно и тоже время
снаружи и изнутри цилиндровъ. Еще нѣко-
порые полагаюшъ, чпо надлежитъ разпредѣ-
ляшъ воду въ плоскихъ, горизонтально распо-
ложенныхъ, небольшой глубины ящичкахъ, ко-
ихъ нижняя поверхность подвергается огню, а
верхняя служишъ къ испаренію. Мы ограничимъ
на сей счетъ замѣчанія наши только двумя
способами, копорые уже находяшся или скоро
будушъ находшся въ употребленіи.

Подвижныя машины, упопреляемыя на Ливерпульской чугунной дорогѣ, соспоянты изъ цилиндрическаго, горизонтально долгопою своей лежащаго кошла; печь находится на одной оконечности, штруба на другой. Оконечности сего кошла соспавляютъ плоскость круга; во всю длину кошла, равняющуюся Русской сажени а), проспираются около спа штрубокъ, изъ коихъ каждая имѣетъ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ. Сии штрубки соспавляютъ единственное сообщеніе печи съ штрубою, и печеніе воздуха ошъ штрубы къ печи необходимо происходитъ между ими. Печь есть большая четверугольная камера, коей задняя сторона примыкаетъ къ оконечности кошла; бока сей печи, верхъ ея и нѣкошорая часть передняго бока, соспавлены (каждая) изъ двухъ желѣзныхъ листовъ, между коими находится небольшое распояніе; внизу расположена рѣшешка, на коей кладется уголь. Распояніе между двумя листами, соспавляющими бока печи, наполнено водою, въ кошлѣ находящеюся, и въ сіе промежуточное пространство непрерывно впекаетъ находящаяся въ кошлѣ вода, ибо кошелъ спойшъ выше онаго.

Изъ сего явспвуетъ, что огонь, на рѣшешкѣ

а) ш. е. семи Англинскимъ фушамъ.

имѣющійся, окруженъ слоемъ воды, на копорую всюду дѣйствующъ лучи огня. Сполпъ воздуха, проходящій между опверспіями рѣшетки, на горячіе угли печетъ чрезъ спо шрубокъ, въ коплѣ заключающихся. Сей воздухъ, проходя чрезъ шрубки, получаетъ значительную спепень шеплошы, копорую сообщаетъ водѣ, шрубки сіи окружающей, и по выходѣ онаго шемперашура его почпи равняется шемперашурѣ самой воды. Такимъ образомъ большая часть шеплошы, доставляемой огнемъ, или поглощенной воздухомъ, сообщается водѣ. Слой воды, окружающей печь, нагревается лучами огня, погда какъ вода, окружающая шрубки въ коплѣ, извлекаетъ сколько возможно шеплошворъ, воздухомъ поглощенный. Такъ какъ слой воды, окружающей печь, на копорую дѣйствуетъ огонь, находясь ниже поверхности воды, въ коплѣ заключенной, и расширяясь по причинѣ большей шемперашуры своей, спремится вверхъ, по для сего учредили каналъ изъ промежуточнаго вокругъ печи распшоянія, къ цилиндрическому коплу, а въ слѣдствіе сего должны были сдѣлать еще другой каналъ, идущій въ обратномъ направленіи. И шакъ вода совершаетъ непрерывное обращеніе между проспраншвомъ, окружающимъ печь и цилиндрическимъ копломъ.

Подъ шрубой, на пропивоположной оконеч-

носпи копла, находишся довольно пространныя камера, герметически запертая, въ кошорой расположены цилиндры, приводящіе машину въ движеніе. Въ первыхъ машинахъ, употреблен-ныхъ на чугунныхъ дорогахъ, цилиндры сіи располагались внѣ копла, и были слѣдспвенно подвержены вліянію наружнаго воздуха, 'чрезъ чпо шерялась большая часпъ шеплошвора, кошорый нынѣ сохраняется чрезъ помѣщеніе цилиндровъ подъ шрубою въ вышеупомянушой камерѣ. Такъ какъ въ камеру сію впекаешъ вылепающій изъ шрубокъ копла воздухъ, дѣйсшвію коего подвергается наружная поверх-носпъ цилиндровъ, по шемперашура ихъ по-чпи равняешся съ шемперашурою воды въ коплѣ.

Хошя машины сіи располагающся на чепырехъ колесахъ, но большая часпъ шяжеспи ле-жишъ шолько на двухъ. Такъ въ машинѣ, вѣ-сящей восемь шоннѣ, пяпъ изъ нихъ шягошѣ-ющп на большихъ колесахъ, а три на малень-кихъ. Ось большихъ колесъ изогнуша, и колеса приводяшся въ обращеніе машиною. Но въ нѣ-копорыхъ шаковыхъ машинахъ поршни приво-дяпъ въ кругообращеніе всѣ колеса, и шогда сіи послѣднія бшваюпъ всѣ одинаковой величи-ны и шяжеспъ равно раздѣлена на обѣ парц-оныхъ.

Нынѣ, когда чугуныя дороги спроялся на весьма великихъ проспранспвахъ, пребующъ великихъ издержекъ и, вѣрояпно, имѣють большое вліяніе на учаспъ многихъ пысячь людей, когда другія не менѣ важныя предпріяпія сего рода скоро будушъ начашы, не худо бы было показашъ смѣшу посшоянныхъ издержекъ, пребующихся на упопробленіе и успройство чугунной дороги, уже съ успѣхомъ успроенной, равно какъ обзорніе выгодъ и неудобствъ, съ нею сопряженныхъ, въ опношеніи къ порговлѣ. Чшо касаешся до Ливерпульской чугунной дороги, шо въ опношеніи къ оной, по нѣкопорымъ причинамъ, сдѣлашъ сего нельзя. Дѣйспвія компаніи и ея инженера, съ самага начала работъ на предположенной линіи, по нынѣ, не иначе могушъ бышъ названы какъ многими одинъ за другимъ слѣдовавшими опытами, которые всѣ дѣйспвительшо имѣли счастливья слѣдспвія, но изъ коихъ каждый былъ только предшеспвенникомъ улучшеній, замѣнившихъ способы, дополъ упопробленные. Эпаго еспеспвенно должно было ожидашъ, по шой причинѣ, чшо ни одинъ важный опытъ въ эпомъ родѣ не былъ еще учиненъ, ибо, не взирая на шо, чшо прежде построения Ливерпульской чугунной дороги, въ Англіи уже сущеспвовало оныхъ до шестидешапи, ѣздили по онымъ только на лошадяхъ. Въ нѣкопорыхъ случаяхъ упо-

пробляли подвижныя машины, но не имѣли мысли употребить ихъ шакъ, какъ употребляютъ нынѣ Ливерпульская компанія; слѣдственно можно было приобрести новыя свѣденія, но надлежало купить ихъ цѣлой цѣлюю сравнительныхъ ошибокъ, неразлучныхъ съ опытносью человеческой.

Извѣстно, что директоры компаніи, въ намѣреніи поощрить народную промышленность и найдши форму машины, сообразнѣйшую съ планомъ ихъ, предложили, въ началѣ 1829 года, награду въ 500 фунтовъ стерлинговъ, за лучшую подвижную машину, успроенную сообразно съ предписанными условіями.

Въ слѣдствіе сего предложенія явились на публичное испытаніе при различной формѣ паровыя машины: одну представилъ Г. Робертъ Спефенсонъ, сынъ изобрѣшателя чугунныхъ дорогъ; другую Гг. Брешуайшъ и Эриксонъ, прешью Г. Тимопей Такворшъ. Были и еще двѣ машины, но ихъ не испытывали. Машина Спефенсона удовлетворила всѣмъ требованіямъ директоровъ. И объ другія шакже соединяли всѣ нужныя условія, но онѣ испорпились во многихъ часяхъ, прежде нежели были подвергнушы главному опыту, шребованному судіями; и награда по всей справедливости была присуждена Г. Спефенсону.

Должно сознашья, что въ то время мысль

извлечь выгоду изъ соперничества изобрѣшашелей, принесла пользу; вѣроятно даже, что и предпріятіе компаніи не имѣло бы шакого успѣха, если бы не прибѣгли къ сему средству. Но сія мысль имѣла шаже и вредныя слѣдствія. Не мудрено понять, что машина, копорую очень можно усовершенствовать, легко можетъ оказаться недоспапочною при первомъ опытѣ; скажу болѣе, неудача оной можетъ послѣдовать отъ причинъ случайныхъ, не зависящихъ отъ худаго ея устройства. Совершенный успѣхъ машины Г. Спешенсона ослѣпилъ нѣкопорымъ образомъ директоровъ: на устройство каретъ сихъ была выдана изобрѣшашелю привиллегія; даже когда Спешенсонъ не могъ шако скоро дѣлать ихъ, какъ того компанія желала, то сія послѣдняя, будучи принуждена опнеспись къ другимъ инженерамъ, рѣшительнo претовала, чтобы ихъ машины были устройства по модели Спешенсона съ весьма малыми измѣненіями. И шако на Ливерпульской дорогѣ опыты ограничались машинами одной только формы. По счастью это-то и дозволило искусному ихъ изобрѣшашелю произвести великое множество послѣдовательныхъ улучшеній. Сія усовершенствования касались отчасти относительной пропорціи и силы разныхъ частей, отчасти расположения цилиндровъ и ихъ дѣйствія на колеса.

Сначала, горючаго вещества упопрелялось на 2 ф. спер. на поннъ и на милю а), и машины могли, по изчисленію, везти тяжестъ впрое прошивъ того, что сами вѣсятъ.

Но улучшеній, введенныхъ въ печеніи двухъ лѣтъ, значительнo уменьшили количество сгораемаго вещества. Мы не можемъ вѣрно опредѣлить сіе количество въ поспоянномъ упопреленіи машинъ; но при насъ дѣлано было нѣсколько опытовъ, при коихъ мы могли замѣтить сколько изпрашилось каменнаго угля (коксъ); а какъ опыты сіи производились въ нѣсколько пріемовъ, то можно было ихъ сравнить. При опытѣ *Рокета*, паровой кареты, усовершенной Стефенсономъ при открытіи чугунной дороги, оказалось, что попреленіе угля простиралось до 1,63-хъ фунта, на поннъ и на милю, не считая тяжести машины и ея принадлежностей б). Сіе количество, чрезъ умноженіе пробокъ въ копль, съ помощію нѣкоторыхъ другихъ измѣненій, было еще уменьшено до 1-го фунта; послѣдніе же опыты, при коихъ мы присутствовали, доказываютъ, что сдѣлано еще нѣкоторое сбереженіе.

а) Англійская миля равняется $1\frac{1}{2}$ Русской версты.

б) Фура, которую паровая карета везетъ буксиромъ; она нагружается углемъ и водою.

Замѣчено, что машины, сравнительно съ ихъ естественной тяжестью, могутъ везти грузъ гораздо большій, нежели какой, по соразмѣренности съ силами ихъ, былъ имъ сначала определенъ. Теперь машина, которой тяжесть простирается до 8 тоннъ, возитъ иногда до 12 тоннъ; но изъ слѣдующихъ опытовъ, въ теченіи сего года на чугунной дорогѣ учиненныхъ, явствуетъ, что она можетъ везти и болѣе:

№ 1. Машина *Виктори*, вѣсящая 8 тоннъ двѣ квинты: изъ сей тяжести пять тоннъ и 4 квинты лежатъ на дѣйствующихъ колесахъ а). Цилиндръ одиннадцать дюймовъ. Ходъ поршня 16 дюймовъ. Дѣйствующія колеса пять футовъ въ діаметрѣ.

1832-го Мая 5-го, машина сія привезла изъ Ливерпуля въ Манчестеръ (30 миль) въ часъ, тридцать четыре минуты и 15 секундъ, двадцать футовъ или *уаггонсовъ*, коихъ тяжесть простиралась до 92 тоннъ, 19 $\frac{1}{2}$ квинтъ.

Употреблено ею (*кока*) угля 929 фунтовъ. На высотѣ равнины Ренгейльской, машинѣ сей, на распояніи 1 $\frac{1}{2}$ мили, пособлялъ *Самсонъ*. Она употребила 10 минутъ на возобновленіе воды и смазываніе частей ея масломъ, которое совершилось на половинѣ пути. При отъѣздѣ печь напол-

а) Тѣхъ, на кои поршень непосредственно дѣйствуетъ.

нили углемъ (не взвѣсивъ); по приѣздѣ же въ Манчестеръ, оную оныя наполнили углемъ (взвѣсивъ оный). Уголь, употребленный для произведенія пара, прежде опъѣзда, не входилъ въ вышеизложенный счещъ.

Скорость на горизонтальной плоскости:

18 миль въ часъ.

- По оплогости, имѣющей на милю чешыре фуза наклонности. 21,50.
- По оплогости, 6 фузовъ на милю 25,50.
- По возвышенію 8 фузовъ на милю 17,63.
- По горизонтальной плоскости, не подвергаясь въпру. 20,

При умѣренномъ проливномъ въпрѣ машина сѣла въ Чапмосъ, и поперѣла при минушѣ даромъ. 8-го Маія, паже машина свезла 20 уаггосовъ, вѣсомъ въ 90 поннѣ, $7\frac{1}{2}$ квиншъ; совершила пущъ изъ Ливерпуля въ Манчестеръ въ 1 часъ 41 минушъ; оспанавливалась на половинѣ дороги для воды и проч. 11 минушъ; употребила угля 1040 фуншовъ. Тѣже замѣчанія какъ и при первомъ опышѣ.

- Скорость на горизонтальной плоскости. 17,78
мили въ часъ.

- По покапости, имѣющей склоненія 4 фуза на милю. 22.
- 6 фузовъ. 22,25

— Вверхъ по покапоспи, имѣющей скло-
ненія 8 фушовъ. 15.

Сильный проливный въперъ. *Сообщительный пруть* разгорячился, ибо слишкомъ крѣпко былъ навинченъ. По приездѣ въ Манчестеръ оказа-лось, что поршни въ цилиндрахъ ослабли до чрезвычайной степени и паръ проходилъ насквозь.

29-го Маія машина, называемая *Салмонъ* (въ-сомь въ десятиъ тоннъ и 2 квинты; цилиндры ея 14 дюймовъ, ходъ поршня 16 дюймовъ; ко-леса 4 фуша, 6 дюймовъ въ діаметрѣ; всѣ че-тыре колеса приводящя машиной въ обраще-ніе; давленіе пара 50 фунт. 130 шрубокъ) бук-сировала двадцать вагонсовъ съ поварами, ко-торые сами по себѣ въсили 150 тоннъ. Съ сею тяжесію машина пришла изъ Ливерпуля въ Манчестеръ (30 миль) въ два часа 40 мин. не считая времени, употребленнаго на оспановки для воды и проч. И такъ она пробѣгала въ часъ почти 12 миль. Скорость ея измѣнялась, смош-ря по соспоянію дороги. На плоской поверхно-спи она проспиралась до 12 миль въ часъ; по наклонноспи въ 6 фушовъ на милю, кареша пробѣгала 16 миль въ часъ; взѣзжая на опло-госпъ, имѣющую наклонноспи 8 фушовъ на милю, машина совершала только около 9 миль въ часъ. Время было тихое, дорога очень сыра, но колеса не скользили даже при умѣренной

скорости машины, кромѣ того какъ она начала путь; ибо дороги при каждой спанціи покрыты грязью. Кока изпращено 1762 фунта, не считая того, который употребленъ для произведенія пара, прежде опъзда машины.

Сравнивая всѣ сіи опыты съ предшествовавшими результатами, очевидно, съ какой постепенностію усовершенствуется искусство спрощить подвижныя машины и какъ спрудно соспавить почное вычисленіе, которое могло бы служить основаніемъ для новыхъ сего рода предпріятій. Однакожь мы можемъ опредѣлить издержки; для сего нужно просмотрѣть отчеты Ливерпульской компаніи. Мы считаемъ нужнымъ обратишь общее вниманіе на сіи отчеты потому, что люди, которые полагають, что для собственныхъ ихъ выгодъ необходимо препящсшвовашь построенію чугунныхъ дорогъ, представляли ошибочное обозрѣніе издержекъ, на оныя нужныхъ.

Правильная ѣзда по чугунной дорогѣ началась 1830. Чрезъ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ того, по естъ 31-го Декабря того же года, былъ опубликованъ первый отчетъ.

Доказано, что въ печеніе сихъ $3\frac{1}{2}$ мѣсяцовъ, доходы компаніи проспирались до 14, 432 фунт. сп. 19 шилл. и 5 пенс. И такъ, полагая капиталъ, употребленный на сіе предпріятіе, въ 1,000,000, фунт. сп. (оно дѣйствительно

почти сполько обошлось) приходился по 5 процен. въ годъ. По послѣдовавшимъ опчетамъ, явствуетъ, что въ прошедшее попомъ 6-ти мѣсячїе проценты возвысились до 6, а въ послѣдніе шесть мѣсяцовъ вѣсѣраго года проспирались до 8. Опчетъ за первое полугодїе 1832 еще не публикованъ; но изъ опчета мѣсяца Марта видно, что число путешественниковъ, сравнительно съ той же эпохой прежняго года, весьма увеличилось въ послѣднія предъ 23 Марта 12 недѣль. Перевозъ товаровъ также значительно возвысился.

И такъ можно смѣло предсказать, что выгоды отъ сего предпрїятїя еще много увеличатся современнымъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что выгоды сіи будутъ возрастать по мѣрѣ того, какъ искусство спроститъ подвижныя машины будутъ усовершенствоваться; ибо усовершенствованїя сіи относятся ко всѣмъ часпямъ: къ уменьшенїю стараемаго вещества, къ облегченїю доставленїя маперїаловъ и къ убавкѣ работниковъ. Сверхъ того машины компании возили спяжеспи слишкомъ для нихъ легкія, а это можно причислить также къ убытку. Съ нѣкотораго времени сему неудобству нашли способъ пособлять тѣмъ, что кареты путешественниковъ прикрѣпляютъ къ фурамъ, въ коихъ везутся шовары.

Въ сей спранѣ, машина съ давленїемъ вверхъ

долго была спрашилищемъ: ее считали опасною. Легко доказать, что причины, производящія взрывъ кошловъ, сущесвующь не въ однѣхъ машинахъ съ давленіемъ вверхъ; онѣ зависятъ опъ обспояшельспвѣ, не имѣющихъ связи съ температурой или степенью давленія, до коей доспигаетъ паръ; и что кромѣ рѣдкостисихъ приключеній, онѣ могутъ послѣдовать съ машинами обѣихъ родовъ; но лучшее доказательство неосновательности спраха сего, состоитъ въ томъ, что въ теченіе 2-хъ лѣтъ на чугунныхъ дорогахъ транспорты всякаго рода производились непрерывно; употребляемы были только машины съ давленіемъ вверхъ и несчастія опъ взрыва ни разу не случилось. Правда, бывало, что лопались кошлы, но единственнѣмъ слѣдспвіемъ того было угашеніе огня и оспановка. Случались неважныя приключенія съ пушешесвенниками, но всегда оныя происходили опъ ихъ же небрежности; одинъ только разъ было несчастіе, не взирая на то, что въ теченіе упомянушаго времени по крайней мѣрѣ 1,000,000 людей проѣхали по сей дорогѣ. Если сравнишь сіи немногія приключенія при равномъ числѣ пушешесвенниковъ, съ количествомъ несчастій, бывающихъ на обыкновенныхъ почповыхъ дорогахъ, то окажется, что гораздо безопаснѣе ѣздитъ на паровыхъ машинахъ, нежели на лошадахъ.

§ II. ПРИНАРОВЛЕНІЕ ПАРОВЫХЪ КАРЕТЪ КЪ ОБЫКНОВЕННЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Оспиаешся наййти средство принаровити паровыя машины къ обыкновеннымъ дорогамъ. Выгоды, доставляемыя машинами, ходящими на дорогахъ чугунныхъ, побуждаютъ насъ рассмотреть, есть ли различіе въ свойствахъ между чугунными и обыкновенными большими дорогами, и ежели сіе различіе существуетъ, то можетъ ли опъ того произойти невозможность употребленія паровыхъ машинъ на обыкновенныхъ дорогахъ. Мы видѣли, что сопротивленіе, оказывающееся ходу паровой кареты, на хорошей проспой дорогѣ, при равенствѣ всѣхъ другихъ общешельствъ, превышаетъ въ двѣнадцать разъ то сопротивленіе, которое карета испытываетъ на дорогѣ чугунной. Изъ сего слѣдуетъ, что какая бы ни была употреблена дѣйствующая сила, сила сія на проспой дорогѣ будетъ въ состояніи везти только тяжесть въ соразмѣрности меньшую противъ той, какую таже сила могла бы везти по дорогѣ чугунной. Поверхность большой дороги естествененно не можетъ быть такъ гладка, какъ поверхность чугунной, и слѣдствененно сопротивленіе, представляемое ею движущей силѣ, бываетъ разнообразнѣе. Сопротивленіе горизонтальной чугунной дороги, по-

чши всегда однообразно, и какова бы ни была употребляемая на оной дѣйствующая сила, степень сей силы не имѣеть нужды въ измѣненіяхъ.

Недостатокъ пакаго равенства сопротивленія на большихъ дорогахъ, починки, коимъ онѣ необходимо должны быть въ извѣстные времена подвергнуты, особенно то, что самая ѣзда есть способъ для образованія дороги утвержденія и углаженія оной, все сіе пребуешь, чтобы степень силы, дѣйствующей по такой дорогѣ, была весьма разнообразна. Новая *Мак-Адамова* дорога, покрытая разбитыми кремнями, представляеть гораздо большее сопротивленіе, нежели тогда, когда она окрѣпнеть и сдѣлается гладка; такъ какъ въ этомъ состояніи можеть находишься всякая дорога въ помѣ или другомъ мѣстѣ, по необходимо учредись пакоє содержаніе между силою машины и тяжестью, копорую она везеть, чтобы машина могла преодолявать труднѣйшія препятствія.

Такъ какъ дѣйствіе впадинъ одинаково на проспыхъ дорогахъ и на дорогахъ чугунныхъ, а *прогрессивное* сопротивленіе, ими на большихъ дорогахъ представляемое, содержишь въ меньшей пропорціи съ сопротивленіемъ плоскихъ поверхностей, нежели на чугунныхъ дорогахъ, по слѣдуешь, что на проспой дорогѣ не нужно такъ увеличивать силу, какъ на чугунной. Можеть

даже спацься, што ўзвельчэніе сіе не прэвысіць той сілы, какая нужна для преедольніа запрудненій на горузонпальной поверхноспи.

Изъ особеннаго успройства машинъ, упошребляемыхъ для везенія карепъ съ пассажирами, явспвуешъ, што въ какой бы спепени ни была движущая сила, она доспапчеспвуешъ толькo по мъръ сцъпленія дъйсвующихъ колеспъ съ грунпомъ, ибо сіе сцъпленіе доспапляешъ, шакъ сказаць, возмoжностъ движущей силъ подвигаць карешу впередъ. Сіе сцъпленіе разнoобразнѣе на обыкновенныхъ дорогахъ, нежели на чугунныхъ. Долго почипали сію силу сцъпленія споль слабою на обыкновенныхъ дорогахъ, што не полагаали возмoжнымъ, дабы посредспвомъ оной могли приходипъ въ движеніе большія пияжеспи. Но опыпомъ дознано, што при обыкновенныхъ обспоятельспвахъ сила сіа не толькo доспапчна для приведенія въ движеніе карешы съ пассажирами, коей пияжеспъ поддерживаешся дъйсвующими колесами, но можешъ еше везши за собою другія, пияжело нагруженныя карешы.

При такомъ упошребленіи паровыхъ машинъ предвидѣли еше одно преняпспвіе: предполагали, што успроенная такимъ образомъ кареша на быспромъ ходу, весьма испорпипъ дороги и причинипъ чрезъ то шакія издержки, копо-

рыхъ не вознаграждаясь выгоды, опъ нея получаемя. Послѣдствія убѣдительно доказали, что и сіе предположеніе было мечшателью. Нѣкоторые люди, по случаю учрежденія паровой кареты, кошорая ходила нѣсколько мѣсяцовъ въ 1831, между Глочесперомъ и Чельшенгамомъ, выпребовали Парламентскіе акшы, коими на паровыя кареты наложены были пошлыны, имѣвшія дѣйствіе полнаго запрещенія.

Г. Гурней, самый предприимчивый и счастливый изъ всѣхъ изобрѣтателей машинъ, пошчасъ подалъ просьбу объ опмѣненіи сихъ акшвъ. Въ нижнемъ Парламентѣ былъ назначенъ комитетъ для разсмотрѣнія сего дѣла, и наконецъ акшы были опмѣнены. Въ сей просьбѣ очевидно было доказано, что не только паровыя кареты не поршящъ дорогъ болѣе нежели кареты, возимыя лошадьюми, но что напрошивъ сіи послѣднія причиняють болѣе порчи. Давъ въхашъ на лошадяхъ съ шой скоростію, съ какою ѣздянтъ курьеры, надобно, чтобы косяки у колесъ были очень узки; правда, поверхность оныхъ, касающуюся земли, съ нѣкошораго времени скругляють; но все шакаго рода колесо неминуемо должно раздираетъ дорогу самую твердую. Напрошивъ же для паровой кареты шѣмъ лучше, чѣмъ шире косяки колесъ ея; ширина ихъ никогда не бываетъ менѣе 4 или 5 дюймовъ; нѣкоторые спрощели просширають даже

оную до 6 и 8 дюймовъ. Такъ какъ косяки бывающъ цилиндрическіе, по колеса производящъ на дорогу дѣйствіе какъ, и вмѣсто того, чшобъ выбивающъ оную, еще способствующъ къ ея укрѣпленію и уравниванію. И пакъ паровая кареша, въ отношеніи къ колесамъ, гораздо менѣе карешы съ лошадьми поршищъ дорогу, если только она поршищъ ее. Но что наиболѣе служищъ къ одобренію паровыхъ карешъ, ещъ неоспоримая истина, что дороги поршищся не ошъ колесъ, а ошъ лошадей. Если бы объ этомъ хорошо размыслили, то давно бы переспали въ шомъ сомнѣваться. Дабы убѣдись въ этомъ, споищъ сравнищъ дѣйствіе кающащихся колесъ съ дѣйствіемъ, производимымъ лошадиными подковами.

Изъ всего предъидущаго, можно извлечь опредѣленіе условій, потребныхъ для успроенія машинъ, способныхъ для ѣзды по обыкновеннымъ дорогамъ. Такъ какъ сопротивленіе, кошрое данная тяжесщъ прошивополагаетъ силѣ движущей, на проспой дорогѣ превышаетъ въ 12 разъ по сопротивленіе, кошрое оказывающъ на дорогѣ чугунной, то тяжесщъ, влекома я сею силою, должна быщъ соразмѣрно легче. Но какъ тяжесщъ самой машины соспавляетъ часщъ общаго груза, и съ симъ грузомъ должна быщъ въ соразмѣрности тяжесщъ машины, то слѣдуетъ, что машины, кошроря употребящъ на

обыкновенныхъ дорогахъ, должны бытъ легче шѣхъ; кои ходящъ по дорогамъ чугуннымъ. Разность, существующая между машинами того и другаго рода, простирается также на устройство машины и копла ея, равно какъ и на количество воды и угля. Поелику должно будетъ брать менѣе угля и воды; по будущъ принуждены чаще останавливаться для оныхъ. Машины, ходящія по чугуннымъ дорогамъ, могутъ совершать 15 миль, не имѣя надобности въ водѣ и 30 не нуждаясь въ углѣ. Кареты же, копорья будущъ ходящъ по обыкновеннымъ большимъ дорогамъ, принуждены будутъ возобновлять уголь и воду каждыя 8 миль.

Хотя печь будетъ по необходимости менѣе, нежели у машинъ на чугунныхъ дорогахъ, а также и дѣйствіе огня не такъ сильно, но паръ всегда можетъ быть производимъ довольно скоро и въ доспапочномъ количествѣ, если только пропивооспавлять дѣйствію огня большую (относительно всей массы воды) поверхность, нежели каковая пропивополагается огню; въ машинахъ, ходящихъ по дорогамъ чугуннымъ; вошъ задача, надъ рѣшеніемъ коей трудятся искуснѣйшіе изобрѣтатели. Мы близки къ тому времени, когда паровыя кареты будутъ ѣздить по большимъ дорогамъ, а пошому думаемъ, что для многихъ покажется

занимательнымъ описаніе одной или двухъ изъ сихъ машинъ, копорыя по видимому наиболье удобны для шаковой ѣзды.

§ III. ПАРОВАЯ КАРЕТА Г. ГУРНЕЯ.

Первый и самый предприимчивый изъ всѣхъ изобрѣшателей сего рода машинъ, есипъ Г. Гольдсворпъ - Гурней. Онъ своимъ поспоянствомъ и благоразуміемъ сокрушилъ неосновательные предразсудки, споль долго препяшествовавшие успѣхамъ сего изобрѣшенія. Г-нъ Гурней, многокрашными путешешствіями между Лондономъ и Баномъ и часпыми поѣздками въ окрешности сполицы, совершенными въ паровой карешъ, неоспоримо доказаль, что паровая машина можешъ двигашься на обыкновенныхъ дорогахъ шакже скоро, какъ лучшая, запряженная въ чешыре лошади кареша. Онъ доказаль шакже неосновательность и слѣдующихъ двухъ возраженій: первое, что дѣйшвующія колеса будутъ обращаться не подвигая карешы; впорое, что кареша не можешъ възѣзжашъ на крушизны. Не взирая на то, что кареша, сосшавленная имъ для опыша, дурно была ушпроена и что въ ней многое нужно и можно было усовершеншвовашъ, възѣзжала она безъ затрудненія на всѣ крушизны между Лондономъ и Баномъ, равно какъ и на пѣ, копорыя вшпрѣчающя въ окрешностяхъ Лондона, въ помъ числѣ и на холмъ, лежащій

между Кенпишъ-Тоуномъ и Хейгапомъ. Покашпъ сего холма опъ основанія онаго до Голли-Лѣджа, соспавляешъ одинъ фушъ на каждые 12 фушовъ; а опъ Голли-Лѣджа до вершины, пропорція покашпши увеличивается до 1 фуша на 9 фушовъ. Ни на одной почшовой дорогѣ изъ вновь успроенныхъ въ Англии, нѣшъ въѣзда споль крупаго.

Опышпы сїи сдѣланы были въ 1826; послѣ сего времени въ машинѣ Г. Гурнея произведено много усовершенспвованій; а пеперь можно сказашь, что она достигла послѣдней спепени совершенспва.

Въ сей машинѣ рѣшетка печи соспавлена изъ ряду параллельныхъ шрубокъ, которыя, повышаясь, проспираюшся опъ передней часши печи къ задней. На переди шрубки сїи прикрѣплены къ крѣпкому мепаллическому цилиндру, проспирающемуся чрезъ всю переднюю часшь печи, подъ успьемъ оной. Оконечносши сїихъ шрубокъ назади рѣшетки соединяюшся съ другимъ рядомъ шрубокъ, споймя расположенныхъ, которыя соспавляютъ заднюю спѣну печи.

Сїи послѣднїя шрубки верхними оконечносшями своими соединяюшся съ шрепшимъ рядомъ шрубокъ, соспавляющихъ пополокъ печки и расположенныхъ нѣсколько покапо къ переду оной. Спереди, оконечносши шрубокъ сїихъ придѣланы къ крѣпкому мепаллическому цилинд-

ру, расположенному надъ усшьемъ, параллельно вышеупомянутому цилиндру внизу усшья находящемуся. Сии цилиндры соединяются двумя подспыми металлическими прубками, копорыя расположены споймя по бокамъ усшья.

Изъ сего описанія видно, что прубки и цилиндры, окружающіе печь, доставляютъ ей всѣ средства для кругообращенія, поелику вездѣ общаются другъ съ другомъ. Цилиндръ, надъ усшьемъ находящійся, сообщается посредствомъ большихъ прубокъ съ другимъ сосудомъ, внѣ печи находящимся, копорый по нижесказаннымъ причинамъ называется *сепараторомъ*.

Предположимъ, что всѣ вышеупомянутыя прубки и цилиндры, наполнены водою, предположимъ, что на прубкахъ, составляющихъ рѣшешку, находится горящее уголье; шеплошворные лучи сего огня дѣйствуютъ во всѣ стороны. Какое бы ни было количество шеплошвора, идущаго внизъ, онъ поглощается весь водою, заключающеюся въ прубкахъ, образующихъ рѣшешку. Расстояние между прубками, составляющими заднюю спѣну печи и верхъ оной задѣлано на глухо; между задними прубками оставлено только небольшое расстояние, копорое сообщено съ каналомъ, посредствомъ коего совершается сквозное печеніе воздуха. Сей каналъ проходитъ позади заднихъ прубокъ и

продолжается выше шрубокъ, верхъ составляющихъ. Воздухъ, который проходитъ чрезъ огонь, содержитъ оный въ дѣятельности и приобретаая самъ большую степень жара, накопился такимъ образомъ въ соприкосновеніи съ пою спороною заднихъ и верхнихъ шрубокъ, которая не подвержена дѣйствію огня. Во время прохождения воздухъ сообщаетъ часть теплоты своей водѣ, въ шрубкахъ находящейся, наконецъ, получивъ меньшую температуру, вытекаетъ посредствомъ шрубы.

Такъ какъ вода, находящаяся въ шрубкахъ, составляющихъ крышу печи, удобнѣе проширопоставлена дѣйствію огня и приобретаетъ большую степень теплоты, то въ слѣдствіе разширенія своего стремится къ верху. Для облегченія восхожденія ея, шрубки верхъ печи составляющія, расположены нѣсколько наклонно; поже надлежитъ сказать и о шрубкахъ, составляющихъ рѣшетку. Когда машина въ дѣйствіи, то вода, въ котлѣ заключающаяся, находится въ быспромѣ обращеніи вокругъ печи. Вода, заключенная въ шрубкахъ, рѣшетку составляющихъ, течетъ непрерывно отъ передней части печи къ задней; отсюда восходитъ въ шрубки, стоящія прямо и составляющія задъ печи, а отсюда въ верхнія шрубки, изъ коихъ устремляется въ цилиндръ, находящійся надъ устьемъ. Такое же печеніе происходитъ между симъ цилинд-

дромъ и перпендикулярными прубками, по бокамъ устья споящими. Паръ, образующійся въ прубкахъ, окружающихъ печь, выносятся упомянутымъ спрямленіемъ воды въ цилиндръ надъ устьемъ, откуда, восходя по причинѣ легкости своей вверхъ, входитъ въ упомянутый выше сосудъ, называющійся *сепараторомъ*. Копель постоянно наполняется водою посредствомъ насоса, котораго вливаетъ оную въ одинъ изъ цилиндровъ, окружающихъ устье печи.

Въ числѣ главнѣйшихъ выгодъ шаковаго устройства есть то, что всѣ металлическія части, подверженныя дѣйствію огню, не исключая даже и рѣшетки, находящаяся въ соприкосновеніи съ пекущею водою. Въ слѣдствіе сего, по мѣрѣ разгоряченія металла, сообщается тепло и водѣ; а по причинѣ соприкосновенія съ водою, металлъ не можетъ разгорячиться до того, чтобъ онъ расплавился, ибо лишній тепловоръ служитъ къ произведенію пара а). Ка-

а) Говорятъ, что новыя рѣшетки у нѣкоторыхъ карепъ Ливерпульскихъ расплавились въ одну поѣздку; даже изобрѣтатель одной паровой кареты признался, что цилиндрическія полосы рѣшетки, имѣющія дюймъ въ діаметрѣ, не могутъ служить долѣе недѣли, если карета въ продолженіи сего времени непрерывно будетъ находиться въ ѣздѣ. *Пр. Фр. Пер.*

ждая часпъ кошла имѣеть форму цилиндрическую, соединяющую наиболѣе условій, нужныхъ для произведенія силы въ механическомъ отношеніи. Мы даже думаемъ, что хорошо такимъ образомъ успроенный кошель, въ какихъ бы обспояпельспвахъ ни находился, никакъ не можеть лопнуть.

При входѣ въ *сепараторъ*, паръ смѣшанъ съ водою, раздѣленною на весьма мѣлкія часпички (сіе называється у Англинскихъ инженеровъ *priming*). Если вода, такимъ образомъ смѣшанная съ паромъ, пропушена будеть въ проходы, то опъ сего послѣдуюпъ большія распройспва, къ коимъ надлежитъ шакже причислитъ пошерю всего шеплошвора, копорый содержитъ вода сія.

По нашему мнѣнію недоспапокъ сей свойспвенъ всѣмъ подвижнымъ машинамъ, нами видѣннымъ, кромѣ шой, о коей мы говоримъ.

Назначеніе *сепаратора* состоитъ въ томъ, чтообъ опдѣлитъ паръ опъ воды, съ коей онъ смѣшанъ, что и получается проспо чрезъ паденіе воды, въ слѣдспвіе пляжеспи ея, на дно *сепаратора*; здѣсь она собирається и печеть опяшь въ кошель для новаго кругообращенія.

Послѣ сего важнѣйшее въ сей машинѣ изобрѣпеніе, есть способъ, какимъ раздувается огонь. Мы видѣли уже, что въ машинахъ, упопреляемыхъ по чугуннымъ дорогамъ, для сей цѣли

пропускающъ лишній паръ цилиндровъ чрезъ шрубку; но сіе дѣйствіе сопровождается неприятымъ шумомъ, причиняемымъ ошъ пару, которій вырывается изъ подъ поршней въ шрубку. Устройство сей шрубы и отверстіе, чрезъ которое вылетаетъ паръ, также содѣйствуетъ увеличенію сего шума, коего нельзя бы перенѣть на такой дорогѣ, гдѣ ѣздятъ на лошадяхъ. Но, если не употреблять сего средства, то надлежитъ лишиться важнѣйшей выгоды, при устройствѣ сихъ машинъ имѣющейсѣ. Однакожъ цѣль и безъ сего пожертвованія достигнута. Въмѣсто того, чѣтобъ проводить прямо въ проходъ паръ, вылетающій изъ цилиндровъ, Г. Гурней проводитъ оный въ резервуаръ, которій производитъ дѣйствіе, подобное кузнечному мѣху, сообщая пару движеніе непрерывно дующаго вѣпра. Паръ, сжатый въ резервуарѣ, раздѣляясь на небольшія сполбы, вылетаетъ въ шрубку; сполбы сіи производятъ въ печи непрерывное шеченіе воздуха, не причиняя ни малѣйшаго шума.

Вопъ главнѣйшія качества Гурневой паровой карепы; границы спашы сей не дозволяютъ мнѣ войти въ большія подробности, копорыя можно найти во многихъ сочиненіяхъ.

§ IV. машины Г. Г. Чорча и Ганкока.

Мы знаемъ двѣ другія подвижныя машины,

копорья скоро кончатся поспройкой. Одна изобрѣшенія Г. Чорча Бирмингама, а другая Г. Ганкока Спрашфорда Эссексъ.

Въ машинѣ Чорча, круглая для огня рѣшешка окружена шрубками, въ три или 4 фупа, споящими верпикально, коихъ верхній конецъ изогнутъ къ низу въ видѣ сифона. Сіи шрубки замѣняють проходы, проспирающіяся въ Манчестерскихъ машинахъ; онѣ заключены въ другихъ шрубкахъ нѣсколько большаго діаметра, такъ, что между обѣими поверхносями, цилиндрической и конценшрической, оспаешся еще небольшое проспранство. Проспранство сіе наполнено водою; и такъ огонь окруженъ великимъ количесшво шонкихъ цилиндрическихъ слоевъ воды, коихъ наружная поверхность подвержена непосредшвенному дѣйствію огня, а внутренняя получаетъ шешлошу опъ воздуха, проходящаго чрезъ жаръ и шеряющагося въ ашмосферѣ.

Докпоръ Чорчъ, прошивополагая воду огню, раздѣляетъ оную на тонкіе цилиндрическіе слои, а Г. Ганкокъ для шой же цѣли помѣщаетъ воду внутри весьма шонкихъ и плоскихъ мешаллическихъ пластинокъ. Его копелъ состоишь изъ нѣкопораго числа шонкихъ желѣзныхъ листовъ, расположенныхъ другъ опъ друга въ распояніи одного дюйма. Вода содержишся между сими листами; а огонь дѣйствуетъ въ про-

межупочномъ распояніи. Изъ сего видно, что въ обѣихъ сисстемахъ малое количество воды прошивопоспавляетъ дѣйствию огня большую поверхность; однакожъ расположеніе Г. Ганкока подвержено многимъ очевиднымъ недоспапкамъ: въ ономъ плоскость подвержена дѣйствию силы разширительной, которая упирается въ плоскость сію прямоугельно; таковое устройство наименѣе представляетъ возможности къ сопрошивленію; и хощя по причинѣ нѣкоторыхъ особенностей сего котла, взрывъ его никогда не можеть быть опасенъ, но возможность взрыва сего есть уже важнѣйшій недоспапокъ. Не менѣе неудобно и то, что большая часть мешалла, прошивоположеннаго огню, содержишь паръ, а не воду, что много вредишь котламъ, долженствующимъ выдерживать сильное давленіе. Котель Докпора Чорча не имѣеть по видимому сихъ неудобствъ.

И у Чорча и у Ганкока печеніе воздуха производится веншиланпоромъ, которій приводишь въ движеніе машиной. И это всѣми считаешся за недоспапокъ, ибо печеніе воздуха, производимое симъ веншиланпоромъ, гораздо слабѣе того, которое производится парами и отнимаешъ у машины много силы.

Узнавъ, что возможность ѣздить въ паровыхъ каретахъ по большимъ дорогамъ уже давно опытомъ доказана, всякой конечно спро-

сиптъ, опть чего же сія опрасль промышленно-спи оспаесть въ пренебреженіи у шакой націи, кошорая славишь въ цѣломъ мірѣ своими успѣхами въ механическихъ искусстввахъ и шорговыхъ предпріятіяхъ, у націи, кошорая изобилуешъ денежными капиталами? На вопросъ сей могушь послужить удовлетворительнымъ опвѣсомъ обшояшельства, подробно изложенныя въ брошюркѣ Г. Гурнея а).

§ V. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Г. Гурней, преодолевъ безчисленныя возраженія, дѣланныя прошивъ его прожекша, какъ-шо издержки, бесполезность лошадей, бѣднось ямщиковъ и проч. успѣлъ наконецъ, въ Февраль 1831-го, учредить для общественнаго упопреленія паровую карешу, кошорая совершала путь между Глочесперомъ и Чельшенгамомъ. Кареша спала ходишь съ 12-го Февраля и продолжала по 22-е Юня; въ печеніи 4-хъ мѣсяцовъ, она ежедневно совершала 4 раза путь (9 миль) между упомянутыми двумя городами; она благополучно перевезла въ сіе время болѣе 3000 человекъ, скорѣе другихъ дилижансовъ и

а) Observations on Steam-Carriages on Turnpike Roads, with Returns of the Dayly Practical Results of Working, by Goldsworthy Gurney. London 1832.

за половину цѣны пропивъ оныхъ. Кожа употреблена ею въ 4 мѣсяца почти на 50 фун. сп. слѣдственно въ годъ она употребила бы онаго на 150. Для совершенія сего же пути, проѣзжая по 8 или 9 миль въ часъ, обыкновенная карета имѣла бы надобность въ 18 всегда для нея гошовыхъ лошадей.

Послѣ споль долговременнаго опыта, шѣ, копорые считали предпріятіе сіе за пропивное ихъ выгодамъ, принуждены были сознашься въ его возможности. Нельзя было вопреки оному сказашь ничего основательнаго: употребили средства, къ копорымъ безчестные люди въ подобныхъ случаяхъ не считаютъ поспыднымъ прибѣгать. Землепашцы, смотрители дорогъ, подрядчики общественныхъ экипажей, ямщики, конюха, всѣ вооружились вдругъ. Ежедневно выпускали они ложные слухи, чпобы опклонишь путешественниковъ отъ намѣренія ѣхать въ новой каретѣ. Но какъ путешествія всегда совершались счастливо, по чрезъ нѣсколькo дней никто уже не вѣрилъ симъ клеветамъ. Но 22 Іюня, дорога, въ чепырехъ миляхъ отъ Глочеспера, оказалась заваленною камнями на 18 дюймовъ въ вышину. Дорога въ сіе время нигдѣ не требовала починки; кареты съ лошадьми могли переѣхать чрезъ сіи камни, надлежало только путешественникамъ выдти; но паровая карета не имѣла сполько силы, чпобъ превозмочь

еіе препятствіе: на впоричномъ проѣздѣ чрезъ еіе мѣсто допнула у ней главная ось.

Нельзя было сомнѣваться на счепъ намѣренія, съ коимъ были навалены сіи камни. Г. Гурнею совѣшовали преслѣдовашъ судебнымъ порядкомъ виновниковъ поступка сего. Онъ опвѣчалъ, что пренебрегаетъ мщеніемъ, что люди, копорые такими средствами спараются уничтожитъ великое, національное предпріятіе, заслуживаютъ съ его спороны только жалосъ и презрѣніе.

Съ того времени рѣшилъ онъ увеличитъ силу колесъ у карепы своей, дабы побѣдитъ всѣ подобныя препятствія, копорыя злоба могла бы ему пропивооспавитъ. Но вскорѣ появилось множество акповъ, поспѣшно обѣими Парламеншами изданныхъ, коими на всѣ карепы, приводимыя въ движеніе механическими средствами, налагались непомѣрныя пошлыны, изъ коихъ нѣкопорыя проспирались до 40, 48 и даже 68 шиллинговъ а) на каждой заспавѣ б).

Въ слѣдспвіе просьбы, поданной Гурнеемъ, наряжена была розыскная комиссія, копорой рапортъ заклѣчается слѣдующимъ:

а) Шиллингъ равняется почти Русскому рублю.

б) У каждой деревни, лежащей на дорогѣ или въ близи оной, есть пошлынная заспава. Такъ какъ въ Англии весьма много деревень, то и заспавы сіи чрезвычайно многочисленны.

1-е Кареты могутъ быть приводимы въ движеніе парами на обыкновенныхъ дорогахъ и пробѣгають по онымъ до 10 миль въ часъ.

2-е Онѣ везутъ болѣе 14 человекъ.

3-е Тяжестъ ихъ вмѣстѣ съ машиной, угольемъ, водою и прочими принадлежностями, не достигаетъ 3-хъ поннъ.

4-е Онѣ легко и безопасно могутъ взбираться на самые крупныя вѣзды, равно какъ и спускаются съ оныхъ.

5-е Онѣ не подвергають путешественниковъ никакимъ опасностямъ.

6-е Если онѣ усожены какъ слѣдуетъ, то не причиняють обществу никакого неудобства.

7-е Онѣ доставляютъ возможность ѣздить и перевозить пассажиры дешевле и скорѣе, нежели на лошадяхъ.

8-е Такъ какъ косяки колесъ ихъ должны быть шире, нежели у другихъ каретъ, и опъ дѣйствія ихъ обыкновенныя дороги не такъ портятся, какъ опъ копытъ лошадиныхъ, то онѣ менѣе будутъ разбивать дороги, нежели экипажи, употребляемые по нынѣ.

Парламентъ, копорый, будучи введенъ въ заблужденіе ложными показаніями, издалъ несправедливые законы, вскорѣ увидѣлъ, что его обманули, и доказалъ се не только уничтоженіемъ

обнародованныхъ до полъ биллей, но и приня-
 шіемъ совершенно прошивоположныхъ мѣръ,
 благопріятствующихъ сему роду промышлен-
 ности.

II.

АНДАЛУЗСКАЯ ЛЮБОВНИЦА.

ПОЛЬ-ДЕ-КОКА.

(Изъ Livre des Sent-et-Un.)

» Ахъ! какъ прекрасны, какъ плѣнительны,
 приманчивы, сладоспрасны Андалузскія жен-
 щины! Тамъ, памъ надо бытъ любимымъ, чпобъ
 испыпашъ всѣ наслажденія любви, увидѣтъ до
 какой степени можешъ женщина ощущать
 спрасъ сію!.. Тамъ все способствуешъ упое-
 нію: жаркій климашъ, ясное небо, воздухъ, на-
 пипанный благовоіемъ цвѣшовъ и аромати-
 ческихъ шправъ, распущихъ въ изобиліи. Крап-
 кія и шеплыя ночи; звучные и шрогапельные
 напѣвы; все, даже одежда жипелей, вмѣспѣ плѣ-
 нительная и живописная—располагающъ душу
 къ самымъ нѣжнымъ чувспвованіямъ. Ахъ! другъ
 мой, предспавъ себѣ молодую Андалузку... я
 не говорю тебѣ о горожанкахъ: обыкновенный
 ихъ черныи костюмъ наводитъ уныніе; а спро-

гое соблюденіе эпикеша, совсѣмъ лишаешъ ихъ въ обществѣ, споль милой, свойственнѣй имъ живоспи; я хочу тебѣ описашъ дия горъ, Андалузскую поселанку... Эпи не пакъ грубы, неловки и неуклюжи, какъ наши кресьянки въ окрестностяхъ Парижа. Пламенная кровь, спрующая въ жилахъ, придаетъ неописанное выраженіе ихъ чернымъ прекраснымъ глазамъ; взоры ихъ опсвѣчивающъ въ шоже мгновеніе, любовь, умъ, живоспъ и нѣгу. Всѣ движенія ихъ прелесны; и эша сѣпка, покрывающая волосы, эша коропкая юпка, испещренная яркими цвѣтами и опкрывающая самую плѣнительную ножку, эшопъ корсепъ, обрисовывающій совершенно спройную шалию; однимъ словомъ, мой милый, нѣшъ силъ имъ пропивишься; и если ты намѣренъ шеперь пупешествовашъ, чшобъ образовашъ себя и, вмѣспѣ съ пѣмъ, забышъ вѣпреную любовницу, повѣрь мнѣ, поѣзжай въ Андалузію; тамъ найдешъ женщинъ, коихъ прелеспи весьма скоро изгладяшъ самое воспоминаніе о шой, кошорая здѣсь измѣнила своимъ кляшвамъ. «

Такъ говорилъ прекрасному молодому человѣку двадцати пяти или двадцати шеспи лѣтъ, мужчина немного постарѣе, малорослый, полспый и безобразный. Прогуливаясь по Ипаліанскому бульвару, они разговаривали между собою.

Прекрасный, молодой человекъ, спокойно выслушавъ поварища, опвѣчалъ наконецъ: » Не ужели, въ самомъ дѣлѣ, хочешь ты, чпобъ я поѣхалъ волочипься за Андалузскими креспьянками?—Я не говорю, чпо хочу, но если ты намѣренъ пушеспвовать, почему же не ѣхашь шуда?..« — »И ты, Жермильи, плѣнялъ въ шомъ краю?«—Да, мой другъ, я нигдѣ не былъ шакъ счастливъ!.. О, милья Андалузки! За чѣмъ я принужденъ былъ васъ оспавить и возврашпсь во Францію!.. Женщины эши удивительно какъ меня любили!—Конечно, эшо подаешъ мнѣ нѣкошорую надежду. Француженки слишкомъ кокепливы, слишкомъ вѣпрены!.. обманушь меня. . . бышь невѣрною. . . я внѣ себя!.. — Очень вѣрю, самъ ты привыкъ ихъ предупреждашь.—Рѣшено; я оспавляю Парижъ, и на долго. — »И ты ѣдешъ въ Андалузію?«—Можешъ бышь.

Спуска нѣсколько недѣль послѣ сего разговора, прекрасный молодой человекъ, по имени Фридрихъ Дерпанжъ, прогуливался уже по улицамъ Кордовы, удивляясь смѣлой архипектурѣ зданій сего города, бывшаго споль долгое время подѣ владычеспвомъ Мавровъ. Городъ любопытный, спранный, великолѣпный и грозный, опечеспво двухъ Сенекъ, Лукана и лучшихъ Испанскихъ лошадей. Фридрихъ опсправился въ Андалузію, не совсѣмъ по поводу разговора, прчсходившаго между имъ и шолспымъ, коропш-

кимъ Жермильи въ Парижѣ, на Ипаліанскомъ бульварѣ. Денежныя дѣла, копорыя онъ самъ лучше могъ кончить, нежели повѣренный, заставили его отправиться въ Кордову; но можетъ бытъ, онъ и отказался бы опъ сего путешествія, если бы рассказы друга не возбудили въ немъ любопытства.

Молодъ, богатъ, любезенъ — Фридрихъ спрашно любилъ женщинъ; часпо пользовался ихъ благосклонностію и чаще обманывалъ. . . Эшо почпи неизбѣжно — любилъ многихъ, надо многихъ и обманывалъ. Но послѣдняя любовница предупредила его — и Фридрихъ, въ бѣшенствѣ за шо, чшо ему заплашили равноуже монешю, возненавидѣлъ своихъ милыхъ соперницъ, сказавъ наконецъ самому себѣ: »спану путешествовать и, далеко опъ Парижа, буду искашь женщину, умѣющую испинно любить.« Говоря эшо, кажешся, молодой человекъ былъ шогда не въ духѣ.

Фридрихъ скоро кончилъ дѣла, за которыми прибылъ въ Кордову. Ему показалось, чшо и здѣсь не болѣе сохранили вѣрности, какъ въ Парижѣ; соскучившись бесѣдою и желая обзрѣшь спрану сію, онъ отправился въ Андуксаръ. Проѣзжая десятъ миль, раздѣляющія сіи два города, онъ восхищался прекрасными деревьями, очаровательными видами Андалузій, спраны богашой, плодоносной, производящей все

съ избыткомъ и справедливо названной конюшней, погребомъ и жишницею Испаніи.

Но молодому Французу недоспапочно было любоваться одними произрашеніями. Правда, ему пріятны были прогулки въ померанцовыхъ и лимонныхъ рощахъ, но памъ онъ искалъ нѣчто, чего досель не встрѣчалъ—женщину прелестнѣе, очаровашельнѣе, милѣе всѣхъ оставленныхъ имъ въ Парижѣ. Прекрасныя личика, прокидывавшіяся дорогою, еще во многомъ не удовлетворили описанію Г. Жермильи.

Послѣ краткаго пребыванія въ Андуксарѣ, Фридрихъ рѣшается осмошрѣшь окреспности, не въ экипажѣ, какъ безпечный путешеспвеникъ, но съ однимъ погонщикомъ муловъ, удобнымъ проводникомъ, кошораго всегда можно оставишь, если пожелаешь гдѣ оспановишься.

Фридриховъ проводникъ былъ высокій и веселый парень, смуглый, съ черными живыми глазами, съ смѣлою поспушь,—наспоящій Лафоншеневскій погонщикъ: онъ напѣвалъ канцонешу, ласкалъ и гладилъ своего мула, называлъ его нѣжнѣйшими именами и, между шѣмъ, съ наслаженіемъ зашягивался цигаркой, свернушой имъ самимъ изъ шабачныхъ лиспьевъ, вложенныхъ въ бумажныя шрубочки. Мулы, коихъ головы украшались прекрасными перьями, казалось съ гордоспью пошрясади симъ пригожимъ

уборомъ; между шѣмъ, какъ безчисленное множество колокольчиковъ, навѣшенныхъ на шею живописныхъ и приводимыхъ ими въ движеніе, вшорили пѣснямъ погонщика.

Они ѣхали берегомъ Гвадалквивира, оспавляя на волю муловъ иппи скорѣе или медленнѣе, по ихъ желанію. Фридрихъ любовался восхищительными видами, предспавлявшимися глазамъ его; прекрасный климатъ сей, казалось ему, былъ словно созданъ для любовниковъ; онъ вздыхалъ и слѣдовалъ взоромъ за всѣми встрѣчавшимися поселянками. Онъ, также не безъ удовольствія посмапривали на молодого Француза, коего спройный спанъ и пріятная наружность могли съ успѣхомъ выдерживать наблюденія Андалузскъ. Фридрихъ думалъ про себя: » правда, онъ изрядны, эши поселянки, но я желалъ бы красопу менѣе деревенскую... Нѣшъ, эшо еще не по, чпо описывалъ мнѣ Жермиль! «

Вдругъ, Педриллосъ, шакъ назывался проводникъ, оспанавливаетъ мула своего и обращаясь къ Фридриху, говоритъ: » Кспапи, Сеноръ, вы желаете обозрѣть Андалузію, но не сказали мнѣ, ошкуда мы начнемъ. «

— » Все равно, « ошвѣчалъ Фридрихъ; » вези куда хочешь... однакожъ, намъ лучше бы ѣхашъ шуда, гдѣ женщины милѣе, нѣжнѣе и влюбчивѣе... «

— » О, всѣ Андазулки шаковы!.. У васъ

здѣсь не будетъ недоспапка въ любовныхъ приключеніяхъ!.. Посмотрите, вошь деревня, гдѣ живетъ мызникъ Перець; жена его такъ ласкова, такъ приманчива. Тамъ далѣе, мы поѣдемъ мило позади Гарціаса, дочь его Юанипа очень мила, большая кокепка... она любитъ ласкапельсва и не слишкомъ сурова... съ пригожими молодчиками. Но тамъ, во глубинѣ долины, въ маленькомъ мѣстечкѣ, копорое видите... О, тамъ множество хорошенькихъ дѣвушекъ! Санхешпа, Марія, Инеса!.. рѣзвы, плѣнительны и нѣжны... Ахъ! Сеньоръ, глаза ихъ не оспавяютъ сердца въ покоѣ!»

— «Да ты, Педрилосъ, кажешься, имѣешь большія связи въ здѣшнемъ краю?»—Точно такъ, Сеньоръ, я спараюсь имѣть любовницу вездѣ, гдѣ останавливаюсь, будучи увѣренъ, что тогда имѣюшь большее попеченіе о моихъ мулахъ: имъ даюшь самой лучшей Каспильской соломы... Что дѣлать? Надо же подумать объ эшихъ бѣдныхъ пваряхъ... Не такъ ли, Регацца? О, добрая Регацца!.. шагъ пвой всегда такъ вѣренъ! Я спускался съ побою съ крушыхъ горъ Сьерры. А ты, Капалана, правда немного лѣнива! но когда съ гордоспью поднимешь голову, какъ свободно и легко несешь самый тяжельй вьюкъ!»

И погонщикъ преплеть по шеѣ мула своего, привѣспвуя, въ шже время, дружескимъ зна-

комъ и пого, на коемъ ѣдешъ Фридрихъ, улыбающійся спранности Педриллоса, копорый волочипся за пригоженькими дѣвушками изъ одной; будшо бы, любви къ своимъ муламъ.

Спустившись въ долину, Педриллосъ поворачиваетъ къ мѣспечку, указанному имъ молодому Французу; но Фридрихъ, оспановивъ Капалану, говоритъ проводнику: » Мнѣ нѣтъ нужды знакомипся съ швоими прелесными Санхешпою и Марією. . . поѣдемъ, мой Педриллосъ, мимо. . . Признаюсь, я презираю эпѣ легкія побѣды. . . Не случалось ли тебѣ гдѣ вспрѣчашъ жеспюкихъ? . . . Вѣдь обладаніе красавицей, послѣ продолжительнаго спрошивленія, гораздо пріятнѣе! «

— » Мнѣ никогда долго не прошивились! « опвѣчалъ Педриллосъ съ самодовольною улыбкою, пуская клубы дыма. » Скорѣе, Рагацци, скорѣе, видишь, Сеньоръ желаетъ ночевать далѣе. . . подбери уши, да подавайся впередъ. . . Капалана тебя опереживаетъ. . . на минушку. . . провались! . . дайше поклонипся Пресвятой Мадонѣ! «

Погонщикъ замѣпилъ изображеніе Мадоны, вспавленное въ проспую, деревянную нишу, на изворопѣ дороги, выходящей изъ долины. Человѣкъ, проспершись, лежалъ передъ иконою. Онъ былъ молодъ; лице имѣлъ длинное, желпое и худое; глаза красноватые, осѣненные густыми рыжими бровями; голову покрпшую чернымъ

капишономъ; на немъ была сѣрая курпка, завязанная черными шесьюмами; широкія панталоны опоясывались краснымъ кушакомъ; галшукъ, слабо зашпанушый, висѣлъ на грудь концами; онъ держалъ въ рукѣ оспроконечную шляпу съ широкими полями. Незнакомецъ, коего черпты выражали свирѣпоспъ и безсмысліе, молился съ величайшею набожноспію, ни мало не обращая вниманія на молодаго Француза и его проводника, оспановившихся въ нѣсколькихъ шагахъ оспъ него.

Погонщикъ, самъ принесши крашкую молишву, ударилъ по плечу сего человѣка, вспававшаго въ шо время.

»Здравспвуй, Орнегро! «—А! здравспвуй! . . — »Ты молился?« — Да. — »Хочешъ объ закладъ. . . я угадалъ, о чемъ просилъ пы пресвяшую Мадону? . . Бѣдный Орнегро! все еще вздыхаешъ по своей прекрасной, нечувспвипельной госпожѣ; гордой Маркипшѣ! Ты умоляешъ всѣхъ свяпыхъ смягчипъ ея сердце; но кажепся, поварищъ, оспанешъся при одной спраспи и молишвахъ! . . Маркипша смѣепся надъ любовью. Чпобы смягчипъ ея жестпоспъ, надо молодца, да покрасивѣе шебя. . . Прощай, Орнегро! желаю тебѣ лучшаго успѣха. «

Андалузскій креспьянинъ съ холодноспію слушалъ насмѣшки погонщика, и когда послѣдній удалился съ Французомъ, Орнегро еще оспавалъ

ся подлѣ иконы, въ задумчивости, не отвѣчая даже на прощальные знаки Педриллоса.

»Глупецъ! « говоришь погонщикъ, приближаясь къ Фридриху, » любовь ему вскружила голову! . . Спишь и видишь одну свою возлюбленную! Маркиппъ спойшь сказаешь: бросься въ воду, спупай въ огонь! онъ кинется не разсуждая. . . и все это за что? За одну холодную благодарностъ, а можешь бышь и совсѣмъ ни за что.

— »Ну, вошь, Педриллосъ «, сказаешь Фридрихъ, » кажешся этому красавицу не шакъ легко обольспишь, какъ шѣхъ, о коихъ ты сей часъ рассказываешь. Кто эта Маркиппа? « — Дочь богатаго здѣшняго мызника. Поперявъ въ малолѣтствѣ родителей, она весьма рано наслѣдовала изрядное имѣннице, съ полною свободою исполняешь свои прихоти. Она этимъ порядочно воспользовалась! . . Переняла всѣ пошупки и приемы знашной дамы! . . Она кокешка и одѣваешся лучше всѣхъ. «

— »Кокешка и не любишь. « — Точно шакъ, Сеньоръ. Пошому что слишкомъ разборчива, безъ сомнѣннй. . . я никогда за ней не волочился. . . Правда, она хороша. . . и весьма; но я не люблю женщинъ, копорья хопяешь повелѣваешь нашимъ поломъ! . . Еслибы захошѣлъ. . . дѣло иное. . . но я не пробовалъ. «

Посмѣявшись самонадѣянности погонщика,

Фридрихъ спрашиваетъ: » А эпюгъ Орнегро? « .. О! бѣднякъ, всупившій въ услуженіе къ Маркашпѣ за пѣмъ шолько, чшобъ свободнѣе ему было смюпрѣшь на нее каждый день. Онъ исполняетъ у ней должноти конюха, садовники, пажа!.. однимъ словомъ, всего, чшо угодно... Я предсказываю, чшо опъ любви своей онъ сойдесть съ ума, если уже не сошелъ; впрочемъ онъ самъ не заносишся далеко, ограничивая права свои пѣмъ, чшо смюприпъ съ восхищеніемъ на Маркишпу и исполняетъ ея малѣйшія желанія.

Фридрихъ призадумался. Чрезъ нѣсколько минушь, онъ возобновляетъ разговоръ. » Педриллось, я льбопышенъ видѣшь эпю Маркишпу. Далеко ли живетъ она опсюда? « — Нѣпъ, Сеньоръ, около мили, за пѣмъ лѣскомъ, копорый будемъ скоро проѣзжать, въ небольшой деревушкѣ на лѣво... — » Найду ль я шамъ госпинницу? .. Можно ли будетъ оспановишся въ шой деревушкѣ? « — Посады здѣсь весьма рѣдко, но Маркишпа охотно дастъ вамъ ночлегу у себя... и даромъ. О, женщина она госпепримная, щедрая! любишь оказывать услуги; богаша и гордился своимъ соспояніемъ. — » И шакъ, впередъ! посмопримъ поскорѣ красавицу, по коей вздыхаетъ бѣдный Орнегро. «

Фридрихъ погоняетъ мула. Не хопя, оставяетъ Капалана свой лѣнивый шагъ. Довольно

долго проѣзжаяюпъ они густымъ лѣсомъ, изъ коего выбравшись наконецъ, взоры путешественниковъ встрѣчаютъ самое очаровательное мѣстоположеніе: на право Гвадалквивиръ тихо кашиптъ волны свои; шамъ селенія, деревушки возвышаюпся амфиатеатромъ на холмахъ, обсаженныхъ виноградными лозами, померанцами и оливами; а въ дали на самыхъ высопахъ, сливаюпщихся съ небомъ, видны многочисленныя колокольни Севиллы. Наконецъ въ лѣвъ, взоръ опдыхаетъ на густомъ лѣсу, предъ коимъ лежитъ небольшая деревенька, будто нарочно брошенная для успокоенія путешественника.

Погонщикъ, показывая Фридриху хорошенькій домикъ при въздѣ въ деревню, говоритъ: »Вопъ жилище Маркишпы, самое красивое въ цѣломъ селеніи.«

— »Какой прелестный край!« вскричалъ Фридрихъ. »Я радъ остановиться здѣсь, хошябъ меня и равнодушно приняли.«

Педриллось уже возлѣ дома; онъ соскочилъ и шушиптъ съ молоденькой служанкой, споящей у воропъ, покамѣсптъ Фридрихъ слѣзаетъ съ Кашаланы.

»Да, плюшовочка Зерлана, эпо Французскій дворянинъ, путешествующій для обозрѣнія нашего края и желающій у васъ опдохнуть,« говоритъ погонщикъ, лаская дѣвушку.

— » Я, можешь бышь, нескромень, « присовокупляешъ Фридрихъ; »но извинише иноспранца...«

Служанка еще не успѣла опвѣчать, какъ молодая женщина показала у дверей. По ловкой и вмѣстѣ гордой осаннѣ, пщательной одеждѣ, плѣнительнымъ движеніямъ—Фридрихъ угадалъ Маркишшу.

Она, почно сама, опвѣчаетъ Фридриху звучнымъ и пріятнымъ голосомъ: » Нѣтъ, Сеньоръ, вы мнѣ не будеше въ шягоспѣ. Домъ мой проспorenъ и людей доспапожно для вашей прислуги. Вы можеше здѣсь опдохнуть, сколько угодно. Войдише, Сеньоръ... Педриллось, шебя накормяшь. «

Фридрихъ, весь занятый созерцаніемъ прекрасной Андалузки, находить, что рассказы погонщика далеко опспали опъ истины: Маркишша восхищительна! Большіе черные, опкрытые глаза ея исполнены огня и веселости; темные волосы, заплетенные въ косу, перевиты лентами и цвѣтами. Прелестный рошикъ, украшенный двумя рядами перловъ; спанъ шонкій и спройный; наконецъ одежда несходная съ плашьемъ горожанокъ и превосходнѣе, красивѣе нарядовъ деревенскихъ — довершающъ очарованіе, произведенное первымъ взглядомъ Маркишши.

Прекрасная Андалузка замѣчаетъ впечатлѣніе, ею сдѣланное на молодого путешествен-

ника и, кажется, пѣмъ не оскорбляется. Подавъ руку иноспранцу, она вводитъ его въ домъ; между пѣмъ, какъ словоохотный погонщикъ, онѣмѣвшій при появленіи Маркишпы, оспаешся у воропъ съ-своими мулами.

Доспапокъ и вкусъ обипающъ въ домъ Маркишпы, принимающей гопся со всею ловкостію свѣпской дамы. Фридрихъ вошелъ въ залу, обращенную окнами въ прекраснѣйшій садъ. Старая служанка подаетъ ему шеколадъ; слуга предлагаетъ снятъ *espadrilles*, полагая, что онъ одѣтъ, какъ шуземный пупешеспвенникъ. Фридрихъ не переспаетъ любоваться Маркишпою, кошорая бѣгаетъ, суепишся и приказываетъ съ шакою прелеспной живостію! Однакожь замѣшно, что должно повиноваться ей немедленно; но и шerpтѣне не еспъ ея добродѣшель.

Маркишпа садится, наконецъ, возлѣ Фридриха. Она разговариваетъ легко и непринужденно рѣчь ея весела и умна. Молодой Французъ, съ своей спороны, очень любезенъ. Онъ говоритъ, что приѣхалъ въ Испанію по дѣламъ, не сознаваясь однако, чего въ ней искалъ, между пѣмъ какъ взоры его, болѣе выразишельные, доказываютъ оспальное.

Проходитъ два часа. Фридрихъ и Маркишпа разговариваютъ на шомъ же мѣспѣ; время для нихъ лепишъ непримѣпно. Еспъ особы, съ ко-

ими знакомишься пакъ скоро, пакъ пріяшно!.. и угадываешь, что бесѣда наша имъ пакже не скучна. . .

Вдругъ пѣнь длинной, сухой фигуры опрзилась въ саду; и вскорѣ, блѣдный, грустный, нахмурившій брови при видѣ иношпанца — явился Орнегро.

— »А! ты возвращился, Орнегро?« сказала Маркишпа. — Да. — »Исполнилъ ли порученіе мое?« — Да. — »Что сказали эти бѣдные люди?« — Они благословляютъ васъ за всѣ милоспш! — »Домъ ихъ недавно сгорѣлъ; обязанноспшю каждого было имъ помочь.« — Прекрасны и добры! возразилъ Фридрихъ; »вы доешойны обожанія!« »Добра!« повторила Маркишпа, улыбаясь: »не очень!.. По крайней мѣрѣ опкровенна.. болѣе, нежели вы, господа Французы, умѣющіе, какъ говоряшь, пакъ хорошо лгать, что, не вѣря даже вамъ, васъ пріяшно слушають.«

Фридрихъ не успѣлъ опвѣчать, какъ Маркишпа, замѣпивъ Орнегро, оспававшагося у дверей, сказала ему сурово: »тебѣ шущъ нечего дѣлать. . . спупай вонъ.«

— »Я здѣсь, за шѣмъ. . . что погонщикъ, привезшій Француза, спрашиваетъ, скороль онъ поѣдетъ назадъ и что прикажетъ. . .«

Маркишпа, посмопрѣвъ на Фридриха, вскричала. »Какъ! ѣхаетъ! Нѣтъ, вы сегодня не поѣде-

ше... Вы сказали, что вамъ некуда спѣшишь; почему же не оспашься здѣсь на нѣсколько дней, когда спрана сія пакъ вамъ нравится. Я предлагаю вамъ гостепрѣимство; буду пѣшь *сегидиллы*, аккомпанируюсь на мандолинѣ, а вы спанете мнѣ рассказывать свои Парижскія приключенія. «.. — Но вы имѣ не повѣрите, еще недавно сказавши, что Французы умѣютъ только лгать. — «Ахъ! Сеньоръ! еспѣ исключеніе... Право, я не желала васъ обидѣшь. Оспаньпесь же, въ доказательствѣ, что вы на меня не сердитесь.» — Съ большимъ удовольствіемъ, только боюсь обезпокоить васъ... — «Полнопѣ, вы оспаетесь. Подите же, опправьте своего *калезеро*, а я похлопочу о вашемъ помѣщеніи.»

Фридрихъ идешь къ погонщику, еще споявшему у ворошь съ Рагаццою и Капаланою. Заплашивъ ему щедро, онъ говоритъ:

— «Я здѣсь оспаюсь на малое время; пеперпы, Педриллось, свободенъ. Черезъ нѣсколько дней, ежели тебѣ случится проѣзжать по этой дорогѣ, я, можешь бышь, обратню съ шобою опправляюсь.»

Погонщикъ лукаво улыбается и, сядясь на Рагаццу, говоритъ: «Понимаю, господинъ Французъ, понимаю!.. Прекрасные глаза Маркишты произвели свое обычное дѣйствіе, и кокешкѣ льстятъ побѣда надъ вами... Желаю удачи, Сень-

оръ; но не слишкомъ доверьшесь... Черезъ нѣсколько дней буду проѣзжать здѣсь... если улучу время.»

Педриллось погоняешъ муловъ, запрягиваешъ свою любимую пѣсню, и вскорѣ голосъ погонщика и звукъ его колокольчиковъ перяюпся въ опдаленіи.

Фридрихъ возвращаешся въ домъ Маркишпы; шедшей къ нему на встрѣчу, съ приглашеніемъ пройши осмошрѣшь ея садъ. Молодой Французъ, соглашаясь, предлагаешъ руку хозяйкѣ, копорая принимаешъ ее безъ всякаго жеманства; попомъ, оба вмѣспѣ, углубляюпся въ прекрасныхъ померанцовыхъ и лимонныхъ аллеяхъ, въ розовыхъ и жасминныхъ боскешахъ. Фридрихъ въ упоеніи: прелестное убѣжище, благовонный воздухъ, чистое небо, милая, умная женщина, съ копорою шель объ-руку и копорая, казалось, шакъ весела, шакъ опъ души смѣялась — все эшо кружило голову молодому Французу и онъ уже мыслилъ: » Жермильи не обмануль меня!.. Прекрасная спрана — Андалузія! «

Они возврапились въ домъ: шамъ пригопвленъ былъ ужинъ. За споломъ Маркишпа угощаешъ съ обыкновенною своею пріяпностью; и Фридрихъ, попивая Малагу, восклицаешъ: » Ежели вы всегда ко мнѣ шакъ будеше милоспивиы, моя любезная хозяйошка, я никогда не рѣшусь васъ опсавишь «

— » Ну, чпожъ? вы оспанешь. . . Милоспивый Государь. Я вамъ кажусь, можешъ бышь, очень вѣспреноу, но выслушайше. Рано сдѣлавшись независимоу въ своемъ соспояннѣ и поспупкахъ, я болѣе приобрьла швердоспи, нежели прочія женщины. Люблю дѣлашь, чпо мнѣ нравилсъ, говорилсъ чпо мыелю. Пуспъ мѣня находяпъ спранною, своенравною, кокепкою, не знаю чѣмъ! . . я презираю всѣ пересуды, продолжая слѣдовашъ влеченію моего сердца, кошорое, до сихъ поръ, никогда не руководспвовало мѣня худо. Женцинѣ моихъ лѣпъ приняпъ къ себѣ молодаго иноспранца. . . эшо покажешь очень предосудилшельно! . . Но ежели, не смопья на мою молодоспъ, я имѣю разсудокъ и швердоспъ зрѣлаго возраспа, ежели справедливо мое мнѣніе, чпо иноспранецъ сей не способенъ обидѣшь женщину, гдѣ же шупъ зло? И за чѣмъ мнѣ лишапъ себя прѣпшнаго сообщеспва? «

— »Ужъ вѣрно не я найду эшо дурнымъ!« опвѣчаешъ Фридрихъ, смущенный важнымъ шпономъ, приняпымъ хозяйкою дома; но она скоро предаешь своей обыкновенной веселоспи. Вечеръ прошелъ; Маркишпа вспаешъ и призываешъ служанку, приказывая ей проводить геспя въ назначенный ему покой. Фридрихъ опкланиваешь, цѣлуешъ руку Маркишпы и удаляешь, оглядываясь часпо назадъ, въ надеждѣ вспрѣшпшь еще разъ взоры прекрасной хозяйки.

Служанка ведетъ молодаго Француза въ опдаленный павильонъ, неимѣющій никакого сообщенія съ домомъ, на самомъ концѣ двора. Фридрихъ невольно вздохнулъ въ эпою дальней ссылкѣ. Французы очень скоры въ любви, и вѣрно нашъ герой мечталъ уже о пріятнѣйшей ночи: на сей разъ долженъ онъ довольствоваться своимъ красивымъ павильономъ. Однако, ложась спать, еще мечтаетъ о Маркишпѣ и пвердитъ, засыпая: »Я ее болѣе обожаю, нежели сколько любилъ пѣхъ невѣрныхъ Француженокъ! . . . Одно желаніе мое—быть любимымъ Маркишпою! «

Фридрихъ проснулся по утру, восхищенный своимъ ночлегомъ у прекрасной Андалузки. Вышедъ очень рано, онъ хотѣлъ уже быть съ Маркишпою, коей плѣнительный образъ ему грезился цѣлую ночь. На дворѣ встрѣпился съ нимъ мрачный Орнегро, перемѣнявшій цвѣпы подь окнами госпожи своей. Испанецъ кланяется Французу, но, кажется, не расположенъ съ нимъ разговаривать; Фридрихъ его оспанавливаетъ.

— »Она еще спитъ? « — Кто? — »Какъ, кто? пвоя госпожа, прекрасная Маркишпа.« — Да. — »И шакъ, я прогуляюсь по саду, покамѣспъ она проснется. . . Какъ мила пвоя госпожа! «

— »Я очень радъ, встрѣпивъ себя вчера передъ Мадоною; иначе болпунъ Педрилмось не завезъ бы меня сюда. « — О, пресвятая Мадона! . .

Орнегро замолчалъ. Онъ скреспилъ набожно руки, поднявъ глаза къ небу. Фридрихъ удалился въ садъ мечшашъ о Маркишпѣ. Наконецъ является она сама и кажется ему еще восхищительнѣе, чѣмъ наканунѣ; бышь можешъ, уборъ ея гораздо щцашельнѣе, граціознѣе, но эшо самое выказываетъ ея желаніе понравиться молодому Французу, который, съ своей стороны, испощаетъ всѣ средства ея плѣнишь, очаровашъ. День прошекаетъ въ прогулкахъ, музыкѣ и разговорахъ. Маркишша поешъ съ чувствомъ, съ душою; Фридриховъ голосъ пріятенъ и нѣженъ; каждый изъ нихъ любишь слушашъ другаго и время лешишь не примѣшно.

Такъ проходитъ нѣсколько дней. Фридрихъ уже говоритъ о любви своей, хопя глаза его давно въ ней объяснились. Маркишша смѣется опъ души надъ спрашнымъ объясненіемъ Француза. Онъ хочешъ себѣ позволишь нѣкоторую вольность—она принимаетъ спротій видъ; и Фридрихъ, дѣйствительнѣе влюбленный, перешъ всю свою Парижскую смѣлость. Онъ предаешъ опчаянію, клянешся умерешъ, если не любимъ Маркишшою, грустишь, вздыхаетъ, почши похожъ на Орнегро;—а кокешка смѣется по прежнему, когда онъ начинаешъ ей описывать свои мученія.

Однажды Фридрихъ принимаетъ или припволяется будшо принялъ намѣреніе удалиться.

Приходитъ на Маркишпъ въ дорожномъ плащѣ и говоритъ ей: » Я ѣду, прощайте! «

На сей разъ Маркишпа не смѣется болѣе. Она смущается, блѣднѣетъ, дрожитъ и наконецъ произноситъ невнятно: » Опъ чего же, ѣхаетъ? . .

— » Опъ того, что васъ обожаю. . . что присушествіе ваше еще болѣе воспаляетъ любовь, меня пожирающую; не могли пронуть сердца вашего, я долженъ васъ освавить. « — Не уѣзжайте! отвѣчаетъ Маркишпа дрожащимъ голосомъ, опустивъ свои прекрасные глаза, дабы скрыть ихъ выраженіе.

Фридрихъ подошелъ къ прелесной Андалузкѣ, взялъ ея руку и прижалъ къ сердцу; говоря: »Я непременно долженъ удалиться. . . если вы не сжалились надъ моими спрданіями!«

Маркишпа долго молчитъ, но рука ея оспалась въ рукѣ Фридриха, покрывающаго ее своими поцѣлуями; наконецъ, она поднимаетъ глаза свои, и съ чуднымъ выраженіемъ успремивъ ихъ на Француза, словно желая проникнуть во глубину души его, отвѣчаетъ ему почти шоржесивеннымъ голосомъ: »Вы говорите, что меня любите. . . но правда ли? . . Не спараетесь ли полько обмануть меня? . . Знаете ли, что если я однажды полюблю—по на вѣкъ? . . Что мнѣ нужно сердце, котороебъ отвѣпствовало мое-

му сердцу... и душу пламенную, подобную моей душѣ?.. Любовь для меня не игрушка, но счастье цѣлой жизни или смерти! До сихъ поръ, я пропивилась сей спраспи... почувствуя, что не могу любить слабо... Боже мой! за чѣмъ посыпали вы спрану сію?.. Уже ли для моего несчастья? Уже ли для того, чтобы ощутила я любовь, о коей до сихъ поръ лишь мечтала. Фридрихъ! ежели ты меня любишь только минушно, ежели намѣренъ покинуть, какъ скоро побѣдишь сердце, досель нечувствительное... о, такъ уѣзжай, уѣзжай!.. не оставайся долѣе съ Маркишшою! «

Фридрихъ, вмѣсто отвѣта, бросаешь къ ногамъ молодой Андалузски, клянеща въ искренности любви своей, въ чистосердечномъ желаніи провести съ нею остатокъ жизни.

Маркишша глядитъ съ нѣжностію на молодого Француза; уже не кокетство, не лукавство блестятъ въ глазахъ ея: взоры Испанки выражаютъ новое пламя любви и нѣги, и сладостное признаніе въ сей разъ вымещаетъ изъ устъ ея: »И я... я также люблю себя! «

Фридрихъ безъ памяти, въ упоеніи прижимаетъ Маркишшу къ сердцу своему; и она едва пропившись его воспоргамъ... Тутъ входитъ Орнегро.

» За чѣмъ ты? « спрашиваетъ Маркишша, освобождаясь изъ объятій Фридриха.

— »Погонщикъ, привезшій Сеньора, памъ.. за ворошами. . . Будучи здѣсь проѣздомъ, онъ спрашиваетъ, не пожелаешь ли иносстранецъ съ нимъ обратно ѣхать.«

— »Ѣхать?.. уже ли вы оспаетесь при своемъ намѣреніи?« спрашиваетъ Маркишпа, взирая съ нѣжностію на молодаго человѣка.

— »О нѣтъ, право, нѣтъ!« вскричалъ Фридрихъ.

— »Такъ пойдемъ же, отправимъ погонщика обратно.«

Маркишпа беретъ за руку Фридриха, копорый, проклиная и погонщика и Орнегро, слѣдуетъ за своею возлюбленною. Передъ домомъ они находятъ Педриллосу, дружелюбно ласкающаго свою Рагаццу и Капалану. Погонщикъ сдѣлалъ небольшую гримасу, увидѣвъ свободное обращеніе любовниковъ и шу ласковую небрежность, съ коею Маркишпа опиралась на руку Француза.

— »Мнѣ не нужны твои услуги, Педриллосъ,« сказалъ Фридрихъ съ поржесивующимъ, весьма поняшнымъ видомъ.

— »Слышишь, Педриллосъ?« возразила Маркишпа. Ежели будешь въ другой разъ проѣзжать, кажешься, бесполезно здѣсь оспанавливаешься. . . Господинъ Французъ намѣренъ поселиться въ Андалузій.«

— »Можешь бышь,« проворчалъ Педриллосъ пакъ невняшно, что его никто не услышалъ.

Выпивъ спаканъ вина, поднесеннаго ему служанкой, онъ оныпъ садися на своего мула, улыбаеця Французу, кланяеця Маркишпъ и продолжаецъ свой пупъ.

Во весь оспашокъ дня любовники повторяють другъ другу спраспныя кляшвы. При вечерней прогулкъ, они углубляюпся въ самыя пѣниспныя мѣспа сада. Фридрихъ сгараецъ нѣжнѣйшимъ пламенемъ; Маркишпа раздѣляецъ воспорги его и Орнегро, на сей разъ, не нарушаецъ ихъ своимъ приходомъ.

Прошекло нѣсколько недѣль: любовь по прежнему обипаецъ въ жилищъ Маркишпы; прекрасная Андалузка обожаецъ Фридриха и спрасп ея возраспаецъ съ каждымъ днемъ. Она ни минушы не можецъ бышь безъ своего любовника, глаза безспреспанно слѣдують за нимъ, руки сжимають его руки, объипя опверзпы и успа распочають нѣжнѣйшыя поцѣлуи.

Всѣ слуги прекрасной Андалузки слѣпо повинуюпся его волѣ, и какъ Маркишпа хочецъ, чпобъ уважая любовника, ему служили, какъ ей самой, по всѣ домашнѣ спараюпся предупреждапъ малѣйшыя желанія молодаго челоука. Орнегро, покоряясь какъ и другѣе, служипъ Фридриху, хопя взоры его спановяпся мрачнѣе и видъ ужаснѣе, каждый разъ, когда видипъ счастливаго любовника.

Но гдѣ обипаешъ поспоянство?.. Конечно не въ сердцѣ молодаго Француза. Фридрихъ, получивъ все, чпо желалъ, возбудивъ самую пламенную спрасъ въ женщинѣ, дополъ презиравней любовь, Фридрихъ уже чувспвуешъ охлажденіе; онъ все еще нѣженъ, любезенъ, но дни ему кажущся какъ-то долги. Маркишпа очаровашельна; но онъ видипъ ее безпреспанно... и ее одну видипъ, не смѣя обрашипъ вниманія на прочихъ поселянокъ; наконецъ, эпа волшебная спрана, спрана, казавшаяся ему эдемомъ, землей обѣпованной — нынѣ спала ему скучна; и, равнодушный ея жипшеть, онъ впайнѣ вздыхаешъ, вспоминая о Парижѣ... о семъ разврапномъ Парижѣ, гдѣ сполько измѣнницъ... и вмѣспъ сполько забавъ!

Маркишпа примѣшила задумчивость Фридриха, его даже разсѣянность, когда онъ бывалъ съ нею; и пламенная Андалузка, успремивъ на любовника свои черные глаза, исполненные мучительнаго безпокойства, пошчасъ говоритъ ему:

» Чпо съ побою?.. чпо превожипъ шебя?.. скажи, счаспливъ ли со мною? не сомнѣваешся ли въ нѣжности моей?.. Ахъ!.. отвѣчай!.. приказывай... гошова все исполнишь, чпобъ доказашъ шебѣ любовь мою. «

Но Фридрихъ не могъ сомнѣвашься въ любви Маркишпы; бышь можешъ, самая увѣренность эпа была причиною его скуки. О неблагодар-

ность человѣческая!.. Слишкомъ вѣрное счастье насъ пятопишь; мы ищемъ въ любви преревогъ, какъ поспоянства въ дружбѣ.

Фридрихъ часпо выходилъ прогуливаться на дорогу, пролегавшую передъ домомъ; тогда глаза его блуждали во всѣ спороны... высмашривая, не покажется ли мимоѣздомъ Педриллосъ, чптобы воспользоваться симъ предлогомъ для небольшого пупешесствія; но погонщикъ болѣе не появлялся, и молодой Французъ, качая головой, ворчалъ про себя: »Такъ привязаться къ моимъ словамъ... Кажется, могъ понять эпопъ Педриллосъ, чпто мнѣ не цѣлмй вѣкъ здѣсь жить.«

Наконецъ, въ одно упру, пришедши къ своей любовницѣ, Фридрихъ, съ видимымъ замѣшательствомъ, но съ пвердымъ намѣреніемъ исполнить желаніе свое, говоритъ Маркишпѣ, поглядывая въ поле:

— »Другъ мой... я долженъ однакожъ... успроить дѣла свои.«

Андалузка глядитъ на Фридриха; когда она спала опвѣчать ему, огненный взоръ ея былъ словно прикованъ къ любовнику:

»Дѣла?... какія дѣла хочешь пы успроить?«—
Тѣ, кои я имѣлъ въ эпой споронѣ.—»Ты самъ сказывалъ, чпто всѣ кончены.«

— »Такъ... здѣсь, въ Испаніи... но во Франціи... въ Парижѣ нужно мнѣ видѣшь многихъ

особь... « — Можешь къ нимъ писать. — » О, большая разница!.. Я непременно самъ долженъ ѣхать въ Парижъ... но успокойся, Маркишпа, я попытаю возвратиться къ тебѣ, моему другу. «

Маркишпа поблѣднѣла; взявъ руку любовника, она говоритъ: »Фридрихъ! ты меня обманываешь... « — Ахъ! Маркишпа, что за мысль? — »Не любишь болѣе...«—О! я обожаю тебя!..—»И хочешь покинуть...«—На самое короткое время.—»Не ты ль клялся никогда не оставлять меня?.. Такъ ли исполняешь свои обѣщанія?« — Но... — »Слушай, я предупреждала тебя, что любовь для меня не минувшая спрасъ... что въ замѣну моего спокойствія, я желала имѣть сердце бьющееся для одной меня... Ахъ, Фридрихъ! неужли ты обманулъ меня?...« — Нѣтъ, я все тебя люблю... но у меня дѣла во Франціи... — » Я ѣду съ тобой. «

Молодой Французъ не ждалъ и не желалъ подобнаго отвѣта. »Я не пребую«—возражаетъ онъ, запинаясь—» чтобы ты оставила свое прекрасное опечесство... присущствіе швое и здѣсь необходимо... къ шомужъ, будучи одинъ... я попытаю те могу ѣхать... быть свободнѣе... и скорѣе возвратиться. «

Маркишпа приспально смотрѣла на Фридриха; горькая улыбка пробѣжала на устахъ ея. »И такъ«—восклицаетъ она—» поѣзжай безъ ме-

ня... Я вижу, тебя напрасно удерживаешь... Когда же намѣренъ ты оставить меня? «

— » Нынѣшнимъ вечеромъ, когда спадетъ жаръ, я поѣду въ ближайшій городъ... за милю опсюда, какъ мнѣ сказывали. Тамъ возьму лошадей... экипажъ, если найду... Рѣшившись разъ, какъ бы ни было шягоспно предяріяпіе... надо его исполнить. « ..

» Довольно... я прикажу изгошовить все нужное къ швоему опѣзду. «

Маркишпа удалилась. Фридрихъ, приготошовившійся за ранѣе къ слезамъ, воплямъ и продолжипельнымъ просьбамъ, чшобъ только удержашъ его — никакъ не полагадъ, чшобы любовница его была шакъ рѣшипельна. Онъ радуешся, между шѣмъ, чшо опдѣлался немногими упреками, хопя очень ясно видѣлъ, чшо одна гордоспъ удерживала слезы прекрасной Испанки, и ему даже совѣспно спало ее покинуть.

Солнце закашилось; все гошово къ опѣзду молодаго Француза. Оплавляя сей госпепрїимный кровъ, подъ коимъ шакъ радушно былъ принятъ, Фридрихъ идетъ къ Маркишпѣ, еще разъ садипся съ нею въ шой гуспой шѣни сада, гдѣ нѣкогда былъ шакъ счаспливъ. Здѣсь Маркишпа не въ силахъ болѣе прошивишся гореспи своей: обнимаешъ любовника, прижимаешъ его къ сердцу, и смопря съ шоскою въ глаза, говориптъ раздирающимъ голосомъ:

» Не оспавляй меня!.. Ты можешь навлечь на себя несчаспіе. «..

Фридрихъ смущается... колеблется... наконецъ опвѣчаетъ: » Мнѣ должно ѣхать во Францію. «

Въ сію минушу послышался легкій шорохъ въ кустахъ. Фридрихъ оборачивается и никого не видишь. Но Маркишпа вспала. Оперши слезы, она говоритъ ему рѣшипельнымъ пономъ: » Поѣзжай, я болѣе не удерживаю тебя. «

Сказавъ слова сіи, Андалузка поспѣшно удаляется, Фридрихъ, хопя удивленный симъ внезапнымъ прощаніемъ, разсуждаетъ однако, чшо всего благоразумнѣе не продолжать сей бесѣды. На дворѣ служанка держитъ чемоданъ его, и мулъ осѣдланъ: молодой человекъ долженъ его оспавить въ ближнемъ городѣ, куда Орнегро придетъ за нимъ. Фридрихъ полагалъ, чшо молчаливый слуга сей будетъ его проводникомъ; но ему сказали, чшо онъ въ оплучѣ.

Фридрихъ ѣдетъ одинъ, пуспивъ мула шагомъ. Дорога въ Андухаръ ведетъ чрезъ лѣсъ, копорый онъ проѣзжалъ съ Педриллосомъ: едва сдѣлавъ въ ономъ шаговъ шриспа, вдругъ слышипъ онъ выспрѣлъ изъ карабина и въ шожъ мгновение чувспвуетъ себя раненымъ въ голову; шапается, падаетъ — а мулъ его спокойно принимается щипать траву.

Фридрихъ не перяетъ чувспвъ, но увѣренъ,

что безъ чьей нибудь помощи не можеть обратиться изъ лѣса. Къ счастью его, вскорѣ проѣзжаютъ креспьяне, узнаютъ молодаго пушеспивенника, видѣвъ его у Маркишпы, и спѣшашъ ему помочь. Они переносятъ его обратнѣо къ прекрасной Андалузкѣ, копорая, при видѣ раненаго любовника, забываетъ, что онъ хотѣлъ ее оспавить и спѣшилъ оказать ему самыя нѣжныя попеченія.

Рана Фридрихова не опасна, но множеспвобробинъ пробило ему щеку и онъ спрашилси, чпобы знакъ сей не оспался навсегда. Молодой человекъ велитъ подать себѣ зеркало и вздыхая говоритъ: » У меня оспанетси рубецъ на лицѣ! Какъ это обезобразитъ меня!.. «

— Ты будешь для меня всегда прекраснымъ!.. Я спану любить тебя еще болѣе, если это возможно! « восклицаетъ Маркишпа, сжимая руку любовника; но сіе выраженіе привязанности ни сколько не утѣшаетъ молодаго человека, въ опчаяннн опъ своего шрама.

Чрезъ двѣ недѣли Фридрихъ выздоровѣлъ, но шрамъ на щекѣ оспался навсегда. Маркишпа клянетси, что онъ все такъже хорошъ; прежняя веселость ея возвратилась, снова заигралъ румянецъ; она увѣрена, что любовникъ ея болѣе не подумаетъ объ опъѣздѣ, — какъ, однажды, Фридрихъ возобновляетъ ей намѣреніе свое удалиться.

Чело Андалузки сдѣлалось пасмурно и сурово: «Опяшь меня покинуть!» говоритъ она. «Ты видишь, Фридрихъ, что эпо не служить къ швоему счастью!»

Молодой человекъ смѣется надъ боязнію Маркишши; онъ приписываетъ неловкости охотника прежнее съ нимъ приключеніе въ лѣсу; доказательство, что никто не подумалъ его ограбить въ то время, какъ онъ лежалъ на правѣ; и приговорясь въ путь, онъ говоритъ: «Эпо не помѣшаетъ мнѣ завтра ѣхать по шей же самой дорогѣ.»

Маркишша удерживаетъ слезы свои и не спарается бесполезными просьбами отвратить намѣреніе Фридриха. На другой день подъ вечеръ молодой Французъ снова пускается въ дорогу, на шомъ же мулѣ. Онъ направляетъ путь свой къ лѣсу, не ощущая ни малѣйшаго страха отъ послѣдняго своего приключенія, только ощущывая шрамъ, говоритъ со вздохомъ: «Дуракъ!.. принявъ меня за серну... можетъ быть за зайца... но случай сей не можетъ повториться.»

Однакожъ, едва всунувъ въ лѣсъ, Фридрихъ опяшь слышитъ звукъ огнеспрѣльнаго оружія—и пуля вмигъ разожжила ему колѣно, прежде нежели онъ успѣлъ обернуться и видѣть, откуда произошелъ выстрѣлъ.

Фридрихъ не узналъ съ своего мула. Не взи-

рая на самую жестокую боль, повернувъ назадъ, онъ имѣлъ бодрость возвратиться къ Маркишпшѣ.

Тамъ оцпшь его кладушь, лечашъ, лелѣюшь. Маркишша употребляетъ всѣ средства къ облегченію его спраданій; омываетъ слезами лице любовника, и сей послѣдній мыслишь про себя: »Счастливъ я въ злополучіи своемъ, будучи пакъ нѣжно любимъ!«

На эшошь разъ Фридрихова рана была опасна: шесць недѣль вылежалъ онъ въ постелѣ и когда вспалъ наконецъ, по почувспвовалъ, чпо не можешъ согнуть колѣна, слѣдспвенно долженъ на всю жизнь оспашься хромымъ.

Какое горе для молодого человѣка, коего походкѣ, ловкости и шанцамъ всѣ удивлялись. Бѣдннй Фридрихъ, съ опчаяннымъ видомъ, бросаетъ въ кресла, говоря: »Мало шого, чшобъ бышь съ шрамомъ, шеперь я хромъ!.. Чпо за особенное несчастіе!«

Маркишша, находясь неопспшно подлѣ любовника, упѣшаетъ его.

— »Чпо мнѣ нужды въ помѣ, чпо ты хромаешь, когда все пакже миль моему сердцу!.. Напрошивъ, шѣмъ инпереспнѣ кажешся въ моихъ глазахъ. Ахъ, Фридрихъ! любовь моя вознаградишь тебя за эти слабые недоспашки, доказавъ, чпо я, въ тебѣ, люблю собспвенно тебя.«

Не смотря на то, Фридрихъ еще съспуешъ, печаленъ и что шагъ спущипъ, то вздыхаетъ.

Проходипъ нѣсколько недѣль, Фридрихъ, скрѣпивъ сердце, приучается хромать, между тѣмъ, какъ лице Орнегро выражаетъ адскую радость, каждый разъ, когда примѣчаетъ молодого Француза, волочащаго ногу свою. Фридрихъ думаетъ: »Кажется, соперникъ мой не весьма огорченъ моимъ приключеніемъ! «

Наконецъ, однажды вечеромъ, Фридрихъ предупреждаетъ Маркишшу, что на другой день опять отправится въ пушь, въ прешій разъ.

Какъ! « восклицаетъ Маркишша: » ты еще не распался съ мыслию меня покинуть? .. Ахъ, Фридрихъ! ты видишь, само небо пропивишься швоему опъѣзду.

— » Я не полагаю, чтообъ это было небо, дважды меня ранившее, « сказалъ Фридрихъ. » Впрочемъ, завтра я не спану дожидаться ночи, чтообъ ѣхашъ въ городъ, и если можно, не буду проѣзжашъ черезъ дѣсь иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ швоихъ людей. «

— » Хорошо! « опвѣчаетъ Маркишша. » Орнегро поѣдетъ съ тобою. Но, Фридрихъ, размысли прежде. . . и не презирай моихъ предчувствій. «

Фридрихъ рѣшилсѣ непременно отправиться во Францію, шакъ накучила ему Андалузія. Въ

слѣдующее упрямо онъ ошправляепся въ пущь, въ сопровожденіи Орнегро, вооруженнаго съ головы до ногъ. Молчаливый Испанецъ ѣдетъ въ большомъ разспояніи опъ Француза, односложно опвѣчаетъ на всѣ вопросы и шакъ надоѣдаетъ Фридриху, что онъ оспавляетъ его въ покоѣ; наконецъ, погоняя мула, совершенно забываетъ о своемъ поварищѣ.

Орнегро не слѣдуетъ болѣе за Французомъ при въѣздѣ въ лѣсъ; Фридрихъ зовепъ его, не получая опвѣща; услышавъ однакожъ впереди лошадинъ шопопъ и полагая, что скоро догонитъ поварица своего, рѣшается еще разъ вспушитъ одинъ въ сей пагубный для него лѣсъ. Дорогою опящъ кличетъ проводника, ко-его мрачная фигура, показалось ему; мелькнула разъ между деревьями; но вскорѣ раздался знакомый звукъ — пуля взвилась и проспѣлила Фридриху правый глазъ: безъ памяти, въ крови онъ упалъ на землю.

Очнувшись, молодой Французъ опящъ находитъ себя въ опой самой комнащъ, копорую занималъ у Маркишпы; прекрасная Андалузка, сидѣвшая у изголовья, казалось, съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидала возвращенія его къ жизни. »Что со мною было?« спрашиваетъ молодой человекъ слабымъ голосомъ.

— »Тебя опящъ ранили. Орнегро прискакалъ въ шу самую минушу, какъ шы падалъ; онъ

опыскаль людей, копорые тебя перенесли сю-
да.

— » Ахъ, Боже мой! .. ояпшь раненъ! .. какое злополученіе! .. Поймали ль, по крайней мѣрѣ, убійць моихъ? « ..

— » Нѣпъ... ихъ не опскрыли... « — Знаешъ ли, чпо пвой Орнегро былъ весьма плохимъ мнѣ проводникомъ! .. Ежели бъ онъ не оспавиль меня, то ничего худаго не случилось бы... Маркишпа, увѣрена ли шы въ эпомъ человекѣ? .. »О! какъ въ самой себѣ.« — Слѣдспвенно, подозрѣнія мои несправедливы; и я начинаю вѣрипъ, чпо небо прошивишся моему опгѣзду, опредѣливъ мнѣ оспашься съ тобою! .. Но апа рана... Великій Боже! неужели я пошерялъ... — »Глазъ?.. да, мой другъ!..«—Въ добавокъ, быпъ кривымъ! .. ну, эпаго я ужъ не переживу! .. — »Нѣпъ, Фридрихъ, живи! Маркишпа шакже спраспно тебя любишъ, какъ и въ попъ день, когда уступила пвоимъ воспоргамъ... Ахъ! не покидай меня: любовью, нѣжноспію моею, я тебя заспаваю забышъ эпи несчастныя приключенія.«

Фридрихъ долго не могъ излечишся опъ послѣдней раны. Когда онъ вспаль и въ первый разъ увидѣль себя въ зеркаль, то, ужаснувшись, помыслиль: » Нѣпъ... я уже не могу возрашишся во Францію! .. Какая женщина любишъ меня шеперь криваго, съ шрамомъ на

щекъ и хромага?.. А какъ здѣсь нашлась одна, кошорая любишь меня, не смопря на сіи недоспашки, по всего лучше оспашься съ нею.»

Радость Маркишпы, узнавшей рѣшительное намѣреніе Фридриха, доходиль до изспупленія: всѣ нѣжнѣйшія выраженія ей кажутся недоспашочными, чшобъ описатьъ вполнѣ ея любовь и счастье; и молодой человекъ, пронувшій споль истинною привязанностію, рѣшается оспашься навсегда съ нею и забышь свою Францію.

Фридрихъ часпо грусшилъ, но Маркишпа шакъ спрашна, шакъ внимательна и добра къ своему любовнику, чшо онъ самъ скрываетъ опъ ней шоску свою.

Прошекъ почши годъ съ шѣхъ поръ, какъ Французъ живешъ у прекрасной Андалузки. Однажды, для разсѣянія любовника, Маркишпа собираешъ съ нимъ ѣхашъ на охошу; сама вооружаешъ карабиномъ; и оба вмѣстѣ опправляются въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. Но между шѣмъ, какъ Фридрихъ гонялся за зайцами, Маркишпа оспановилась и неоспорожно оперлась на дуло своего ружья; вдругъ, по нечаянному движенію ея, спустился курокъ, раздался выспрѣлъ — и прекрасная Андалузка, раненая въ грудь, упадаешъ, призывая любовника.

Фридрихъ прибѣгаешъ; съ опчаяніемъ бросаешъ къ своей любезной, проспиравшей къ

нему изнемогающую руку. Молодую женщину переносили въ ея жилищѣ, гдѣ распочаюшъ всѣ возможныя пособія, но тщетно: лекаръ объявляетъ, что раненой оспаится только жить нѣсколько минушъ.

Маркиппа, угадывая свою участь, проситъ оспавить ее одну съ Фридрихомъ; и тогда, собравъ оспапокъ силъ, говоритъ своему любовнику, плачущему и предающемуся жестокой горести.

» Другъ мой... я умираю... и должна опкрышъ тебѣ истину... Ты хошѣлъ меня оспавить... я не могла безъ тебя жить... и велѣла тебя ранить... « — Великій Боже! вскричалъ Фридрихъ: » пы... Маркиппа!.. пы искала смерти моей!.. — » О нѣтъ, милый другъ, я хошѣла только препятствовать своему опъздъ, въ чемъ опкрылась Орнегро... и подшверждала ему каждый разъ, чшобъ онъ какъ можно легче тебя ранилъ.« — Какъ!.. Орнегро... эшопъ бездѣльникъ... — » Исполнялъ мои приказанія... Онъ умершвилъ бы самъ себя, если бы я шого пожелаала... Фридрихъ, проси мнѣ!.. я шакъ шпрасшно тебя любила!.. Ахъ! ни одна женщина не будетъ шакъ сильно къ тебѣ привязана, какъ Маркиппа! «

Прекрасная Андалузка закрыла глаза — на вѣки. Фридрихъ уже не шакъ сильно огорченъ; послѣднее признаніе, ему сдѣланное, весь-

ма умѣрило его съшование о потерѣ Маркишпы. Онъ ищетъ Орнегро, желая, по крайней мѣрѣ, опмстить ему за споль слѣпое повиновение спраспямъ госпожи своей. Но Орнегро, узнавъ о смерти шой, которой посвятилъ жизнь свою — бросается въ Гвадалквивиръ.

» Всѣ здѣшніе люди имѣютъ спранную манеру любви!« сказалъ самъ себѣ Фридрихъ. » Кажется, ничто болѣе не удерживаетъ меня въ сей спранѣ. «

Черезъ нѣсколько времени Фридрихъ снова прогуливался по бульварамъ Парижа; черная повязка закрывала его правый глазъ, но шрамъ оспавался наружи, и онъ прихрамывалъ. Вдругъ, какой-то человекъ, небольшого роста, подходитъ къ нему. Эпо Жермильи, съ восклицаніемъ: » Ахъ, Боже мой!.. мой милый!.. шы ли эпо?.. Скажи, въ какой спранѣ тебя шакъ изуродовали? « .. — Въ прекрасной Андалузш. . . шакъ много побою прославленной!.. гдѣ женщины шакъ плѣнишельны. . . шакъ влюбчивы!.. — » Полно, шы шупишь!.. Я самъ шамъ былъ и возвращаишя, какъ видишь, цѣлъ и невредимъ. « — Да!.. шы не изъ шѣхъ людей, коихъ насильно удерживаютъ!.. Эпо размышленіе мнѣ бѣ нужно было сдѣлать прежде. . . Теперь узналъ по опыту, какъ иногда спасишельно безобразіе!.. — » Я не понимаю тебя!.. Развѣ не нашель шы Андалузокъ прелесшными? « — Такъ. . . да Богъ

съ ними... Я возвращаюсь къ Француженкамъ, къ Парижанкамъ; онѣ часпо измѣняющъ, эшо правда, но желаю лучше бытъ обмануемымъ въ Парижѣ, чѣмъ любимымъ въ Андалузіи. «

III.

О Р Ъ Ч И

НЕИЗВѢСТНАГО МИТРОПОЛИТА,

НАЙДЕННОЙ АРХЕОГРАФОМЪ

И. М. СТРОЕВЫМЪ.

(изъ письма къ N. N. отъ... Сентября 1832 года а).

» Какъ далеко простирается мракъ сей?
Когда и по какимъ причинамъ начинаеть онъ
рѣдѣть? «..

Учен. Записк. N III. стр. 684.

... Чиплая и сравнивая *Рѣчь Неизвѣстнаго Митрополита* съ нѣкопорыми (какъ мнѣ казалось) современными ей лихтературными оспадц-

а) Въ печеніе года или болѣе послѣ нанечатанія *Рѣчи Неизвѣстнаго Митрополита*, кажепся еще не нашлось никого, кшобы обратилъ свое особое вниманіе на сію важную лихтературную драгоценность, найденную Археографомъ Строевымъ. А о подобныхъ бы словесныхъ находкахъ нашимъ словесникамъ говорить и должно и нужно. Эшо мое письмо къ одному изъ почтеннѣйшихъ Русскихъ Меценатовъ слишкомъ недоспа-

ками нашей древности б), а припомъ, особенно, обративъ мое вниманіе на всѣ, или на многіе *духовныя* переводы одного и того же времени съ упомянушою достопримѣчательною *Рльью*, я находилъ, что она не имѣетъ предъ ними ни большихъ опличій, ни оцупипельныхъ разницъ: ея *солтъники* равно сполько же, какъ и она, новѣйшему нашему духовному краснорѣчію послужають образцами в). Разумѣется, я понимаю

почно, но по крайней мѣрѣ оно *хотя что-нибудь* говоритъ о *слогѣ и другихъ красотахъ Рльи Неизвѣстнаго Митрополита*; припомъ оно же послужило нѣкопорымъ образомъ и опвѣсомъ на *вопросъ*, предложенный опъ тогоже Мецената *вслѣдъ любителей Истории и древностей Россійскихъ*.

- б) Почти таково на пр. *Послѣловіе къ Гермогеновой Книжкѣ о Житіи и о Прѣбываніи иже во Святыхъ Отецъ нашихъ Гурія, перваго Архіепископа Казанскаго и Свлиценно-Епископа Варсунофія Тверскаго, перваго Архимандрита во градъ Казани* и проч. Извѣстно, что Гермогенъ современникъ *Неизвѣстному Митрополиту* и, почти можно, гадапельно, говоримъ, что неизвѣстный заключається въ Гермогенъ, а Гермогенъ въ *Неизвѣстномъ*. Еще двѣ книги того же времени: 1) *Замычаніе къ Цвѣтнику Духовному*, и 2) *Поученіе отъ Притчей о Козняхъ Чадъ* и пр. сполько же замѣчательны слогомъ, какъ и первая.
- в) Даже дипломатическія наши бумаги того, или ближайшаго къ тому времени, имѣли почти одну и ту же форму краснорѣчія. На пр. *Ловасій Порусуковъ*, посланный въ 1677 году въ Царь Градъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича и о возшествіи на престолъ Царя Феодора Алексѣевича, въ рѣчи своей къ Діонисію Архіепископу Конспанниноградскому

только шѣ переводы, копорые шли къ намъ и дошли прямо изъ рукъ своихъ *древнихъ* переводчиковъ и копорые, послѣ спольшій, оспались безъ малѣйшихъ перемѣнъ; ихъ не касались ни рука, ни духъ новаго времени!

Вѣкъ *Ръчи Неизвѣстнаго Митрополита* указываетъ прямо на успѣхъ нашей образованности въ классѣ Духовенства а); и еслибы для сей образованности продлились обспояшельства благопріятныя, шо, можешъ бышь, эшо моглобъ имѣшь вліяніе на судьбу всего нашего просвѣщенія. Въ нашемъ опечесствѣ Дворянство, всегда болѣе другихъ соревнуя учености Духовныхъ б) и болѣе другихъ чувствуюя необходимость въ *грамотѣ* и въ *грамотныхъ*, не замедлило

объясняетъ такъ: «Госуд. Цар. и Велк. Кнз. Оедр. Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, вспомянувъ предковъ своихъ Велкх. Госдрей, Црей и Велкхъ Кнзей Россійскихъ, имѣвшихъ дружбу и любовь, и ссылки съ Сулпаномъ Турскимъ, послалъ и насъ къ обновленію той же исконной любви къ Магметъ Сулпанову Величеству и пр. « Подобное же естъ въ *Древн. Рос. Вислювикъ, въ Собран. Грам. и Договоровъ* и пр.

- а) Разумѣется въ высшемъ его классѣ: въ Архіереяхъ и другихъ Черноризцахъ; бѣлое же Духовенство тогда еще далеко опспавало опъ нашихъ Монаховъ.
- б) По мнѣнію Англичанина Гебера, первыми грамотниками были Дворяне; изъ нихъ избраны были первые служители церкви и опсюда пошелъ родъ священно и церковно-служителей.

бы подражашь счастливимъ началамъ своихъ учипелей, наполняшь *ихъ языкомъ свои письма* и даже *бумаги дѣловыя*, а припомъ и приспособляшь *ихъ письменный языкъ* къ своему языку разговорному. . . Уже все это могло бышья, какъ вдругъ *счастливое начало* Россійской прозы измѣнилось неожиданно: въ наше духовное краснорѣчїе, и даже въ нашу болѣе младенчеспвовавшую и бѣднѣйшую прошивъ духовной свѣпскую прозу хипро и мудро закралась несвойспвенная Русскому языку перемѣна—его знакомспво съ Лапинью а). Авшоры сей Лапини были не Цицероны, не Типы Ливии б), а монахи-каполики (учипели, прищмецы больщюю частїю Польскїе) и миссионеры люшера-не; не понимая, какъ должно, ни Квинпилїана, ни переданнаго по Лапини Грека Аристошеля, они соспавляли какое-то свое Лапинское краснорѣчїе и наконецъ въ эпомъ краснорѣчїи

-
- а) Зло, которое хотѣли предупредить многїе и, въ помъ числѣ Св. Праведный и Ученый Мужъ Максимъ Грекъ, болѣе другихъ посспрадавший, какъ испривпелъ нашихъ духовныхъ книгъ, согласно съ ихъ Греческими поддвнниками.
- б) Еще и до сего времени, какъ извѣспно, нашими учащимаися Лапиниспями, весьма не легко понимаемые. У насъ, скоро и довольно легко начинають переводить *Корнелия Непота*, а при Квинпилїанѣ и Типѣ Ливии пощчасъ встрѣчають камень препыканїя.

распространивъ слишныя дѣйствія обороповъ своего Греко-Лапинскаго языка, успѣли, въ продолженіи сполѣпій, раззнакомишь насъ собспвенно съ Греками, съ народомъ гораздо ближе Лапинисповъ къ намъ, даже по языку. Наконецъ нововводипели *перелѣтали* и самый нашъ Славянизмъ съ Лапинью а).

Начало эпого періода родилось въ смушное время Лже-Димитріевъ, быспро покровишельспвовавшихъ для своихъ *вышшихъ* взглядовъ Лапинизму. Продолженіе сей бѣдспвенной эпохи (къ счастью довольно крашкое), кончившееся избраніемъ на Царство Русское Королевича Польскаго Владислава, довершило паденіе языка нашего вполне и его испорія измѣнилась!

Въ послѣдспвіи времени, ученое Духовенство Россійское (замѣчаю опяпъ о Духовенствѣ первокласномъ) могло бы еще вознаградишь все нами поперянное въ словѣ; но возведеніе на Папріаршій престоль Никона, усерднаго сына Церкви и Опечеспза и — проспюлюдина, слѣдовапельно не имѣвшаго ни надежныхъ опоръ, ни пѣсныхъ связей въ подначальномъ ему ученомъ Духовенствѣ, не могло уже удержишь въ своихъ наспоющихъ границахъ разлившихся по слогу Русскому словѣ и обороповъ Лапинскихъ.

а) За исключеніемъ книгъ духовныхъ прежняго перевода, какъ на пр. Библии и особенно Псалпирн и пр.

Впрочемъ Никонъ уже былъ направленъ, собственною смѣлливостию, чувствовашъ и понимашъ достоинства писателей Греческихъ: по нимъ онъ (и не знавши языка) повелѣлъ (подъ своимъ надзоромъ) исправлять книги духовныя. Очевидная *неуменость* благочестиваго Пастыря Церкви, кажется, засадила исправителей книгъ спѣшишь возложеннымъ на нихъ трудомъ, многое дѣлашь кое-какъ; опъ сего въ народѣ разсѣяли слухъ, для Никона весьма неблагопріятный; и вошь опъ нѣсколькихъ ошибокъ въ нашей Церковной Литургаши прозябли безчисленные расколы! Духовенство должно было оставишь много дѣльнаго и только защищашь себя опъ вопросовъ народныхъ. Одинъ *плтмелъ* (пѣшухъ), названный въ святой книгѣ *илекторомъ*, а не *алекторомъ*, или на оборопъ *алекторомъ*, а не *илекторомъ*, смѣшалъ умы и надѣлалъ чудеса!

Здѣсь весьма къшаши упомянушь о томъ, что нашъ почтенный Профессоръ И. И. Давыдовъ весьма справедливо замѣчаетъ, что знающіе Греческій и Латинскій языки (и въ наше время) встрѣчаюшь въ церковныхъ книгахъ нашихъ оборопы намъ несвойственные, ибо-де прежніе переводчики буквально перелагали слова Греческія и Латинскія на Русскія и проч. а).

а) См. N III *Ученыхъ Записокъ И. М. У.*, 1833, стр. 388.

Таково было время. И чегожъ болѣе можно было претерпѣть отъ тогдашнихъ нашихъ ученыхъ, болышею частію Грековъ, или не всегда хорошо знавшихъ языкъ Русскій, или (иногда) для своихъ видовъ, цемною своего слова, спаравшихся придашь священнымъ книгамъ какую-то болышую пайнспвенную важность? Тогда сего претерпѣла схоластическая философія. Впрочемъ, говоря еще о Грекахъ, за исключеніемъ полипическихъ видовъ Греческаго Духовенства, ихъ языкъ былъ формами своими всегда ближайшимъ языку Россійскому. И пакъ повшоримъ: вся бѣда происходила или отъ не умѣвшихъ, или отъ не желавшихъ, какъ должно, перелагать съ Греческаго. Сверхъ того всѣ переводчики наши, полагая, что безъ Лапины не лзя называть себя учеными, всегда были ближе ко всему Лапинскому, нежели къ Греческому и, попому-то они слѣдовали Лапинизму, гдѣ только была малѣйшая возможность, точно пакже, какъ нынѣшніе чипипели словесности Германской, безпощадно слѣдуютъ Германизму! — Такимъ образомъ въ слѣдствіе споровъ, недоумѣній, недомеровъ, недописокъ, приспраспій къ чужему и проч., Русскіе ученые уже и не въ *религіозной* нашей *прозѣ* допустили погибнуть въ конецъ родному намъ Славянскому краснорѣчію. До ней ли кому было?

Царь Алексѣй Михайловичъ, учрежденіемъ Сла-

вяно-Греко-Латинской Академіи, при образованіи нашихъ Ученыхъ, особенно Духовныхъ, совершилъ дѣло великое; но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; ибо, съ другой стороны, сія же самая Академія, основанная по образцу Кіевской, видимо поселяла, какъ въ учащемъ, такъ и въ учащемся Духовенствѣ, совершенно фанатическую спрасъ къ Латинизму: и у насъ со всѣми подробностями осуществлялись планы *Анны Гугулевичевой* а), первоначальной образовательницы всѣхъ Духовныхъ Училищъ Кіевскихъ. Русскій языкъ погибалъ! Явился Теофанъ, любимецъ Петра, но ученикъ Кіевского Латинизма; и вмѣстѣ съ его славою возрасло и усилилось, такъ называемое наше школярство. Теофанъ во всю жизнь слѣдовалъ своимъ Латинскимъ началамъ. Его современникъ, ораторъ Гавріиль Бужинскій, Епископъ Рязанскій и Муромскій, ближе подходилъ къ красотамъ языка Русскаго; но за то его Латинская словоохотливостъ была чрезвычайна; а его присрасніе къ схоластикѣ, не для

а) Супруги Маршалка Мозырскаго *Гугулевича*. Въ 1613 году, она поддержала и облагодѣтельствовала Кіевское Училище при Богоявленскомъ Монастырѣ. Во всѣхъ ученыхъ ея дѣлахъ весьма много способствовала ей Священно-Монахъ Исаія *Купенскій*. Сей учитель, равно какъ и Гугулевичева, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, слишкомъ неосторожно покровительствовали Латинскимъ ученымъ.

всѣхъ ясной въ переводѣ Ариспошеля, весьма нерѣдко дѣлало и самаго его шемнымъ.

Введеніе Петромъ Великимъ въ употребленіе языка Нѣмецкаго нѣсколько помогло обратити къ другому направленію языкъ Русскій. Впрочемъ тогда и Нѣмцы душились Лапшью. Нашъ Ломоносовъ, рожденный великимъ гениемъ, кажешся, также робѣлъ въ своей прозѣ говорить не *по-школярному*. Вопш опш чего проза Ломоносова пакъ бѣдна предъ его спсшхами! Ешш люди, которые бояшся шого же и въ наше время; излишнее приспращшпе къ Нѣмцамъ и къ Нѣмецкой философіи, едва ли не введущъ насъ въ ужасное искупеніе. Карамзинъ и Шишковъ пребовали опш насъ не Нѣмцевъ, не Французовъ, ни даже Грековъ, или Лапинисповъ; они просиди шолько *себш* и *своему* крипическаго разсмошрѣншя и попомъ слишшя узаконенныхъ ими мнѣншй во едино. Но эшо сшянше безъ словарей никогда совершено бышш не можешш!

Митрополишъ Плапонъ, вызванный ко Двору Великой Екатерины, какъ Учитель Наслѣдника Россійскаго Преспола, болше всѣхъ другихъ Духовныхъ Орашоровъ успѣлъ въ преобразованш краснорѣчшя: его ученики Михайлы, Августшны, Филарешы! Плапонъ былъ уже знакомъ съ Босшоешами и Массильонами. Совсѣмъ шѣмъ и его языкъ нерѣдко еше говаривалъ чисшою Лапшью.

Явленіе Карамзина, знавшаго Лапинь, но ученаго безъ Лапини (хотя, можетъ быть, имѣвшаго свои недоспапки), беспробратило нашу прозу на пупъ, принадлежащій нашему языку. Общояпельства времени не могли осперечь его опъ галлицизмовъ и германизмовъ; но эпо уже была безсильная мелочь для липерашурнаго его попомства. Ближе всѣхъ къ Карамзину своєю прозою Жуковскій. Другіе его послѣдователи, Бапюшковъ и Пепръ Макаровъ, ярко уже блестятъ своими особенностями. Но оба сіи писатели были несчастливцы: первый оспановленъ въ беспробрате своемъ полешъ ужаснымъ недугомъ; впорой, проживъ сонни пысячь, кажешся опъ *нужды*, вынужденъ былъ измѣнить все *длльное* въ *полемическое*, важное только на время — позабавивъ... Онъ умеръ, въ крайней бѣдности!..

Можетъ быть многіе давно уже видѣли и чипали опривки и цѣлыя сочиненія, подобныя *Речи Неизвѣстнаго Митрополита*, изданной почпеннымъ нашимъ Меценатомъ; но они искали въ нихъ красоту Лапинскихъ, выходокъ схоластическихъ, искали и, не находили, а попому и не хотѣли говорить о нихъ. Лапинь, Лапинь и схоластика была для нихъ Рубикономъ. — Далѣ ни слова! и проч.

М. МАКАРОВЪ.

IV.

ВЗГЛЯДЪ

НА

РУССКУЮ ИСТОРИЮ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

А. Е. М.

Сознаніе естъ начало бытія, въ недѣлимомъ и государственнѣ. Жизнь естъ развитіе сознанія своего свойства, свойства своихъ потребностей. Чію представляеть намъ обновляющееся царство великаго преобразователя? Древнее борется съ новымъ, упорствуетъ и уступаетъ мощной волѣ генія: противъ себя принимаетъ новую форму; и прекрасный мраморъ Пароса, удивлявшій зрителя въ массѣ, вдыхаетъ благоговѣніе въ созданіяхъ ваятеля. Вѣрный своему посланію, геній, вопреки народнымъ обычаямъ, запечатлѣннымъ вѣками, преобразуетъ сходственно своему идеалу и внѣшнее и внутреннее: искореняетъ предразсудки цѣлаго народа, ожидая достойной оцѣнки отъ опдаленнаго потомства; деспотъ для не понимающихъ его современниковъ, онъ дѣлается благодѣтелемъ для слѣдующихъ поколѣній: таковъ нашъ Пётръ, по всѣмъ правамъ обратившійся въ міръ Исторіи, какъ геній-преобразователь, въ дѣлахъ котораго содержится начало и зародышъ всѣхъ великихъ явленій нашего времени!

Вѣкъ длилось принужденное развитіе, вѣкъ мы при-

нимали безсознательно западное вліяніе: чужестранное имѣло непобѣдимое убѣжденіе. 1812 годъ, эпоха сполкновенія Запада и Воспока, родилъ сознание народа Русскаго; 1812 годъ есть начало самобытной, національной жизни Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какой великій переворотъ произвелъ въ умахъ эпошъ годъ наводненія Галловъ и двадесятии языковъ! Какой переворотъ произошелъ въ полетѣ Русскаго генія, когда на поляхъ опчизны онъ встрѣпилъ чужеземца съ оружіемъ, гоповаго похипшиъ свяпое dospояніе! Дошолъ подражашель, Русскій спозналъ себя: ибо воли препыкаеиъся шолько о чуждую волю, ибо человекъ, ибо народъ шолько между другими народами дѣлаеиъся опдѣльной націею. Это прешкновение естиъ начало народнаго сознания, начало самобытной жизни; шогда впервые былъ слышимъ свой внушренній голосъ; шогда-шо Карамзинъ чипалъ предъ Благословеннымъ дѣянія Довскаго и Державинъ, на закашъ жизни, пѣлъ возвращеніе Миропворца Европы. Полноша жизни проявилась не въ скудномъ и неблагодарной подражаніи, не въ безусловной переимчивости и принаровкѣ, но въ собспвенномъ полетѣ генія Жуковскаго, и хоща слабыхъ, но опечеспвенныхъ звукахъ Башюшкова. Опъ времяъ романпизма Съверной Семирамиды до нашего времени продолжался періодъ преображенія: сознание развилось, личное значеніе прояснилось; и съ кончиною незабвеннаго Александра, за копорымъ послѣдовалъ и его бышопищецъ, начинаеиъся изслѣдование сего сознания, изслѣдование оныхъ и уразумѣніе національнаго значепія въ испорической драмѣ.

Такия мысли произвело во мнѣ чпеніе двухъ спашей Гг. Профессоровъ Блума въ *Дертскихъ Лпторисяхъ* и Погодина въ *Ученыхъ Запискахъ*.

Никогда спремненіе къ національному не было такъ сильно, какъ въ наше время; и если этому способствовалъ споръ о романпизмѣ, по расположеніе къ сему спору, побѣда оригинальности, были пригоповлены ранѣе. И какъ могло быть иначе? Когда Правительствво наше дѣйствовало въ видахъ, соопвѣтственныхъ условіямъ нашей жизни, когда »Россія« на западѣ сдѣлалась символомъ могущества, когда наука, допмоль ограничивавшаяся каедрами и кабинетами, спала предьявлять права свои и на обществво; мысль о своеземномъ образованіи необходимо должна была войти въ голову всякому мыслящему, идея національности раскрылась: ждали шолько началъ, ждали созданий.

Тогда-по Карамзинъ, первый публицистъ нашъ и испорикъ, заговорилъ о индивидуальныхъ принадлежностяхъ Россіи, о ея значеніи и незначеніи; тогда-по спали являться въ нашихъ журналахъ воззрѣнія Русскія, оригинальныя, не въ духъ иринужденія, но откровенныя. Къ сему же роду спашей принадлежатъ и двѣ упомянутыя нами.

Если бы можно было, взойдя на высшую почку *Каменнаго Пояса*, окинуть взоромъ необозримую Россію отъ Эзеля до Кодьяка, отъ Колы до Эривани — кпо бы могъ не удивиться сплавкѣ спомъ разнородныхъ между собою климатовъ, почвъ, обитателей, произведеній — въ единое, спройное цѣлое? Два пояса: Кавказъ, освященный исторіею отъ Кира, Пом-

пея и Козру до нашихъ профеевъ, и Лапландія, возможная для Грека только въ поэтическихъ пвореніяхъ; два полюса: Южный и Сѣверный, соотвѣпспвуютъ двумъ-же — на Западъ, сопредѣлъ съ древнимъ міромъ, и на Воспокъ — міръ Колумба: вопъ рама нашей жизни! Умолкнемъ о великихъ нашихъ выгодахъ въ опношеніи природы; мы имѣемъ большія. Природа еспъ средство къ совершенію цѣли; будемъ говорить о нашей цѣли, съ копорой связуются блиспательнѣйшія и великія надежды, какія только возможны для народа и челоѣка.

Но будущее, содержась въ условіяхъ настоящаго, предполагаетъ прошедшее; попыпаемъ же разобратъ элементы нашей жизни, ихъ значеніе и историческіе моменты; обозримъ фондъ нашей Истории, для копорой Карамзинъ не оставилъ преемника, и копорая при всеобщемъ движеніи, испытываетъ премущественныя преобразования.

Гдѣ найдемъ мы центръ и горнило Русской жизни? Вошь вопросъ, копорый не возможенъ ни для одной державы, кромѣ Россіи. Только шамъ, гдѣ унашь и феицисптъ, дикарь и философъ, дворець и юрша, только въ шакомъ государспвѣ, гдѣ взоръ разбѣгаешся опъ разнообразія спихій, можно спросить: гдѣ начало народной жизни?

Всякая жизнь предполагаетъ основу, на копорой совидаешся великое пвореніе, самый совершенный организмъ — государство. Она пензгладима и несокрушима: вина быпія всей державы, къ копорой примыкаютъ всѣ важнѣйшія эпохи развитія. Таковую ос-

нову имѣють и Франція и Австрія и Россія: но наша иная. Тамъ и Провансальскіе Трубадуры и Сѣверные Труверы и раннее развитіе поэтическаго духа на Югѣ и промышленность верхнихъ Департаментовъ предъявляютъ права свои на преимущества: у насъ — иначе.

Должно ли искать спихій нашей жизни, какъ угодно Е. Погодину, въ бранныхъ и жалкихъ оспашкахъ Византіи, которой вся жизнь представляеть съ VII столѣтія низость, робость, безсмысліе, слабость, которая не могла завѣщать намъ ни одного факта, ни одной идеи, влача поспыдную жизнь Христіанскихъ Калифовъ, издыхающихъ подъ бременемъ беззаботныхъ волненій, которые тысячу лѣтъ откупались деньгами и хитростію, въломствомъ и опчаяніемъ? Искать ли намъ спихій въ эпозъ сераль, гдѣ раба убиваетъ господина, мать оправляетъ сына и покровленнымъ спупенямъ возходитъ на престоль, чтобы въ свою очередь обатришь оный; гдѣ инприги двора и безумные диспушы софисповъ; фанатизмъ и народное униженіе составляютъ всю безвѣстную шкань Исторіи?... Булгары и Словене съ Сѣвера; Аравіяне и Турки съ Юга — нѣтъ политической безопасности; религіозныя секты внутри, развратъ двора; и самовластіе — нѣтъ свободы совѣсти; гдѣ схоластичизмъ во всей наготѣ своей: гдѣ нѣтъ ни историка, ни поэта; и наконецъ для судьбы которой взошла Луна, помрачившая свѣтъ Византійскаго Солнца?

Но мы получили вѣру изъ Константинополя? Такъ. Но Христіанство получили опшуда же и Готы: можно

получить, да не наследовать. Какъ скоро Воспощная Имперія спала упадать, Императоръ отвезъ наследство на Западъ. Неудавшійся соборъ преобразовалъ реформу Лютера. Намъ не осмалось ничего; мы не смѣли думать о наследствѣ, ибо опредѣлялись Крымскою Ордою. Софія, какъ женщина, не имѣетъ никакой важности и доспалась намъ чрезъ посредство Рима; дряхлость свою Императоръ передалъ Папѣ: Французскій Король не принялъ оной.

Нынѣ, мы не должны быть, мы не наследники, Воспощной Имперіи: напропивъ, при всемъ религіозномъ вліяніи, Греки, и въ дѣлописяхъ, и въ мнѣніи нашихъ предковъ, были только хитрецами и пронырами.

Г. Блумъ напропивъ указываешь на ближайшую связь нашу съ Западомъ, въ ученое отношеніи. Конечно не лѣзя опровергать общности наукъ для всего челоувѣчества, какъ воздуха, воды, одинаковыхъ по видному вездѣ, но различныхъ по свойству. Да, образованіе есть воздухъ души: оно всеобще по своему дѣйствію, развитію умственныхъ силъ, но различно по мѣсту и времени, еще болѣе по народамъ, вѣрѣ и порядку вещей. Не должно ли при семъ случаѣ упомянуть о національномъ образованіи, опущенномъ въ спавъ Г. Блума? Къ сожалѣнію Дерпшскій Профессоръ поскупился въ показаніяхъ своего взгляда на нашу исторію и изобразивъ физически богатство Россіи, доказываетъ, что она во многихъ отношеніяхъ любопытна и достойна глубокаго мышленія. Г. Погонинъ, хотя не прагматически, хотя уже и не въ первый разъ, изложилъ положительно взглядъ свой на событія. Вотъ я какъ думаю о семъ предметѣ.

Русская Исторія досель представляетъ двѣ противоположныя спороны, по крайней мѣрѣ опноситель-но первыхъ временъ, ибо до новой исторіи наша кри-шика еще не доходитъ. Первая, начинающаяся Бай-еромъ, есть *Несторіанская*: ей принадлежитъ гос-подство, а бы сказалъ и истина, есдибъ большин-ство голосовъ было чуждо духа партій. Вторая, какъ векпа Арія, вводитъ не журналами или книгами, но домашнимъ образомъ, разговорами, посвященіемъ. Та-кихъ инициатовъ не много; но они упорнѣе закоренѣ-лыхъ спаробрядцевъ и гошвяпъ будущее господст-во на пвердомъ и положительномъ основаніи. Это: Несторіане и Аріане, Карамзинъ и Каченовскій, Рол-ленъ и Нибуръ. Г. Погодинъ являешся новымъ пред-спавишелемъ Шлецеровой школы; до сихъ поръ мнѣ-нія Г. Каченовскаго не вполне развиты и я долженъ признашся, что не нахожу кого бы мнѣ спсавишъ въ параллель ему изъ новой школы. Самъ я занимаюсь со-патоге, не имѣю еще никакого голоса и не сдаюсь ни къ той, ни къ другой споронѣ. Отвергаю Рюрика и Омега и принимаю кожаныя деньги; соглашаюсь на Герман-скую колонизацію и признаю пѣснь о полкѣ Игоревъ досповѣрною; отвергаю Русскую Правду и благо-дѣтельное вліяніе Монголовъ, не увлекаюсь энтузіаз-момъ школы Карамзина и умѣряю скепшицизмъ новѣй-шій. Вотъ что спсавило меня, прочтя прекрасныя спашьи двухъ нашихъ ученыхъ, предложивъ вкращ-цѣ мою систему Русской Исторіи: время, можетъ бышъ, позволивъ мнѣ развитъ оную полнѣе и под-робнѣе.

Три положенія Г. Погодина должны бышъ разсмо-

прѣны, прежде нежели мы присупимъ къ нашіму изложенію: *переселеніе Олега, затѣненіе феодализма Монголами и неестественность нашихъ событій.*

а) Самое поверхностное возрѣніе не припишетъ никакой важности переселенію Олега, который оставя Новгородъ, перешелъ въ Кіевъ и, опчуждая насъ отъ Запада, примкнулъ къ судьбѣ Воспока! Дикая шайка, опредѣляетъ судьбу всего развитія цѣлой націи! Спранно выводимъ изъ подобныхъ фактовъ условія жизни, фактовъ, еще не доказанныхъ и едва ли сбыточныхъ. Какъ могъ Олегъ, съ горстью воиновъ, скрыпыхъ подъ рогожами, пуститься въ далекій путь, взявъ городъ и все эпо—Нордманскою смѣлостію и хитростію? Помогъ переселясь въ Кіевъ, развѣ онъ уничтожилъ жизнь на Сѣверѣ? Какія связи начались тогда съ Воспокомъ? Нѣтъ! Олегъ не могъ превратить направленія жизни. Оставшись на Сѣверѣ, онъ не измѣнилъ бы нашего хода. Принятіе Религіи изъ Царьграда такъ мало сблизило насъ съ Воспокомъ, что мы почти и не знали о Лапической Имперіи.... Жизнь Новгородская замѣспила жизнь Олега; однако мы все таки не приняли участія во всеобщихъ событіяхъ. Неужели желаніе сдѣлать Руссовъ наследниками Грековъ заспавило придавъ темному Олегу споль великую значительность? Безъ всякихъ предположеній мы можемъ быть Воспочными, въ противоположность съ прочею Европою.

б) »Покореніе Монголовъ было благодѣтельно, усилило Москву, замѣнило въ нашей Испоріи феодализмъ Европы.« Не удивительно бы было найдти первое положеніе въ системѣ Г. Каченовскаго; но какъ

говорить о благодѣтельности Монгольскаго иґа тому, кто признаетъ вполне до-Монгольское образованіе Россіи? — «Оно замѣнило феодализмъ Европы, усилило Москву.» — Неужели феодализмъ усилилъ когонибудь во Франціи, Испаніи? Досель я думалъ, что феодализмъ, разрушая цѣлостъ, обезсиливалъ государства, служилъ препятствіемъ для возвышенія одного какого-либо вассала или владѣтеля. Припомъ—что всего важнѣе—какое сходство между Монголами, *поработившими* Руссовъ, и феодализмомъ, который уничтожилъ *servitutem*, измѣнивъ оное въ обязательство (*obligatio*)? — «Монголы усилили Москву, на свою же голову?» — Почему не Владиміръ, не Рязань? И какъ вывести это усиленіе изъ самыхъ событій? Желая видѣть чудесное въ нашей исторіи, Г. Погодинъ приписываетъ это благодѣтельности Монгольской. Нѣтъ! Здѣсь выражается исполненіе высшаго закона, здѣсь сліяніе двухъ началъ, необходимо долженствовавшихъ слиться. Монголы ни въ какомъ отношеніи не были полезны для Россіи. Напротивъ — вредны, по всякой системѣ. Они подавили въ ней благородныя чувства.

Наконецъ в) чудесное въ нашей Исторіи. Кромъ замѣченныхъ льбописцами, я не знаю ни одного чуда въ исторіи Русской: все естественное, все необходимо. Чудеснаго въ мірѣ дѣйствительномъ и быть не можетъ... — «Но наши пріобрѣтенія?» — Казань-ли, заливая Русскою кровію, или Крымъ только при Екатеринѣ возвращенный Россіи? Малороссія-ли или Бѣлороссія достались намъ безъ усилій? Или Новгородъ съ своими владѣніями, или Литва или Польша? Мы мало

приобрѣли, мы полько *возвратили* — и по, цѣною собственныхъ усилій. Можно сказать это въ нѣкоторомъ случаѣ, о Сибири; но давно ли мы знаемъ, что такое Сибирь? Можно ли спавить въ параллель прибрѣшеніе Сибири съ Америкою? Если Казанская и Ливонская кампаніи Грознаго не значуци въ глазахъ Историка, если Крымскіе походы Миниха, Финляндскіе Каменскаго, мало значаць для Россіи; то что скажемъ мы о Новгородскомъ покореніи, опнятіи Смоленска и нашеслвнн Поляковъ въ бѣдспвенную эпоху междударспвія? А ридь Самозванцевъ, а Карпуши, а Разины, а голодь, а морь, язва — гдѣ шупь чудесное? Нѣпъ; *Олегъ не перемнилъ развитія жизни Россіи; Монголы были вредны и совершенно разлнны съ феодализмомъ; чудснаго въ нашей Исторіи быть не можетъ.*

Прежде нежели мы будемъ сообщать наши событія, необходимо ихъ анализировать; понятія образуются изъ предспавленій. Гдѣ найши изложеніе нашихъ опношеній къ Воспочнои Имперіи, къ Монголамъ? Мы говоримъ, что господство сихъ послѣднихъ было *терпимо*, сносно; мы ограничиваемъ влняніе онаго словами: кнупь, анбарь, кафшань и пр. Но чѣмъ объясннпъ эту медленность, какъ бы заспой жизни, съ XIII по XV спольпнне? Гдѣ видано, что бы спрана споль обширная какъ Россія, могла быть управляема заочно и сдѣлаться *отгиною* Монгольскаго Хана? Опъ чего унизипельное значеніе женщинъ, богопворимыхъ нашими сосѣдями, Германцами?

Что въ насъ Греческаго, Монгольскаго и Западнаго? Что такое нашъ языкъ? Что такое мы сами? Только развитіе элементарной жизни, можетъ представить условіе дальнѣйшаго ея преуспѣянія. Двойственны ли мы, какъ Доръ и Іонъ, или тройственны какъ Римлянинъ, Сабинецъ и Тосканецъ? Или Россія была складкою всѣхъ народовъ, оставившихъ свои части при переселеніи и тѣмъ предвѣспившихъ всеобщее значеніе оной? Или мы самостоятельны, разъединены, оригинальны — *ab origine*?

Я полагаю, что Словене не аборигены, но пришельцы, вытѣсненные изъ занятыхъ ими мѣстъ тѣ народы, которые дали названіе урочищамъ, до нынѣ неизясненнымъ: Москва, Кіевъ, Рязань, Ока. Въ V столѣтіи они должны занимать средину Россіи, ибо Югъ былъ наводняемъ Азіатцами. Моисей Хоренскій могъ знать о Словенахъ не менѣе Іорнанда. Должно различать Словенъ Южныхъ и Словенъ Сѣверныхъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи. Новгородскіе Словене суть переселенцы изъ Германіи, Руссы не Норманы; правдоподобіе — пришли съ Воспока или жили внутри самой Россіи: по крайней мѣрѣ сводъ параллельныхъ мѣстъ доказываетъ мало. Призваніе невозможно; Брипанскіе Саксы не могутъ идти въ сравненіе. Нашествіа не было, заключаю *a posteriori*, отъ несуществованія феодализма. Христіанская вѣра приноситъ свѣтъ и въ Исторію. — X вѣкъ.

Но что дѣлали Словене до X вѣка? Въ какомъ со-
стояніи являютъся намъ Словене въ X вѣкѣ? Здѣсь я

отступлю и сдѣлаю замѣчаніе о Новгородѣ. Что его основатели были не Днѣпровскіе Словене — фактъ спорный; что они пришельцы изъ Сѣверной Германіи — поже. И въ помѣ и другомъ случаѣ встрѣчающіяся несообразности: если мы даже согласимся на путешествіе Словенъ съ Юга, насъ затруднитъ названіе *Новгородъ*, напоминающее какой нибудь Neugard: ибо на Югѣ Словенскихъ городовъ не нашли ни Эверсъ, ни Шлецеръ, хотя и нашли свидѣтельство въ Багрянородномъ. Если же мы примемъ основаніе Германское, то эпого не могло быть ранѣ конца XII и даже XIII столѣтія, что явно противорѣчитъ древности Новгородѣ. Вотъ одна гипотеза: Новгородъ есть Нордманское поселеніе Holmgard — гдѣ не было ни одного Славянина. Нордманны были знакомы съ Сѣверными Словенами. Сии послѣдніе, пѣсимые Львомъ и Медвѣдемъ, рѣшились переѣхать; можетъ быть, въ одно время съ купцами въ Висби. Эта гипотеза согласуется древность Новгородѣ съ Германскою колонизаціею. — XII вѣкъ.

Теперь мы передъ Монголами: гдѣ жизнь Россіи?

На Югѣ — въ Кіевѣ, и на Сѣверѣ — въ Новгородѣ. Вникнемъ въ сін полярности; онѣ важны. Новгородское и Кіевское начала я почишаю стихіями Русской жизни, сліяніе копорыхъ произвело національность и ядро, изъ копораго произошелъ кедръ, расплавшій свои вѣтви надъ Бѣлыми и Черными водами.

Въ XII столѣтіи, стихіи Русской жизни означались рѣзко: выраженіемъ оныхъ были Церковный Уставъ и Русская Правда, которые не могутъ быть

позднѣ конца XII столѣтія. Я не думаю защищать подлинность сихъ памятниковъ въ официальномъ значеніи; но кому бы они ни принадлежали, ихъ духъ будетъ всегда представителемъ жизни: въ нихъ ясно видимъ жизнь *религіозную* и жизнь *гражданскую*.

Южная жизнь развилась въ Кіевѣ, съ которыми связаны всѣ наши религіозныя преданія: первый городъ, гдѣ просіяло Христіанство, гдѣ началась духовная наша Іерархія, Кіевъ, занимавшій первое мѣсто въ пинуплѣ Миспрополиса, даже Владимірскаго, наконецъ, Кіевъ, гдѣ сочиненъ Церковный Уставъ! Въ XIII столѣтіи перевѣсъ политическаго важности перешелъ во Владиміръ, который есть сынъ Новгорода. Не лѣзя вѣрять бытію городовъ на Югѣ; ибо всѣ они являются позднѣ; города были на Сѣверѣ: на Сѣверѣ являюща гражданское устройство, опредѣленныя отношенія областей и Князей, торговля, дипломатія, военная дисциплина, языкъ. Сѣверъ и Югъ Россіи для меня сколько же различны, какъ Спарта и Аѳины. Тамъ вы видите спилъ искусства, схоластицизмъ, устройство — Византійскія; здѣсь живую буйную, свободную жизнь Ганзейца. Тамъ нѣтъ корня Словенскаго племени, и скоро Югъ исчезъ вмѣстѣ съ Кіевомъ, или опдѣлился къ Западу; здѣсь большее народонаселеніе, большее число городовъ. Гдѣ явились первыя деньги? Гдѣ явились первыя книги? Гдѣ богатство? Гдѣ нищета? Не въ Кіевѣ... Гдѣ бунтуютъ пропивъ духовенства? гдѣ дають *десятину*? гдѣ Вѣче? гдѣ Дума? гдѣ концы? гдѣ приходы? Въ Новгородѣ.

Наконецъ въ сердцѣ самаго Словенскаго міра, въ

размѣренномъ распоянїи опть всѣхъ главныхъ Княжесствъ Россїи, явилась Москва — слившая въ себѣ и Югъ и Сѣверъ, и Митрополипа и Намѣспника Новгородскаго. Дополъ разьединенные элементы, соединились въ одно, и при Іоаннѣ III, образовалось Великое Княжесство Московское. Цѣпи Монгольскїя рушились, зависимость Византїи прекратилась; Кїевская религіозность, гонимая на Сѣверъ, нашла убъжище: оставалось сокрушить или сплавить Западный элементъ — Новгородское Вѣче... И вопть въ XV столѣтїи, когда кажепся начались наши сношенїя съ иными спранами, когда по-видимому жизнь подчинилась влїянію чуждому... съ Іоанна III началась самостоятельная Русская жизнь первобытная, способная къ оригинальному развитїю... Но теперь, къ нашему бѣдспвію, Польша (въ концѣ XVI вѣка) производила сильное влїяніе, продолжавшееся до самаго Петра, проглядывающее и въ судебникѣ и въ уложенїи, и въ монетѣ и въ Чепи-Минейхъ. Эпоха междуцарствїя еще болѣе укоренила дѣйспвія Польши... Одинъ циклъ Русской жизни кончился. Петръ началъ другой: влїяніе Запада безусловное и условное. Наше время есть начало претрѣяго, начало сознанїя. XI, XV и XIX вѣкъ совпадаютъ въ своемъ значенїи. Первый — религія; второй — полипическое устройство; претрїй — жизнь во всемъ значенїи сего слова, развитїе пуземной образованности и сознанїе индивидуальности величайшаго въ Исторїи Государства. Здѣсь видимъ законъ развитїя души: чувство, разумъ и дѣятельность, въ послѣдовательномъ своемъ преобладанїи.

Теперь взгляните на поприще предоставленное Русскому народу! Взоръ шереяшя, не доспаешъ числъ, безконечность рвешя за предѣлы идеи. Всякое Государство, можно сказать, дѣйствовало на полипическомъ поприщѣ, всякое уже имѣетъ въ своихъ льпописяхъ всемірное событіе, въ которомъ принимало живое участіе. Мы вспунаемъ Петромъ, мы вспунаемъ 1812 годомъ. Каково же должно быть дальнѣйшее шествіе, если такъ славно, такъ громко было начало! Вникните въ наспоющую жизнь Запада: революція слѣдуетъ за революціей, реформа сдѣлалась журнальнымъ, обыкновеннымъ дѣломъ: Испорія опказывается приниматъ въ достоинствѣ событій столько частые перевороты, пушаясь въ начало и причинѣ оныхъ; Испорія опказывается опъ Запада: жизнь, какъ при упадкѣ липературы раздробилась на мелочи, эпиграммы; вкусъ ушарѣлъ и идеетъ проптивъ природы, искажая до опчаянія челоуѣческое сердце. . . Тогда какъ въ Россіи, подъ сѣнію благодатнаго Самодержавія, руководимая опытнымъ Правительствомъ, жизнь въ полномъ цвѣтѣ, видоизмѣняется во всѣ формы Европейской и пребываетъ въ существѣ своемъ опдѣльною, самобытною. . .

Какъ же не грустно, при столько дивномъ наспоющемъ и будущемъ, не знатъ нашего прошедшаго; какой Европеецъ не въ правѣ назватъ Россіи *status novus*, какъ Веспфалію восспавленную изъ опривковъ; какой Европеецъ не упрекнетъ насъ въ равнодушіи, видя Испорію нашу, безъ связи, безъ полноты! . . . А внупри самага государства: кому предназначено тол-

ковашь и запечатаешь нашу незабвенную заповѣдь: *будете истинно Русскими?*

Вопь поле дѣяпельности для Русскихъ ученыхъ. Не превозносице богатства наши!—Филиппъ II обѣднѣлъ, Мидасъ умеръ съ голоду, заваленный золопомъ. Не говорице о нашемъ физическомъ положеніи — никому, оно не безызвѣстно; Гумбольдтъ знаетъ его лучше всякаго... Скажице о насъ самихъ, скажице, что мы были и чѣмъ будемъ!

А. З.

Москва, Сентября 13,
1833.

IV.

ЗАВОЙ, СЛОВОЙ И ЛЮДЕКЪ а).

(НАРОДНАЯ БОГЕМСКАЯ ЛИРИКО-ЭПИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ).

Изъ лѣса чернаго выступаеъ скала, а на скалѣ пойдъ явился мужеспвенный Забой; онъ осмаприваеъ всѣ спраны и надо всѣми проливаеъ слезы; какъ

а) См. *Manuskript Kralodvorskej zbrancej lyricko-epickych zpěvů* (w Praze 1819). Издатель сей рукописи (В. Ганка) говоритъ въ предисловіи: «Какъ Гомеръ, Эхимъ и Орфей воспѣвали Греческихъ Героевъ, осаждавшихъ Трою и сражавшихся на по-

голубь печально вздыхаетъ; долго сидишь и долго поскуеешь.

Онъ вскочилъ и спрыгнулъ со скалы; какъ олень, пробирается чрезъ длинно-пустынный лѣсъ, поропился опть воина къ воину, опть сильнаго къ сильному и по всѣмъ владѣнїямъ; каждому въ шайнѣ крошечными словами что-то сказываешь и, поклонившись богамъ, удаляется къ друзьямъ своимъ.

Такимъ образомъ проходишь день, проходишь другой; когда же на шрепїй день, ночью, показался

ляхъ Оивскихъ, пакъ наши *Люмины* и *Заболны* воспѣвали знаменитыя дѣянїя древнихъ Випязей, распри Князей, кровавыя битвы соотечественниковъ и другїя подобныя симъ приключенїя, что доказываютъ эти отрывки лирико-эпическихкихъ неримованныхъ пѣсенъ. Добровскїй справедливо говоритъ объ нихъ въ своей исторїи Богемскаго языка, что онѣ превосходятъ всѣ памятники, до сихъ поръ сохранившїеся. Сїи пѣсни найдены въ 1817 году 16 Августа подъ сводомъ церковной башни при Королевскомъ Дворцѣ между стрѣлами, во время пересмаприванїя старыхъ бумагъ и военнаго оружія. Съ перваго взгляда я почелъ ихъ за Латинскїя молитвы; но какая радость объяла мое сердце, когда я узналъ, что это было сочиненїе на древнемъ Богемскомъ языкѣ, и какъ увеличивалась эта радость, когда я находилъ въ немъ болте и болѣе красоты и изящества! Какое несчастїе, что опть этого сочиненїя оспалось только двѣнадцать небольшихъ листовъ и два изплѣвшїихъ. Сїи пѣсни написаны на пергаментѣ крупнымъ буквами; начало же изображено на поненькихъ деревянныхъ дощечкахъ. Смотря по почерку, думаешь Добровскїй, онъ сочинены между 1290 и 1310 годами. «

мѣсяцъ, войны сполнились въ черномъ бору, и Забой сошелъ къ нимъ привѣспивовашъ ихъ въ долину, въ долину непроходимаго лѣса.

И взялъ онъ сладко-звучную люшню и началъ пѣть:

» Вы, мужи сердце брашскихъ и очей яркихъ, вамъ воспѣваю пѣсни; онъ произпекающъ изъ моего сердца, изъ сердца глубочайшаго, наполненнаго гореспію. Опець уже перешелъ на вѣки къ опцамъ, оспавивши въ наслѣдство дѣшей своихъ и возлюбленную, и, не сказавши никому ни слова, онъ проговорилъ только спаршему брату: » О спаршій братъ, скажи всѣмъ опцовскими словами: «

» Иноземець ворвется силою въ наше владѣніе и спанелъ повелѣвашъ на языкѣ чуждомъ; и, какъ это дѣлается въ другихъ спранахъ, дѣши и жена должны будупъ для него работашъ опъ упра до вечера; одну только подругу прикажупъ вамъ имѣшъ у себя на пупи цѣлой жизни, опъ юности до смерти. Они выгоняшъ изъ лѣсовъ нашихъ всѣхъ ппиць и принудяшъ насъ кланяшся и приносишъ жертвы богамъ, находящимся въ спранахъ чуждыхъ. Ахъ, брашья, да не осмѣлимся бишъ челомъ передъ богами и въ сумерки подавашъ имъ яства!— Тамъ, гдѣ опець приносилъ пицу богамъ, приходя на моленіе, шамъ срублены всѣ деревья и испреблены всѣ боги! «

— » Забой! ты поешъ опъ сердца къ сердцу, наполненному гореспію. Какъ Люмиръ, усмиравшій некогда Вышгородъ и всѣ спраны, такъ ты пора-

зиль меня и всѣхъ собратій. Прекраснымъ пѣвцамъ покровительствуютъ боги; они-то даровали тебѣ пѣніе, чптобы воспламенять сердца противъ враговъ!»

Забой, взглянувъ на воспламененныя очи Славоя, продолжалъ пѣть:

» Два сына, коихъ голосъ возмужалъ, пошли въ лѣсъ, гдѣ приучались владѣть мечемъ, сѣкирою и копьемъ; опшуда, оставляя оружіе, они возвращались съ веселіемъ, когда ихъ силы и разсудокъ уже способны были противиться врагамъ. Послѣ нихъ выросли другіе ихъ сотоварищи и всѣ вмѣстѣ выступили противъ враговъ. То была битва, бурная, какъ небо; но прежнее счастье водворилось въ опчизнѣ! «

» Вдругъ они прискакали къ Забою, обнимали его могучими руками, клали руки съ груди на грудь шихо разговаривая между собою. «

» И ночь приблизилась къ денницѣ. Всѣ разошлись съ равнины по разнымъ дорогамъ; разошлись за деревья и скрывались въ лѣсу по всѣмъ сторонамъ. Минулъ день, минулъ другой; въ прерпій, когда запермѣла ночь, Забой идешь въ лѣсъ, въ лѣсу слѣдуешь за Забоемъ полпа воиновъ; каждый имѣешь довѣренность къ своему вождю и каждый сохраняешь сердце, пропивающееся владыкѣ чуждому, и каждый съ опсрымъ оружіемъ. «

» Ахъ, братъ Славой! Тамъ, на синихъ вершинахъ горъ, опкуда видны всѣ спраны, памъ умѣримъ шаги наши опъ горъ къ раннему солнцу. Тамъ еспь

мрачный лѣсъ, памь мы подадимъ одинъ другому руки; скачи же шуда лисьимъ скокомъ, я пакже иду шуда! «

— »Брашъ Забой! для чего наше оружіе должно сперва начинашь жестокою бичву съ вершины горъ? .. Здѣсь воспанемъ прошивъ враговъ Королевскихъ! «

»Брашъ Славой! Коли хочешь изпребить змѣю, по сперва наступи ей на голову; памь и голова чужеземца. «

Воины разходяпся по лѣсу, и вправо и влѣво; взбираюпся, убѣжденные Забоемъ; попомъ по слѣдамъ передоваго Славоя, достигаютъ вершины горъ. И когда минуло пять солнцевъ, они подали одинъ другому руки и лисьими взорами осмопрѣли воиновъ Королевскихъ.

»Выспавъ намъ, Людекъ, своихъ воиновъ для одной бичвы. Ахъ, Людекъ, пы слуга изъ слугъ Королевскихъ; скажи мучипелю своему, чпо его повельнїя для насъ дымь! «

И Людекъ разгнѣвался; онъ поспѣшно сзываетъ своихъ воиновъ; небеса были въ сїяніи, опъ солнца блиспало оружіе Королевскихъ воиновъ, гошовыхъ ногою шагнутъ, рукою взяпся за мечи, по повельнїю Людека.

»Брашъ Славой: спѣши шуда лисьимъ скокомъ, а я пойду сей часть и буду поражашъ спереди. «

И поразилъ Забой спереди, словно градомъ, и поразилъ Славой съ боку, словно градомъ.

» Братья! они изпребили нашихъ боговъ; вырубали деревья и выгнали изъ лѣсовъ птицъ. Боги пошлиють намъ побѣду! « . .

Въ это время враги подъ предводительствомъ Людека нападаютъ на Забоя. Забой поражаетъ Людека пламенными очами, виднѣясь по всему лѣсу, какъ дубъ противъ дуба. Забой впереди всѣхъ мчится за Людекомъ, который сильно поражаетъ его мечемъ и разсѣкаетъ въ щипъ при кожи. И Забой ударилъ съкирою, проворный Людекъ опскочилъ. Онъ разсѣкаетъ попоромъ дерево, дерево падаетъ на воиновъ и тридцать изъ нихъ удаляются къ опцамъ своимъ.

Въ эту минушу Людекъ разгнѣвался: »Ахъ, ты ядовитое племя! величайшее чудовище изъ чудовищ; мечомъ сразись со мною! «

Забой схватилъ мечъ и опсѣкаетъ у врага часть щипа. Людекъ также беретъ мечъ, и мечъ его скользитъ по желѣзному щипу. Они оба воспаляются и ранятъ другъ друга; все изрубили на себѣ и все обагрили кровію; обагрятъ кровію и мужей, сколько ихъ ни было въ сей ужасной битвѣ.

Солнце уже перешло *полдень* и опъ полдня половину пути къ *вечеру*; но все еще сражались и никто не опспузалъ ни здѣсь, ни тамъ; сражались здѣсь и сражались тамъ, на споронѣ Славоя.

» Врагъ, въ тебѣ присупствуетъ злобный духъ, что ты пьешь кровь нашу? « . . Забой схватилъ свою съкиру, и Людекъ опспунилъ; замахнулся съкирою и

ударяетъ врага. Сѣкира лепишь, щипъ—разпадается, за щипомъ разбила грудь Людека, и устрашилась душа пѣжкой сѣкиры, копорая извлекла ее изъ тѣла и помчалась сама на пять саженой между войскомъ. Вопли ужаса раздавались изъ устъ враговъ, веселье слышалось изъ устъ воиновъ Забоя и сверкало въ радоспныхъ очахъ.

» Братья! боги даровали намъ побѣду! пускай же одна изъ вашихъ дружинъ разойдется влѣво и вправо; сберите сюда коней изъ всѣхъ долинъ; кони ржущъ по всему лѣсу. Братъ Забой, ны левъ опважный! Не переспавай пошрясаешь враговъ!«

Въ это время Забой, опбро дѣвъ свой щипъ, въ одной рукѣ держишь сѣкиру, въ другой мечъ, и пакимъ образомъ поражая, прокладываетъ себѣ дорогу врагами. Они волнуются и бѣгутъ съ побоища; звѣрской ужасъ выражаютъ ихъ лица и кони ржущъ по цѣлому лѣсу!

» Впередъ, на коней, и на коняхъ спремипесь за врагами: погоняйте быспрыхъ коней по всѣмъ владѣнїямъ; понесемъ за ними вслѣдъ ужасъ!«

И воины вскочили на быспрыхъ коней; скокъ за скокомъ; спремипся за ними, и рана за раной наносишь жестокою меспъ; минующъ равнины, горы, дубравы, вправо и влѣво; все убѣгаетъ предъ ними!

Но—вопъ бушуешъ Свяпая Рѣка, валъ спремипся за валомъ; и шумяшь всѣ воипели, скокъ за скокомъ; всѣ спремипся чрезъ бурную рѣку; вода поглотила множество чужеспранцевъ и на другой бе-

регъ выносишь знакомцевъ своихъ! Алчный коршунъ вдоль и поперекъ распускаешь крылья свои надъ всеми спранами и быспролетно мчишься за пшицами! Воины Забоя разбѣжались по вѣсьмъ владѣніямъ, преслѣдовали враговъ и конями шоппали ихъ. При мѣсяцѣ ночью за ними. При солнцѣ днемъ за ними. Въ темную ночь и послѣ ночи съ восходящею денницею, всюду за ними! Бушуетъ Свяпая Рѣка, валъ спремился за валомъ; вѣ шумящъ; кокъ за скокомъ; вѣ спремящъ чрезъ рѣку бурную; вода поглотила мнѣжеспво силы и на другой берегъ переносишь своихъ знакомцевъ.

» Впередъ, шуда къ съдымъ горамъ; памъ свершился наше мщеніе!.. «

» О братъ Забой! гора не далеко опъ насъ! Осталась полько горспъ враговъ и пѣ жалобно умоляющъ о пощадѣ. Нападемъ на нихъ! Ты пойдешь сюда, а я шуда, и будемъ испреблять все королевское! «

» Выпры шумящъ всюду; войны шумящъ всюду и вправо и влѣво! Впередъ, войны съ могучею храбростію, съ радоспными криками! «

» О брапъ! смотри, какъ обширна поверхность горы!.. Боги даровали намъ побѣду. Тамъ ожидаешъ насъ мнѣжеспво душъ, и шупъ и памъ обипающихъ въ деревьяхъ; ихъ спрашащъ пшицы и пугливый зебрь; однѣ полько совы не боящся. «

» Тамъ, на вершинахъ, спанемъ погребашъ нашихъ

мерпвыхъ, давать пищу боязливымъ; шамъ прине-
семъ обѣщанныя жертвы богамъ, копорые намъ по-
кровительствуютъ; шамъ произнесемъ сладоспныя
рѣчи и положимъ оружїя убитыхъ враговъ.

съ Богемск. П. Д.

V.

ОСВЯЩЕНІЕ ОВО

ВЪ ТУНГУССКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(ИЗЪ ПИСЕМЪ Г. КОВАЛЕВСКАГО).

Что бы тебя, любезный другъ, избавить отъ напраснаго опыскиванїя на картѣ Сибири различныхъ мѣспъ, откуда ты получаешь мои письма, я присовокупляю названїе города, или лучше мѣспечка, когда-по громкаго въ здѣшней испорїи, а нынѣ занимающаго главный пунктъ, откуда я совершаю поѣздки въ степяхъ Бурятскихъ; ибо, да будетъ тебѣ извѣстно, что здѣсь нынѣ дороги вышпанутой *по веревочкѣ*, засаженной березками; но есть мѣста значительно возвышенныя надъ поверхноспїю моря, прорѣзанныя рѣками, ручейками, или цѣпью величеспвенныхъ горъ,

усынные холмами, индѣ покрытыя деревьями, правою, однимъ словомъ: степи самыя роскошныя и весьма удобныя для кочевой жизни съ многочисленными стадами. Не забудь припомъ, что головы моихъ добрыхъ сосѣдей Монголовъ, Бурятовъ и Тунгусовъ—наспоряція энциклопедіи словъ, конми они называютъ каждую долину, гору, холмъ, каждое мѣсто, опличающіеся чѣмъ-нибудь опъ другихъ. И пакъ ежели тебѣ придется спросить у Монгола о дорогѣ, ведущей къ равнинѣ *Счастія* (Джаргхаланпу), то онъ скажетъ тебѣ, что ты долженъ ѣхать сперва на югъ чрезъ гору *Дракона* (Лу), потомъ мимо *Чернаго* ручья (Дгара-Усу), направивъ путь къ роцѣ *Лисицъ* (Унегеинъ-Модо), а опшуда на Воспокъ, чрезъ *Огненное* ущеліе (Гхалэйнь-Чихунъ), пробравъся до желаемой равнины. Такимъ-то образомъ степная географія имѣетъ совершенно иную терминологию, коей принуждены учиться здѣшніе путешественники.

Можесть быть, я уже наскучилъ тебѣ длиннымъ предисловіемъ и у тебя не доспаетъ перпвня окончивъ чпеніе письма, съ новоспями опъ поварища, кочующаго за Байкаломъ. Теперь именно наши степи наполнены шумомъ громкаго пиршества. Я сижу въ долинѣ Тамчи, подъ опкрытымъ небомъ у очага, на коемъ варится вкусный кирпичный чай, въ огромномъ чугунномъ котлѣ. Толпящійся кружокъ Бурятовъ рассыпался во всѣ спороны: слышны одиъ веселыя пѣсни лихихъ наѣзтниковъ. Эхо, отражаясь опъ ближайшаго горнаго хребта, повпоряетъ буйный крикъ полу-пьяной черни. Сегодня происходили поржеспвен-

ныя игры, по случаю освященія *Обо*, неподалеку отъ главныхъ Кулуннарскихъ храмовъ, гдѣ глава Буряискаго духовенства имѣетъ свое пребываніе.

По пока я соберусь послать тебѣ разсужденіе, начиненное Монгольской премудростію объ эпимѣ *Обо*, послушай, что я сообщу о такомъ же самомъ празднествѣ, видѣнномъ мною въ окрестностяхъ одного Тунгусскаго храма, на берегахъ Орона въ 1829 году. Я не хочу сколачивать въ одно шого, что я видалъ въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Тунгусовъ должно считать за Буддійскихъ неофиновъ, за народъ въ недавнее время, отъ вліянія Буряиновъ, а въ особенноти Хамбу-Ламы, перерожденный въ какое-то Монгольское племя; посвященіе же *Обо*, за праздникъ, на копоромъ можно видѣть слѣды прежнихъ Шаманскихъ обрядовъ, слѣды мѣстныхъ обычаевъ, слѣды народнаго духа.

Весь Іюль 1829 года я посвящилъ моимъ розысканіямъ въ Тунгусскихъ степяхъ Нерчинскаго уѣзда. Приглашенный знашійшимъ Духовенствомъ Гуновскаго храма (Шанджабы, Джасана, Корджаго и др.), я отправился верхомъ за шесть верстъ къ *Обо*, воздвигнутому на горѣ. Это кругловатый курганъ, насыпанный изъ камней и ежегодно освящаемый высокими березками въ видѣ конуса. Благочестивая рука иногда вѣшаетъ на нихъ какой-нибудь образъ, написанный на полотнѣ, или на бумагѣ, спавиптъ свящую небольшую пирамиду (цаца) изъ глины. Ни одинъ Монголь не пройдетъ мимо такого памятника безъ

религіознаго благоговѣнія. Бормоча свою молитву: *омъ мани бадъ ме хумъ!* онъ бросаетъ на курганъ камень, или нѣсколько лошадиныхъ волосъ изъ гривы или хвоста; подѣхавъ съ южной спороны, онъ слѣзаетъ съ лошади, спановицся на одно колѣно, подымаетъ руки къ челу, кладетъ поклоны; однимъ словомъ, напоминаетъ извѣстные стихи Тибулла: » *Tellurem genibus perrepere supplex, Et miserum sancto tundere poste caput.* « Онъ Воспока на Западъ плынешя линія въ объ спороны, на коей лежишь двѣнадцать грудъ камней, каждая подъ тѣнью прехъ дерева, коихъ верхушки связаны между собою. На сихъ камняхъ горятъ жершвенныя Тибетскія свѣчи, а подлѣ нихъ споятъ деревянныя кукушки. У входа во внутренность *Обо* повѣшенъ образъ Бисманъ-Тегри (покровишеля спадъ), обвязанный нѣсколькими *хадаками* п. е. священными полопенцами. Передъ нимъ споликъ со вѣми жершвенными чашечками и знаками девяти свяшостей. Здѣсь также горятъ свѣчи, лежишь баранья голова, сыръ и п. п. По правую спорону монумента, рядомъ, на разоспланныхъ войлокахъ усѣлись Ламы по спаршинспиву, а передъ ними я, на небольшомъ ковръ, подъ навѣсомъ шалаша, имѣлъ случай бышь учаспникомъ шакого празденспва.

Между тѣмъ Тунгусы, обоого пола, богапо одѣтые со вѣхъ споронъ спекались на лошадяхъ, или на волахъ. Сѣдла, а равно и узды, были выложены серебромъ. Особенно же женщины и дѣвицы въ цѣломъ собраніи опличались богапспвомъ одежды. Кромѣ

ножей въ красивой оправѣ, привезенныхъ изъ-за границы, кромѣ бархатныхъ и шелковыхъ плащей, ихъ украшали длинные локоны волосъ, осыпанные коралловыми ожерельями и падающіе на плеча и грудь. Женщины, построившись вдали въ два ряда и сбросивъ шапки, съ воздѣшными надъ головою руками, нѣсколько разъ ударяли челомъ предъ духовенствомъ, а потомъ въ порядкѣ приближались къ Гелунамъ, сложивъ руки на чель, съ опухшими глазами, просили благословенія, кошорое, по обыкновенію, было ниспосылаемо, положивъ на голову Ламскій скипшръ (очырь) или моливиенникъ. Отсюда, повернувъ направо, попарно возвращались на свое мѣсто, образуя нѣкотораго рода процессію вокругъ *Обо*.

На пропивуположной споронѣ, въ полукругѣ, на войлокахъ сидѣли мужчины, поставивъ передъ собою въ коробахъ вареное мясо, сыръ, масло, а въ серединѣ спрѣду, обвѣшную хадаками, богатѣйшіе же, а именно чиновники, сидѣли въ одномъ ряду съ Ламами.

Холмъ сей опвсюду былъ окруженъ стадами овецъ, рогатаго скопа и лошадей, пасущихся въ долинахъ; чрезвычайный зной солнца не мѣшаль церемоніи. Зрѣлище рѣдкое и полное разнообразіи. Около 250 человекъ сославляли сей благочестивый союзъ.

Въ ближайшихъ рощахъ раздавались опголоски блелнія пысячи овецъ и ржанія лошадей. Женщины, не думая долго, занялись вареніемъ кирпичнаго чаю, на многочисленныхъ пылающихъ очагахъ. Выступившій изъ береговъ Оконъ снабжалъ коплы нечислою

и наполненной червями водою. Между пѣмъ легкій шорохъ пробѣгалъ въ рядахъ благочестиваго собранія.

Я не спану занимаю себя переводомъ молившъ, пѣпныхъ здѣсь Ламами; скажу только, что въ извѣстныхъ аншракпахъ играла музыка, какъ это бываетъ въ Буддйскихъ храмахъ; иногда посреди глухаго удара барабановъ, гремѣли басы *улджатовъ*, висящія на шрехъ палкахъ. Гелуны, держа въ лѣвой рукѣ колокольчикъ (хонхо), въ правой скипшръ (очырѣ) и бубенчикъ (дамару), давали тактъ для пѣнія и музыки; прочіе Ламы хлопали въ ладоши и ш. д. По окончаніи гимновъ, когда духовные захопѣли опдохнуть, по имъ подносили чай. Толпа народа, безпреспанно умножавшаяся, опправлялась вмѣстѣ съ дѣпми за благословіемъ. Послѣ нѣсколькихъ крапкихъ молившъ, шесть Ламъ съ жерпвенною шарелкою (мандалъ) спали предъ изображеніемъ Бисмант-Тегри, освятили воду на ладони Ламъ, копорую они пили, умывали ею лице или спрыскивали свою одежду. Далѣе, каждый изъ духовныхъ получилъ щепопку жерпвенной ржи. Заиграла музыка, загремѣли гимны и зерна рассыпали въ обѣ стороны. По данному знаку корджою, весь народъ вспалъ съ мѣспа и съ своими коробками, шри раза обошелъ вокругъ *Обо*, махая шпрѣлами, на конихъ висѣли священныя полопенца. Попомъ гнали всѣ спада вокругъ кургана. За симъ хоръ Ламской музыки совершалъ проекратную процессію. Снова всѣ усьлись въ полукружіе. Каждый Лама получилъ хадакъ и деньги; за шо они пропѣли молишву. Народъ

еще разъ часпными поклонами просилъ благословенія. Наконецъ, по данному знаку, всѣ бросились собирать камешки, конни былъ усѣянъ холмъ. Вослѣдовало общее шеспвіе на лошадяхъ верхами, къ коему н я присоединился на своемъ аргамакъ. Мешаніе камней на Обо, среди клнковъ всеобщей радости, было послѣднимъ обрядомъ.

TYGODN. PETERSB.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чпобы по оппечашаніи предспавлены были въ Ценсурный Комиспетъ *три* экземпляра. Москва, Апрелья 10 дня. 1834.

Ценсоръ *Алекстй Болдыревъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ІЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	страниц.
Человѣкъ не совсемъ обыкновенный. Повѣсть. (<i>Львовинскаго</i>).	26
Конклавъ.	73
Два Моря. Изъ Путевыхъ Воспоминаній о Южной Франціи.	89
Рензъ Гюзель-Мамбетъ. Повѣсть, взятая изъ разсказовъ Бахчисарайскаго Мосалджія.	156—283
Отрывки изъ Записокъ Сильвію Пеллико.	518
Андалузская Любовница. (Поль де Кока).	441

НАУКИ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ.

О вліяніи кометъ на землю и ея жителей.	195
О психическомъ происхожденіи человѣческаго слова.	265

ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

Вліяніе Валтера-Скотта на богатство, нравственность и счастье современнаго общества. (<i>Tait's Magazine</i>).	209
--	-----

ИСТОРИЯ.

О Поэзии и Философій путешествій съ древнихъ временъ до XVI вѣка. (<i>Фердинанда Дени</i>).	3—135
Взглядъ на Русскую Исторію. (<i>А. З.</i>).	489

Англійская Курьезная и ея шайныя пружины (<i>Metro politan</i>)	100
Всемирная Сланипснпка Журналовъ	131
Мюнхенъ. Изъ Путевыхъ Записокъ	250
Моя Юноспь. (<i>А. Дюма</i>)	363
Паровыя Карепы	401
Освященіе Обо въ Тунгусскихъ Спнняхъ. Изъ Пнсемъ Ковалевскаго	512
Лейпцигская Книжная Ярмарка 1833.	350

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ.

Вилліамъ Гацлнпъ. (<i>New Monthly Magazine</i>)	229
---	-----

КРИТИКА.

Лнспки изъ Пробныхъ Лнспковъ для соспавленія Исторіи Русскихъ сказокъ. (<i>М. Макарова</i>)	127
Еще Лнспки изъ Пробныхъ Лнспковъ для соспавленія Русскихъ сказокъ. (<i>М. Макарова</i>)	385
О Рѣчи Нензвѣснаго Мнпрополнпа, (<i>М. Макарова</i>)	

СМЪСЬ.

Агрономическія Новостн	263
Забой, Славой и Людекъ. (<i>П. Дубровскаго</i>)	504

